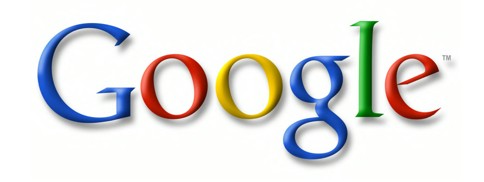

Vengerov, Semen Afanas'evich

ыпускъ VII. Цѣна 1 р.

РУССКАЯ ПОЭЗІЯ

СОБРАНІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,

..стью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, библіографическими примѣчаніями и портретами.

ИЗДАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

С. А. Венгерова.

. Полное собраніе стихотвореній *Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.* II. Полное собраніе стихотвореній *Н. М. Карамзина.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр. № 15.
1901.

HG323D
V5
v.7

Дозволено цензурою 5 Марта 1901 г. С.-Петербургъ.

Юрій Александровичъ Нелединскій Мелецкій.

О Нелединскомъ-Мелецкомъ писано въ нашей литературѣ чрезвычайно мало (см. ниже библіогр. указанія). Нѣтъ ни одной цѣльной статьи о немъ. Въ «Рус. Архивѣ» 1867 г. внукъ поэта — Николай Ѳедоровичъ Самаринъ помѣстилъ начало изслѣдованія «Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. Очеркъ его жизни и переписки», но изслѣдованіе закончено не было. Это начало вошло въ составъ изданной другимъ внукомъ поэта—кн. Дм. Оболенскимъ книги «Хроники Недавней Старины. Изъ архива Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго». (Спб. 1876). Мы извлекли изъ «Хроники» почти все, что въ ней есть о Нелединскомъ-Мелецкомъ. Не взяты нами только многочисленныя письма Имп. Маріи Ѳедоровны къ Н. М. и письма другихъ лицъ, а также разнаго рода документы, прямого отношенія къ біографіи поэта не имѣющія.

Ред.

Статсъ-Секретарь Императора Павла, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Почетный Опекунъ Воспитательнаго Дома Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій родился въ Москвѣ 6 Сентября 1752 года.

Мать его, Татьяна Александровна, рожденная княжна Куракина, родная племянница графовъ Паниныхъ, свояченица князя Репнина, скончалась на 23 году жизни, оставивъ сына по третьему году.

Отецъ его, Александръ Юрьевичъ, потомокъ стариннаго и знатнаго рода, въ то время прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, былъ еще весьма молодъ, когда умерла жена его.

Вскорѣ по смерти жены, красавецъ вдовецъ уѣхалъ въ чужіе края, поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армію, но, во время семилѣтней войны, жилъ въ Парижѣ, какъ бы въ отпуску, постоянно требуя денегъ отъ престарѣлой матери.

Когда вступила на престолъ Екатерина II, онъ уже числился отъ арміи полковникомъ, но вскорѣ (въ Москвѣ, 31 Марта 1763 г.) дали ему такъ называемый *апшидъ*: «жить ему вездѣ свободно, и къ дѣламъ никакимъ, безъ особливаго нашего объ немъ указа, не опредѣлять». Затѣмъ, Александръ Юрьевичъ уѣхалъ опять въ Парижъ, и снова началъ требовать вѣрющихъ писемъ и поручалъ закладывать и продавать свои вотчины. Въ письмахъ своихъ, только въ одномъ, упоминаетъ онъ о сынѣ: «всепокорнѣйше прошу увѣдомить меня о сынѣ моемъ и позволить ему за меня ручку вашу поцѣловать». Въ 1767 году, отставной полковникъ возвратился въ Петербургъ, — отъявленнымъ поклонникомъ Вольтера.

Это обстоятельство, соединенное съ природнымъ умомъ и съ приманкою парижской общежительности, а также родственныя связи, можетъ быть и близкое родство съ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ, открыли Александру Юрьевичу доступъ въ частное общество самой Императрицы. Вольтеръ назвалъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ: «un aimable Russe». Александръ Юрьевичъ сдѣланъ въ 1768 году дѣйствительнымъ камергеромъ. Званіе это давало право бывать на куртагахъ, въ эрмитажѣ, играть съ Императрицею въ карты, и отъ этого-то времени сохранились тщательно завернутыя *двойка червей* и *двойка бубенъ*; на первой написано карандашомъ: *кумъ здравствуй*, на второй: *прошу павѣрить ва всемъ. Екатерина*. Вѣроятно, послѣдняя надпись служила роспискою въ уплатѣ денегъ, проигранныхъ Императрицею Александру Юрьевичу. Не зная другой службы, кромѣ придворной, Александръ Юрьевичъ получалъ чины и ленты. 1 Января 1795 года, онъ переименованъ изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. По этому случаю, сынъ его, жившій тогда въ Москвѣ, въ отставкѣ, написалъ ему поздравительное письмо съ слѣдующими «незатѣйливыми», по собственному его отзыву, стихами:

«Батька на службѣ, а сынъ на печи;
Батькѣ награда, а сыну ничто,
Онъ не участникъ.... Анъ нѣтъ лихъ, не то!
Умственникъ-вральманъ, ты что ни ворчи,
Чувство душевно громчѣй говоритъ,
Гласомъ природы оно намъ твердитъ:

Сынъ у отца завсегда въ половинѣ;
Радость отцова отдастся и въ сынѣ».

Уже почти старикомъ, Александръ Юрьевичъ вступилъ въ бракъ съ молодою причудницею, графинею Настасьею Николаевною Головиною. Онъ умеръ на глубокой старости, въ 1803 году, въ домѣ единственнаго своего сына, не покинувъ, до конца своего, вольтеріанства.

Прекраснымъ характеромъ и отличными качествами сердца Нелединскій сынъ былъ обязанъ, по преимуществу, своимъ бабушкамъ.

Сироту-малютку взяла на свои руки мать отца его, Анна Ивановна, рожденная Талызина. Она была родная тетка гр. Михаила и Алексѣя Петровичей Бестужевыхъ-Рюминыхъ, игравшихъ столь значительную роль во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ теченіи полувѣка. Въ то время, Анна Ивановна жила въ Москвѣ, вдовою, послѣ Юрія Степановича Нелединскаго-Мелецкаго (начавшаго службу, еще стольникомъ, при царѣ Ѳеодорѣ, сидѣвшаго, при Петрѣ, въ конюшенномъ приказѣ товарищемъ боярина Тихона Никитича Стрѣшнева и впослѣдствіи, бывшаго оберъ-комендантомъ Ярославля и приписанныхъ къ нему городовъ и сенаторомъ). Она окружена была почетомъ въ многочисленной роднѣ своей. Сохранившіяся, послѣ нея, семейныя бумаги довольно ярко изображаютъ намъ ту обстановку, въ которой жила она и въ которой воспитался внучекъ ея Ю. А. Нелединскій Мелецкій, этотъ «дорогой Юша», какъ называли его. Старушка Анна Ивановна много видѣла на своемъ вѣку, была свидѣтельницею разныхъ превратностей въ судьбѣ близкихъ ей лицъ, а потому привыкла всего бояться и вздыхать о томъ «какъ легко измѣняется фортуна». Такъ, родная племянница ея, княгиня Аграфена Петровна Волконская (рожденная Бестужева-Рюмина), въ первые дни царствованія Петра II-го, за участіе въ придворныхъ смутахъ, была пытана и сослана въ Тихвинъ монастырь. Подпись мужа Анны Ивановны, Юрія Степановича, въ числѣ 47-ми, встрѣчается на государственномъ актѣ 1727 года, утверждавшемъ подлинность завѣщанія императрицы Екатерины I. По какой именно причинѣ, неизвѣстно, только Анна Ивановна, съ того времени, боялась рукоприкладства. Тихая, добрая, набожная женщина была запугана событіями, коихъ была свидѣтельницею. Однако, дѣятельною перепиской съ Петербургомъ она, на старости лѣтъ, сохраняла родственныя и дружественныя связи со многими важными лицами, которымъ то улыбалось, то измѣняло счастіе.

Домъ Анны Ивановны Нелединской, за Сухаревою башнею, въ приходѣ Адріана и Наталіи, былъ пріютомъ сиротъ и безпомощныхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Владѣтельницѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ родоваго имѣнія Нелединскихъ-Мелецкихъ (въ Тверской губерніи), ей было чѣмъ кормить и безбѣдно содержать призрѣваемыхъ ею. Жила она въ полномъ изобиліи и, по тому времени, даже въ роскоши.

У этой-то московской бабушки, провелъ Ю. А. Нелединскій первые 12 лѣтъ своей жизни. Онъ вспоминалъ, что она старалась развивать въ немъ наблюдательную способность слѣдующимъ образомъ. Когда у нея бывали гости, она приказывала приводить въ гостиную маленькаго Юшу и, въ теченіи короткаго времени, заставляла молча и чинно сидѣть при гостяхъ; а на другой день, расспрашивала у него, кого онъ видѣлъ и что слышалъ. Ему было тогда уже около 9 лѣтъ, и, въ это время, онъ имѣлъ при себѣ наставникомъ иностранца Де-Пексонна (De Pexonne), который принялъ его отъ дядьки, крѣпостнаго человѣка и отъ мамокъ.

Въ 1746 году, сенаторша Анна Ивановна Нелединская скончалась, въ глубокой старости. Вѣроятно, сынъ ея пріѣзжалъ изъ чужихъ краевъ за наслѣдствомъ; тутъ, нашъ Юрій Александровичъ могъ нѣсколько узнать отца своего, который, впрочемъ, снова отправился во Францію. 12-ти-лѣтній мальчикъ оставленъ былъ на попеченіе другой своей бабушки (уже съ материнской стороны), княгини Александры Ивановны Куракиной, которой тогда было 53 года и которая, сколько намъ извѣстно, жила постоянно въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, кончилось московское воспитаніе Ю. А. Нелединскаго. Жизнь въ бабушкиныхъ деревняхъ и въ Москвѣ, которая тогда, по всей бытовой обстановкѣ, походила на обширную, привольную деревню, должна была имѣть вліяніе на привычки и характеръ Нелединскаго. Хотя и въ Петербургѣ, въ то время, жили несравненно шире и проще, чѣмъ впослѣдствіи, тѣмъ не менѣе, переѣздъ туда для мальчика Нелединскаго былъ важнымъ событіемъ. Если въ домѣ старшей своей бабки, онъ много набрался старинной, благочестивой и задушевной простоты, и напитался общенародными началами русской жизни, то, въ Петербургѣ, наступило для него образованіе во внѣшнихъ европейскихъ формахъ. Князья Куракины, въ слѣдствіе долгой службы въ заграничныхъ посольствахъ, одни изъ первыхъ русскихъ семей, усвоили себѣ пріемы и лоскъ европейскаго, и преимущественно французскаго просвѣщенія. Московскій мальчикъ Юша, до того времени обучавшійся одинъ, теперь очутился въ обществѣ и подъ одною кровлею съ цѣлою толпою двоюродныхъ своихъ братьевъ, — тоже сиротъ-мальчиковъ, князей Куракиныхъ, изъ которыхъ старшій, впослѣдствіи канцлеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, кн. Александръ Борисовичъ былъ ровесникъ Нелединскому. Семеро этихъ князьковъ, осиротѣвъ послѣ смерти отца своего гофмейстера князя Бориса Александровича († 1764) и матери, знаменитой красавицы Елены Степановны, урожденной Апраксиной († 1768), воспитывались у той же бабушки кн. Александры Ивановны. Мы можемъ угадывать нѣкоторыя черты этого воспитанія: князья Куракины выросли честными людьми, но, въ тоже время, совершенно въ родѣ великолѣпныхъ французскихъ маркизовъ. Въ Петербургѣ жили тогда и воспитывались, если не въ одномъ домѣ, то почти вмѣстѣ, еще цѣлый рядъ двоюродныхъ братьевъ Нелединскаго, князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, дѣтей княгини Екатерины Александровны Куракиной, изъ коихъ одинъ, князь Яковъ Ивановичъ былъ впослѣдствіи оберъ-камергеромъ, а другой, князь Дмитрій Ивановичъ, министромъ юстиціи. Дѣтское общество разнообразилось немалымъ количествомъ двоюродныхъ сестрицъ, и Нелединскій жилъ и учился какъ бы въ нѣкотораго рода пансіонѣ.

Окруженная внучатами, Александра Ивановна Куракина (1711—1786) пользовалась большимъ значеніемъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ особенности по братьямъ своимъ (коихъ она была много старше) графамъ Панинымъ, Никитѣ и Петрѣ Ивановичамъ. Графъ Никита, воспитатель великаго князя Павла Петровича и вице-канцлеръ, былъ, на ту пору, важнѣйшимъ государственнымъ лицомъ въ Россіи. Тутъ-то, молодой Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ будущаго императора (который былъ двумя годами его моложе), и это дѣтское знакомство имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу Юрія Александровича. Около пяти лѣтъ, воспитывался онъ въ домѣ у этой бабушки, подъ ближайшимъ надзоромъ ея дочери, своей незамужней тетки, княжны Аграфены Александровны (1734—1791).

Какъ и чему учился онъ въ Петербургѣ, мы, въ подробностяхъ, не знаемъ. Въ началѣ 1769 года, его, вмѣстѣ съ двоюродными братьями, послали за границу, учиться въ Страсбургскій, тогда преимущественно посѣщаемый русскими юношами университетъ; но, ровно черезъ годъ, онъ былъ выписанъ обратно въ Петербургъ, «по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера», какъ самъ онъ выражается о себѣ.

Такимъ образомъ первоначальнымъ и послѣдующимъ образованіемъ своимъ, Ю. А. Нелединскій обязанъ исключительно своему отечеству, тѣмъ образовательнымъ средствамъ, которыми Россія располагала во 2 половинѣ 18 столѣтія. Кромѣ своего роднаго языка, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ французскій, который въ молодости его пріобрѣталъ рѣшительное преобладаніе въ нашемъ обществѣ; отчасти зналъ италіянскій языкъ, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы понимать

Метастазія, съ котораго впослѣдствіи переводилъ мелкія пьесы; не доучился нѣмецкому языку, хотя и заимствовалъ изъ Гесснера картину восхода солнца въ одѣ своей «на побѣду подъ Мачинымъ 28 Іюня 1791 г.»; вовсе не учился древнимъ языкамъ, хотя преподавать ему латинскій языкъ и подрядился законтрактованный домашній учитель его De Rexoппе, впрочемъ съ оговоркою «есть ли будетъ требовано». Потребности видно не оказалось, и главнымъ, не скажемъ единственнымъ, воздавая должную справедливость богатой переводной литературѣ нашей въ 18 мъ столѣтіи, проводникомъ западнаго просвѣщенія остался для Нелединскаго, какъ и для большей части современниковъ его, французскій языкъ.

По возвращеніи изъ Страсбурга, въ началѣ 1770 года, Нелединскаго опредѣлили въ военную службу, въ которой, по обыкновенію того времени, онъ числился уже съ 6-ти-лѣтняго возраста, будучи «записанъ въ 1758 году въ артиллерію фурьеромъ» и въ томъ же году «пожалованъ сержантомъ».

Въ то время, военныя дѣйствія наши противъ Турціи были въ полномъ разгарѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Воспламенился воинственнымъ духомъ и нашъ молодой сержантъ. Онъ потребовалъ, чтобы его перевели въ дѣйствующую армію. Со стороны родныхъ, желаніе Нелединскаго не встрѣтило противодѣйствія. Они, конечно, разсчитывали на родственное покровительство, которое окажутъ 18-ти-лѣтнему юношѣ близкіе имъ люди: графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и князь Николай Васильевичъ Репнинъ, по женѣ родной дядя Нелединскому. Первый командовалъ 2-ю дѣйствующею арміею, предназначенною для осады Бендеръ, а второй, въ чинѣ генералъ-поручика, состоялъ при главной арміи графа Румянцева.

Объ обстоятельствахъ военной службы Ю. А. Нелединскаго, продолжавшейся, безъ малаго, 14 лѣтъ и ознаменованной участіемъ въ 1-й Турецкой войнѣ Екатерины II, мы находимъ слѣдующее въ его автобіографической запискѣ:

«Въ Маѣ 1770 года, по желанію моему, отправленъ я былъ во 2-ю армію, осаждавшую тогда Бендеры. Будучи сержантомъ, находился на ординарцахъ у главнокомандующаго графа Панина, роднаго дяди моей матери. Во всю компанію, кромѣ обыкновенной по званію моему службы, бывалъ командированъ въ траншеи, а по занятіи непріятельскаго ретрашемента, обращеннаго потомъ въ нашу вторую параллель, съ донесеніемъ о семъ, посланъ былъ курьеромъ въ Петербургъ, гдѣ пожалованъ порутчикомъ, и возвратясь, служилъ остатокъ компаніи, по прежнему, у главнокомандующаго на ординарцахъ».

Нелединскій умалчиваетъ о генеральномъ штурмѣ 19 Сентября 1770 года, увѣнчавшемъ продолжительную осаду Бендеръ овладѣніемъ этого замка, причемъ, какъ доносилъ Императрицѣ графъ Панинъ, «распаленные наши воины съ такимъ стремленіемъ и такъ безпощадно поражали непріятеля, что изъ 15-ти-тысячнаго гарнизона, отъ праведнаго мщенія ихъ, сохраненъ былъ только сераскиръ, губернаторъ, нѣсколько чиноначальниковъ и небольшое число рядовыхъ, которые всѣ учинены военно-плѣнными». По всей вѣроятности, поручикъ Нелединскій не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, не успѣвъ вернуться изъ Петербурга, куда посланъ былъ съ извѣстіемъ о предшествовавшемъ штурму, не менѣе кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ, какъ доносилъ главнокомандующій, «войска наши встрѣтили невѣроятное сопротивленіе отъ непріятеля».

По отъѣздѣ графа Панина, командуемая имъ 2-я армія поступила подъ начальство князя Василія Михаиловича Долгорукова, вскорѣ прославившагося покореніемъ Крыма.

Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ,
Единой славою его гремящихъ звуковъ,
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.

Въ этомъ славномъ въ теченіи 2 хъ недѣль (съ 15 по 29 Іюня 1771 года) покореніи Крыма участвовалъ и Нелединскій, который, въ чинѣ поручика, оставаясь въ той же 2-й арміи, перечисленъ былъ въ егерскій корпусъ «и, съ онымъ, былъ на штурмѣ Перекопской линіи и при занятіи города Кафы, гдѣ пожалованъ капитаномъ».

Память этихъ двухъ славныхъ въ лѣтописяхъ русскаго войска генераловъ — графа П. И. Панина и князя В. М. Долгорукова, первыхъ своихъ «командировъ и покровителей», Ю. А. Нелединскій почтилъ, въ послѣдствіи, одними изъ первыхъ же, появившихся въ печати, стихотвореній своихъ.

«По окончаніи Крымской кампаніи», продолжаетъ Нелединскій въ своей автобіографіи, «Егерскій корпусъ распущенъ былъ по полкамъ, и я переведенъ во 2-й Гренад. полкъ, — 772 года, съ зимнихъ квартиръ, изъ окрестностей Полтавы, былъ я въ походѣ къ Крыму; но не дойдя до онаго, 4 полка, въ томъ числѣ и 2-й гренадерской, по причинѣ непріязненнаго тогда расположенія къ намъ Шведовъ, были взяты въ Петербургъ. Тамъ, съ прочими изъ другихъ мѣстъ сведенными войсками, стояли мы лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ былъ большой маневръ, въ присутствіи Государыни Императрицы».

Это неожиданное передвиженіе съ театра войны къ сѣверной столицѣ, совпадало съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. 19 Мая 772 г., въ Журжевѣ заключено было между воюющими державами перемиріе, а вслѣдъ за тѣмъ, начались въ Бухарестѣ и самые переговоры о мирѣ. По безуспѣшности мирныхъ переговоровъ, военныя дѣйствія возобновились въ Апрѣлѣ 773 года. Молодой капитанъ нашъ не утерпѣлъ:

«774 году, по просьбѣ моей, переведенъ я былъ въ 1-ю армію, куда прибывъ, причисленъ въ Старооскольскій пѣхотный полкъ, стоявшій тогда на Яломицѣ, и, по неимѣнію тамъ дѣла, отпросился въ передовой корпусъ генерала Каменскаго. Тутъ, будучи волонтеромъ, находился съ легкими войсками на шармюнцелѣ (т. е. легкая схватка) подъ Базарчукомъ, изъ коего непріятель былъ вытѣсненъ. Во время преслѣдованія его, я былъ прикомандированъ къ одному изъ авангардныхъ баталіоновъ и съ нимъ былъ подъ Козличами, гдѣ взятъ весь непріятельскій лагерь. Изъ онаго, съ извѣстіемъ о побѣдѣ, посланъ былъ курьеромъ къ Фельдъмаршалу и пожалованъ Секундъ-маіоромъ (въ Іюнѣ 774 г.). Потомъ былъ подъ Шумлою, и въ двухъ въ обходъ крѣпости экспедиціяхъ, понудившихъ Визиря просить о пропускѣ и конвоированіи главнокомандующаго чиновниковъ имъ посылаемыхъ для испрошенія мира: при томъ предлагаемо было отъ Визиря перемиріе; но генералъ Каменскій, приказавъ посланныхъ къ Фельдмаршалу проводить, перемирія не принялъ, сказавъ въ отвѣтъ, что онъ не министръ, а генералъ, и доколѣ повелѣнія отъ начальства не получитъ, дѣйствовать не перестанетъ. Вскорѣ послѣдовалъ миръ, который, со стороны фельдмаршала, пятеро сутокъ трактованъ былъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ и подписанъ 10 Іюля 1774 г., въ фельдмаршальскомъ стану, присланными отъ Визиря изъ Шумлы двумя уполномоченными».

Блестящій походъ генерала Каменскаго подъ Шумлу, вынудившій Визиря просить у Россіи мира (который и заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи 10 Іюля 774), былъ для Нелединскаго послѣднимъ боевымъ дѣйствіемъ военной карьеры его.

Князю Н. В. Репнину, «трактовавшему» миръ съ Турціею, за неприбытіемъ посланника нашего при Портѣ, Обрескова, котораго задержалъ разливъ Дуная, выпала и счастливая доля вести пункты мирнаго договора въ Петербургѣ. Князь Репнинъ не забылъ, при этомъ, своего племянника Нелединскаго, выписалъ его изъ корпуса генерала Каменскаго и повезъ съ собою къ Высочайшему Двору. По этому случаю, Нелединскій удостоился четвертой награды, по вступленіи своемъ на службу, повышенія чиномъ преміеръ-маіора.

Въ началѣ 775 г., Высочайшій Дворъ прибылъ въ Москву для празднованія мира съ Турціею. Въ числѣ съѣхавшихся героевъ Турецкой войны прибылъ въ Москву и князь Репнинъ,

который уже назначенъ былъ посломъ въ Царьградъ. Сопровождалъ его и Ю. А. Нелединскій, который по случаю великолѣпныхъ Московскихъ празднествъ и сочинилъ «Строфы на миръ съ турками 774 года».

По возвращеніи изъ Царьграда въ Петербургъ, въ Сентябрѣ 776 года, Нелединскій «опредѣленъ былъ въ квартирующій въ Фридрихсгамѣ Псковской пѣхотный полкъ, гдѣ и продолжалъ служеніе по Сентябрь 779 года, въ которомъ досталось ему, по старшинству, въ подполковники. Въ семъ чинѣ, служилъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ полку, съ которымъ изъ Петербурга, гдѣ оный полкъ содержалъ караулъ, въ Августѣ 782 года выступилъ и, прозимовавъ въ Нѣжинѣ, пошелъ въ Крымъ. Тамъ, въ бытность князя Потемкина при Карасу - Базарѣ, торжествовано было присоединеніе сего полуострова къ Россіи».

Тревога боевой жизни, которую любилъ Нелединскій, замѣнилась для него, въ мирное время, при однообразной полковой службѣ, съ 1776 по 1785 годъ, тревогами другаго рода. Онъ, въ то время, страстно влюбился (въ дѣвицу Плещееву) и любовь эта томила его, потому что не вознаграждалась взаимностію.

Эта первая сильная страсть была живымъ ключемъ его поэтическаго вдохновенія. По собственной оцѣнкѣ его, лучшее что написано имъ, было вдохновлено этою милою сердцу его особою и посвящено «Темирѣ». Исторію этого увлеченія можно прослѣдить изъ сохранившихся писемъ Нелединскаго къ двумъ петербургскимъ дѣвицамъ. Въ нихъ много намековъ на волновавшую его въ то время страсть.

Умныя и талантливыя дѣвицы Головины, и неразлучная пріятельница ихъ Маргарита Александровна Кошелева привлекали, по видимому, къ себѣ цвѣтъ тогдашней Петербургской молодежи. Музыка и литература составляли любимое препровожденіе времени общества, собиравшагося у Головиныхъ. Дарья Ивановна, старшая изъ сестеръ Головиныхъ[1]), и Кошелева любили задавать Нелединскому темы для стиховъ и заставляли его переводить французскихъ авторовъ. Этимъ же двумъ пріятельницамъ обязаны мы большею частью пѣсенъ и романсовъ Ю. А. Нелединскаго. Онъ ихъ слагалъ нерѣдко экспромптомъ, тутъ же сочинялась музыка. Прекраснымъ голосомъ и музыкальными способностями отличались въ особенности меньшая Головина, Наталья Ивановна, вышедшая впослѣдствіи за князя Алексѣя Борисовича Куракина.

Этимъ талантливымъ дѣвицамъ повѣрялъ Нелединскій и шуточно и серьезно свои сердечныя тайны, и велъ съ ними постоянную переписку.

«Передъ наступленіемъ осени 17.. пишетъ Нелединскій въ своей кр... автобіографіи, «командированъ я бы... въ Петербургъ къ генералъ-поруч... Ржевскому, коему повелѣно бы... формировать баталіоны, взявъ по д... роты изъ полковъ С.-Петербургс... и ближайшихъ дивизій. — Съ си... ротами, въ числѣ 22-хъ, посланъ былъ въ Витебскъ, гдѣ, въ одно... изъ трехъ сформированныхъ батал... новъ, оставшись командиромъ, слѣд... валъ съ нимъ въ окрестности Ко... стантинограда. Здѣсь, въ нача... 1785 года, отставленъ по прошені... Полковникомъ».

Нелединскій не объясняетъ причи... выхода своего въ отставку; по сох... нившемуся же семейному предані... просьба его объ отставкѣ вызва... была слѣдующимъ оскорбительны... поступкомъ князя Потемкина ... Константиноградѣ. Князь Потемки... назначилъ смотръ баталіону, и та... какъ день былъ очень жаркій, князь, не выходя изъ дому, приказа... баталіону проходить церемоніальны... маршемъ мимо оконъ, занимаема... имъ дома, самъ же, сидя на окнѣ, ... одной рубашкѣ, безъ нижняго плат... принималъ всѣ почести и отдава... приказанія. Возмущенный таки... поступкомъ, Нелединскій, немедлен...

---

[1]) Впослѣдствіи, вышедшая замужъ за Семена Ѳеодоровича Уварова; по случаю этой женитьбы, Нелединскій написалъ слѣдующія два шуточныя стихотворенія:

Ужъ матка ты мнѣ уши прожужжала!
Твердишь все,—равнаго нѣтъ счастью моему!
Что жъ?—Подразнить меня ты этимъ загадала?
Анъ лихъ не быть по твоему.
Ты думаешь досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ;
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами,
Гоняются за мной стадами.
Однако жъ я все твердъ — на грѣхъ не поступлю
И многихъ для одной тирански не сгублю.
Да вамъ что сдѣлалось Лобановъ, К... ва.
Нашъ прапорщикъ Блахинъ, еще за-былъ другово...
Всѣ женятся, и замужъ всѣ бредутъ!
Ну! въ этотъ годъ попы мошонки понабьютъ.
Что говоритъ теперь А......а графиня?
Молчитъ — Да что жъ, вѣдь городъ не пустыня;
Въ немъ жениховъ всегда крутится рой.
Я ей давно твердилъ, что выдетъ годъ такой,
Что женихи крѣпиться перестанутъ,
И сами къ хомутамъ головушки протянутъ.
Схватила мать моя себѣ ты молодца!
Да какъ подкралася! — И онъ знать воръ-дѣтина:
Онъ Дарью поималъ: — вѣдь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А тамъ мое ужъ будетъ дѣло
Его къ себѣ любовь и дружбу заслужить.
За то ручаюсь смѣло,
Что Дарьинъ мужъ всегда найдетъ во мнѣ
Слугу, каковъ я былъ и есмь его женѣ.

Эпиталама на свадьбу Д. И. Головиной.

Воспой, о муза, ты со мною
Уварова съ Головиною —
Или Уварова съ женою.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ:
Да все равно: лишь былъ бы стихъ пропѣтъ.
Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона,
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ;
А теперь какъ миновался,
Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.
Братцы, выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ;
А теперь пить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!
Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ..
Колибъ былъ женатъ на Марьѣ;
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите рощи, горы;
Засвищите соловьи;
Птички нѣжно воспѣвайте,
И, летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.
Дарья и Семенъ счастливы:
Станемъ пѣснями гремѣть
Оба, оба не спѣсивы;
Станутъ пѣсню нашу пѣть!
Хоть Семенъ и заикнется,
Пѣсня Дарьей допоется:
Та подхватитъ за него.
Хоть фальшиво и затянетъ,
Но заслуживать то станетъ
Взглядомъ, что милѣй всего.
Будь всегда благополучна,
Мнѣ любезная чета!
Будь съ любовью не разлучна;
Вѣрь: другое все мечта!
Я теперь болтать уймуся
До того, когда дождуся
Нову зрѣть семью твою.
Для Уваровыхъ малютокъ,
Я изъ новыхъ прибаутокъ
Нову пѣсенку спою.
Воспѣли, муза, мы съ тобою
Уварова съ Головиною.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ и... нѣтъ
Бѣды нѣтъ, хоть впередъ нашъ сти... имъ былъ пропѣтъ

по окончаніи смотра, подалъ просьбу объ увольненіи его отъ службы.

По выходѣ въ отставку, Юрій Александровичъ поселился въ Москвѣ. — Петербургъ, гдѣ жилъ отецъ его, незадолго предъ тѣмъ вступившій во второй, неравный по лѣтамъ, бракъ съ Гр. Настасьею Николаевной Головиной — по многимъ причинамъ не привлекалъ его.

Выборомъ Москвы постояннымъ мѣстопребываніемъ, опредѣлилась дальнѣйшая судьба Нелединскаго и направленіе его какъ писателя и какъ человѣка. — Онъ остепенился, пріобрѣлъ осѣдлость, которая такъ долго не давалась ему на службѣ, серьезно отнеся къ литературнымъ упражнененіямъ своимъ, сблизился съ Херасковымъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ и другими современными писателями и наконецъ, въ Маѣ 1786 года, вступилъ въ бракъ съ княжною Екатериною Николаевною Хованскою, только что выпущенною изъ Смольнаго монастыря. Чрезъ этотъ бракъ, Ю. А. породнился съ многочисленною, въ то время коренною Московскою семьею Хованскихъ, прямыхъ потомковъ нѣкогда знаменитаго боярскаго рода.

Вскорѣ представился Нелединскому случай послужить дѣлу просвѣщенія въ Россіи. Въ Сентябрѣ 1786 года открыто было въ Москвѣ Главное народное училище и первымъ директоромъ этого училища назначенъ былъ «уволенный отъ службы полковникъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, *по извѣстной его къ сему способности*», какъ гласитъ напечатанное, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1786 года, Сентября 26 (№ 77) объявленіе.

Открытому съ особымъ торжествомъ, главному народному училищу подчинены были всѣ низшія казенныя училища (числомъ 17) и частные пансіоны (числомъ 18), какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніи, а потому это училище имѣло полное и исключительное вліяніе на образованіе воспитанниковъ всего округа. Ю. А. Нелединскій оставался директоромъ главнаго училища (ежели не ошибаемся) до самаго переименованія сего училища въ Московскую губернскую гимназію, въ началѣ 1804 года.

Литературное поприще свое въ Москвѣ Нелединскій началъ стихотвореніемъ, помѣченнымъ 1787 годомъ и озаглавленнымъ «Молитва». Это стихотвореніе духовная цензура, подъ вліяніемъ строгостей преслѣдованія Новиковскаго направленія, затруднялась пропустить въ печать.

«Величіе Твое мой разумъ ужасаетъ,
Но сердцу нѣкій гласъ всечасно повторяетъ:
Не бойся, но люби — Твой Богъ тебѣ Отецъ!

Эта основная мысль всего стихотворенія, шедшаго въ разрѣзъ съ одами на эту тему, — показалась несогласною съ ученіемъ Церкви.

Ежели господствовавшій у насъ въ концѣ XVIII столѣтія, въ высшемъ обществѣ, французскій скептицизмъ въ вопросахъ вѣры коснулся также и Нелединскаго, то это было только въ первой его молодости и отразилось лишь внѣшнимъ образомъ въ тонѣ его рѣчей и писемъ, но не проникло ни въ его убѣжденія, ни въ его совѣсть. Религіозныя начала, усвоенныя имъ съ дѣтства, оставались во всю его жизнь неприкосновенными. Онъ даже никогда не былъ масономъ, не смотря на то, что большая часть родственниковъ его, князья Рѣпнины и Куракины, были членами ложъ. Его ясный, точный умъ чуждался всего туманнаго и мистическаго.

Выше было указано, что въ дѣтствѣ Нелединскій имѣлъ случай бывать въ обществѣ Великаго Князя Павла Петровича у его воспитателя, графа Никиты Ивановича Панина. Это дѣтское знакомство, повидимому, оставило въ обоихъ пріятныя воспоминанія, ибо немедленно по восшествіи на престолъ Императора Павла I Нелединскій поступилъ на службу.

Вотъ что пишетъ Нелединскій, въ своей автобіографической отмѣткѣ, объ этомъ любопытномъ времени.

«Въ 1796 году; въ первые дни вступленія на престолъ Государя Императора Павла I, послалъ я всеподданнѣйшее прошеніе о принятіи меня въ службу. Сей Государь, коимъ я имѣлъ счастіе быть знаемъ почти отъ самаго младенчества, ознаменовалъ благоволеніе свое ко мнѣ, пожаловавъ меня въ чинъ статскаго совѣтника и повелѣвъ быть у принятія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Спустя нѣсколько дней по вступленіи моемъ въ должность, посланъ былъ для предложенія о присягѣ и приведенія къ оной содержавшихся тогда подъ стражею извѣстныхъ поляковъ, Костюшки и графа Игнатія Потоцкаго; по исполненіи повелѣннаго, получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Потомъ, въ Москвѣ, при коронаціи сей щедрый Государь наградилъ меня 800 душъ крестьянъ, и я вездѣ безотлучно при немъ слѣдовалъ изъ Москвы чрезъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну, до Прусской границы; а оттоль черезъ Митаву, Ригу и Нарву обратно въ Петербургъ, отправляя возложенную на меня должность во все время путешествія; ибо дѣятельность Государя была столь велика, что дорогою онъ, безъ всякой отмѣны, такъ какъ бы на мѣстѣ, выслушивалъ по всѣмъ частямъ доклады и давалъ по онымъ резолюціи. Въ срединѣ лѣта, былъ я при Его Величествѣ 6 дней на фрегатѣ, въ намѣреваемомъ, но не совершившемся, за противными вѣтрами, плаваніи до Ревеля.

«Въ нижеслѣдующемъ 1798 году, 8 апрѣля, получилъ я первый степени орденъ Св. Анны, возложеніе коего Государь Императоръ соблаговолилъ меня удостоить при утреннемъ моемъ Ему докладѣ, пожаловавъ въ тотъ же день въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Сего лѣта, по увольненіи отъ должности дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Трощинскаго, Высочайше повелѣно мнѣ было принять и его часть въ мое вѣдѣніе; почему я и былъ уже одинъ докладчикъ по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, кромѣ военныхъ и морскихъ, какъ во время Высочайшаго путешествія изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Нижній-Новгородъ и Казань, такъ и по возвращеніи черезъ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тихвинъ, Новую Ладогу въ Петербургъ, равно и по переѣздѣ Двора въ Петергофъ до 22 іюля. Въ сей несчастливый, для меня, день благоугодно было Его Величеству удалить меня отъ себя, повелѣвъ сдать бывшую часть г. Трощинскаго тайному совѣтнику Неплюеву; а ту, которая съ самаго начала поручена была мнѣ, отдать въ вѣдѣніе тогдашняго статскаго совѣтника, что нынѣ сенаторомъ, г. Брискорна, мнѣ же самому ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія.

«Въ непродолжительномъ времени, данъ былъ сенату указъ о томъ, что я отъ службы отставляюсь, и я немедленно, однакожъ не бывъ высланъ, выѣхалъ въ Москву».

«Безъ малаго черезъ два года послѣ, когда всѣмъ выключеннымъ и безъ просьбы отставленнымъ дозволено было являться на службу, будучи изъ числа послѣднихъ и имѣя душу преисполненную благодарности къ Государю, излившему на меня, въ короткое время, столько милостей и даже при отлученіи отъ себя ничѣмъ инымъ гнѣва своего ко мнѣ не ознаменовавшаго, паче же того, чувствуя въ сердцѣ моемъ къ нему любовь, каковую и по смерть мою буду соблюдать къ его памяти, ни дня не мѣшкавъ, отправился я въ Петербургъ и, по пріѣздѣ на другой день пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и опредѣленъ сенаторомъ въ Москву. Это было въ послѣднихъ числахъ ноября 1800 г.»

Этими краткими словами ограничиваетъ Нелединскій повѣствованіе о своей кратковременной службѣ при Особѣ Императора Павла, въ эпоху самую любопытную и еще весьма мало у насъ изслѣдованную. Изустные разсказы Нелединскаго объ этомъ времени сохранились въ семействѣ его; по нимъ, равно какъ и по воспоминаніямъ современниковъ, можетъ быть нѣсколько пополненъ вышеприведенный автобіографическій очеркъ.

Назначеніе Нелединскаго статсъ-секретаремъ у принятія прошеній послѣдовало, какъ видно изъ собственной его замѣтки, «въ первые дни вступленія на престолъ Императора Павла». Эту должность желалъ получить графъ Растопчинъ. Въ запискахъ своихъ о первомъ днѣ цар-

ствованія Павла, графъ Растопчинъ весьма обстоятельно передаетъ всѣ подробности этого дня и, между прочимъ, говоритъ: «На разсвѣтѣ — 24 часа спустя послѣ удара — вышелъ Великій Князь въ опочивальню, гдѣ лежало тѣло Императрицы; сдѣлалъ вопросъ докторамъ, имѣютъ ли они надежду? и получа въ отвѣтъ, что никакой, приказалъ позвать въ комнату преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить Св. Таинъ, что и было исполнено. Потомъ, позвавъ меня въ кабинетъ, изволилъ сказать: «Я тебя совершенно знаю такимъ, какимъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно сказалъ, чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?» — Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: «Секретаремъ для пріема просьбъ». Великій князь, позадумавшись, сказалъ мнѣ: «*Тутъ я не найду своего счету; знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною комисіею*». Молчаніе было моимъ отвѣтомъ, хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ; но непристойно отказаться отъ первой милости, коей входящій на престолъ Государь собственнымъ уваженіемъ мнѣ оказывалъ. Потомъ, съ четверть часа, разговаривалъ онъ съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, вѣроятно, о теткѣ его, Екатеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до восшествія и послѣ восшествія Императора Павла на престолъ; она уже 8 мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорясь съ Великимъ княземъ въ Гатчинѣ».

Отказъ Растопчину въ просимомъ имъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что Великій Князь уже тогда имѣлъ въ виду приблизить къ Особѣ своей Нелединскаго, котораго зналъ съ дѣтства.

Нельзя утвердительно сказать, застала ли Нелединскаго кончина Екатерины въ Петербургѣ, или прибылъ онъ нарочно изъ Москвы для поступленія на службу, но первое вѣроятнѣе, потому что въ августѣ 1796 года онъ былъ на праздникѣ, данномъ въ присутствіи короля шведскаго графомъ Самойловымъ, на которомъ пропѣтъ былъ сочиненный имъ хоръ для польскаго.

Въ то время стали со всѣхъ сторонъ съѣзжаться ко Двору лица, оставшіяся при послѣднемъ царствованіи не у дѣлъ и почему либо извѣстныя новому Императору. Такъ. прибыли въ Петербургъ оба брата князья Алексѣй и Борисъ Куракины, дядя ихъ князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ и двоюродный братъ ихъ Юрій Александровичъ Нелединскій Мелецкій, всѣ съ дѣтства приближенные Павлу по родству съ воспитателемъ его, графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Въ первые же дни царствованія вызванъ былъ изъ Москвы, самимъ Государемъ, извѣстный по связямъ своимъ съ княземъ Рѣпнинымъ и статсъ-секретаремъ Плещеевымъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, вызванъ былъ также изъ Лифляндіи старикъ гр. Сиверсъ, и проч., и такимъ образомъ, въ непродолжительномъ времени, составъ Екатерининскаго Двора пополнился новыми лицами, приближенными Павла и гатчинскими любимцами. Отъ появленія сихъ послѣднихъ въ Зимнемъ Дворцѣ, по мѣткому замѣчанію Державина, «тотчасъ все пріяло иной видъ, зашумѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ».

Между сими гатчинскими любимцами и приближенными первой молодости Государя мало было общаго. Вліяніе первыхъ продолжалось къ сожалѣнію, не долго. О нихъ говоритъ Массонъ въ своихъ, малоизвѣстныхъ, но правдивыхъ запискахъ. Упоминая о братьяхъ Куракиныхъ, гр. Растопчинѣ, гр. Шуваловѣ, Плещеевѣ. Николаи, Донауровѣ, онъ пишетъ о Нелединскомъ слѣдующее: Mr. Neledinsky, qui a été compagnon d'etudes et menin de Paul, était connu dans Pétersbourg par beauconp d'esprit et par des poësies érotiques, où l'on trouve de la grâce et du sentiment. L'Empereur l'a nommé son sécretaire particulier, mais sans doute à condition qu'il tordrait le couà sa muse: elle l'a trop bien servi pour mériter une mort si dure. Il est au moins à souhaiter que Nélédinsky mette aujourd'hui en évidence et en pratique la sensibilité qu'il a montré dans ses vers. C'est lui qui doit rendre compte des lettres et des placets; le sort de plusieurs opprimés est dans ses mains. Il faut convenir que Paul est moralement mieux entouré que sa mère et qu'il sera plus coupable qu'Elle, s'il laisse régner les mêmes désordres»·

По отзыву современниковъ, первыя распоряженія новаго Императора возбудили въ публикѣ неожиданныя, но, къ сожалѣнію, неоправдавшіяся впослѣдствіи надежды на справедливое и мирное царствованіе. Доступъ къ Государю съ прошеніями и жалобами открытъ былъ для всѣхъ.

Обязанности между статсъ-секретарями были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: тайный совѣтникъ Трощинскій докладывалъ Государю прошенія, присылавшіяся по почтѣ; Нелединскій - прошенія, подававшіяся лично на Высочайшее имя; статскій совѣтникъ Брискорнъ какъ тѣ такъ и другія, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ.

По званію статсъ-секретаря у принятія прошеній, Юрій Александровичъ не могъ, конечно, проявить своихъ государственныхъ способностей, да едва ли этого рода способности могли вообще проявляться въ царствованіе Павла Петровича и вблизи его; но изъ всѣхъ приближенныхъ, пользовавшихся кратковременнымъ расположеніемъ Императора, Нелединскій былъ, конечно, самый мягкій по характеру, самый добрый и сострадательный человѣкъ.

Съ этими качествами Нелединскій, какъ докладчикъ подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній, а впослѣдствіи (по увольненіи отъ должности Трощинскаго) и по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, кромѣ военныхъ и морскихъ, могъ дѣлать много добра и дѣлалъ его. Склонять Монарха на милость, на всесильное заступничество угнетенныхъ и обиженныхъ— было постоянно его заботою, нерѣдко находившею свою награду въ успѣхѣ.

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и анекдотовъ о томъ времени приведемъ одинъ случай, который самъ Ю. А. Нелединскій любилъ приводить въ доказательство нравственнаго чувства и необыкновенной памяти Императора Павла:

Однажды назначенъ былъ разводъ на плацу противъ дворца, къ концу доклада Нелединскаго.—Часъ подходилъ, а площадь была пуста. Императоръ Павелъ безпрестанно вскакивалъ, подбѣгалъ къ окну и обнаруживалъ замѣтные признаки крайняго раздраженія. Оно сказывалось и въ тѣхъ отрывочныхъ резолюціяхъ. которыя онъ давалъ своему Статсъ-Секретарю—всѣ они были не вмѣру строгаго содержанія. Видя, что дѣло плохо,—Юрій Александровичъ, незамѣтно собралъ всѣ дѣла и бумаги еще недоложенныя, раскланялся и вышелъ.—По доложеннымъ и рѣшеннымъ явно несправедливо, онъ не дѣлалъ никакого исполненія, а отложилъ ихъ въ сторону, и, пропустивъ мѣсяцъ или болѣе, сталъ докладывать ихъ вторично какъ бы вновь поступившія, пропуская по одному или по два въ массу другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, благополучно сошло три или четыре дѣла; но на четвертомъ или пятомъ Императоръ прервалъ своего докладчика и уставивъ на него глаза, сказалъ ему: «Это дѣло вы, сударь, мнѣ уже докладывали»— Нелединскій обомлѣлъ.—Императоръ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него въ упоръ, пока въ немъ, какъ видно, боролись противоположныя побужденія; наконецъ онъ проговорилъ: Я васъ, сударь, понялъ и не осуждаю, продолжайте».

Такимъ образомъ, спасено было нѣсколько несчастныхъ.

Врожденныя свойства Нелединскаго и служебная дѣятельность его весьма естественно сблизили его съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною.

Состоя въ тѣсной дружбѣ съ Е. И. Нелидовой, Нелединскій пользовался также и ея, одно время, всесильнымъ посредничествомъ, для того, чтобы по возможности располагать Императора къ милосердію и умѣрять нерѣдко внезапный его гнѣвъ.

Можно сказать, что сіи три лица: Императрица, Нелидова и Нелединм-

скій, въ началѣ царствованія, стояли какъ бы на стражѣ у Престола, дѣйствуя за одно въ духѣ любви и примиренія.

Къ сожалѣнію, этотъ союзъ трехъ близкихъ Государю лицъ продолжался недолго: вскорѣ Екатерина Ивановна Нелидова была удалена отъ Двора и переѣхала опять въ Смольный монастырь, а потомъ въ замокъ Лоде близъ Ревеля, а затѣмъ и Нелединскій, какъ мы видѣли, былъ внезапно уволенъ въ отставку. Гнѣвъ Государя на Нелединскаго навлекъ недругъ его, графъ Кутайсовъ, воспользовавшись слѣдующимъ случаемъ, чтобъ возбудить страшно развитую подозрительность Павла Петровича: наканунѣ 22 Іюля 1798 года, Нелединскій, проходя довольно поздно внутреннимъ корридоромъ Петергофскаго дворца изъ комнатъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидавъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ Государю: «вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ Императрицѣ». Легко себѣ представить какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно было приказано Нелединскому удалиться отъ Двора. И такъ какъ слѣдующій день, т. е. 22 Іюля, былъ высокоторжественный, то исполнить это было невозможно безъ огласки, а потому Юрій Александровичъ съ женою и дѣтьми долженъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходившей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, въ заперти, не смѣя ни самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ комнаты.

Неожиданное удаленіе Нелединскаго никого не удивило. Къ подобнымъ неожиданностямъ было уже пріучено запуганное общество того времени. Оно только усилило робость и сознаніе шаткости положенія въ другихъ приближенныхъ.

Въ Москвѣ, куда немедленно по полученіи указа Сената объ увольненіи отъ службы переѣхалъ Юрій Александровичъ съ семействомъ, нашелъ онъ прежній кружокъ друзей и литераторовъ. Свободный отъ всякаго злобнаго чувства, онъ, безъ ропота, переносилъ свою опалу. Въ перепискѣ его того времени съ Нелидовою и другими лицами, не слышится ни одного звука раздраженія или жалобы на судьбу свою.

Хотя, въ краткой автобіографіи своей, Нелединскій и говоритъ, что когда всѣмъ выключеннымъ и безъ просьбы отставленнымъ дозволено было явиться на службу, то онъ, ни мало немедля, отправился въ Петербургъ, но изъ письма его къ Нелидовой отъ 15 Ноября 1800 года видно, что онъ рѣшился на это не безъ нѣкотораго сомнѣнія и опасенія.

Какъ бы то ни было, но готовность Нелединскаго поступить вновь на службу видимо совпадала съ желаніемъ Государя снять опалу съ вѣкогда близкаго ему лица. На другой день пріѣзда, пожалованъ былъ Нелединскій въ тайные совѣтники и опредѣленъ сенаторомъ въ Москву.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, вступилъ Юрій Александровичъ въ отправленіе новой своей должности, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя—Императора Павла не стало. Эта роковая вѣсть, хотя и не заглушила въ Нелединскомъ прежнихъ чувствъ благодарности и любви къ личности покойнаго Императора, но не могла также и не отозваться радостнымъ ожиданіемъ наступленія болѣе счастливаго для Россіи царствованія.

Послѣ коронаціи Государя Александра Павловича, Нелединскій посланъ былъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Лопухинымъ для обозрѣнія Слободской Украинской губерніи.

Съ 1804 года Юрій Александровичъ, у котораго старшая дочь Аграфена, была уже въ лѣтахъ выѣзжать въ свѣтъ и по обязанности и по охотѣ зажилъ, что называется, открытымъ домомъ. Въ этомъ отношеніи впрочемъ онъ не составлялъ исключенія въ Москвѣ. Въ то время еще не умѣли запираться въ тѣсномъ домашнемъ кругу и Англійскій клубъ не въ такой еще степени поглощалъ досугъ молодыхъ и старыхъ. Кто только могъ и кому только дозволяли средства—а большихъ не требовалось, роскошь и прихоти были не столь взыскательны какъ нынѣ, тотъ радушно открывалъ свой домъ друзьямъ и посѣтителямъ.

Въ Московскомъ обществѣ того времени, которое могло гордиться такими именами какъ гр. Растопчинъ, И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ, И. В. Лопухинъ, кн. А. И. Вяземскій и др. Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій занималъ почетное и видное мѣсто.—На литературномъ поприщѣ, онъ уже пользовался извѣстностію какъ нѣжный, пламенный пѣвецъ. Безукоризненно же честный и благородный характеръ пріобрѣлъ ему всеобщее уваженіе и тотъ почетъ, какимъ онъ пользовался въ свое время въ обществѣ и въ кругу писателей. Любезная и симпатическая личность его уже теперь (1876) немногимъ памятна, но по отзывамъ этихъ немногихъ, она была въ высшей степени привлекательна своею безъискусственною простотою и всегда веселымъ юморомъ. Острый наблюдательный умъ его, никогда впрочемъ не изощрявшійся на счетъ ближняго, придавалъ особую прелесть его простой неизысканной бесѣдѣ.—Низенькій ростомъ, доволь но плотный, съ виду флегма, съ добродушной улыбкой при невозмутимомъ спокойствіи—онъ умѣлъ придавать особую прелесть своимъ неожиданнымъ, свободнымъ выходкамъ остроумія.

Послѣ кончины Павла Петровича, воспоминанія о прошломъ составляли какъ бы живую нить связи между вдовствующею Императрицею и тѣми немногими изъ приближенныхъ покойнаго Императора, которые оставались въ живыхъ. Братья князья Куракины, Лобановы, Нелединскій, Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ, братъ неотлучной при Императрицѣ фрейлины, Вилламовъ, частный секретарь Императрицы, съ немногими другими, составляли при Императрицѣ интимный кружокъ, въ которомъ всѣ члены связаны были между собой и родствомъ и дружбою.

Въ любимомъ Павловскомъ сосредоточивались всѣ лучшія воспоминанія Императрицы; каждое лѣто навѣщалъ Ее тамъ Ю. А. Нелединскій.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній, а именно лѣтомъ 1806 года, Нелединскій написалъ свои «Строфы на Павловскъ».

Эти стихи, Нелединскій просилъ Вилламова передать Императрицѣ, послѣ отъѣзда его въ Москву.

По прочтеніи ихъ, Императрица писала Нелединскому, изъ Павловска 6 Сентября 1806 года. «M-r de Villamoff m'a remis les vers que vous m'adressez mon bon M. de Nelédinsky; la lecture que j'en ai faite m'a profondément emue, aussi les larmes de sensibilité qui remplissaient mes yeux ont fait du bien à mon coeur, vous voyant pénétré de gratitude pour celui que j'aimerai et respecterai jusqu'au tombeau, et vous voyant rendre justice et apprécier l'âme de notre cher défunt Empereur: enfin mon bon Nélédinsky, vous avez touché la corde sensible, celle qui ébraule toujours mon coeur avec force et véracité, *qui me rappelle tout mon bonheur passé et toute la profondeur de ma perte.* Je me hâte, mon bon Nélédinsky, de vous tracer ces lignes pour vous parler de ma sensibilité, puissai-je mériter un jour le bien que vous dites de moi, dumoins, Dieu le sait, que j'en ai la bien bonne envie. Adieu, j'espère que vous voyagerez heuresement et que vous retrouverez Madame en bonne santé. Croyez moi pour toujours votre bien affectionnée» «Marié».

Въ слѣдующемъ 1807 году, при отъѣздѣ Юрія Алесандровича изъ Павловска, посылая ему перстень, Императрица писала «Je désire que cette bague serve de Talisman à M. de Nélédinsky, le conduise en bonne santé aux pieds de Madame son épouse et le ramène au mois de Juillet de l'année prochaine à mon cher Pawlovsky, où tout lui rappelle si vivement le souvenir d'un bienfaiteur qu'il sait apprécier et regretter.

Въ 1807 году Императрица поручила Неледенскому завѣдываніе учебной частію въ Московскихъ Училищахъ Ордена Св. Екатерины и мѣщанскихъ дѣвицъ—и, съ этого времени, обращалась непосредственно къ нему со всѣми приказаніями и распо-

ряженіями по учебной части въ этихъ училищахъ.

Въ 1808 году, Юрій Александровичъ помолвилъ старшую дочь свою Аграфену Юрьевну за Князя Александра Петровича Оболенскаго.

Съ выдачей въ замужество старшей дочери началась для Юрія Александровича новая эпоха жизни, тѣсно связанная съ жизнью молодой семьи, поселившейся въ Твери, гдѣ въ то время жила Великая Княгиня Екатерина Павловна, только что вышедшая замужъ за назначеннаго тверскимъ генералъ - губернаторомъ Принца Ольденбургскаго.

Тихая и однообразная жизнь губернскаго города, съ прибытіемъ въ Тверь Великой Княгини Екатерины Павловны и двора ея, совершенно измѣнилась. Тверь сдѣлалась не только попутнымъ, между Москвою и Петербургомъ мѣстомъ, въ которомъ останавливались для свиданья съ Великой Княгиней всѣ особы Императорской Фамиліи и важнѣйшіе сановники, но она также была нѣкоторое время, центромъ, куда стремились замѣчательные по талантамъ своимъ и просвѣщенію люди, находившіе всегда сочувствіе и покровительство Великой Княгини. Извѣстно, что она первая указала на Карамзина Государю въ 1809 г., и что въ 1811 году Карамзинъ въ Твери, въ присутствіи Государя, въ первый разъ читалъ отрывки изъ своей Исторіи. Тутъ же чрезъ посредство Великой Княгини вручена была Карамзинымъ Государю записка «О древней и новой Россіи».

Въ числѣ частыхъ посѣтителей Твери былъ и Нелединскій. Императрица Марья Ѳедоровна оказывала особое свое благоволѣніе къ лицамъ окружавшимъ Великую Княгиню. Такъ, отъ 30 Сентября 1809 г. писала она Княгинѣ А. Ю. Оболенской:

J'ai été bien charmée de recevoir de Vos nouvelles de Twer et suis très sensible aux expressions contenues dans Votre lettre. Je Vous prie de croire que je prendrai toujours un intérêt sincère a ce qui Vous regarde et qu'il me sera agréable de Vous donner des témoignages de la bienveillance avec laquelle je suis Votre affectionnée. Marie. (*Собственноручная приписка:*) J'embrasse la fille et fais mes complimens au père et au mari; dites à papa, ma chère petite, que j'ai lu ses vers, mais que je suis indignée du parricide qu'il a commis, car comment a-t-il osé chanter l'anéantissement du Parnasse, la *pulvérisation d'Apollon*, lui, qui jusqu'à aujourd'hui en a été le digne fils».

Для уразумѣнія этихъ послѣднихъ словъ надо знать, что Великій Князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ повидаться съ сестрою, Великою Княгинею Екатериною Павловною, въ Тверь, въ *видѣ забавы* взорвалъ порохомъ статую Аполлона, находившуюся въ саду Великой Княгини. Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, находясь въ это время въ Твери, написалъ по этому случаю юмористическое стихотвореніе (къ сожалѣнію до насъ не дошедшее); эти-то стихи и возбудили негодованіе Императрицы. Тогда Юрій Александровичъ въ стихахъ же написалъ къ Ней оправданіе слѣдующаго содержанія:

Sans blasphêmer, je pouvais me permettre
De plaisanter le simulacre vain,
Que brusquement nous vimes disparaitre
Cédant au choc d'un agent souterrain.
Du Dieu qu'il figurait, quoique cher au génie,
Je rejette le culte et renonce à tout don.
Désormais aux vertus la beauté réunie
Seule peut m'inspirer—être mon Apollon.

На это оправданіе Императрица отвѣчала Нелединскому слѣдующимъ письмомъ:

Гатчино. 25 Октября 1809 года.

J'ai lu, mon bon Mr. de Nélédinsky, Votre justification du sacrilège commis contre Votre patron, et si je savais faire des vers, je Vous répondrais dans ce même langage que j'ai bien deviné *cette beauté aux vertus réunie* qui Vous inspire, mais que malgré cela ce n'est pas *en vers* qu'il faut renoncer au culte et aux dons du dieu *des vers* au risque de n'être pas cru sur sa parole. Il n'en est pas ainsi, j'espère, des assurances que je Vous fais en prose des sentiments de bienveillance sincère avec lesquels je suis toujours Votre affectionée. Marie.

P. S. M-lle de Nelidoff a deviné, comme moi, le mot de l'énigme; gare à Vous, mon pauvre Nélédinsky; rappelez Vous les beaux préceptes, que Votre sagesse de tuteur Vous fait débiter à nos demoiselles [1]) profitez en Vous-même et *fuyez le danger* en revenant chez nous, si non je Vous crois *perdu* [2]).

Въ Мартѣ 1810 года Императрица Марія Ѳеодоровна пріѣзжала въ Тверь для свиданія съ Великой Княгиней. Желая видѣть Юрія Александровича Нелединскаго, она пригласила его пріѣхать въ Тверь слѣдующимъ рескриптомъ:

Юрій Александровичъ. Намѣрившись посѣтить любезнѣйшую дочь мою Великую Княгиню Екатерину Павловну въ Твери и желая присемъ случаѣ видѣться также съ вами и съ товарищами вашими, а чрезъ васъ, будто бы и съ заведеніями нашими въ Москвѣ, Я испросила вамъ на таковую отлучку изъ Москвы, по Сенату, изволеніе Императора, любезнѣйшаго Моего сына. Я полагаю быть въ Твери 15 числа и остаться 7 дней, въ теченіи которыхъ буду васъ ожидать. Нѣтъ, кажется, надобности увѣрять васъ объ удовольствіи, съ которымъ васъ увижу и лично изъявлю вамъ доброжелательство съ каковымъ пребываю вамъ благосклонная «Марія». С.-Петербургъ 7 Марта 1810 г.

8 Мая 1810 года Императрица изъ Гатчины писала Нелединскому: Recevez mes remerciements, mon bon et digne Nélédinsky, pour l'excellent thé que Vous m'avez envoyé, je le trouve parfait et le bois à Votre santé, mais vous avez été si généteux, mon ami, que j'en suis toute confuse, et si Vous voulez que ce thé ne me fasse pas mal — Vous me direz ce qu'il coûte pour que je puisse acquitter ma dette. Pour vous prouver à quel point je le trouve excellent, je Vous dirai que je fais l'avare et qu'il est mis sous la garde spéciale de mon valet de chambre. Je me flatte, mon ami, Vous voir tenir votre promesse de venir passer quelques semaines chez nous, où Vous serez reçu et vu avec le plus grand plaisir, j'espère qu'alors aussi la compagne sera dans toute sa beauté; jusqu'à ce moment nous voyons partout encore les traces d'un long hiver. Selon mon calcul, je suppose que Votre aimable fille doit bientôt venir Vous joindre pour faire ses couches; si elle est déjà des vôtres, faites lui mes complimens, et dites lui que je forme mille vœux pour elle. J'en fais de même pour Votre femme et pour vous mon bon vieux Nélédinsky, et vous assure de mon amitié et bien sincère estime et à jamais votre bien affectionnée

«Marie».

Въ началѣ Іюля Императрица пригласила Ю. А. Нелединскаго пріѣхать въ Петербургъ слѣдующимъ письмомъ:

«Юрій Александровичъ. Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 26 Іюня, коимъ изъявляете желаніе ваше пріѣхать сюда, если состояніе здоровья супруги вашей тому не воспрепятствуетъ, я поспѣшаю сообщить вамъ самое простое средство соединить ея пользу съ выполненіемъ вашего и моего желанія. Пріѣзжайте сюда съ супругою вашей. Такая поѣздка будетъ полезною для ея здоровья, а во время пребыванія здѣсь живые предметы разсѣятъ ея мысли. Послѣдуйте сему совѣту и по крайней мѣрѣ узнавайте въ немъ искреннее доброже-

---

[1]) Юрій Александровичъ Нелединскій въ качествѣ почетнаго опекуна завѣдывалъ женскими институтами.

[2]) Эти намеки относились къ тому обстоятельству, что въ это время Нелединскій восхищался красотой Е. С. Обресковой (впослѣдствіи вышедшей замужъ за князя Хилкова), и казался влюбленнымъ въ нее.

благосклонная Марія».

Павловскъ. 3 Іюня 1810 года.

Не смотря на это любезное приглашеніе Нелединскій могъ имъ воспользоваться только одинъ, съ дочерью Софьею [1]) и пробылъ въ Павловскѣ не долго, ибо торопился въ Москву къ родамъ дочери своей.

Передъ отъѣздомъ изъ Павловска, во время прогулки на фермѣ, Нелединскій, по просьбѣ Императрицы, написалъ стихи на сіявшую тогда луну.

Въ то же время поручено было Жуковскому описать стихами *лѣнь*. Долго возился поэтъ съ своею задачею. На жалобу о томъ Маріи Ѳеодоровны Нелединскій отвѣчалъ: «Il paraît madame qu'il est plein de son sujet».

1811 годъ и начало 1812 Нелединскій-Мелецкій проводилъ очень шумно, принимая дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ свѣтскихъ увеселеніяхъ. Вотъ напр. начало письма его отъ «*29 Февраля 1812 г.* . . . Я эти дни усталъ какъ собака! Всякій день балы. Вчера пріѣхалъ домой въ 5 часу; сегодня ѣдемъ въ маскарадъ къ Позднякову, завтра на завтракъ къ Кологривому; завтра же въ 6 часовъ будетъ у насъ, для Катерины Николаевны, г-жа Семенова; а потомъ мы, съ Софьей, ѣдемъ на балъ къ Шереметеву. Въ суботу денной маскарадъ въ собраніи; а въ воскресенье балъ у Вяземскаго».

Грова между тѣмъ приближалась.

Послѣ знаменитаго манифеста о всеобщемъ ополченіи Государь Императоръ прибылъ въ Москву. Въ валахъ Слободскаго дворца, по его повелѣнію, собралось дворянство и купечество, и тутъ Государь лично обратился съ воззваніемъ къ своимъ подданнымъ. Извѣстно, съ какимъ единодушіемъ отозвались всѣ сословія на призывъ Монарха. Желая увѣковѣчить память сего событія, Государь поручилъ Ю. А. Нелединскому написать статью для печати о собраніи сословій 15 Іюля въ Слободскомъ дворцѣ. Статья эта была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Іюля 20, № 58.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, Нелединскій, выпроводивъ изъ столицы семью, самъ оставался въ Москвѣ, заботясь объ отправленіи въ Казань воспитанницъ институтовъ.

Выпроводивъ институтокъ въ Казань, Нелединскій конецъ 1812 года провелъ въ Вологдѣ и Ярославлѣ.

На пути изъ Вологды въ Тверь, въ концѣ декабря 1812 года, княгин[illegible] А. Ю. Оболенская съ мате[illegible] дѣтьми остановилась въ Я[illegible] узнавъ о кончинѣ Прин[illegible]

[1]) Софья Юрьевна [illegible] слѣдствіи замужъ за [illegible] [illegible]евича Самарина.

бургскаго, и такъ какъ Великая княгиня Екатерина Павловна уже не предполагала оставаться въ Твери, то и Княгиня рѣшилась зимовать въ Ярославлѣ, куда прибылъ изъ Москвы и Ю. А. Нелединскій.

Безпокойства и заботы тяжелаго времени такъ сильно повліяли на здоровье жены поэта Катерины Николаевны Нелединской, что нервныя страданія ея усилились до степени опасной болѣзни, требующей помощи искусныхъ врачей. — Это побудило Юрія Александровича, въ началѣ Января 1813 года, просить Императрицу о продолжительномъ отпускѣ до 15 Іюня и о переводѣ его въ Петербургскій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ.

На эту просьбу Императрица отвѣчала 4 Февраля 1813 года слѣдующимъ рескриптомъ. — «Юрій Александровичъ. Я читала письмо ваше отъ 6 Января и приложенное при ономъ на имя Императора. Любезнѣйшаго Моего Сына, съ противуположными чувствованіями удовольствія и сожалѣнія. — Весьма пріятно мнѣ васъ видѣть здѣсь — вы въ томъ сомнѣваться не можете, и Я истинно радуюсь надеждѣ симъ часто пользоваться; но можно ли мнѣ не жалѣть о вашихъ Московскихъ заведеніяхъ, лишающихся вашего попеченія по столь важной части воспитанія? А какъ вамъ довольно извѣстно, что Я всегда готова жертвовать личными удовольствіями въ пользу заведеній, то вы принимать должны только особливому Моему къ вамъ благорасположенію, что я рѣшилась выполнить ваше желаніе и довести просьбу вашу до свѣдѣнія Императора. — Я получила извѣщеніе Его Величества о согласіи Его на ваше перемѣщеніе и какъ по Сенату повелѣніе уже дано, то Я съ Своей стороны предписала Совѣтамъ, подъ Моимъ начальствомъ состоящимъ, объ опредѣленіи васъ Членомъ въ здѣшнихъ Совѣтахъ Общества благородныхъ дѣвицъ, Училища Ордена Св. Екатерины и Опекунскимъ съ отпускомъ по 15 Іюня. Увѣдомляя васъ о семъ, Я ожидаю вашего прибытія, чтобы имѣть удовольствіе лично возобновить увѣреніе объ истинномъ доброжелательствѣ съ каковымъ пребываю всегда вамъ благосклонная

«Марія».

Мысль о переселеніи въ Петербургъ очень утѣшала Катерину Николаевну Нелединскую.

Но ей не суждено было испытать эту радос[illegible] 18-го апрѣля 1813 г. [illegible] [illegible]колаевна Нелединская [illegible] Ярославл[illegible] [illegible]

прекрасной библіотеки въ село Ильинское, владимірской губерніи, хотя и не сгорѣлъ въ 12-мъ году, но былъ совершенно разоренъ. Его занималъ раненый французскій генералъ Desset. Оставшійся при домѣ старый слуга Нелединскихъ, Василій Парамоновъ не могъ жаловаться на обращеніе прислуги раненаго генерала только до тѣхъ поръ, пока все вино въ погребѣ не было выпито. Портреты и картины всѣ были увезены французами безъ рамъ; неудобовозимые фоліанты дорогихъ изданій брошены были въ тротуаръ для сообщенія по немощеному двору. Забытыя въ домѣ шубы и салопы согрѣвали часовыхъ при домѣ. Изъ цѣнныхъ вещей Василій Парамоновъ успѣлъ сохранить отъ незванныхъ гостей только одну серебряную суповую чашу, которую и получилъ впослѣдствіи въ награду отъ барина за свою вѣрную службу.

Нелединскій спѣшилъ вонъ изъ Москвы. При ужасающемъ видѣ опустошеннаго и опустѣлаго города, частное горе его еще сильнѣе терзало его сердце. Въ половинѣ мая онъ съ обѣими дочерьми выѣхалъ изъ Москвы.

По прибытіи въ Петербургъ Ю. А. получилъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 28 Мая слѣдующее письмо: «Vous sachant arrivé en ville, mon bon et digne Nélédinsky — je m'empresse de vous témoigner tous mes regrets de la perte cruelle que vous avez faite et dont je partage la douleur avec ces sentiments de sincère attachement que je vous ai voué, comme à un fidèle serviteur de feu notre cher et bien aimé Empereur. Il me tardait de vous en assurer, mais vous sachant en course j'ai dû retarder de vous faire parvenir ces lignes, mais en vérité il m'importe que les expressions de mes regrets et de ma participation à vos peines vous arrivent, pour ainsi dire, tout *chaud*. J'espère que vous vous rendrez, vous et vos filles, au plutôt, chez moi à Pavlovsk: j'ai fait préparer un logement pour la P-ce Obolensky et ses enfants. Vous et votre fille, la demoiselle d'honneur, serez au château: du jardin vous ne pourrez être que chez moi, car vous m'appartenez de droit. Puissiez vous trouver chez moi des adoucissements à vos peines par l'empressement que je mettrai à chaque occasion de vous prouver les sentiments bien sincères d'amitié et d'estime que je vous porte, étant pour toute la vie votre bien affectionnée «Marie».

Пере[illegible]хавъ въ Павловскъ, Юрій [illegible]овичъ жилъ тамъ съ се[illegible] [illegible]до половины Сентября, но [illegible] службы часто долженъ [illegible] въ Петербургъ и [illegible]по нѣскольку дней. [illegible] онъ часто перепи[illegible] [illegible] дочерьми и всегда [illegible]ъ юморомъ.

Въ торжествахъ, вызванныхъ нашими побѣдами 1813 и 1814 годахъ, Нелединскій принималъ видное и дѣятельное участіе. Такъ, когда, послѣ взятія Парижа, Сенатъ просилъ Императора принять титулъ Благословеннаго, то всеподданнѣйшее прошеніе объ этомъ поручено было написать сенатору Нелединскому-Мелецкому. Когда начались приготовленія къ встрѣчѣ возвращающагося Государя, то по случаю приготовленій къ этимъ празднествамъ, велась, можно сказать, литературная переписка между Павловскимъ и Петербургомъ, откуда Нелединскій, по дѣламъ службы, не могъ ежедневно отлучаться, а посылалъ на одобреніе Императрицы стихи и хоры, сочиненные имъ, княземъ Вяземскимъ и Батюшковымъ.

Вплоть до 1823 г. Ю. А. Нелединскій оставался въ Петербургѣ съ дочерью своею Софіею [1]. Кромѣ постояннаго присутствія въ Сенатѣ и занятій по опекунскому совѣту, онъ почти неотлучно находился при Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и продолжалъ пользоваться особеннымъ ея, можно сказать, дружескимъ расположеніемъ. Такъ отъ 15 Мая 1815 года писала она Юрію Александровичу: «Mon bon et vieux ami Nélédinsky. Je sais que votre fils part, je sais aussi que l'argent est rare et le besoin pressant lorsqu'on envoie un fils au champ de gloire. Me permettrez Vous de Vous offrir cette bagatelle pour suppléer à Vos dépenses du moment pour cet objet, et Vous demande seulement, comme témoignage d'amitié et de souvenir de feu notre cher Empereur, de n'en jamais parler et de ne pas m'en dire le mot. Adieu, mon bon ami, j'espère que vous serez des nôtres vendredi. Mes compliments à Vos aimables filles. «Marie».

По званію почетнаго опекуна Нелединскій завѣдывалъ, по порученію Императрицы, въ разное время, ссудной казной, карточной экспедиціей и коммерческимъ училищемъ.

Въ Сенатѣ онъ продолжалъ играть видную роль, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго письма: *2 Октября 1817.* Пріѣду я пожить съ вами конечно, а скоро ли, сказать не могу, я получилъ престранный отпускъ: Комитетъ Гг. Министровъ полагалъ уволить мое превосходительство въ отпускъ, тогда, когда по дѣламъ: 1) Вологодской губерніи; 2) о бывшемъ въ Тамбовѣ губернаторѣ и вице-губернаторѣ; 3) о другомъ Тамбовскимъ же губернаторѣ; 4) о Кіевскомъ губернаторѣ; 5) о поджогахъ въ Тамбовѣ,—когда по этимъ 5-ти дѣламъ подписаны будутъ мною опредѣленія и всеподданнѣйшіе рапорты! *Каковое положеніе Комитета Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ!*—Я и безъ того прежде Ноября не надѣялся отъ сюда выѣхать, а на этомъ положеніи—Богъ вѣсть когда можно будетъ! Срокъ предузнать окончанію этихъ дѣлъ не можно.—Ни съ кѣмъ этого не случалось!»

По поводу одного изъ этихъ дѣлъ, а именно о Волынской губерніи произошло между Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ весьма серьозное разногласіе,—такъ что сенаторы 5-го Департамента рѣшились писать прямо Государю всеподданѣйшее письмо, въ которомъ обвиняли Государственный Совѣтъ въ несообразномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла.—Это письмо сочинялъ Нелединскій [1]. Оно подписано Нелединскимъ, Дм. Ланскимъ и кн. Н. Шаховскимъ.

Вслѣдствіе этого письма, дѣло отъ Государя было обращено къ новому разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта и окончилось Высочайшимъ рѣшеніемъ 28 Ноября 1817 г., состоявшимся согласно съ первоначальнымъ заключеніемъ Совѣта съ прибавкою, что въ даваемыхъ резолюціяхъ какъ сенаторы, такъ и оберъ-прокуроры должны отвѣтствовать и чтобы о семъ сообщить для будущаго уложенія въ коммисію составленія законовъ. Такой исходъ дѣла вполнѣ объясняется сильнымъ вліяніемъ Аракчеева, принимавшаго въ немъ, неизвѣстно почему, непосредственное участіе.

Какъ бы то ни было, но въ нашей судебной практикѣ, едва ли найдется другой примѣръ такой смѣлой и добросовѣстной защиты правды.

Домашняя жизнь Юрія Александровича отличалась необыкновенной простотой. Передавъ все бывшее у него небольшое состояніе дѣтямъ, онъ жилъ однимъ жалованьемъ. — Большой охотникъ покушать, онъ не былъ особенно разборчивъ въ выборѣ утонченныхъ блюдъ, но ѣлъ очень много и преимущественно простыя русскія кушанья. Удовлетворяя этой слабости, Императрица обыкновенно приказывала готовить для него особыя блюда. — При дворѣ, долго сохранялось преданіе о щучинѣ, до которой Ю. А. былъ великій охотникъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ зятю кн. А. П. Оболенскому свой недѣльный menu:

«Маша повариха точно по мнѣ! Вотъ чѣмъ она меня кормитъ, и я всякій день жадно наѣдаюсь:

1) Рубцы, 2) голова телячья, 3) языкъ говяжій, 4) студень изъ говяжьихъ ногъ, 5) щи съ печенью, 6) гусь съ груздями - вотъ на всю недѣлю, а коли съѣмъ слишкомъ, то на другой день только два соусника кашицы на крѣпкомъ бульонѣ и два хлѣбца бѣлаго.

О себѣ скажу, что я крѣпко взялся за экономію. Сижу за одной сальной свѣчой. Сальныя свѣчи я нашелъ удивительныя и пудъ рублемъ только дороже мерзкихъ.—Восковая свѣча стоитъ полтину, а сальная 12 копѣекъ, слѣдовательно 38 коп. экономіи въ день составляетъ въ недѣлю слишкомъ половину расхода моего на разныя удовольствія!

Напрасно ты думаешь наскучить мнѣ описаніемъ деревенской жизни, Ахъ! Я деревню люблю!... изъ дали... Люблю какъ объ ней разсказываютъ; люблю видѣть ее представленную на картинѣ. И въ натурѣ хорошо на нее глядѣть—изъ городскаго окошка. Изъ пріятныхъ деревенскихъ занятій, я понимаю, что можно, скорѣе всѣхъ, пристраститься къ тому, чтобы искать грибовъ, когда (какъ ты пишешь) ихъ нѣтъ. Понимаю это отъ того, что большое нахожу въ этомъ сходство съ моимъ, всегда безуспѣшнымъ, волокитствомъ—вы ищите грибовъ, не ожидая ихъ найти: я волочусь, зная, что отвѣчать мнѣ не будутъ [1]. Всякій занимается тѣмъ, что его забавляетъ!

---

[1] Въ 1818 году Софья Юрьевна вышла замужъ за Θедора Васильевича Самарина.

[1] Сущность этого дѣла заключалась въ томъ, что, по возникшимъ въ Вологодской губерніи разнымъ безпорядкамъ по взиманію податей и отправленію рекрутской повинности, посланъ былъ ревизовать эту губернію сенаторъ Хитровъ,—сенаторъ произвелъ самое поверхностное слѣдствіе, наполненное разными противорѣчіями, но въ заключеніи признавалъ виновными Губернатора и вице-губернатора Муханова и уволилъ ихъ отъ должностей.—Когда ревизія поступила въ Сенатъ и въ немъ замѣчены были явныя несообразности и противорѣчія, то Сенатъ потребовалъ отъ новаго губернатора разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній, которыя представили дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ и совершенно слагали всякую вину какъ съ губернатора, такъ и съ вице-губернатора. Вслѣдствіе сего 5 Департ. Сената опредѣлилъ предать на Высочайшее благосоизволеніе относительно выдачи подсудимымъ Большу и Муханову жалованья, за время бытности ихъ подъ судомъ и опредѣленія ихъ къ прежнимъ или же новымъ должностямъ. 14 Декабря Графъ Аракчеевъ препроводилъ къ Князю Салтыкову Высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что или донесеніе Хитрова не имѣетъ законнаго основанія или 5-й Департаментъ сдѣлалъ послабленіе, а потому Высочайшая воля обращала вниманіе Государственнаго Совѣта на этотъ докладъ, повелѣвая разсмотрѣть дѣло со всею строгостію.—Государственный Совѣтъ въ своихъ разсужденіяхъ признавалъ, что Сенатъ не имѣлъ, будто бы право, повѣрять и дополнять слѣдствіе, произведенное сенаторомъ Хитровымъ, а потому заключеніе свое основалъ единственно на этомъ слѣдствіи и обвинилъ губернатора и вице-губернатора.

[1] Юрію Александрычу тогда было уже 64 года.

Знакомые, обыкновенно потакали страсти старика покушать. «Третьяго дни, пишетъ онъ своимъ, предъ обѣдомъ у Архаровой чувствовалъ растройство желудка, но тутъ же вспомнилъ, что на Щукиномъ дворѣ, какъ я слышалъ, отмѣнные грузди; только что ей сказалъ, — туже минуту она послала за ними верхомъ, и грузди поспѣли къ говядинѣ!—Я принялъ порцію въ шести груздяхъ состоящую и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ»!

Обжорство доводило его не разъ до смертельной опасности. Такъ въ 1822 году онъ чуть не умеръ отъ припадка удушья. «Призванный докторъ написалъ мнѣ нѣсколько рецептовъ — и не велѣлъ ѣсть крутой гречневой каши, которой я за всякимъ обѣдомъ уже съ мѣсяцъ съѣдалъ по цѣлому горшочку, для меня особо приготовляемому.—И самъ я признаюсь это нынѣшнее удушіе кладу на счетъ голубушки каши!—А какъ мнѣ было очень тяжело, то и воздержусь отъ нея. А всетаки жаль!

Обѣдаю я съ тѣхъ поръ нигдѣ больше какъ дома и во дворцѣ.—Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, я оногдысь былъ совершенно голоденъ.—Императрица велѣла за мной смотрѣть, чтобы я не объѣлся, а графиня Ливенъ, которую однако я и послѣ того любить не перестаю, посадила меня подлѣ себя и кромѣ тарелки супу, кусочка говядины и 10 устрицъ, о которыхъ знала, что докторъ мнѣ ѣсть велѣлъ— ничего больше мнѣ не дала».

Съ конца 1824 г. Ю. А. Нелединскій рѣшился окончить свою служебную карьеру.

Не смотря на неоднократно повторенныя ходатайства, Императрица не соглашалась на увольненіе Юрія Александровича до 1826 года.

Получивъ отставку, Нелединскій уѣхалъ въ Калугу, гдѣ губернаторомъ былъ его старшій зять кн. А. П. Оболенскій, и поселился на покоѣ у нѣжно любимой имъ дочери.

«Не могу доволно нарадоваться здѣшнимъ пребываніемъ моимъ»—писалъ онъ нѣсколько дней спустя въ Москву. «Хозяева мои, въ одну липію съ своимъ домомъ, построили мнѣ въ саду новые хоромы саженяхъ на 12-ти, въ которыхъ у меня прихожая, гостиная и спальня. Я уже писалъ кажется тебѣ, что обозъ мой пріѣхалъ два дня прежде меня. Живу я нельзя покойнѣе. Никто меня не будитъ, а самъ собой, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, встаю въ 6 часовъ и до 9-ти дожидаюсь пробужденія Василисы Кузминичны и прочихъ; не знаю на что у меня слуга. До 9 часовъ пью чай, съ вечера мнѣ въ четырехъ чашкахъ поставленный, а тутъ подадутъ горячій. Между тѣмъ читаю. Съ 11-го часа посѣщаютъ меня по одиночкѣ мои хозяева; Грушенька не прежде 12-ти часовъ, и во 2-мъ пойдетъ одѣваться, что и я послѣ нея сдѣлавъ, къ половинѣ 3-го иду обѣдать. Изрѣдка за обѣдомъ бываютъ и чужіе; но и безъ нихъ столъ длинный, всегда полный, и за которымъ несмотря на то, что хозяйка, та же Грушенька, которую мы прежде знали, однако я всегда бываю слишкомъ сытъ и безъ крутой каши. Наѣвшись, и посидѣвъ изъ благопристойности минуты три, тихимъ шагомъ отправляюсь домой на волтеріанскія препокойныя кресла, и въ нихъ, отъ трехъ четвертей 5-го до половины 7-го часа, никто и ничто мнѣ не мѣшаетъ спать. Между тѣмъ большой жаръ пройдетъ, и къ девяти я являюсь въ собраніе, гдѣ всякій день играю въ вистъ очень счастливо. Вечера здѣшніе людны, особливо по воскресеньямъ: дамъ за бостономъ и вистомъ бываетъ до десяти, и болѣе; партіи столахъ на четырехъ; а дѣвицы и молодые мущины танцуютъ подъ клавикорды. Ужинаютъ тамъ гдѣ сидятъ, и въ полночь разъѣзжаются... Таковъ есть здѣшній родъ жизни, и я пользуюсь имъ при полной свободѣ располагать моимъ временемъ, не принимая къ себѣ никого и не ѣздя ни къ кому, и потому бываю одинъ или съ людьми, всегда по собственному произволу».

Скоро однако, начались у старика приступы водянки. Но бодрость духа не покидала его и въ то время, когда физическія страданія усиливались:

«Тяжеленько мнѣ, любезный другъ, тяжеленько; однако не столько, какъ бы было, ежели подагрическій припадокъ не скоро унялся. Онъ будто только попугать меня хотѣлъ: мучилъ не очень, и продолжался съ небольшимъ трое сутокъ. Гидропическая мука гораздо постояннѣе. Обѣ ноги безпрестанно ноютъ, будто скрученныя бичевками. Отъ тоски въ нихъ, принужденъ временно вставать, а ходить больно: стоять еще больнѣе!.. Тяжеленько, тяжеленько, сударь! Но на что же и терпѣніе, коли не для подобныхъ случаевъ? И кто же болѣе меня обязанъ быть терпѣливымъ, меня, который, какъ себя запомню, кромѣ одной горячки, не перенесъ никакой болѣзни, хотя поведеніемъ своимъ въ продолженіи болѣе 60 лѣтъ всегда заслуживалъ страдать отъ своей невоздержности! Теперь настало время расплаты! Умѣлъ жуировать—умѣй же и терпѣть. Будетъ хуже! Проси у Бога силы, но роптать права не имѣешь. Такъ ли, мои любезные друзья!»

Изъ нѣсколькихъ десятковъ писемъ Нелединскаго, сохранившихся отъ этого времени, только два сохранили слѣды вздоховъ и жалобъ старика. Ясность мысли, теплота чувствъ и обычная веселость не покидали его, по самую кончину.

Нѣжною заботливостію о многочисленныхъ внукахъ и внучкахъ своихъ дышатъ всѣ письма его къ дочери Самариной. Съ какою-то дѣтскою простотою участвуетъ старикъ въ проявленіи ихъ чувствъ и разума. Недуги не съежили его; онъ продолжалъ жить сердцемъ для ближняго.

Но въ нѣжномъ сердцѣ Нелединскаго, въ старческой привязанности къ молодымъ побѣгамъ, однокровные многочисленные внучата его имѣли непобѣдимую соперницу: четырехлѣтнюю Наташу, дочь долго служившей ему вмѣсто камердинера Василисы Кузьминичны, чуждую ему по крови, но которую онъ такъ чрезмѣрно любилъ, что изъ-за нея забывалъ своихъ однокровныхъ. Эта Наташа по цѣлымъ днямъ сиживала у старика въ комнатѣ, тогда какъ другія дѣти изрѣдка впускались здороваться съ дѣдушкою. Уже при смерти, диктуя духовную послѣднюю волю свою, Нелединскій писалъ между прочимъ: «Простите мнѣ, друзья мои, слабость мою къ Наташѣ, къ сему ребенку, которымъ я и по нынѣ, съ той поры, какъ она еще была у груди, не перестаю тѣшиться, и люблю ее чрезмѣрно. Прошу васъ, любите ее за меня. Въ особенности тебя, милая моя Грушенька (Оболенская), которой я поручилъ ея воспитаніе, и надъ которою твой обязательный для меня надзоръ меня чувствительно трогаетъ. Ты знаешь, мой другъ, по хранящимся у тебя билетамъ Московскаго Воспитательнаго Дома, что въ 1845 году капиталъ ея возрастетъ до пяти съ половиною тысячъ рублей. Сіе сдѣлано съ тѣмъ, чтобы можно было надѣяться доставить ей не самое низкое замужество; а между тѣмъ приготовить ее быть хорошею дѣвицею хожатою за барышнею; научить ее кроить, шить платье, чесать волосы, и прочему для сего званія нужному, чтобъ она знала, что она не родилась барыней; но притомъ не доводить духъ ея до уничиженія, употребляя въ черную работу, какъ-то: мыть полы, выносить горшки и тому подобное».

Образъ жизни Юрія Александровича въ губернаторскомъ домѣ, въ которомъ радушные хозяева часто собирали вокругъ себя калужское общество, былъ неизмѣненъ. Онъ по прежнему наслаждался «свободою, которую такъ цѣнилъ, возможностью располагать своимъ временемъ, какъ разсудится, и считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, не смотря на старческіе недуги, которые переносилъ съ удивительнымъ терпѣніемъ: «Что я глухъ, худо вижу и хожу съ трудомъ—все это хотя плохо, однако не совсѣмъ у меня, по милости Божіей, силы отняты, и по моему теперешнему положенію достаточно, ибо бѣгать, я нужды, и того менѣе желанія, не имѣю, я могу всякій день по два раза доплетаться по лѣстницѣ и N. В. безъ всякой одышки. Зрѣніе всякое утро, часа полтора и два, служитъ, мнѣ для чтенія—тупость слуха болѣе всего была бы непріятна; но и въ этомъ, снисходительность окружающихъ меня, помогаетъ мнѣ [1]). Съ

[1]) По вечерамъ приходилъ къ Юрію Александровичу соборной протодіаконъ и громогласно читалъ ему газеты и журналы.

другой стороны, испытываю себя морально. Заботы я никакой не имѣю. Вы всѣ мои милые здоровы! Желаній никакихъ—именно никакихъ въ семъ мірѣ не имѣю! Денегъ у меня довольно; за почестями я никогда не гонялся; чины, ленты—я уже забылъ, что они, временно, прежде меня тѣшили; при такой, отъ внѣшнихъ пустяковъ, душевной свободѣ, я наслаждаюсь вашею всѣхъ моихъ ближнихъ любовью. Изъ постороннихъ, во всемъ свѣтѣ, никого злодѣя себѣ не знаю, или паче увѣренъ въ томъ, что его нѣтъ, а человѣка два, три считаю мнѣ доброхотствующими. Все это будучи съ Сергѣемъ Юрьевичемъ на единѣ, я ему говорилъ, замѣтивъ, такъ какъ и вамъ теперь, что *нѣтъ въ мірѣ человѣка меня счастливѣе!*»

Въ этомъ тихомъ и ясномъ настроеніи духа, протекли для Нелединскаго первые два года пребыванія его въ Калугѣ. Внѣшній покой, свобода отъ всякихъ обязательныхъ занятій, полная возможность располагать собою и своимъ временемъ, которыми онъ такъ наслаждался въ первые мѣсяцы своего переѣзда въ Калугу, послѣ тревожной петербургской жизни, скоро восполнились для него «душевною свободою отъ всякихъ внѣшнихъ пустяковъ, досугомъ для размышленія и испытанія самого себя, къ чему при прежней разсѣянности — по его свидѣтельству — и зачина быть не могло».

Предсмертный 1828 годъ прошелъ для Юрія Александровича не такъ однообразно. Пришлось ему испытать и радость и горе.

Радость—доставилъ ему сынъ Сергѣй Юрьевичъ своею женитьбою.

Горе — объ утратѣ искренно любимой имъ Императрицы Маріи Θеодоровны, которая скончалась въ этомъ году 24 Октября.

Вниманіе Императрицы Маріи Θеодоровны къ Юрію Александровичу Нелединскому выразилось и въ духовномъ Ея завѣщаніи. Въ сообщенной выпискѣ изъ сего завѣщанія за подписью исполнителей: Императора Николая, князя Волконскаго, князя А. Голицына, Григорья Вилламова и Николая Новосильцова значится § 30: Je donne à mon bon vieux Nélédinsky sécretaire d'Etat de feu l'Empereur Paul: une boîte avec mon portrait et avec l'inscription «souvenir d'amitié» une boîte avec les 6 portraits de mes enfants, dessinés par moi; j'avais donné cette boîte à feu l'Impératrice Catherine et l'ai redemandée après sa mort; un portefeuille de maroquin rouge avec un portrait de feu l'Empereur Paul en miniature; le bas-relief, portrait du comte Panine, qui est à Pavlovsk; un anneau d'or avec les cheveux du comte Panine, son chiffre et la date de sa mort du 31 Mars 1783; une canne que j'avais de ce bon vieillard».

Въ началѣ Февраля 1828 года вслѣдствіе утомленія уходомъ за больными дѣтьми и простуды, княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская занемогла нервической горячкой и скончалась 15 Февраля на сороковомъ году своей жизни.

Наканунѣ этого дня скончался въ томъ же домѣ и отецъ ея Ю. А. Нелединскій отъ водяной 77 лѣтъ.

Эта замѣчательная одновременная кончина отца и дочери, всю жизнь связанныхъ самою нѣжною любовью по истинѣ поразительна.

8 Февраля Юрій Александровичъ Нелединскій, чувствуя приближающуюся кончину, потребовалъ бумагу и перо и написалъ слѣдующее: «Хочется мнѣ, друзья мои, любезнѣйшіе дѣти мои, дражайшій предметъ сердца моего, хочется мнѣ со всѣми и съ наличными и съ отлучными въ одинъ разъ побесѣдовать; но непомѣрная слабость моя не допускаетъ меня сіе исполнить, а для того испросилъ я духовнаго отца моего протоіерея Петра Степановича Алексинскаго согласія писать, что я буду ему говорить. Благодарю его за столь обязательное снисхожденіе: отдаю ему перо».... (до сихъ поръ писано рукой умирающаго).

«Я такъ ослабѣлъ—и слабость моя, самое короткое время, въ трое сутокъ возрасла до такой степени, что если она не умалится, то я не могу надѣяться, чтобы черезъ день или два въ мысляхъ моихъ сохранилась малѣйшая связь; и такъ долженъ я поспѣшить изъявить вамъ, любезнѣйшіе друзья, мои дѣти всю чувствуемую мной признательность за всегда оказываемое мнѣ почтеніе и стараніе ваше во всякомъ случаѣ мнѣ доставлять успокоеніе и предупреждать всѣ мои желанія. Друзья мои Самарины, хотя я съ ними и не такъ долго жилъ, но и въ присутствіи и въ заочности всегда видѣлъ я къ себѣ ихъ дружбу и непрестанное обо мнѣ попеченіе. Оболенскіе—коимъ судьба опредѣлила нести иго моей старости, болѣзни и дряхлости; вы по добродушію своему, не скучаете симъ, а, конечно, увѣрены въ расположеніи къ вамъ моего чувствительнаго сердца. Марья Сергѣевна (жена сына) Нелединская съ самаго вступленія, меньше года, въ наше семейство, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ оное составляющимъ, непрестаетъ оказывать своей дружбы и желанія отъ всѣхъ ее заслужить; прискорбно мнѣ, что я не могу льститься въ продолженіе времени доказать ей всю мою признательность. Сергѣй Юрьевичъ! (сынъ) мы съ тобой меньше всѣхъ жили вмѣстѣ; однако, я долженъ сказать, что ты всегда былъ сынъ почтительный, не смотря на то, это мы въ нѣкоторыхъ правилахъ съ вами разнствовали: прошу васъ, дорогой мой сынъ, покорить вашъ умъ святой вѣрѣ, а не думать, что можете постигнуть ее. Вѣра не была бы вѣра, если бы не требовала совершеннаго повиновенія».

«Теперь о людяхъ мнѣ служащихъ; «Я никакой собственности подъ н бомъ не имѣю: вы это знаете—я пр бѣгнулъ къ вамъ, друзья мои, просьбою о награжденіи людей м ихъ при мнѣ служащихъ и издав мнѣ служащихъ»....

За симъ слѣдуетъ поименован этихъ людей съ подробнымъ указа ніемъ кому какое вознагражденіе н назначаетъ.

«Кажется все мною сказано, любе ные друзья мои, о чемъ мнѣ на было съ вами говорить. Теперь остае ся только одно, одно, но самое т гостное, проститься съ вами, закл чить васъ въ объятія мои, навсег сказать себѣ, что я уже никогда ва болѣе не увижу. Такъ! должно с исполнить,– повергнуться предъ Г сподомъ Богомъ со слезами, принес ему всеобщую молитву нашу и пр даться въ волю Его безпредѣльна милосердія въ несомнѣнной надеж на неизрѣченную благость наше Великаго Искупителя!»...

Въ такомъ свѣтломъ и спокойном сознаніи скончался Юрій Александр вичъ, не подозрѣвая, что въ другом этажѣ надъ его головой лежала уж на смертномъ одрѣ любимая дочь общая могила соединитъ ихъ на вѣк Съ своей стороны умирающая кн гиня, какъ бы предчувствуя скор загробное свое свиданіе съ отцом не освѣдомлялась, даже, въ послѣ ніе дни своей болѣзни, объ его зд ровьи.

Въ Лаврентьевомъ монастырѣ, бли Калуги, похоронены рядомъ отецъ дочь. Одна плита прикрываетъ о могилы и на чугунномъ памятник начертана слѣдующая надпись:

«Юрій Александровичъ Нелед скій-Мелецкій и дочь его княгин Аграфена Юрьевна, добродѣтелям упованіемъ на Господа и любовь къ ближнимъ оставили по себѣ назид тельный примѣръ и признательну память въ сердцахъ многихъ. Вс общее сожалѣніе о кончинѣ ихъ бы не лицемѣрнымъ изъявленіемъ любв и уваженія къ нимъ. Горесть дѣт ихъ и супруга можетъ понимать тол ко сердце—она не выразима. Усл дительныя обѣтованія святой вѣр имъ утѣшеніе».

Немногія оцѣнки литературной д ятельности Н. М. и другія статьи немъ см. послѣ стихотвореній.

ПѢСНИ.

I.

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю –
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

* *
*

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;

Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

* * *

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

* * *

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая.
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что̀ душа моя.

* * *

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?—
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

* * *

Милой мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его—мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

* * *

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милова забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

* * *

Каждое души движенье—
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

* * *

Ты, дово не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мыслю—кѣмъ дышу!

* * *

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдётъ мой стонъ къ тебѣ.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

* * *

Если жь то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь—
Словомъ ласковымъ—хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

II.

На голосъ: Дѣвчина моя.

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ;
Всё постыло,
Всё уныло:
Друга милова нѣтъ.

* * *

Милова нѣтъ:
Не глядѣла бъ на свѣтъ
Что бывало,
Утѣшало,
О томъ пла̀чу теперь.

* * *

Въ ближнемъ лѣску
Лишь питаю тоску,
Всѣ кусточки,
Всѣ листочки
Тамъ о миломъ твердятъ.

* * *

Будто со мной
Тамъ сидитъ милый мой,
Забываюсь;
Откликаюсь
Часто на голосъ свой.

* * *

Милова нѣтъ!
Ахъ, пойду за нимъ вслѣдъ:
Гдѣ бъ ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажетъ мнѣ путь.

* * *

Охъ, тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!
Слёзы льются,
Не уймутся:
Въ нихъ отрада моя.

III.

Если бъ ты была на свѣтѣ
Не милѣе мнѣ всего,
Я бъ нашелъ въ твоемъ совѣтѣ
Пользу сердца моево.
Сталъ бы думать о свободѣ,
Кою потерялъ любя;
Но скажи мнѣ, что̀ въ природѣ
Можетъ замѣнить тебя?

* * *

Свѣта ль ложнымъ мнѣ блистаньемъ,
Златомъ ли себя плѣнять?
Иль, наполня умъ мечтаньемъ,
Славы, почестей желать?
Но съ дарами счастья сими
Сердце праздно и мертво.—
Подъ законами твоими
Я хоть чувствую его.

* * *

Мнѣ ль плѣняться не тобою?
Мнѣ ль инымъ заняться чѣмъ?
Сердцемъ, разумомъ, душою...
Ты владѣешь мною всѣмъ.
Вѣчно у тебя въ неволѣ,
Радъ я муки всѣ сносить.
Бѣдъ, мученій всѣхъ мнѣ болѣ
Перестать тебя любить.

IV.

Написана за ужиномъ у Кн. Влад. Ив. Щерб.

Нѣтъ минутъ тѣхъ веселѣе,
Какъ сижу я за столомъ.
Я на свѣтѣ всѣхъ умнѣе,
Какъ бесѣдую съ виномъ,
Свѣтски суеты, напасти,
Все считаю, все, за вздоръ.
Преданъ лишь однойя страсти,
И люблю бутылкинъ взоръ.

* * *

Весь свой вѣкъ иной проводитъ
Въ попеченіяхъ, въ трудахъ.—
Тотъ утѣху всю находитъ
У красавицы въ глазахъ.—
Я съ бутылочкой дражайшей
Смѣючись на нихъ гляжу,
И ко счастью путь ближайшій,
Выпивъ рюмку, нахожу.

* * *

Рюмка рюмку погоняя,
Взвеселятъ какъ мысль мою,
На Парнасъ тогда взлетая,
Въ честь вина, любви—пою.
Хмѣль моимъ тутъ Аполлономъ;
Винный погребъ мой Парнасъ;
Рюмокъ стукъ чту лирнымъ звономъ;
И ну!—мчи меня Пегасъ!

V.

Дни счастливы миновались,
Дни прелестнѣйшей мечты,
Коей чувства услаждались
Какъ меня любила ты!
Прошлыхъ дней воспоминанье
Мукой стало выше силъ...
Тѣмъ несноснѣе страданье,
Чѣмъ я счастливѣе былъ.

* * *

Ты клялася быть мнѣ вѣрной.—
Я съ восторгомъ то внималъ,
И въ любви нелицемѣрной
Беззаботно утопалъ.
Зрю теперь, но безполезно,
Что вовлекъ себя въ напасть.—
Пролетай, о время слезно!
Унеси мою ты страсть.

* * *

Какъ ты сладость находила
Въ томъ, чтобъ я тебя любилъ;
Дорогой!—мнѣ говорила:
Ты по смерть мнѣ будешь милъ;
Прежде міръ весь премѣнится,
Чѣмъ любовница твоя;
Прежде солнца свѣтъ затмится,
Чѣмъ тебя забуду я.

* * *

Вся природа вспоминаетъ
Мнѣ къ мученью клятвы тѣ!
Вся природа упрекаетъ
Вѣроломностью тебѣ...
Все въ порядкѣ сохранилось;
Нѣтъ премѣны никакой.
Ясно солнце не затмилось,
А ужъ я забытъ тобой.

VI.

Полно льститься мнѣ слезами
Непреклонный рокъ тронуть
Строгими навѣкъ судьбами
Загражденъ мнѣ къ счастью путь!
Безъ надежды, безъ отрады
Томну жизнь влача въ бѣдахъ,
Отъ небесъ не жду пощады:
Гнѣвъ ихъ въ милыхъ зрю глазахъ!

* * *

Смерть, прибѣжище несчастныхъ!
Часъ послѣдній, милый часъ!
Ты отъ бремя золъ ужасныхъ
Не спѣшишь избавить насъ.
Ты средь счастья жизнь отъемлешь,
Средь надеждъ, средь благъ разишь;
Стону страждущихъ не внемлешь,
Смерть!—отъ нихъ и ты бѣжишь.

* * *

Издыхая услаждуся,
Вспомня взоръ, Темира, твой!
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся,
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.
Пламень, что въ себѣ вмѣщаю,
Онъ душа, онъ жизнь моя:
Имъ я вѣчность постигаю,
Имъ безсмертенъ буду я.

* * *

Въ безпечальное селенье
Съ жаромъ страсти преселясь,
Обнаружу упоенье,
Коимъ жилъ, тобой плѣнясь.
Въ царствѣ тѣней ту прославлю,
Жизни кто была милѣй,
И подземный міръ заставлю
Бога чтить души моей.

VII.

Свидѣтели тоски моей,
Лѣса, безмолвью посвященны!
Утѣхами прошедшихъ дней
Въ глазахъ моихъ вы украшенны.
Понынѣ счастливой мечтой
Всегда средь васъ я наслаждаюсь,
И чувствомъ радостнымъ питаюсь,
Анюту мысля зрѣть съ собой!

* * *

Нѣтъ мѣста въ темныхъ сихъ лѣсахъ,
Гдѣ бъ не мечтался зракъ мнѣ милой:
Всечасно онъ въ моихъ глазахъ,
Всегда живётъ въ душѣ унылой.
Отъ мѣста къ мѣсту я спѣшу,
Гдѣ быть любезной воображаю;
Ее отвсюду ожидаю;
У твари всей ее прошу.

* * *

Что вправду милой нѣтъ со мной,
Повѣрить самъ себѣ не смѣю—
Вотъ тамъ она... вотъ за горой...
По этой тропкѣ встрѣчусь съ нею...
Ищу вкругъ каждаго куста,
Гдѣ съ милой мы бывали прежде;
Внимаю въ смутной я надеждѣ
И шуму каждаго листа.

* * *

Журчащіе вокругъ ручьи!
Всего мнѣ болѣ въ васъ отрады;
Анюта прелести свои
Ввѣряла вамъ, ища прохлады,
Въ полдневны лѣтніе часы,
Какъ птички при кустахъ таятся,
Струи, бывало, къ ней тѣснятся,
Спѣша ласкать ея красы.

* * *

Лишенному утѣхъ прямыхъ,
Отрада мнѣ въ ихъ воображеньи,
Для чувствій пламенныхъ моихъ,
Во всемъ я вижу наслажденьи.
Какъ послѣ солнца теплоту
Хранитъ земля средь знойна лѣта:
Огнемъ такъ милыхъ глазъ нагрѣта,
Душа хранитъ объ нихъ мечту.

* * *

О время! быстротой своей
Яви услугу мнѣ полезну!
Скорѣе достигай тѣхъ дней,
Въ которы мнѣ узрѣть любезну!
На медленность твою впервой
Ты жалобы мои внимаешь...
Но, время! ты того не знаешь,
Что нѣтъ души моей со мной.

VIII.

Старанья всѣ мои напрасны
Волненье мыслей усмирить!
Въ комъ чувства съ долгомъ не согласны,
Тому нельзя покойну быть.
Гдѣ время—время то дѣвалось,
Какъ сердце дружбою одной
Въ невинности своей питалось,
Когда вкушала я покой?

* * *

Рушитель счастья и свободы!
Въ тебѣ, какъ друга зрѣла я,
Казалось, всѣ красы природы
Блистали для одной меня.
Я дни пріятны провождала
Въ любезной, сладкой тишинѣ.
Съ зарей утѣхи я встрѣчала;
Мигъ каждый приносилъ ихъ мнѣ.

* * *

Теперь бѣгу дневнова свѣта;
Мнѣ вѣкъ мой тягостенъ, постылъ;
Кляну моя цвѣтущи лѣта...
Страшусь узрѣть тово, кто милъ!
Страшусь—и повседневно видя,
Всё болѣ пламенѣя имъ,
Всё болѣ долгъ мой ненавидя,
Къ напастямъ лишь влекусь однимъ.

* * *

Летятъ часы, и дни и годы,
Неся премѣнъ съ собою тму;
По буряхъ тихи зримъ погоды:
Есть время, есть предѣлъ всему.
Лѣса вновь зеленью одѣты;
Свободно вновь текутъ ручьи...
Часы проходятъ, дни и лѣты;
Мученья тѣ же все мои!

IX.

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.
Пѣсенку она запѣла;
Я внималъ издалека.
Будто съ ней перекликался,
Ближней рощи соловей.—
Голосъ милой раздавался:
Отдался въ душѣ моей.

* * *

Мнѣ Зефиры приносили
Иногда ея слова.
Иногда слова глушили
Вкругъ шумящи дерева.
Смолкни все! престань мѣшаться
Ты, завистный соловей!
Пусть одинъ въ душѣ раздастся
Голосъ милой лишь моей.

X.

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.
Пѣсенку она запѣла,
Я внималъ издалека.

* * *

Съ милою перекликался
Ближней рощи соловей.
Голосъ милой раздавался:
Раздался въ душѣ моей.

* * *

Часто милая твердила:
Сердце ноетъ у нее.
Я услышалъ,—и заныло
Сердце тотчасъ и мое.

* * *

О, души моей отрада!
Твоему ли сердцу ныть?
Твоего все ищетъ взгляда;
Все готово угодить.

* * *

Все любуется тобою;
Всей природѣ ты мила.
Всякъ разстаться радъ съ душою,
Лишь твоя бы жизнь цвѣла.

* * *

Пѣвши, милая вздыхала:
Вся во мнѣ кипѣла кровь!
Знать, я думалъ, знать спознала
Милая моя любовь.

* * *

Знать, природа, въ награжденье
Что ее всѣ славятъ въ ней;
Всѣхъ пріятнѣй наслажденье
Дорогой даритъ моей.

* * *

Ахъ! люби, люби Темира!
Рви мнѣ душу—лишь люби
Блага всѣ, все счастье міра,
Ты найдешь въ одной любви.

* * *

Радостямъ твоимъ помѣхи
Не увидишь отъ меня!
Святы мнѣ твои утѣхи:
Не наруши ихъ стеня.

* * *

Жертвами давно питаюсь;
Не въ себѣ живу давно.—
Я ужъ счастьемъ не ласкаюсь:
Мнѣ отказано оно.

XI.

Ты велишь мнѣ равнодушнымъ,
Быть, прекрасная, къ себѣ.
Если хочешь зрѣть послушнымъ,
Дай другое сердце мнѣ.
Дай мнѣ сердце, чтобъ умѣло,
Знавъ тебя, свободнымъ быть;
Дай такое, чтобъ хотѣло
Не одной тобою жить.

* * *

То, въ которомъ обитаетъ
Несравненный образъ твой:
Сердце, что̀ тобой страдаетъ,
То и движется тобой.
Въ немъ ужъ чувства нѣтъ инова,
Ни другой въ немъ жизни нѣтъ.
Ты во тмѣ мученья злова
Жизнь, отрада мнѣ и свѣтъ.

* * *

Вѣрность ли къ тебѣ нарушу?
Вздохъ мой первый ты взяла!
И что я имѣю душу
Ты мнѣ чувствовать дала.
Ты мнѣ душу, ты вложила;
Твой же даръ несу тебѣ.
Но ты жертвы запретила:
Не дозволю ихъ себѣ.

* * *

Лишь не мучь, повелѣвая,
Чтобъ твоимъ престалъ я быть
Чѣмъ, въ безмолвіи страдая,
Чѣмъ тебя мнѣ оскорбить?
Развѣ чтишь за преступленье
Взоръ небесный твой узрѣть;
Имъ повергнуться въ смущенье
И безъ помощи... терпѣть!

XII.

Отъ пороковъ удаляясь,
Чести давъ надъ сердцемъ власть,
Въ семъ святилищѣ скрываясь,
Ублажаемъ нашу часть.
Добродѣтель правитъ нами;
Властвуетъ одна сердцами:
Средь забвенья всѣхъ суетъ,
Насъ блаженнѣй въ мірѣ нѣтъ!

* * *

Свѣтъ, въ порокахъ утопленный,
Бѣдства зритъ въ себѣ одни.
Добродѣтелью спасенны,
Мы вкушаемъ сладки дни.
Какъ корабль между волнами,
Межъ мірскими такъ страстями,
Истины внимая гласъ,
Непороченъ всякъ изъ насъ.

* * *

Свѣтъ восточный днесь блистая,
Новый путь являетъ намъ.
Трудъ священный озаряя,
Къ райскимъ насъ ведетъ вратамъ.
Тамо смертныхъ зря судьбину,
Зла начальную причину
Мы потщимся отвратить
И соблазна не вкусить.

* * *

Се усердію награда!
Се столь долгихъ плодъ трудовъ!
Наша общая отрада,
Щитъ, подпора и покровъ:
Добродѣтель намъ явилась;
Въ души скромность водворилась.
Хоръ весь радостно воспой:
Возвратился вѣкъ златой.

XIII.

Мысль мучительна и слезна,
Вспоминанье прежнихъ дней;
Мысль и нынѣ мнѣ любезна!
Не терзай души моей!
Сердцу смертно сокрушенну,
Дай покоя хоть на часъ:
Или мало быть лишенну
Зрѣнія прелестныхъ глазъ?

* * *

Взора убѣгалъ прекрасна,
Обрѣсти спокойство мня;
Но надежда та напрасна:
Отъ себя не скроюсь я.
Не лишуся чувствъ доколѣ
Каждое изъ нихъ твердитъ,
Что я долженъ по неволѣ
Зрѣть во всемъ Темиринъ видъ.

* * *

Равнаго не воображаю
Ничего Темирѣ я,
А къ всему воспоминаю;
Ею мысль полна моя!
Тихой ли зефиръ повѣетъ,
Зашумятъ ли гдѣ ручей..
Все напомнить мнѣ умѣетъ
О владычицѣ моей.

XIV.

Мѣста, гдѣ я внималъ стократно,
Что я невѣрною любимъ,
Мое мученіе вамъ внятно;
Вы стономъ тронуты моимъ.
Кусты всѣ зелени лишились;
Ключи проврачны помутились
И злакъ полей здѣсь потемнѣлъ.
Превратенъ зрю уставъ природы:
Не вижу ясной тамъ погоды,
Гдѣ прежде мрачныхъ дней не зрѣлъ.

XV.

Исчезай надежда лестна,
Будь утѣхою другимъ.
Участь мнѣ моя извѣстна:
Муку жребьемъ чту моимъ.
Ты, надежда, отворила
Къ счастью мнѣ златую дверь!
За минуту что польстила
Тмою мукъ плачу теперь.

XVI.

Прости мнѣ дерзкое роптанье,
Владычица судьбы моей!
Мнѣ мило отъ тебя страданье—
Утѣха, рай моихъ ты дней!
Я строгостей, тобой явленныхъ,
Не помню, взоръ увидя твой.
Всѣхъ чувствій, отъ тебя внушенныхъ,
Вмѣщать ужъ духъ не можетъ мой.

* * *

Въ бесѣдѣ коль съ тобой бываю,
Тебя одну въ ней вижу я.
Твой каждый шагъ я примѣчаю—
Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя;
И съ кѣмъ ни молвила бъ ты слово,
Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
Тебѣ отвѣтствовать готово,
Мое все сердце на устахъ.

* * *

Ты жизнь его... его стихія;
Въ тебѣ, тобой живетъ оно;
И въ самыя минуты злыя
Тебѣ, одной тебѣ дано
Души жестокое волненье
Единымъ взглядомъ усмирять,
И безъ надежды утѣшенье
Въ унылы чувства поселять.

* * *

О! если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою,
И тайну ту хранить въ себѣ—
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

XVII.

У ково душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

* * *

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится!
Казнь... и благо дней моихъ!
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что̀ во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что̀ тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

* * *

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Что̀ дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ, и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить;
Окружать тебя собою;
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить...

* * *

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей.—
Если жъ будешь хоть случайно
Близъ гробницы ты моей:
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Молитва.

Предвѣчный и неизъяснимый!
Всѣмъ славимый, непостижимый
Существъ премудрѣйшихъ Творецъ!
Величіе Твое мой разумъ ужасаетъ;
Но сердцу нѣкій гласъ всечасно повторяетъ:
Не бойся, но люби: твой Богъ—тебѣ отецъ!

* * *

Сей гласъ есть Твой, міровъ Создатель!
Сей гласъ, о щедрый благъ Податель,
Начало къ намъ Твоихъ щедротъ.
Мы, въ немощи своей симъ гласомъ ободренны,
Имъ отъ презрѣнія самихъ себя спасенны;
Невкусный безъ того чтимъ сладкимъ жизни плодъ.

* * *

Къ Тебѣ ль въ надеждѣ оскудѣю!
Тебя ль о чемъ просить посмѣю!
Тебя! мнѣ давша бытіе
Безъ просьбы, безъ заслугъ, по благотворной волѣ!
Весь, Боже, Твой я есмь, и жду во всякой долѣ,
Что Давшій жизнь, свершитъ и счастіе мое.

* * *

Ты, Господи, мой путь исправишь;
Отъ гибели меня избавишь;
Спасешь созданіе Свое!
Ты ль, Сына Своего, мой Отче, Ты ль отринешь!
Ты ль дѣло рукъ Твоихъ во бездну золъ низринешь:
Залогъ щедротъ Твоихъ—мнѣ бытіе мое.

* * *

Ты благъ, когда я существую.—
Отдаться въ власть Твою святую
И умъ и сердце мнѣ велитъ.
Несвѣдущъ я; Ты мудръ.—Я слабъ, а Ты всесиленъ.
Я нуждами стѣсненъ; Ты милостью обиленъ.
Подверженъ я страстямъ; Ты противъ нихъ мнѣ щитъ.

* * *

Достойное тебѣ служенье
Мой долгъ, удѣлъ и наслажденье
Тебя душею всей любить;
Во всемъ Тебѣ, Творецъ, съ надеждой покоряться,
Подъ сильною Твоей десницею смиряться
И сердцемъ пламеннымъ Тебя благодарить.

II.

Хоръ,

пѣтый при внесеніи бюста Государыни Императрицы Екатерины II въ залъ Благороднаго Собранія, въ Москвѣ, 1796 года.

Гремитъ немолчная сопутница вѣковъ!
Гремитъ въ подсолнечной едина,
Безсмертныхъ дѣлъ твоихъ, Екатерина,
Стогласна вѣстница, кумиръ твоихъ сыновъ.
Громъ славы твоея потрясъ концы вселенны,
И тмой чудесъ твоихъ родъ смертныхъ изумленный,
Восторга полнъ, забылъ,
Кто Юлій, Александръ, и самый Титъ кто былъ.

* * *

Щедрота, каждое воззрѣнье
И каждый шагъ твой—намъ трофей.
Короны царской украшенье—
Блаженство всѣхъ твоихъ людей.

* * *

Подъ кровъ твой, ихъ ревнуя долѣ,
Народы чуждые текутъ:
Твоей да внемлютъ мудрой волѣ,
Да въ благоденствѣ поживутъ.

* * *

Возсталъ ли врагъ—ты ополчилась...
И, дерзкаго, ужъ нѣтъ его!
Ехидна злобы въ адъ сокрылась
Отъ мановенья твоего.

* * *

Ты правишь царствъ земныхъ судьбою;
Цари твои законы чтутъ.
Речешь—и съ словомъ предъ тобою
Престолы гордые падутъ.

* * *

Гремитъ немолчная сопутница вѣковъ!
Гремитъ . . . . . и проч.

III.

Надпись къ бюсту Императрицы Екатерины.

Слава вѣка, диво міра,
Честь природы, Россовъ Мать.

IV.

Хоръ для польскаго,

въ первый разъ пѣтый въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ домѣ графа Алекс. Никол. Самойлова, августа 26-го 1796 года при королѣ шведскомъ.

Торжествуй! твоя то доля,
Россъ, земныхъ народовъ честь!
Твоея богини воля
До небесъ твой рокъ вознесть.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

* * *

Чуждыхъ странъ цари дивятся,
Зря твоихъ блаженство дней.
Править царствами учатся
У Монархини твоей.
Мудрости Екатерины
Вѣнценосцы жаждутъ внять.

* * *

Въ храмъ безсмертья за собою,
Россъ, она тебя ввела;
Щедрою къ тебѣ рукою
Рѣки блага пролила:
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

* * *

Жребій твой ни съ чьимъ не равенъ:
Зависть ты земныхъ племенъ!
Внѣ—ты чтимъ, надъ всѣми славенъ,
Внутрь—спокоенъ и блаженъ.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

* * *

Храмы ль въ честь мы ей поставимъ?
Но веществъ нетлѣнныхъ нѣтъ.
Свѣтъ ли пасть предъ ней заставимъ
Но плѣненъ ужъ ею свѣтъ.
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

* * *

Пѣснь, что сердце намъ внушаетъ,
Пѣснь, что каждый Россъ твердитъ,
Вся земля съ нимъ повторяетъ—
И потомство возгласитъ:
Чѣмъ воздашь Екатеринѣ?
Чѣмъ воздашь, о, Россъ, ты ей?

* * *

Смертны, мы богамъ безсильны
За щедроты ихъ платить;
Но усердьемъ къ нимъ обильны,
Можемъ души посвятить.
Ревностью къ Екатеринѣ
Въ Россахъ всѣхъ душа одна.

* * *

Зри, Царица, восхищенье
Чтущихъ кроткій скипетръ твой!
Матерь! слыши чадъ моленье,
Чадъ ущедренныхъ тобой:

Молимъ всѣ . . . Екатеринѣ,
Небо! Ты за насъ воздай!
Да узритъ въ любви вращенныхъ
Марсовъ крови своея;
Въ лаврахъ предъ собой зеленыхъ,
Жатыхъ подъ щитомъ ея.
Отраслямъ Екатерины
Быть героями удѣлъ.

* * *

Да украситъ міра троны
Дщерями своихъ сыновъ...
Да успѣхи безъ препоны
Будутъ плодъ всегда трудовъ,
Плодъ трудовъ Екатерины,
Намъ виновницы всѣхъ благъ.

V.

Гомерово счастіе.

Гомеръ прославился—могло ль и быть не такъ?
Умы подобные хоть есть и въ наши вѣки,
Хоть тѣ жъ и въ наши дни родятся человѣки,
Но знатнымъ толь пѣвцомъ нельзя ужъ быть никакъ.
Въ ближайшее къ златому вѣку время,
Какъ пѣлъ Гомеръ,
Піитовъ всѣхъ примѣръ:
Толь славимые имъ герои царска племя,
За городомъ однимъ возились десять лѣтъ,
И еслибъ не обманъ—и взяли бы, и нѣтъ.
Пока цари дрались, царицы шерсть сучили,
Смиренно для царей сорочки сами шили
И на плоту съ валькомъ встрѣчали бѣлый свѣтъ...
Такую скрася быль, всю честь несетъ поэтъ.
Въ ней вымыслу вездѣ пространное есть поле,
И мелкія дѣла превозносить по волѣ,
Таланту то и кладъ.
А мы, какъ ни хитри—все будетъ не впопадъ;
Какъ мыслью ни взлетай—на дѣлѣ, все лихъ болѣ!

* * *

Монархиня! тобой, любимицей небесъ,
Россія зритъ себя вмѣстилищемъ чудесъ!
И въ мірѣ всемъ твои разсѣянны трофеи
Въ потомствѣ возгремятъ звучнѣе эпопеи.
Гомеровъ даръ тщета, гдѣ подвигъ умъ дивитъ.
Твои дѣла глася, газетчикъ всякъ—піитъ.

VI.

Строфы.

На миръ съ турками, 1774 года.

Престаньте страшны браней звуки,
Престаньте слухъ нашъ возмущать.
Цвѣтите ремесла, науки:
Вамъ миръ даруетъ Россовъ Мать.
Подвластны радуйтесь народы!
Спокойствіе въ позднѣйши роды,
И слава тою вамъ дана,
Кто вѣчной благости рукою
Владычицей надъ сей страною
Ко счастью смертныхъ избрана.

* * *

Довольно въ бранѣхъ вы явили,
Россіяне, вашъ смѣлый духъ:
Вы гордаго врага смирили;
Промчался славы вашей слухъ.
Плодъ подвиговъ своихъ вкушайте,
И въ сладкомъ мирѣ прославляйте
Вину толикихъ вамъ отрадъ.
Тобой, міровъ благій Содѣтель!
Побѣдоносна добродѣтель
Стремглавъ низвергла злобу въ адъ.

* * *

Падетъ, и въ ярости скрежещетъ;
Реветъ какъ гладный въ дебри левъ.
Уже безвредно ядъ свой мещетъ,
Несытый разверзая зѣвъ.
Очьми кровавыми сверкая,
И въ бѣшенствѣ себя терзая,
Съ отчаяньемъ она гласитъ:
Погибла днесь моя держава!
Безсмертная Россіянъ слава
Во всѣ концы земли гремитъ.

* * *

Красуйся счастлива Россія
И пѣснь побѣдну воспѣвай:
Въ тебѣ зримъ паки дни златые;
Земной ты намъ являешь рай!
Куда мой взоръ ни обращаю,
Повсюду радости встрѣчаю;
Разрушена унынья власть.
Народы многи торжествуютъ,
Единодушно всѣ ликуютъ,
Глася свою блаженну часть.

* * *

Здѣсь мать, объемля, лобызаетъ
Къ ней въ лаврахъ возвращенныхъ чадъ
На нихъ умильно устремляетъ
Слезами отягченный взглядъ;
Сестра тамъ съ братомъ съединенна,
Однимъ съ нимъ чувствомъ упоенна,
Природѣ сладку платитъ дань.
Повсюду восклицанье внятно,
Повсюду зрѣлище пріятно
Являетъ окончанну брань.

* * *

Благополучная судьбина
Объемлетъ весь Россіянъ родъ.
Великая Екатерина!
Се твоего геройства плодъ.
Блаженствомъ нашимъ возвышайся!
Взирай, внемли—и наслаждайся
Величьемъ славы дѣлъ твоихъ!
Премудро царствуя надъ нами,
Владѣешь нашими сердцами:
Алтарь тебѣ воздвигнутъ въ нихъ.

VII.

Господамъ коннымъ артиллеристамъ.

Вы громовержцами давно ль центавры стали?
До нынѣ силой мышцъ, меча лишь остріемъ,
Противныхъ вы карали.
Днесь, огнеметный рядъ
За вами рыщущихъ громадъ
Настигнетъ, поразитъ, разсыплетъ, уничтожитъ
Враговъ, обманутыхъ въ падѣньи своемъ:
И кто не палъ мечемъ,
Того, послушный вамъ, крылатый адъ низложит

* * *

Дрожи—и знай кто Россу врагъ!
Съ тѣмъ царствомъ, мудрость гдѣ сама даетъ законы,
Гдѣ ей сотрудники Платоны [1]):
Брань — гибель съ царствомъ тѣмъ, союзъ — источникъ благъ.

VIII.

Строфы на дружбу.

Ты ропщешь, смертный, на судьбину!
Стеня подъ игомъ лютыхъ бѣдъ,
Ты жизни своея кончину
За первый ставишь свой предметъ.
Но что жъ?... Или, всего лишенной,
Не видишь въ цѣлой ты вселенной

---

[1]) Писано въ 1796 году лѣтомъ, а зимой, въ томъ я году трусилъ что написалъ; а въ 1801 раскаявался. Ув
Примѣчаніе автора.

Себѣ утѣхи?... Говори.
Иль духъ твой дружества не знаетъ?,..
Сего, коль рокъ тебя лишаетъ:
Ты выше рока будь... умри!

* * *

Но часть твоя сколь ни сурова;
Когда еще остался другъ,
Котораго вся мысль готова
Къ явленію тебѣ услугъ;
Коль скорбь твою онъ раздѣляетъ,
Съ тобою слезы проливаетъ...
Тебѣ ль о смерти помышлять?
И ты ль къ отчаянью способенъ?
Давно ль гласъ дружбы не удобенъ
Печали въ радость премѣнять!

* * *

Едина въ бѣдствіяхъ отрада,
Съ небесъ ниспосланный намъ даръ—
Сердецъ чувствительныхъ награда,
Разлей божественный твой жаръ!
Плѣняся святостью твоею,
Да всякъ устами и душею
Законъ признаетъ кроткій твой!
Да въ души искренность вселится,
И лесть коварна истребится
Твоей священною рукой!

* * *

Монархъ да знаетъ на престолѣ
Безцѣнность всю твоихъ даровъ!
И лести не внимая болѣ,
Да сокрушитъ коварныхъ ковъ.
Да помнитъ, дружбой просвѣщенный,
Что Царь и цѣлыя вселенны
Не болѣ бъ былъ какъ человѣкъ:
Что царства Онъ тогда достоинъ,
Когда народъ его спокоенъ
И имъ златой вкушаетъ вѣкъ.

* * *

Но что за красоты явились
Внезапно мысленнымъ очамъ?
Всѣ чувства радостью плѣнились!
Я духомъ пренесенъ во храмъ,
Издревле дружбѣ посвященный,
Отъ селъ въ пустыни удаленный;
Единый путь къ нему ведетъ;
Означенъ рѣдкими слѣдами,
Со всѣхъ сторонъ окопанъ рвами...
Да всякъ измѣнникъ въ нихъ падетъ!

* * *

У вратъ сидитъ Нелицемѣрность,
Имѣя обнаженну грудь.
Подруги Дружбы, Честь и Вѣрность,
Къ престолу показуютъ путь.
Честь, добродѣтели, геройство,
И твердость, душъ великихъ свойство,
Служа у Дружбы алтарей,
Вѣнцы безсмертія сплетаютъ,
И предъ богинею вѣнчаютъ
Усердно жертвующихъ ей.

* * *

Средь храма божество на тронѣ.[1])
. . . .
На сердцѣ у себя отверзтомъ,
Богиня указуетъ перстомъ
Словесъ сихъ огненны черты:
«Хотя вблизи, хоть отдаленно,
«У Дружбы сердце неизмѣнно
«Средь бѣдъ, и счастья суеты.

* * *

Рукой искусства оживленны
Герои дружбы зрятся тамъ.
Дѣла ихъ, славѣ порученны,
Прейдутъ къ позднѣйшимъ временамъ.
Одно ихъ здѣсь изображенье
Приводитъ разумъ въ восхищенье,
И новый жаръ родитъ въ сердцахъ.
Пиладовъ подвигъ вспоминая:
Какъ онъ, жизнь другу посвящая,
Еще ли кто познаетъ страхъ?

* * *

Лукавство, Правды подъ покровомъ,
Здѣсь иногда дерзаетъ быть;
Надѣется въ семъ видѣ новомъ
Вражду близъ Дружбы поселить.
Злой завистью сопровожденно
И злакомъ пагубнымъ снабженно,
Въ сердца пролить свой тщится ядъ:
Но злости ковъ не успѣваетъ;
Богиня взглядомъ поражаетъ
Чудовища, и гонитъ въ адъ.

* * *

О Дружба! жертвы ты пріемлешь
Отъ непорочныхъ лишь сердецъ.
Единымъ ихъ моленьямъ внемлешь;
Для нихъ единыхъ твой вѣнецъ.
Когда свое богатство числитъ,
Друзей обрѣсть напрасно мыслитъ
Надутый пышностью злодѣй,
Онъ горы злата истощаетъ:
Но что же имъ пріобрѣтаетъ?—
Сообщниковъ, а не друзей.

* * *

На цѣлый свѣтъ не промѣняю
Небесныхъ дружества утѣхъ;
И то лишь счастьемъ почитаю,
Въ чемъ съ другомъ общій мнѣ успѣхъ.
Лютѣйшая суровость рока,
Колико бъ ни была жестока,
Меня не въ силахъ устрашить.
Друзьямъ отчаянье поносно.
Какое бѣдствіе несносно,
Коль душу есть кому открыть!

IX.

На кончину

Князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго 1782 года 30 января.

Вѣщаетъ Царь-Пророкъ, въ уставахъ чтяй предвѣчныхъ
Честна предъ Господемъ смерть праведныхъ *Его.*
Такъ!—смерть, начало есть торжествъ имъ безконечныхъ;
Но міръ сокровища лишенъ въ нихъ своего.
Создавъ вселенную, премудрый всѣхъ Содѣтель,
Украсити ее, послалъ намъ добродѣтель:
Кто вѣренъ быть возмогъ непреткновенно ей,
Не царства одного—тотъ честь природы всей!

* * *

Чрезъ цѣлый вѣкъ, ни въ комъ не чтя себѣ злодѣя,
И правосудія храня уставъ всегда,
Кто могъ, и никому не причинилъ вреда:
Тотъ въ нѣдро вѣчности преходитъ не робѣя.
Таковъ, таковъ былъ сей, кого мы зримъ здѣсь прахъ
Незлобивъ, милостивъ: о пользѣ всѣхъ радѣя,
Утѣху находилъ онъ въ добрыхъ лишь дѣлахъ.
Коль плачущій когда въ пути его встрѣчался,
Уже съ слезами тотъ къ своимъ не возвращался.
Имъ сирый былъ призрѣнъ; томящійся въ бѣдахъ
Блаженство познавалъ, спасенъ его рукою...
Зрю гробъ его стѣсненъ рыдающихъ толпою,
И горькая слеза во всѣхъ блеститъ очахъ.

* * *

Дрожайша тѣнь! мой гласъ тебя да услаждаетъ,
Признательности долгъ мнѣ стихъ въ уста влагаетъ.

---

[1]) Римляне такъ богиню Дружбы изображали.

Горю послѣдовать примѣру твоему:
А благодарнымъ быть, не есть ли шагъ къ тому [1]?

X.

На кончину

Графа П. Ив. Панина, 1789-го года апрѣля 15.

Его ужъ нѣтъ?—Ужъ нѣтъ его межъ нами!
Се прерываемый рыданьемъ общимъ гласъ.
Покрытый лаврами, и мирными вѣнцами,
Отходитъ къ вѣчности—оставилъ Панинъ насъ!
Оставилъ!... Тяжкое для сердца изрѣченье!
Усердный патріотъ: столпъ государства сей,
Въ совѣтахъ—Демосфенъ, предъ войсками—Арей:
Въ недужной старости соблюлъ лѣтъ юныхъ рвенье
И добродѣтельми украсилъ весь свой вѣкъ.
Не титлы чтили въ немъ, въ немъ чтился человѣкъ.
Въ немъ чтили мужество, души великой свойство,
И рѣдкое, прямое то геройство,
Которымъ движимъ онъ и истину любя,
Готовъ былъ за нее не пощадить себя.
Ея поборникомъ отъ всѣхъ онъ признавался,
И симъ добротъ его соборъ увѣнчавался.

* * *

Ты, свѣту вновь явить обязанный его,
Умѣрь стенанія ты сердца своего
И мужа твердаго явися сынъ достойный.
Учась хранить, какъ онъ, средь бѣдства духъ спокойный,
Въ отраду, славы звукъ о немъ гремящъ, внимай,
И ею вѣкъ его—не днями измѣряй [2]).

XI.

На кончину

Князя Павла Сергѣевича Гагарина, 1789 года 2-го декабря.

Теки, плачевный стихъ въ слѣдъ чувствіямъ моимъ!
Гагарина друзьямъ, супругѣ и роднымъ
Во услажденье будь! Къ отрадѣ пусть узнаютъ,
Что съ ними горесть ихъ другіе раздѣляютъ,
Что ихъ достойный другъ, хоть мало въ свѣтѣ жилъ,
Но сожалѣніе отъ многихъ заслужилъ.
Незлобивый въ немъ духъ ко благу всѣхъ клонился;
Онъ бѣдныхъ къ помощи, казалося, родился,
И ставилъ мѣрою въ щедротахъ къ нимъ своихъ
Не столь избытокъ свой, какъ недостатки ихъ.
Внимая истины спасительну глаголу,
Богатствомъ онъ не чтилъ ни злато, ни сребро;
Его стяжаніе — творимо имъ добро:
Онъ, симъ богатъ, предсталъ къ предвѣчному Престолу [3]).

XII.

Ода

на побѣду, одержанную надъ турецкими силами подъ Мачинымъ, за Дунаемъ, 28-го іюня 1791 года, подъ командою князя Николая Васильевича Репнина.

Чрезъ горы, долъ, лѣса, стремнины,
Священнымъ озаренъ лучемъ,
Послушницу Екатерины,
Летящу славу зрю съ вѣнцомъ.
Стезей надоблачной несется;
Въ концы вселенной раздается
Златой трубы гремящій гласъ:
Ликуй, блаженная Россія!
Попрана сопротивныхъ выя:
Вновь, Россы, Богъ ущедрилъ васъ.

* * *

Жестокимъ бывъ смятенъ ударомъ
Врагъ лютый, но не укрощенъ,
Хотѣлъ отмстить во гнѣвѣ яромъ
Паденье Измаильскихъ стѣнъ.
Драконъ свирѣпый, многоглавный,
Облегши Истра брегъ пространный
И славясь крѣпостію силъ,
Металъ на Россовъ взоръ кичливой.
Надежды полонъ горделивой,
Орловъ пожрать какъ ангцевъ мнилъ,

* * *

Но къ славѣ Россамъ ли препона
Число, иль дерзость ихъ враговъ?
Не убоятся главъ дракона,
Ни страшныхъ скрежета зубовъ.
Побѣдъ подъ звукомъ воздоенныхъ,
Екатериной ополченныхъ,
Кто сдержитъ, кто смиритъ полетъ?
Въ рукѣ ихъ, русской, мечь Паллады,
Разитъ враговъ, ихъ рушитъ грады,
Наноситъ страхъ, гдѣ лишь блеснетъ.

* * *

Уже пути не заграждаетъ
Иракламъ сѣвернымъ Дунай:
Уже нога ихъ попираетъ
Отважно сопротивный край.
Познавъ недружня близость войска,
Зажглася въ нихъ душа геройска,
Вскипѣла кровь, о Россы! въ васъ.
Сыны побѣды! потерпите,
Сей день лишь жаръ вашъ удержите:
Настанетъ скоро мести часъ.

* * *

И се, лучемъ златымъ Авроры
Земной одушевился шаръ.
Вдали изъ тмы возникли горы;
Восходитъ къ небу тонкій паръ:
Се жертву общу всей природы
Приносятъ и земля и воды
Творцу всѣхъ благъ, отвергшу тѣнь!
Вся тварь, въ безмолвномъ умиленьи,
Возноситъ теплыя моленьи
И славитъ наступившій день.

* * *

Полки Россійски, средь долины,
Стадамъ подобны гордыхъ львовъ;
Сложась въ подвижныя твердыни,
Вмѣстилища огней, громовъ,
Отпоръ отвсюду дать способны,
Отвсюду поражать удобны,
Готовы всюду ходъ простреть:
Какъ тучи въ бурный день ужасны,
Со всѣхъ сторонъ равно опасны,
Во всѣхъ частяхъ несущи смерть. [1])

* * *

Но кто? кто мужъ сей сановитый?
Отваги огнь въ его очахъ. —
Репнинъ, вождь храбрый, знаменитый,
Россіи славный во сынахъ;
Со кротостью неустрашимость
И разсмотрительна рѣшимость
Суть доблести души его.
Онъ трудъ предпочитать покою
И всѣмъ примѣръ являть собою
Чтитъ долгомъ сана своего.

* * *

Усердіемъ воспламененный,
Возвелъ онъ очи къ небесамъ,
И, какъ бы свыше вдохновенный,

---

[1]) Сіи стихи, здѣсь внесенные съ нѣкоторою перемѣною писаны въ Петербургѣ и пересланы были мною къ роднымъ въ Москву по почтѣ.
Примѣч. автора.

[2]) Сіи стихи (иначе нежели здѣсь) напечатаны были на особыхъ листахъ, въ самый день погребенія.
Примѣч. автора.

[3]) Напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

[1]) Сею строфою я хотѣлъ описать баталіонъ каре.
Примѣчаніе автора.

Орлинымъ тако рекъ полкамъ:
«Въ сей день намъ счастье возсіяло,
«Сей день былъ нашихъ благъ начало: [1])
«Онъ и побѣды намъ залогъ!
«Въ усердномъ подвигѣ и смѣломъ,
«Россъ, буди самъ себѣ примѣромъ!—
«Дерзайте—намъ сподвижникъ Богъ!»

* * *

Вѣщалъ — слова его неслися
Молвы шумящей на крылахъ;
Подобно грому раздалися
Во храбрыхъ воиновъ сердцахъ.
Дѣтей Эоловыхъ какъ силы,
Вмѣстясь въ распущенны вѣтрилы,
Несутъ корабль поверхъ валовъ;
Такъ, рѣчію вождя почтенна,
Въ душахъ отважность возбужденна
Стремитъ Россіянъ на враговъ.

* * *

Текутъ, летятъ на сѣчь кроваву,
Колеблютъ кликами эѳиръ.
Забывъ опасность, зрятъ лишь славу;
На смерть стремятся какъ на пиръ.
И се, ужъ молніи сверкаютъ
Громовъ со трескомъ съединяютъ
Гортани мѣдны страшный ревъ.
Смѣсившись съ дымомъ, пыль крутится;
Тамъ всадникъ, тамо конь валится;
Разверзла смерть свой алчный зѣвъ.

* * *

Не адъ ли пламень изрыгаетъ,
Отъ тяжкихъ свобождаясь узъ?
Не вышня ль сила разрушаетъ
Между стихіями союзъ?
Въ густомъ дыму лучъ солнца тонетъ,
Земля горитъ, трясется, стонетъ,
Вкругъ воздухъ въ сѣрныхъ сжатъ парахъ;
Средь свѣта тма, средь водъ пожары;
Стонъ, вопль, громовые удары
Гласятъ погибель, множатъ страхъ.

* * *

Погибель, ужасъ — достоянье
Вступить дерзнувшихъ съ Россомъ въ бой.
Юсуфъ! гдѣ дерзко упованье?
Гдѣ гордый помыслъ прежній твой?
Хранящъ средь боя духъ спокойный,
Герой, героевъ вождь достойный,
Твою надменность укротилъ.
Твои движенья наблюдая,
Ударъ ударомъ предваряя,
Злохитрый ковъ въ ничто вмѣнилъ.

* * *

Екатеринѣ спобораетъ
Десница Вышняго вездѣ.
Побѣда Россіянъ вѣнчаетъ;
Врагамъ спасенья нѣтъ нигдѣ —
Стыда, отчаянія полны;
О камень какъ разбиты волны
Несутся вспять:—ихъ гонитъ страхъ.
Какъ овцы пастырей лишенны,
Бѣгутъ, тѣснятся, изумленны,
На сушѣ гибнутъ и въ водахъ.

* * *

Россіянъ храбрый предводитель,
Почтенный свѣтомъ Князь Репнинъ!
Бывъ славна подвига свершитель,
Отечества какъ вѣрный сынъ,
Соблюлъ ты должности уставы.
Но для тебя сей мало славы!
Сквозь радостный побѣды кликъ
Ты стономъ страждущихъ пронзился —
Герой чувствительный! — явился
Ты благотворностью великъ.

* * *

Несчастны жертвы лютой брани
Утѣшены самимъ тобой.
Ты, въ помощь ихъ простерши длани,
Живилъ сердца щедротъ росой. [1])
Въ жилище стона внесъ ты радость.
Твоихъ рѣчей вкушая сладость,
Лишенный всѣхъ почти ужъ силъ,
Тебѣ вздохъ томный посвящаетъ:
Онъ тѣмъ конецъ свой ублажаетъ,
Что ты слезой его почтилъ.

* * *

Другъ человѣчества! — войною
Быть громокъ можетъ и злодѣй;
Но славою блестятъ прямою
Подобны души лишь твоей.
Отечество умѣвъ прославить,
Достоинъ ты и миръ доставить
Столь твердъ соотчичамъ твоимъ,
Сколь человѣчеству полезенъ,
Да будешь и врагамъ любезенъ,
Сколь былъ дотолѣ страшенъ имъ.

* * *

Я предъ тобою изливаю
Всѣ чувствія души моей.
Не похвалы тебѣ сплетаю,
Глашу лишь правду въ пѣсни сей.
Пріими мое ты приношенье,
Не баснословныхъ музъ внушенье,
Но сердца чистый зри въ немъ жаръ,
Хоть пѣлъ тебя я недостойно,
Хоть пѣніе мое нестройно: —
Усердіе вмѣни мнѣ въ даръ.

XIII.

Темирѣ.

Желалъ бы цѣлый міръ во власти я имѣть
На то, чтобы тебя владычицей въ немъ зрѣть.
Всѣ, для главы твоей, сліять въ одну короны,
И кроткіе пріявъ изъ милыхъ устъ законы,
Орудьемъ быть твоихъ ко подданнымъ щедротъ,
И видѣть, что тобой счастливъ весь смертныхъ родъ.
Жила бы тѣмъ душа горящая тобою,
Что счастіе землѣ дано твоей рукою,
Что въ области твоей печальныхъ нѣтъ сердецъ,
Что всѣмъ возлюбленны твой скипетръ и вѣнецъ.
Я рай бы видѣлъ свой въ томъ, что моя Темира,
Моя владычица — любовь всего и міра!
Пускай, плѣнясь души и тѣла красотой,
Всякъ изъ рабовъ твоихъ совмѣстникъ былъ бы мой.
Любовь къ тебѣ вражды не сѣяла бъ межъ нами;
Любили бъ всѣ тебя согласными сердцами.
Твой жребій есть — къ себѣ всѣхъ души привлекать;
Одной улыбкою ты счастье можешь дать;
Одинъ, одинъ твой взглядъ, твое едино слово,
На всякій разъ — для всѣхъ благодѣянье ново.
Въ присутствіи твоемъ печалямъ мѣста нѣтъ:
Гдѣ ты, тамъ самый мракъ преобратится въ свѣтъ
Темира, страждущей души успокоенье,
Пріими всѣхъ чувствъ моихъ усердно приношенье.
Нѣтъ: смертнаго въ тебѣ не вижу ничего,
Я въ образѣ твоемъ зрю бога моего:
Чего бы въ немъ хотѣлъ, въ тебѣ то обрѣтаю,
И съ нимъ въ душѣ моей тебя не различаю.

---

[1]) 28-го іюня, восшествіе на престолъ Государыни Императрицы Екатерины II.

[1]) Послѣ сраженія князь Николай Васильевичъ посѣщалъ неоднократно лазареты.

XIV.

Къ Темирѣ.

Гонимый гнѣвною судьбою
Отъ мѣстъ, которыя красуются тобою,
Я бывъ, Темира, отлученъ
И чувствій безъ тебя пріятныхъ я лишенъ,
Во всемъ, что есть прекрасно,
Въ небытность я твою красотъ ищу напрасно.
Ни малой искры нѣтъ, ни въ чемъ того огня,
Которымъ воспламенялъ твой милый взоръ меня!
Что есть прелестнаго, со всѣмъ тебя равняю;
Но токмо то лишь обрѣтаю,
Что . . . . ахъ! — ни съ чѣмъ моя Темира не равна.

* * *

Когда восходитъ ночь на сапфирномъ престолѣ
И ей сопутствуетъ спокойная луна:
Сіяньа тишиной любезна всѣмъ она;
Но взора кротостью ты всѣмъ любезна болѣ!

* * *

Аврора ясный день когда предвозвѣститъ,
Струи златыхъ лучей обильно проливая;
Природа вся тогда въ утѣхахъ утопая,
Восторгомъ радостнымъ горитъ.
Меня единаго то чувство не коснётся.
Средь общей радости я вымолвлю стеня:
Милѣй бывало для меня,
Когда Темира усмѣхнётся.

* * *

Въ пріятны утренни часы,
Какъ дня свѣтило на восходѣ
Живитъ въ проснувшейся природѣ,
Ея безхитростны красы.
Всю тварь увидя обновленну,
Я уподобилъ бы тогдашне торжество
Тому, какъ грусть твоимъ отсутствомъ нанесенну,
Ты гонишь прелестью прихода твоего.
Какъ солнце, чувствіе ты сладкое вливаешь;
Подобно какъ оно, живишь, все украшаешь!
Но звѣзднаго царя въ началѣ кроткій лучъ,
Въ полдневные часы несносный намъ безъ тучъ,
Искать противъ себя защиты заставляетъ;
И твари всей отецъ бичемъ ея бываетъ;
Въ то время все бѣжитъ его лица.
А ты! пришествіемъ восхитивши сердца:
Всѣхъ взоровъ — мыслей всѣхъ — ставъ цѣлію одною;
Улыбкой ангельской, поступка тишиною,
Мгновенно усмиришь волненіе сердецъ.
Присутствіе твое желаній всѣхъ вѣнецъ!
И въ зрѣніи тебя вкушаема отрада,
Небеснымъ чувствомъ стать, лишь твоего ждетъ взгляда.
Сколь долго бъ ты въ бесѣдѣ ни была:
Гдѣ ты, тамъ всякая бесѣда весела:
Тамъ нѣтъ мгновенія, утѣхъ чтобъ не родило . . .
И солнце иногда не мило;
А ты всегда мила!

* * *

Не зрящему тебя ни въ чемъ нѣтъ утѣшенья.
Темира! томные влачу я въ скукѣ дни:
Мнѣ стали тягостны они,
И по тебѣ тоска мнѣ вмѣсто упражненья.

* * *

Стыдяся иногда я праздности моей,
Коль обращаюся къ забытой мною лирѣ,
И духомъ вознесясь превыше твари всей,
Плѣненный красотой, порядкомъ общимъ въ мірѣ,
Хочу воспѣть боговъ . . .
Хочу! — Но мысль одна всѣ мысли побѣждаетъ.
Безсмертныхъ прославлять не обрѣтаю словъ.
Коснѣя къ похвалѣ строителей міровъ;
За сердцемъ мой языкъ, собою самъ, вѣщаетъ:
Та міра божество — кто міръ сей украшаетъ.

* * *

Безъ чувства я къ предметамъ всѣмъ другимъ,
Красы твои въ душѣ имѣя впечатлѣнны.
Нѣтъ пищи чувствамъ здѣсь моимъ;
Во мнѣ и хладенъ духъ, и мысли расточенны.
Темиры гдѣ не зрю, все мертво въ той странѣ;
Воображеніе угасло и простыло;
На что бы ни взглянулъ, все для меня постыло,
И лиры ужъ моей противенъ голосъ мнѣ.
Прости, досель любезна лира!
Не мнѣ тобой владѣть . . .
Тебя гдѣ нѣтъ, Темира,
Что стану тамъ я пѣть?

XV.

Отрывокъ письма

къ Ал. Вас. Нарышкину, изъ Петербурга въ Москву, 1782 года.

Покоя мать, ночь темная проходитъ,
И шествуетъ пролить свой благотворный даръ
На часть другую міра.
Вокругъ меня вся тварь еще во власти сна;
Но вскорѣ нѣжный свѣтъ предшественницы солнца,
Проникнетъ до зѣницъ сомкнутыхъ сномъ очей,
И землю озаритъ покоемъ обновленну.
Въ сей мирный часъ къ тебѣ, Нарышкинъ, я пишу!
Ко пробужденію готовяся природы,
Я на тебя склонилъ мою бродящу мысль.
Тебѣ, отъ суеты мірскія отчужденну,
Малѣйши дѣйствія пріятны естества:
Въ сей часъ тебя съ собой сидяща воображаю,
И въ общей тишинѣ вещей порядку внемля:
Я мню, что мой восторгъ со мною ты дѣлишь.
Но истиннаго нѣтъ средь градовъ наслажденья!
Повсюду въ нихъ душѣ и зрѣнію предѣлъ.
Взоръ алчущій вотще нагой природы ищетъ,
Во всѣхъ мѣстахъ ее насильствуему зритъ,
И утомляется, не ощутивъ отрады.
Такія ль чувствія имѣетъ житель селъ?
Не тотъ, котораго судьбина угнетая,
И кромѣ силъ всего безжалостно лиша,
Ко услуженію подобныхъ осудила . . . . .
Но смертный счастливый, въ довольствѣ живущій вѣкъ,
Душой чувствительной, разсудкомъ одаренный:
Сей цѣну познаетъ естественныхъ красотъ.
Но нѣтъ — ввѣряяся стремленію сердечну,
Картиной счастія, намъ чуждаго съ тобой,
Не стану отравлять твоихъ я наслажденій.

XVI.

О славѣ.

Ты, коею нашъ умъ толико восхищенъ,
О ты, которой весь родъ смертныхъ покоренъ!
Хотя бываешь ты и добрыхъ дѣлъ виною,
Но чаще къ буйностямъ влечемся мы тобою.
Когда твой ложный блескъ чей разумъ ослѣпитъ;
Того уже ничто—ничто не устрашитъ.
Къ являемой тобой мы цѣли поспѣшая
И счастье истинно для тѣни покидая,
Зримъ часто пагубу и всѣхъ надеждъ конецъ,
Гдѣ чаяли пріять твой льстящій намъ вѣнецъ.
Блистательный призракъ играющъ токмо нами!
Стремимся всѣ къ тебѣ различными путями:
Тебѣ порабощенъ писатель, воинъ, царь:
Курится предъ тобой во всѣхъ сердцахъ алтарь,
И прелестей твоихъ не испытавъ отравы,
Всякъ презря для тебя спокойствіе, забавы,
И жизни не щадя, гоняясь за тобой,
Всегда готовъ мѣнять родъ жизни на другой.
Подобно какъ дитя, что куклою играетъ,
Пока еще его другая не прельщаетъ;
Но издали едва лишь новую узрѣлъ,
То брося первую, послѣдней захотѣлъ.

О смертные! не всѣ ль такіе жъ мы ребяты!
Премудры числимся, умны, замысловаты:
Но всѣ играемъ мы! - Счастливъ тотъ человѣкъ,
Безвредный кто сыгралъ себѣ и ближнимъ вѣкъ.

XVII.

Въ Павловской фермѣ, 1810 года.

(Велѣно было написать стихи на сіявшую тогда луну).

Въ вечерній мирный часъ, когда природа дремлетъ,
Какъ царствуетъ вездѣ любезна тишина;
Безмолвный твой глаголъ душа и сердце внемлетъ.
Другъ меланхоліи! сребристая луна!
Лучемъ волшебнымъ ты смиряешь чувствъ волненье:
Надежды сладкое питаешь упоенье;
Стенящему несешь отраду въ злой судьбѣ,
И образъ кротости являешь намъ въ себѣ...

* * *

Краса величія и благости подруга!
О кротость! первое сокровище царей!
Бесѣды избранной средь счастливаго круга,
Ты все животворишь въ странѣ прелестной сей.
Въ ней, геній благости, тобою къ намъ сіяя,
Благоговѣнье въ насъ воззрѣньемъ осмѣляя,
Къ пристойной вольности здѣсь каждаго зоветъ,
И чистыхъ намъ утѣхъ примѣръ въ себѣ даетъ.

* * *

Свѣтило милое! Цаптія дорогая!
Свой дѣвственный къ намъ взоръ умильно обращая,
Когда среди небесъ являешься безъ тучъ:
Утѣхамъ здѣшнимъ твой тогда подобенъ лучъ.

XVIII.

Надпись.

Къ гравированному портрету Кн. П. А. Зубова.

Среди цвѣтущихъ лѣтъ, сей, нравами Катонъ,
Въ замѣну всѣхъ забавъ избралъ труды едины.
Ходатаемъ за всѣхъ его зритъ россійскій тронъ,
Въ дни счастья Россіянъ — во дни Екатерины [1]).

XIX.

Слова

пѣтыя на праздникѣ, бывшемъ въ Павловскѣ въ 1797 году, по возвращеніи Государя Павла Петровича изъ перваго вояжа. Музыка Бортнянскаго.

МАРШИ.

Отроки.

Власти мудрой мы подъ сѣнью,
Музъ любовію горимъ.
Посвятясь трудамъ, ученью;
Возмужаемъ — плодъ явимъ.
О! когда усердью равны
Силы мы въ себѣ найдемъ!
Всѣ мы, въ Павловы дни славны,
Нашихъ предковъ превзойдемъ.

* * *

Юноши.

Отроковъ и старцевъ болѣ
Суждено намъ въ счастьѣ жить.
Всѣ ревнуйте нашей долѣ;
Мы готовѣй всѣхъ служить.

Въ благѣ нашемъ нѣтъ препоны,
И съ душой уста рекутъ:
Павловъ мечъ, Его законы,
Къ славѣ истинной ведутъ.

* * *

Воины.

Къ брани Павломъ ополченны
Выю гордыхъ сокрушимъ.
Повелитъ! — и въ край вселенны
Знамена Его промчимъ.
Царской воли исполненье,
Цѣль желаній нашихъ всѣхъ.
Гласъ Его, Его воззрѣнье,
Знакъ для насъ побѣдъ, утѣхъ.

* * *

Старики.

Въ счастливой минуемъ долѣ,
Позабывъ преклонность лѣтъ.
Зримъ щедроту на престолѣ,
И нашъ снова вѣкъ цвѣтетъ.
Времени намъ бѣгъ не страшенъ;
Каждый шагъ намъ счастью шагъ.
Вечеръ нашихъ дней украшенъ
Утромъ новыхъ Россамъ благъ.

* * *

Общій хоръ.

Россы! изъявимъ согласно,
Общій нашъ къ Монарху жаръ!
Всѣ воскликнемъ велегласно:
Онъ небесъ намъ щедрый даръ.

* * *

Старики.

Судъ имъ праведный хранится.

Отроки.

Сирый въ немъ защиту зритъ.

Юноши.

Слабый сильнымъ не тѣснится.

Воины.

Павловъ взоръ на всѣхъ открытъ.

Куплеты.

Въ войскѣ и въ судахъ устройство;
Процвѣтеніе наукъ;
Изобиліе, спокойство —
Даръ то Павловыхъ рукъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу — въ честь себѣ!

* * *

Къ міру простирая длани,
Изощренный мечъ несетъ;
Да врагу коварну въ брани,
Судъ и милость изречетъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу — въ честь себѣ!

* * *

Сладкій миръ предпочитаетъ
Славѣ звучныхъ онъ побѣдъ.
Духъ геройскъ въ себѣ смиряетъ,
Чтобъ спасти людей отъ бѣдъ.
Павла небеса храните,
Свѣту въ пользу — въ честь себѣ!

XX.

Строфы на Павловскъ, 1805 года.

1.

Духъ робкій, ободрись, дерзай!
Охотѣ слѣдуй сокровенной,
Въ тебѣ издавна поселенной,
Воспѣть прелестный здѣшній край.
Богиня родомъ и душою,
Богиня тѣла красотою,
Создавшая страну сію,
Сама мнѣ пѣть повелѣваетъ,
Безсмертныхъ воля укрѣпляетъ
И духъ и силы въ насъ — пою

[1]) Сіи весьма незатѣйные четыре стишка сдѣланы мной въ 1796 году, *прежде ноября*. Я ихъ въ 1803 году сюда вписываю, на то, чтобы они были мнѣ навсегда напоминовеніемъ того правила: *что на похвалу людей случайныхъ вызываться не надобно.* — Для чего же? — По той же причинѣ, по которой не должно бить лежачаго, — *и тѣмъ и другимъ себя унизишь.* — Впрочемъ, въ стишкахъ сихъ нѣтъ лести; всѣ знаютъ, что онъ жилъ скромно, и что ни чье ходатайство, кромѣ его, не было дѣйствительно.

Примѣч. автора.

2.

Тебя, сынъ вкуса и природы,
Тебя, пою, о Павловскъ я!
Святилище утѣхъ, свободы,
И красота страны всея;
Къ тебѣ и долгомъ, и желаньемъ,
И прошлыхъ дней воспоминаньемъ
Влекусь, восторгомъ я горя.
Здѣсь нѣкогда средь мирной доли
Я былъ блюститель воли,
Мнѣ благодѣюща Царя.

3.

Здѣсь, здѣсь, не разъ бывалъ свидѣтель
Движеніямъ души я сей,
Гдѣ страсть порядка, добродѣтель,
Блистали въ полнотѣ своей.
Свидѣтель былъ благотвореньямъ!
Его небеснымъ восхищеньямъ
При изліяніи щедротъ! —
Кто счастливъ счастіемъ другаго,
Кто чуждое своимъ чтитъ благо:
О! благъ воистинну есть тотъ!

4.

Но что! Какое упоенье
Внезапно овладѣло мной!
Невольно мыслей устремленье
Влекло и духъ и разумъ мой.
Прости, Царица благотворна!
Коль мысль желанью не покорна...
Коль я тебѣ напомнить смѣлъ...
Мнѣ пѣть страну, гдѣ обитаешь;
Собою въ небо претворяешь;
Я чувства лишь мои воспѣлъ.

5.

Страну сію ты оживила;
Дала ей ново бытіе.
Пустыню, дебри, превратила
Въ прелестно-райско житіе.
Очаровательны вкругъ виды;
Сады явились тамъ Армиды,
Гдѣ былъ непроходимый боръ;
Гдѣ эхо лишь стенало томно, —
И что за зданіе огромно
Вдали мой поражаетъ взоръ!

6.

Гряду... Безмолвіе священно
Край здѣшній наполняетъ весь.
Колѣно преклони смиренно
О! странникъ, мѣсто свято здѣсь!
Благочестивая Марія,
Величія забывъ земныя,
Паря здѣсь духомъ къ небесамъ,
О рождшихъ слезы проливаетъ,
И нѣжнымъ вздохомъ возсылаетъ
Любви къ нимъ чистый фиміамъ.

7.

Объятъ восторгомъ продолжаю
Среди прохладныхъ рощей ходъ;
И се предметъ еще встрѣчаю,
Еще любви скорбящей плодъ,
На мраморѣ изображенный.
Свѣтильникъ брака погашенный,
И сѣтующихъ зрю птенцовъ.
Судьба ихъ матери лишила,
Ни младости не пощадила,
Ни всѣхъ природы въ ней даровъ.

8.

И такъ, ни Царска часть высока,
Ни благодѣтельность сама,
Отъ злобы непреклонна рока,
Сокрыть, избавить не сильна!
Тебѣ-ль, въ женахъ благословенна,
Въ благотвореньяхъ несравненна!
Тебѣ-ль отъ злой судьбы терпѣть!
Тебѣ-ль дающей всѣмъ блаженства,
Знать благъ земныхъ несовершенства,
Всѣхъ радуя, Тебѣ-ль скорбѣть!

9.

Умолкну. — Дара не имѣю,
О Павловскъ, пѣть красотъ твоихъ.
Я только чувствовать умѣю;
Другой пускай прославитъ ихъ.
Твои сады, долины злачны,
Каскады и ключи прозрачны
Другимъ достойно воспѣвать!
Я съ восхищенною душою,
Лишь благодарною слезою
Тебѣ мой долгъ могу воздать.

XXI.

Польской,

для праздника, даннаго В. К. Константину Павловичу Павловскѣ, на случай прибытія Его съ извѣстіемъ о мир 1814 года.

Отъ побѣды лавръ пріявый,
Вождь крылатыхъ брани тучъ;
Александра свѣтлой славы
Отдѣлившійся къ намъ лучъ:
Гость драгой, всевождѣленный,
Мужественный Константинъ!

* * *

Отрасль царска, сынъ героевъ;
Ты породой ужъ герой!
Но среди кровавыхъ боевъ,
Самъ стяжалъ вѣнецъ ты свой.
Павла кровь, Екатерины:
Кровь Петра ты оправдалъ.

* * *

Храбрость оказалъ ты дивну
Въ битвахъ противъ вражьихъ силъ.
Нынѣ первый вѣтвь оливну,
Нашимъ ты очамъ явилъ.
Подвиговъ твоихъ награда,
Вѣстникомъ блаженства быть. —

* * *

Душъ великихъ наслажденьемъ
Насыщай геройскій духъ.
Въ кликахъ общимъ восхищеньемъ
Всюду твой разится слухъ.
Всюду къ небу взносятъ длани;
Имя славятъ всѣ твое.

* * *

Добродѣтели вѣнчанной,
Рождшей намъ тебя на свѣтъ,
Твой приходъ, давно желанный,
Нѣжну радость въ сердце льетъ:
Лаврами главу покрыту,
Къ персямъ ты ее склони.

* * *

Послѣ бурь, о вѣстникъ мира!
Ты вкуси при ней покой.
Нравомъ тише въ ней зефира,
Усладится отдыхъ твой.
Пусть у ногъ ея почіетъ
Твой врагамъ ужасный мечъ.

XXII.

Хоръ

пѣтый въ Павловскѣ 27 іюля 1814 года, у первыхъ воротъ ведущихъ къ Розовому Павильону.

Гряди, гряди благословенный!
Оливой вѣнчанный Герой,
Побѣдой, славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой.

* * *

Въ объятьяхъ Матери нѣжнѣйшей
Забудь труды и шумну брань;
Отрадѣ вдайся всѣхъ живѣйшей,
Ея любви пріемля дань.

* * *

Она въ разлукѣ утѣшала
Духъ скорбный славою твоей;
Смущенной мыслью пребывала
Съ тобой средь вражескихъ мечей.

* * *

Днесь вняли небеса благія,
О сынѣ матерней мольбѣ!
Ты возвращенъ, и вся Россія
Въ восторгѣ съ нею о тебѣ.

XXIII.

Польской,

пѣтый на балѣ, 27-го іюля 1814 года.

Твердь небесну потрясайте
Клики радостныхъ сердецъ!
Долы, горы, повторяйте:
Съ нами, съ нами нашъ Отецъ;
Нашъ Монархъ благословенный,
Нашъ безсмертный Александръ!

* * *

Отъ бреговъ Москвы до Тага,
Звукъ гремитъ его побѣдъ.
Общаго виновникъ блага,
Онъ Европу спасъ отъ бѣдъ.
Вѣры, доблести исполненъ,
Всѣхъ героевъ онъ затмилъ.

* * *

Сынъ крамолы, другъ измѣны,
Имъ сраженъ, со трона палъ.
Родъ піющій воды Сены,
Онъ прощеньемъ наказалъ.
Твердъ, могущественъ и кротокъ
Онъ монархамъ образецъ.

* * *

Въ слѣдъ о немъ гремящей славы,
Всюду нашъ восторгъ промчись;
Счастье Россія державы
Въ край вселенной разнесись:
Александръ, се паки съ нами;
Паки съ нами нашъ Отецъ!

* * *

Александръ! О ангелъ мира!
Щедрый даръ благихъ небесъ!
Щитъ царей — твоя порфира.
Мечъ — орудіе чудесъ!
Ты возставилъ падши троны;
Ты Европу воскресилъ;

* * *

Возвеличилъ насъ, прославилъ
Днесь и въ будущихъ вѣкахъ.
Памятникъ себѣ поставилъ,
Вѣрныхъ Россіянъ въ сердцахъ.
Дышитъ Россъ къ тебѣ любовью:
Ею счастливъ, — ею живъ.

XXIV.

Отвѣтъ В. Л-чу М.....му, въ 1778 г.

на письмо безъ подписи, которымъ онъ вызывалъ меня на дуэль за то, что я ему не отвѣчалъ на прежнее его письмо.

Смотри-ко хватъ какой! — Онъ ладитъ хоть подраться
Нѣтъ! — Чрезъ полицію кто сносится со мной,
Нелегкая-ль велитъ на вызовъ съ тѣмъ податься;
А взявшися за умъ, да стихъ послѣдній твой
Какъ въ Сѣѣзжей объявлю — и не въ Осьмой [1])
уждъ Части!

[1]) Письмо М-го принесено мнѣ было съ Сѣѣзжей 8 й Части.

Какъ справитесь тогда вы съ музою своей?
Увидимъ, нашъ піитъ съ какой подойдетъ масти;
Какой дастъ оборотъ строкѣ сварливой сей,
Въ которой у меня онъ жизнь отнять грозится!
Не будетъ ли ему трудненько изъясниться,
Съ какимъ онъ умысломъ стишокъ сей тутъ приткнулъ;
Съ какими мыслями его онъ подчеркнулъ,
Къ чему?—Однако жъ, нѣтъ, я убѣгаю ссоры.
Престану угрожать, оставлю всѣ укоры,
И вспомня, что ты мнѣ по вкусу къ рифмамъ братъ,
Безъ сердца вопрошу: за что ты осердился?
Что мой отвѣтъ не скоръ?—Да чѣмъ я виноватъ?
Не всякъ вѣдь съ музами по твоему сдружился;
Не всякъ по твоему способностьми богатъ;
Не всякъ, лишь за перо—такъ и стихи поспѣли!
Писать къ тебѣ сбираюсь двѣ недѣли;
А если бъ вновь еще меня ты не поджогъ,
Такъ можетъ-быть, и въ годъ собраться бы не могъ.

. . . .
. . . .
. . . .

Всего бы лучше намъ съ вами увидѣться.
Я даю вамъ слово не спрашивать, кто вы таковы.
Вы можете спокойны быть;
Что кроютъ отъ меня, того не тщусь я вѣдать.
Прошу, назнача день, пріѣхать отобѣдать,
О вашихъ и моихъ стихахъ поговорить,
Поспорить, почитать, межъ дѣла подрюнить,
И межъ собой пріязнь взаимну заключить...
Увы! Лѣтъ пять назадъ, я бъ позвалъ и попить.

XXV.

Письмо къ А. В. Сол...у.

Писано изъ Нѣжина, въ Москву, 1783 года, въ апрѣлѣ.

Влюбленъ ты С. — я слышалъ не на шутку.
Въ Климену ль знатную, въ простую ли Машутку,
Мнѣ все равно: тому я только радъ,
Что тотъ, который мнѣ, пять мѣсяцевъ назадъ,
Такъ много насмѣхался;
Теперь со мной равенъ, и въ ту же сѣть попался.
Я вѣрю, что въ любви различна участь намъ;
Что болѣе меня имѣешь ты успѣха:
Но хоть казался я тебѣ достойнымъ смѣха;
Пускай со стороны насъ судятъ по дѣламъ.
Какъ велъ себя прошедшаго я лѣта
Отчетъ мнѣ въ томъ подробный трудно дать;
Но вотъ что я могу сказать,
На мѣсто точнаго отвѣта.

* * *

Хотя мной чтимъ всегда церковный былъ обрядъ;
Гусаръ Островскаго [1]) хотя пріятно пѣнье;
Хотя я къ Троицѣ всегда имѣлъ почтенье
Но въ среду всякую, пятокъ и воскресенье
Пять мѣсяцевъ назадъ
Не пѣлъ я Троицѣ молебновъ на подрядъ.
Пять мѣсяцевъ назадъ,
Коли бъ за триста верстъ пріятель мой женился,
На свадьбу, можетъ быть, я бъ ѣхать не рѣшился.
Рѣшась,—безъ овощей ужъ я бъ не воротился,
И съ тѣмъ въ Москву не торопился,
Чтобы поспѣть на маскарадъ [2]).
Пять мѣсяцевъ назадъ.
Но ты, я слышу, рѣчь мою перебиваешь;
Кричишь:—пустое все, Нелединскій, болтаешь!
Что нужды, что не пѣлъ молебновъ на подрядъ,
Что съ свадебъ не спѣшилъ ты ѣздить въ маскарадъ?
Коль хочешь сравнивать себя въ дѣлахъ со мною,

[1]) Полицейскіе гусары, славные въ то время пѣвчіе, которыхъ ѣздили слушать къ Троицѣ на Арбатѣ.

[2]) В. В. Нащ.. женился тогда въ Курскѣ, куда А. В. ѣздилъ нарочно, чтобъ быть на свадьбѣ, расчелъ, что поспѣетъ воротиться въ маскарадъ.—Свадьба была отложена на сутки—онъ уѣхалъ.

На что жъ обиняки!—Ты рѣчью мнѣ простою,
Скажи, какъ велъ себя пять мѣсяцевъ назадъ!
Оно то, С..ъ, оно то мнѣ и трудно.
Отъ упоеннаго ждать толку безрасудно!
Пять мѣсяцевъ назадъ, увы! я бѣдный пилъ,
Пилъ чашу горести, безумствомъ поднесенну,
Надеждой никогда отнюдь не подслащенну...
Но старыхъ взбалтывать не надобно дрожжей.
Попей-ко ты, мой другъ, попей
Теперь изъ чаши сей;
Увидимъ мы тогда... Нѣтъ, нѣтъ, я заблуждаю!
Отъ слова своего охотно отступаю,
Лишь только бъ ты мою простилъ мнѣ простоту,
Что жолчи я поднесъ тому, кто пьетъ сыту!
Красавицынъ причотъ, игры, забавы, смѣхи;
Малѣйшу отъ тебя печали гонятъ тѣнь:
Тебѣ приноситъ каждый день
И счастье новое, и новые утѣхи.
Въ присутствѣ красоты, плѣненъ которой духъ,
Всѣмъ обольщаются и зрѣніе и слухъ.
Ты обращенны зришь къ себѣ прелестны взоры;
Съ владычицей души вступаешь въ разговоры;
То внемлешь голосу, стыдящу соловья,
То въ танцахъ легкостью ты восхищенъ ея.
Всѣ словомъ прелести, и всѣ дары природы,
Себѣ къ отрадѣ зришь ты собранныя въ ней,
И наслажденій разны роды,
Вмѣщаешь ты въ душѣ своей,
А я средь скучныя свободы,
Картиной участи твоей
Мысль расточенную пріятно упражняю,
И отъ твоей пріязни ожидаю,
Что не оставишь ты иль прозой иль стихомъ
Увѣдомить меня о томъ,
Что свѣдать въ точности я о тебѣ желаю.
Про нову страсть твою и люди говорятъ;
И самъ о ней сужу я много наугадъ:
Но ты мое рѣшишь и прочихъ толкованьи,
Сказавъ мнѣ о себѣ, въ подробномъ описаньи,
За подлинноль ты все то дѣлать въ состояньи,
Чего бъ не сталъ и я пять мѣсяцевъ назадъ.

XXVI.

Письмо къ Дарьѣ Ивановнѣ Головиной, изъ Витебска.

Ужъ матка ты мнѣ уши прожужжала!
Твердишь все:—равнаго нѣтъ счастью моему!
Что жъ?—Подразнить меня ты этимъ загадала?
Авъ лихъ не быть по твоему.—
Ты думаешь досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ:
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами;
Гоняются за мной стадами.
Однако жъ я все твердъ,—на грѣхъ не поступлю
И многихъ для одной тирански не сгублю.
Да вамъ что сдѣлалось? Лобановъ, К...ева,
Нашъ прапорщикъ Блахинъ, еще забылъ другово.
Всѣ женятся, и за мужъ всѣ бредутъ!
Ну! въ этотъ годъ попы машонки понабьютъ.
Что говоритъ теперь А.....а графиня?
Молчитъ!—Да что жъ, вѣдь городъ не пустыня;
Въ немъ жениховъ всегда крутится рой.
Я ей давно твердилъ, что выдетъ годъ такой,
Что женихи крѣпиться перестанутъ!
И сами къ хомутамъ головушки протянутъ.—
Схватила мать моя себѣ ты молодца!
Да какъ подкралася!—И онъ знать воръ дѣтина:
Онъ Дарью поймалъ:—вѣдь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А тамъ мое ужъ будетъ дѣло,
Его къ себѣ любовь и дружбу заслужить.—
За то ручаюсь смѣло,
Что Дарьинъ мужъ всегда найдетъ во мнѣ
Слугу, каковъ я былъ и есмь его женѣ.

XXVII.

Эпиталама на свадьбу Д. И. Головиной.

Воспой, о муза ты со мною,
Уварова съ Головиною—
Или Уварова съ женою.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ или нѣтъ:
Да все равно; лишь былъ бы стихъ пропѣтъ;

* *

Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона,
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ:
А теперь какъ миновался,
Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.—
Братцы! Выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ;
А теперь пить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!

* *

Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ...
Коли бъ былъ женатъ на Марьѣ,
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите рощи, горы;
Засвищите соловьи;
Птички нѣжно воспѣвайте,
И летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.

* *

Дарья и Семенъ счастливы:
Станемъ пѣснями гремѣть;
Оба, оба не спесивы;
Станутъ пѣсню нашу пѣть!
Хоть Семенъ и запнется
Пѣсня Дарьей допоется:
Та подхватитъ за него.
Хоть фальшиво и затянетъ,
Но заслуживать то станетъ
Взглядомъ, что милѣй всего.

* *

Будь всегда благополучна,
Мнѣ любезная чета!
Будь съ любовью не разлучна;
Вѣрь: другое все мечта!
Я теперь болтать уймуся,
До того, когда дождуся
Нову зрѣть семью твою.
Для Уваровыхъ малютокъ
Я изъ новыхъ прибаутокъ
Нову пѣсенку спою.

* *

Воспѣли, муза, мы съ тобою
Уварова съ Головиною.
Не знаю, свадьба ихъ была ужъ, или нѣтъ;
Бѣды нѣтъ, хоть впередъ нашъ стихъ имъ былъ пропѣ[тъ]

XXVIII.

Наборъ антитезъ.

Довольно ли терзаешь
Меня, жестока страсть?
Гдѣ счастье обѣщаешь,
Тамъ ждетъ меня напасть.
Сулишь всегда, къ отрадѣ,
Мнѣ милаго узрѣть:—
Узрю - но лишь къ досадѣ,
Болѣе чтобъ терпѣть!

* * *

Въ очахъ его напрасно
Ищу себѣ отрадъ.—
Сколь сердце въ немъ безстрастно,
Столь холоденъ и взглядъ.
Себя сколь ни ласкаю
Найти премѣну въ немъ...
Ни въ немъ не обрѣтаю—
Ни въ пламени моемъ.

* * *

Хотя бъ я той утѣхи
Лишенна не была,
Предъ нимъ чтобъ безъ помѣхи
Я воздыхать могла!
Но должность по неволѣ
Смиряетъ страсть мою.
Въ толико тяжкой долѣ,
Чѣмъ мучусь, то таю.

* * *

Отраду коль имѣю,
То въ мысли лишь одной,
Что тронутъ онъ ничьею
Не будетъ красотой.—
Но и сія въ напасти
Надежда мнѣ одна:
Питая въ лютой страсти,
Меня губитъ она.

XXIX.

Загадка акростическая.

Довольно именемъ извѣстна я своимъ;
Равно клянется плутъ и непорочный имъ;
Утѣхой въ бѣдствіяхъ всего бываю болѣ;
Жизнь сладостнѣй при мнѣ и въ самой лучшей долѣ.
Блаженству чистыхъ душъ могу служить одна;
А межъ злодѣями—не быть я создана.

XXX.

Стихи на заданныя рифмы.

Бывалъ я молодецъ: сталъ мокрая—тряпица!
Что́ прежде было медъ, теперь мнѣ то—горчица.
Бывало, поясомъ свой сдѣлавши—платокъ,
Пуститься въ плясуны, и въ зубы взять—свистокъ;
Довольно, чтобъ забыть большое—огорченье,
А нынѣ!... грусть пришла... и тщетно все—раченье.
Ко счастью человѣкъ ползетъ какъ будто—ракъ:
Ему бы все впередъ—онъ пятится—囗ракъ!
Играетъ съ молоду, какъ въ чистой рѣчкѣ—щука;
А съ лѣтами придутъ заботы, грусть и—скука.

* * *

Былъ славенъ или нѣтъ Князь древній Ярополкъ,
Мы слышимъ отъ людей о томъ различный—толкъ.
Что вѣкъ—то мнѣніе! и нами безъ-обиды
Не чтимъ Зевесовъ сынъ:—у насъ свои—алкиды.
У нашихъ предковъ столь сговорчивый былъ—нравъ,
Что богомъ быть у нихъ и стругъ могъ и—буравъ;
И всяка гадина: лягушка, змѣй и—крыса.
А въ наши времена,—спроси у—черемиса,
Хотя не богомъ онъ, но чтитъ весьма—табакъ;
А раемъ пьяница считаетъ и—кабакъ.

XXXI.

Отвѣтъ,

на стихи князя Фед. Ник. Голицына, который не задолго предъ тѣмъ написалъ торжественную оду.

Пріятно похвалу принять мнѣ отъ того,
Кто самъ ее отъ всѣхъ достойно получаетъ.
Изъ первыхъ опытовъ таланта твоего
Любимца музъ въ тебѣ здѣсь всякой признаваетъ.
Монарховъ пѣть [1]) онѣ избрали голосъ твой.—
Съ парнасской высоты, бесѣдуешь гдѣ съ ними,
Воспламеняй лучами ты своими
Меня, сидящаго смиренно подъ горой.

XXXII.

На требованіе чтобъ я описалъ бога любви.

Онъ мой, злодѣй, мой богъ.
Ему служа, его я ненавижу;
Злодѣя въ немъ себѣ и видѣлъ я и вижу:
А богомъ стать моимъ онъ чрезъ тебя лишь могъ.

XXXIII.

Гр. А. С......й.

За ужиномъ, при ожиданіи полуночи, наканунѣ новаго 1781 года.

Гдѣ не знаютъ скуки бремя;
Гдѣ веселье на лицахъ;
Нужно-ль замѣчать тамъ время?
Нужно-ль думать о часахъ?
Старый годъ пускай проходитъ:
Изъ твоихъ вѣдь не уводитъ
Никого онъ за собой!
Спутники твои, утѣхи,
Радости, игры и смѣхи
Въ вѣкъ останутся съ тобой.

XXXIV.

Сила дружбы.

Еслибъ мнѣ когда сказала
Та, кто жизни мнѣ милѣй:
Ты другъ розѣ, я слыхала,
Не терплю я дружбы съ ней!
Ты мнѣ милъ, ты мной пылаешь,
Коль руки моей желаешь,
Съ розой дружбу разорви:
Вотъ цѣна моей любви!—
Я скажу въ отвѣтъ любезной:
Коль не буду твой супругъ,
Я умру съ тоски конечно,
Но умру я—розѣ другъ.

XXXV.

Отвѣтъ

на стихи Павла Ивановича Кутузова.

Ты правъ, Кутузовъ... въ томъ; тѣ двѣ Елисаветы,
Которыхъ описалъ толь ясно ты примѣты,
Повсюду славятся въ достоинствахъ своихъ.—
Но какъ ты могъ, скажи, при той Елисаветѣ,
Которой посвятилъ внушенный ею стихъ,
Которой нѣтъ милѣй, прелестнѣе на свѣтѣ:
Какъ могъ, скажи, при ней ты думать о другихъ?
Возможно ли хотѣть и мыслью съ ней разстаться?
А ты, чтобы составить сій
Не нужный для нея трофей,
Былъ долженъ въ прошлый вѣкъ и въ дальный край пускаться!
Не всѣ ль вѣка затмитъ минута съ ней одна,
И цѣлый міръ не тамъ ли, гдѣ она!

XXXVI.

Стихи,

написанные въ ложѣ, во время представленія Танкреда, въ день бенефиса г-жи Семеновой, февраля 7-го 1812 года.

Не сомнѣвайся въ томъ, предстали бы толпою,
Семенова! защитники твои,
Когда бы критикой завистною и злою
Твои мрачилися талантомъ славны дни....
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,
И чувствомъ движима, лица ты красотой,

[1]) Имъ написана ода, помнится, на рожденіе Вел. Кн. Александра Павловича; напеч. въ Академ. того года Извѣстіяхъ,

О! музъ питомица, любезна Мельпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ!—Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ, чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.

XXXVII.

Надписи къ портретамъ.

Въ портретѣ семъ чего недостаетъ?
Души въ немъ нѣтъ....
Но всякъ ему свою, лишь взглянетъ, отдастъ.

Надписи къ портретамъ.

I.
Для глазъ довольно, для сердца мало.
II.
Лучшій у меня въ сердцѣ.
III.
Душа въ ней еще лучше.
IV.
Узнай ее—полюбишь.

XXXVIII.

Елисаветѣ Семеновнѣ Обрѣзковой.

Въ деревнѣ, 1806 г. іюля 17.

Природа здѣсь свою суровость намъ явила;
Одни со всѣхъ сторонъ болоты, камни, лѣсъ;
Все будто для себя устроивалъ самъ бѣсъ;
И съ тѣмъ-то знать судьба тебя здѣсь поселила,
Чтобъ свѣту показать, что самый дикій край
Твоимъ присутствіемъ преобратится въ рай.

XXXIX.

Ей же для альбома.

Мой слабый стихъ ее достойно не прославитъ;
Она отъ всѣхъ похвалъ, сравненій далека.
Художникъ, зря ее, рѣзецъ и кисть оставитъ,
И риторъ и піитъ при ней безъ языка.

XL.

Ей же.

Красавицъ тьма для глазъ!
Для сердца нѣтъ и двухъ на свѣтѣ.
Глаза тебя найдутъ межъ всѣми въ первый разъ;
А тамъ.... ужъ ты на вѣкъ у сердца на примѣтѣ.

XLI.

Одной дѣвицѣ.

Велѣла первымъ быть ты въ книгѣ мнѣ своей.
Ириса! я могу вѣдь этимъ возгордиться.—
Ахъ нѣтъ! Судьбою тотъ лишь можетъ похвалиться,
Кто мѣсто первое займетъ въ душѣ твоей.

XLII.

Стихи

Елисаветѣ Семеновнѣ Обрѣзковой, написанные при прочтеніи стиховъ похвальныхъ.

Нѣтъ, ни тебя, ни чувствъ, тобой внушенныхъ,
Талантъ, ни самъ восторгъ не въ силахъ описать.
Нельзя всѣхъ прелестей, въ тебѣ совокупленныхъ,
Обыкновенными словами изъяснять.
Потребенъ бы на то языкъ отъ всѣхъ отличный,
Тебѣ присвоенный, одной тебѣ приличный:
Такой, какъ ты сама, небесный, не земной...
Но знаетъ тотъ языкъ лишь кто любимъ тобой.

XLIII.

Епиграмма.

Тотъ пишетъ прозою, въ другомъ піиты жаръ;
Успѣха ищетъ всякъ, пріявъ особый даръ;
Но свойственно умамъ, отличностію славнымъ,
И въ прозѣ и въ стихахъ писать съ успѣхомъ равнымъ.
Здѣсь рѣдкій сей примѣръ намъ Тимонъ подаетъ.
Онъ въ прозѣ и въ стихахъ съ успѣхомъ равнымъ вретъ.

ПЕРЕВОДЫ.

Quiconque ne fait que traduire
ne sera jamais traduit.

I.

О должностяхъ общества.

(Соч. Томаса).

Надписана человѣку, хотящему жить въ уединеніи.

1.
Проснися, отложи губительну безпечность,
О смертный! и потщись полезнымъ свѣту быть.
Не медли, близокъ часъ! Глубокій мракъ на вѣчность
Готовъ тебя покрыть.

2.
Гдѣ мудрость, разумъ твой? Ты-ль ими могъ хвалиться
Позорной праздности объялъ ихъ гнусный сонъ.
Родимся мы къ трудамъ; кто въ лѣности томится,
Не живъ, а мертвъ ужъ онъ.

3.
Кинь взоры вкругъ себя.—Въ обширности вселенной
Все проповѣдуетъ Творца премудру власть;
Все въ дѣйствѣ, все хранитъ уставъ опредѣленной;
Все—цѣлаго есть часть.

4.
Колеблетъ волны вѣтръ; вихрь воздухъ очищаетъ;
Вода съ прохладой жизнь разноситъ всѣмъ странамъ
Плодятся сѣмена; огонь міры питаетъ;
И всѣмъ питаемъ самъ.

5.
А ты, безсмертною душою одаренный,
Слѣпому-ль случаю, мнишь, отданъ быть въ удѣлъ;
На то, чтобъ въ вѣчну цѣпь одинъ непомѣщенный,
Ты жизнь въ бездѣйствѣ велъ?

6.
Родъ смертныхъ, предваривъ твое на свѣтъ рожденье
Законы далъ тебѣ; стѣнами оградилъ.
Столѣтій многихъ трудъ, тебѣ во облегченье,
Къ искусствамъ путь открылъ.

7.
Насущный хлѣбъ твой, домъ, гдѣ миръ тебя срѣтаетъ
Твоихъ забавъ и нуждъ нераздѣлима связь—
Все сердцу твоему долгъ общій налагаетъ,
Полезнымъ быть трудясь.

8.
Творишь ли ты, что долгъ велитъ отчизны сыну?
Вострепещи, внушивъ названіе сіе!
Иль впредь оплакивать ей не твою кончину,
Но бытіе твое?

9.
Стыдъ вѣка нашего и цѣлыя вселенны!
Любви къ отечеству отринутъ долгъ святой!
Славнѣйшихъ подвиговъ источникъ драгоцѣнный,
Что сталося съ тобой!

10.
Отчизна съ дѣтства корнь добротъ въ тебѣ питаетъ;
Законовъ стражъ блюдетъ блаженство дней твоихъ;
Въ защиту за тебя кровь воинъ проливаетъ.—
Ты что творишь для нихъ?

11.
Иль связи кровныя, надъ сердцемъ всемогущи,
Твоихъ, о смертный, чувствъ не въ силахъ возбуждат
Ихъ сладость и Гуронъ, среди кровавой кущи,
Умѣетъ познавать.

12.
Подруги на него примѣть ты взглядъ нѣжнѣйшій;
Отецъ въ сѣдыхъ власахъ покоится при немъ.
И къ персямъ преклонясь, жметъ сынъ его юнѣйшій
Въ объятіи своемъ.

13.
А ты, уединенъ и чуждъ въ природѣ цѣлой!
Ты бытіемъ своимъ несопряженный съ ней:
Унылость, пустоту въ душѣ оледенѣлой
Ты чувствуешь своей.

14.
Хотя бы дружества небесны восхищенья
Стоическій твой духъ могли воспламенить!
Или умрешь, не знавъ душевна наслажденья
Любиму другомъ быть.

15.
Долгъ дружбы есть заботъ священныхъ намъ содѣтель:
Покой свой дружеству поносно предпочесть.
Пустыня гробъ его, и праздна добродѣтель
Не добродѣтель есть.

16.
Всѣ долгомъ межъ собой обязаны взаимнымъ.
Есть право нищаго надъ гордымъ богачемъ;
Надъ мудрымъ буйнаго; безсильнаго надъ сильнымъ,
Народа надъ царемъ.

17.
Ты спишь, а смертныхъ вопль вокругъ тебя несется;
Окровавленный міръ въ пучинѣ золъ погрязъ!
Ты спишь, а мы въ слезахъ; повсюду раздается
Страданья скорбный гласъ.

18.
О, сколько старцевъ есть, отъ глаза смерти ждущихъ!
Сиротъ безродныхъ, вдовъ, томящихся въ бѣдахъ;
Семействъ, пристанища, ни хлѣба неимущихъ;
Невинныхъ во цѣпяхъ!

19.
Брегись! брегись ты внять стонъ тѣней раздраженныхъ,
Пришедшихъ, въ казнь тебѣ, ихъ смертью упрекать;
Страшись, чтобъ ужасъ сей, духъ совѣстью смущенныхъ,
Не сталъ за нихъ отмщать!

20.
«Мнѣ жертвовать собой для тѣхъ неблагодарныхъ,
«Въ комъ можетъ лишь корысть усердіе родить,—
«И благодѣтеля, средь замысловъ коварныхъ,
«Готовыхъ не щадить?

21.
«Иль притѣснителя зримъ въ мірѣ семъ, иль жертву.
«Невиннаго гнететъ удачливый злодѣй!
«Несносно видѣть мнѣ и честь предъ златомъ мертву,
«И счастье злыхъ людей.

22.
«Такъ дай мнѣ вѣкъ дожить въ безвѣстной всѣмъ судьбинѣ.»
Къ пороку ненависть отъ злыхъ тебя влечетъ;
Но если добрые сокроются въ пустынѣ,
Тогда что-жъ будетъ свѣтъ?

23.
И непорочности ль удѣлъ уединенье,
Въ кичащійся своимъ злочестіемъ нашъ вѣкъ?
Не первое ли есть вселенной украшенье
Правдивый человѣкъ?

24.
Героевъ древнихъ зримъ и мудрецовъ мы славныхъ,
Служившихъ обществу, отнюдь не чтя его.
Знай лучше тьму людей себѣ неблагодарныхъ,
Чѣмъ въ нуждѣ одного.

25.
Признательности дань лестна ль тебѣ быть можетъ?
Твоя надежда—Богъ! мзда—въ совѣсти твоей;
Величіе твое неблагодарный множитъ;
Твой подвигъ тѣмъ славнѣй.

26.
Громъ на главу свою безбожный призываетъ,
Ругаясь будтобы Владыкѣ своему:
Но Всеблагій Творецъ и пищу посылаетъ,
И дневный свѣтъ ему.

II.
На время
(Соч. Томаса).

1.
Пространство смѣряно Ураніи рукою;
Но, время! ты душой объемлешься одною!
Незримый, быстрый токъ вѣковъ, и дней, и лѣтъ!
Доколь еще не палъ я въ земную утробу,
Влекомъ тобой ко гробу,
Дерзну, остановясь, воззрѣть на твой полетъ.

2.
Кто скажетъ мнѣ, когда ты бытность воспріяло?
Теченью твоему познаетъ кто начало?
Знать смежно съ вѣчностью зачатіе твое:
Въ незрѣломъ сѣмени средь мрака погребенно,
Хоть дѣйствія лишенно,
Но предваряло ты всей твари бытіе.

3.
Хаоса нѣкогда врата поколебались,
И солнцъ возженныхъ вдругъ огнями осіялись!
Родилось ты: — чреда предписана твоя.
Движенье, рекъ Творецъ, пусть время измѣряетъ.
Природѣ Онъ вѣщаетъ:
Се, время, твой удѣлъ — единый вѣченъ Я.

4.
Таковъ Всевышній Ты! Такъ океанъ пространный
Временъ, объемлющихъ міры, Тобой созданны,
Въ вѣкъ не приближится къ престолу Твоему.
Преемно тмящихся дней многи милліоны,
Вѣковъ несчетны сонмы
Равны въ очахъ Твоихъ ничтожству самому.

5.
Но мнѣ, живущему средь праха сей громады,
Противу времени вотще искать преграды!
Преслѣдуемъ, гонимъ его я быстротой,
Едину точку лишь въ пространствѣ занимаю,
И въ страхѣ ту теряю,
Зря исчезающу подъ трепетной стопой.

6.
Мнѣ представляется повсюду разрушенье;
Смущенно око зритъ вездѣ опустошенье.
Се мхомъ обросшія гробницы давнихъ лѣтъ:
Обломки тамъ столповъ; тамъ падшія ограды;
Подъ пепломъ цѣлы грады...
Повсюду время свой напечатлѣло слѣдъ.

7.
Небесъ, земли, стихій оно властитель мощный.
Но пусть рука его союзъ міровъ непрочный
Средь тьмы безмолвія ко тлѣнію стремитъ:
Мысль пламенна моя, восторгомъ окриленна,
Отъ міра удаленна,
Развалинъ — жертвъ вѣковъ — надъ грудами паритъ.

8.
Минувшіе вѣка! — и вы съ собой несущи
Судьбу вселенныя, — столѣтія грядущи:
Всѣхъ вкупѣ предъ собой предстать я васъ зову!
Временъ безмѣрный кругъ отважно облетаю,
Въ премѣны всѣ вникаю;
Текущимъ властвую, въ предбудущемъ живу.

9.
Палящимъ бѣгомъ дня свѣтило истощенно,
Узритъ огней своихъ утрату постепенно,
И ветхія міровъ пружины согбіютъ.
Какъ камни съ скалъ крутыхъ свергаются въ долины:
Въ день общія кончины
Обрушась тысячьми, такъ звѣзды ниспадутъ.

10.
Все поглотившая тутъ вѣчность воцарится,
И время, какъ ручей малѣйшій, погрузится
Въ сей страшный океанъ, невѣдущій бреговъ.
Въ вѣкахъ невмѣстная моя душа нетлѣнна,
Пребывъ непораженна,
Безстрашно подъ собой зрѣть будетъ гробъ міровъ.

11.
Всесильный! Ты морей остановилъ стремленье;
Подобно прекратишь и времени теченье.
Но грозный свѣдомъ часъ единому Тебѣ!
Речешь: и въ вѣчну мглу вселенна погружаясь
Внезапно разрушаясь,
Тогда лишь о своей увѣдаетъ судьбѣ.

12.
Дрожащей мѣди звонъ какъ слухъ вашъ поражаетъ,
И невозвратный бѣгъ часовъ напоминаетъ:
Сей звукъ да поселитъ, о смертны, ужасъ въ васъ!
Душа моя отъ сна симъ звукомъ пробужденна,
Трепещетъ изумленна,
И смерти, мнитъ, самой внимаетъ страшный гласъ.

13.
Въ какое, смертные, вы впали заблужденье!
Единый мигъ лишь данъ на жизнь, на размышленье;
И тотъ летящій мигъ есть тяжко бремя вамъ!
Стяжанія храня, а вѣкъ свой расточая,
Себя едва познная,
Безумный смерть зоветъ, и гробъ свой роетъ самъ.

14.
Сей старостью согбенъ, бывъ отъ рожденья мертвой;
Другой, корысти радъ, весь вѣкъ ея былъ жертвой.
Тотъ жизнь губитъ, въ играхъ терпя безплодный трудъ.
Богатый, чтобъ избыть тоски гнетущей бремя,
Съ имѣньемъ тратитъ время...
Всѣ мыслятъ, не живя, что счастливо живутъ.

15.
Престаньте, смертные, мечтой питаться сею!
Душей живете вы, и мыслите душею;
Она, она должна вамъ время размѣрять.
Внявъ мудрости, съ собой жить мирно научитесь:
Тогда не убоитесь,
Протекшихъ вашихъ дней мигъ каждый вспоминать.

16.
Когда бъ корысти могъ плѣниться я отравой,
И ей пожертвовать свободой, доброй славой;
Соблазнамъ чувствъ мой духъ ослабшій покорить...
О время! рекъ бы я, приближь мою кончину,
Сверши мою судьбину!
Пусть лучше буду мертвъ, чѣмъ въ посрамленьи жить!

17.
Но если отъ моихъ писаній возрожденный,
Огнь добродѣтели взрастетъ распространенный;
Иль друга суждено печали мнѣ развлечь;
Иль гдѣ несчастные, терпящи безъ защиты,
Невинны и забыты,
Ждутъ слабыхъ рукъ моихъ, чтобъ слезы ихъ пресѣчь:

18.
О время! не стремись! почти мою ты младость!
Пусть нѣжной матери надолго дастся сладость
Свидѣтельницей быть сыновней къ ней любви!
И добродѣтель пусть съ блестящей славой купно
Почіютъ неотступно
На сѣдинахъ моихъ въ преклонна вѣка дни!

III.

Монологъ

изъ Гамлета Шекспирова, съ Вольтерова перевода.

Рѣшиться надлежитъ, въ минуту мнѣ сію,
Смерть жизни предпочесть — ничтожность бытію. —
Молю! — Коль боги есть ... отважность просвѣтите!
Подъ тяжестью обидъ старѣться ль мнѣ велите?
Сносить ли бѣдствія, иль жало рока стерть?
Что я?... Кто мнѣ претитъ?... И что такое смерть?
Въ ней скорбей всѣхъ конецъ, пристанище срѣтаемъ;
По долгихъ подвигахъ въ ней тихій сонъ вкушаемъ.
Заснемъ и все умретъ. — Но есть ли сладость сна
Ужаснымъ бдѣніемъ окончиться должна!...
Вѣщаютъ: — намъ грозятъ, по жизни скоротечной,
Низверженными быть во бездну муки вѣчной. —
О смерть, противный часъ! — О вѣчность, общій страх
Лишь молвимъ о тебѣ, — и стынетъ кровь въ сердцах
Ктобъ снесъ, не знавъ тебя, сердечны въ жизни ран
Ктобъ лицемѣрства сталъ благословлять обманы?
Безстыдныя жены развратамъ угождать;
Вельможамъ, къ ихъ ногамъ повергшися, ласкать;
И удрученныя души являть страданья,
Друзьямъ безчувственнымъ не внемлющимъ стенань
О! сколь сладка бы смерть намъ въ крайности такой!
Но совѣсть вопіетъ. — Она гласитъ намъ: — стой!
Она полезное убійство запрещаетъ,
И вѣрой духъ геройскъ въ духъ рабскій превращает

IV.

Къ бюсту Государыни Императрицы Екатерины II.

Съ франц. переведено для К. Н. С. Волконской.

Сія Владычица Россійскаго Престола,
Являя въ себѣ все, чѣмъ міръ гордится сей:
Прекраснѣйши черты прекраснѣйшаго пола
И дарованія отличнѣйшихъ мужей.

V.

Dans sa demeure inébranlable } Dythyrambe de l'abbé D
Assise sur l'éternité } lille sur l'immortalité

Въ странѣ, гдѣ чуждо разрушенье —
На вѣчности утверждено,
Средь мирной тишины въ себѣ погружено,
Безсмертіе—злымъ казнь, а добрымъ утѣшенье,
Гигантскій время бѣгъ, свершаемый предъ нимъ,
Отъ правыхъ сердцемъ отклоняетъ,
А изверга надеждѣ возбраняетъ,
Ничтожность страшную спасеньемъ чтить своимъ.

* * *

Такъ, грома вышняго ты дерзкій похититель,
Низвергшій олтари предвѣчной правоты!
Презрѣнный міра притѣснитель,
Дрожи!—безсмертенъ ты!
И вы игралища на время лютой доли;
Чьи взоромъ отческимъ Господь блюдетъ главы,
Мгновенны странники въ безвѣстной слезъ юдоли,
Утѣшьтеся!—безсмертны вы!

VI.

Le sombre hiver va disparaitre etc. De-la-Harpe.

Зимы дни мрачны исчезаютъ
Весны отъ свѣтлаго лица.
Но прелести весны вкушаютъ
Одни счастливыя сердца.

* * *

Мое,—страданьемъ отягченно,
Вездѣ все зритъ въ глубокой тьмѣ.
Какъ все въ природѣ обновленно,
Тогда нѣтъ силъ къ утѣхамъ мнѣ.

* * *

Къ нимъ нѣтъ безъ той, кѣмъ духъ пылаетъ,
Нѣтъ права сердцу моему.
Для всѣхъ цвѣсти все начинаетъ;
А для меня конецъ всему.

* * *

Воспоминанія мнѣ люты
Я въ сердцѣ завсегда ношу,
И у протекшія минуты
Утѣхъ потерянныхъ прошу.

* * *

Теки скорѣй, несносно время,
Умчи съ собою жизнь мою.
Медлительность твоя мнѣ бремя;
Отрадъ въ тебѣ ужъ я не зрю.

* * *

Ужъ мысли нѣтъ, что представлялась
Съ утра, всѣ чувства веселя;

И къ вечеру возобновлялась,
На завтра счастье же суля.

* * *

Вновь зеленѣющи вершины
Деревъ я вижу въ сей странѣ,
И птицъ вокругъ сея долины
Печальны пѣсни внятны мнѣ.

* * *

Ахъ! въ это время насладился
Темиры зрѣньемъ я въ-первой!
Улыбкой милою плѣнился,
И слышалъ голосъ дорогой.

* * *

Тотъ голосъ, кой въ кустахъ зеленыхъ,
Гдѣ я у ногъ ея внималъ,
Завидующихъ и прельщенныхъ
Къ ней птицъ отвсюду привлекалъ.

* * *

Ахъ! что ту сладость замѣняетъ,
Что прелести любви даютъ!
Нѣтъ! слава также обольщаетъ,
Но нѣтъ у ней такихъ минутъ.

* * *

Къ чему, взявъ мысли величавы,
Хотѣть снискать мнѣ титловъ честь?
На что желать я стану славы,
Коль въ жертву некому принесть!

* * *

Смятенье невзначай душевно,
Не рѣдко возвѣщаетъ мнѣ,
Что близко мѣсто, гдѣ вседневно,
Я милу зрѣлъ наединѣ.

* * *

Случалось часто дожидаться
Мнѣ милой тамъ, и не видать...
Ахъ! пусть опять бы не видаться,
Да только бъ могъ ее я ждать!

* * *

Душа лишенна всѣхъ желаній,
Пустымъ себѣ зря цѣлый свѣтъ,
Полна о будущемъ мечтаній;
Но цѣли никакой имъ нѣтъ.

* * *

Подобно птица надъ снѣгами,
Какъ видъ полей ее страшитъ,
Порхаетъ томными крылами,
И гдѣ спокоится, не зритъ.

* * *

На что жъ напрасно размножаю,
Въ угодность сердцу моему,
Тѣ жалобы, о коихъ знаю,
Что нужны мнѣ лишь одному!

* * *

Но что мнѣ въ томъ, чтобъ уважали
Бѣдой безпомощной моей!
Ищу, кто бъ внялъ моей печали,
Хоть не бралъ бы участья въ ней.

VII.

Toi, dont les accords enchanteurs etc.

Согласна лира, на тебѣ
Пѣвалъ я дружбы упоенье.
Служи теперь мнѣ въ злой судьбѣ;
Изобрази души смятенье.
Хоть имя друга повторять
Научена ты, лира, мною:
Смолчи, его не тѣшь мечтою;
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

* * *

Но лира, что-жъ! твой скорбный тонъ
Въ душѣ моей—въ душѣ раздался!
Умолкни!—твой плачевный стонъ
Твердитъ мнѣ: съ милымъ ты разстался.
Престань, престань меня терзать;
Ты множить лишь тоску способна!
Дражайша лира, будь безмолвна!
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

* * *

Подъ тѣнью кипарисныхъ лозъ,
Безвѣстна будь и удаленна.
Тамъ жалобъ божеству и слезъ,
Отъ дружбы будь мной посвященна.
Ахъ! прежде отъ тебя отстать
Сколь тяжко для меня бывало!
Но время ужъ не то настало:
Онъ не придетъ тебѣ внимать.

* * *

Нѣтъ, будь со мной—пусть слезъ ручьи,
Что изъ очей моихъ катятся,
Всѣ струны окропя твои,
Моихъ страданій въ знакъ явятся.
Онъ, возвратясь, черезъ тебя
Увѣдаетъ мои мученья:
Тогда слезъ горькихъ впечатлѣнья,
Воспѣвъ его, изглажу я.

VIII.

Quand sur les ailes des plaisirs. etc.

Когда веселій на крылахъ
Утекши дни воспоминаемъ,
Платя имъ чувства дань, въ слезахъ
Еще отраду мы вкушаемъ.
Укрась, о лютня! голосъ мой
Твоей гармоніей унылой,
И съ сердцемъ вмѣстѣ ты воспой,
Что я живу въ разлукѣ съ милой!

* * *

Два сердца за одно имѣть;
Свое тѣмъ бытіе удвоить;
Другъ друга молча разумѣть,
И милой мысль себѣ присвоить:
Сноснѣе находить бѣды;
Счастливѣй быть въ пріятной долѣ:
Сихъ благъ я всѣ вкушалъ плоды...
Но нѣтъ со мной—нѣтъ милой болѣ!

* * *

Любилъ я тѣ луга, кусты,
Гдѣ милая со мной гуляла;
Для насъ природа красоты
И въ дни ненастны не теряла.
Ужъ лугъ цвѣтами не блеститъ,
Что устилали путь предъ нею:
Постылъ тому природы видъ,
Кто съ милой разлученъ своею!

* * *

Ничто не замѣнитъ ужъ той,
Которой сердце имя дало!
Пріятства могутъ быть въ другой,
Но милой слыть лишь ей пристало.
Разъ въ жизни сладость намъ дана
Всѣ блага зрѣть въ одномъ предметѣ:
Въ году одна живетъ весна,
Одна и милая на свѣтѣ.

* * *

Въ предѣлы дальни ты несешь,
О нѣжная луна, сіянье!
И мнѣ въ смущенно сердце льешь
Надежды сладкое мечтанье!
Сей даръ въ лучахъ своихъ сошли
Теперь же къ той, съ кѣмъ я разстался,
И мысли ей о томъ всели,
Кто слезы лить по ней остался!

IX.

Ruisseau, qui baigne cette plaine, etc.

Ручей, текущій въ сей долинѣ,
Во многомъ сходенъ я съ тобой:

Течешь по той же все стремнинѣ;
Я страстью все влекусь одной.
* * *
Твой ропотъ нѣжный и пріятный,
Съ зефиромъ скромностью вровнѣ.
Любовною тоской объятый,
Стеню и я лишь въ тишинѣ.
* * *
Сребристыхъ струекъ чистотою
Межъ водъ ты славишься, ручей.
Не менѣ чистъ — равенъ съ тобою,
Тотъ пламень, что въ душѣ моей.
* * *
Свирѣпый вѣтръ тебя не можетъ,
Смутивъ, извлечь на берега.
Меня подобно не тревожитъ
Превратна счастія игра.
* * *
Я къ милой то же привлеченье,
Любовь храню такую жъ къ ней,
Какая и твое теченье
Всегда стремитъ къ долинѣ сей.
* * *
Темира коль вблизи случится,
Вмѣщаешь ты черты ея,
И мною образъ сей хранится:
Точь въ точь онъ въ сердцѣ у меня.
* * *
Въ тебѣ нѣтъ омутовъ опасныхъ;
Во мнѣ коварства нѣтъ никакъ.
Ты кажешь дно сквозь струекъ ясныхъ;
Въ моей душѣ читаетъ всякъ.
* * *
Отъ цѣли, данной отъ природы,
Твой вѣрный токъ не отстаетъ,
Пока твои прозрачны воды
Не превратятся стужей въ ледъ.
* * *
Я безъ Темиры жить не въ силахъ;
Душа ея мнѣ цѣль одна.
Какъ кровь оледенѣетъ въ жилахъ,
Ее покину лишь тогда.

X.

Adieu bergère chérie, etc.
Florian.

Ты, въ комъ душу полагаю,
Милая моя, прости!
Я долину покидаю,
Гдѣ всегда бываешь ты.
* * *
За рѣкою удаленный,
Горестью займусь одной;
Но ужъ голосъ мой плачевный
Не услышится тобой.
* * *
Милая! умѣрь стенанья!
Мнѣ въ тоскѣ недолго быть.
Смерть уноситъ всѣ страданья:
А тебя гдѣ нѣтъ... какъ жить?

XI.

Lise, entends-tu l'orage.

Гроза насъ, Лиза, гонитъ;
Укроемся въ кустахъ.
Отъ грома воздухъ стонетъ;
Объемлетъ Лизу страхъ.
Сколь муки тѣ ужасны,
Что терпитъ нѣжный духъ;
Какъ оба вдругъ опасны,
И буря и пастухъ!
* * *
На чемъ же ей рѣшиться?
Ужъ сталъ сильнѣе громъ.
Отъ бури чтобъ укрыться,
Идти-ль за пастухомъ?
То въ робости уходитъ;
То прибѣгаетъ вновь.
То страхъ къ кустамъ приводитъ;
То къ нимъ влечетъ любовь.
* * *
У входа Лиза стоя,
Войти не смѣетъ въ лѣсъ.
Стремленье вихрь удвоя,
Ее туда занесъ.
Громъ удалясь слабѣетъ;
Онъ не всегда разитъ.
Стрѣлъ, что любовь имѣетъ,
Никто не избѣжитъ.
* * *
Любовь изъ тучъ взираетъ
На плѣнниковъ своихъ.
Въ часъ бурный обращаетъ
Минуты въ пользу ихъ.
Лизета стыдъ являла,
Изъ рощи вышедъ той.
Ужъ буря перестала;
Но въ ней исчезъ покой.

XII.

Viendras tu pas, toi que mon coeur adore, et

Мы свидимся ль, мой милый другъ, съ тобою!
Я ждать тебя пришла передъ зарею:
Близка ужъ и ночь,
Все жду тебя съ тоскою.
И утро придетъ;
Все здѣсь меня найдетъ.
* * *
Ты милую, жестокій, покидаешь;
Утѣхъ любви меня съ собой лишаешь:
А жить не тобой,
Могу ли я?—ты знаешь.
Помучусь, пожду—
А тамъ... а тамъ умру.
* * *
Не все въ тоскѣ, не все въ такой печали.
Кусточки здѣсь не все меня видали.
Любовь, ты, да я,
Здѣсь тьму утѣхъ вкушали.
Теперь безъ тебя,
Одна съ любовью я.

XIII.

Une grenouille vit un boeuf.
La Fontaine.

Быкъ и лягушка.
Увидѣвши быка,
Лягушка завистью вскипѣла;
И бывши вся не толще кулака,
Съ быкомъ сравняться захотѣла.
Ну дуться, мучиться, кряхтѣть...
Прошу васъ, говоритъ, сестрицы посмотрѣть:
Довольно ли? — Нѣтъ. — Какъ еще я не сравнялась
Далеко! — А теперь? ужли все толще онъ?..
И нѣтъ похожаго! — До тѣхъ поръ надувалась,
Что дура лопнула — и духъ изъ тѣла вонъ—.
Лягушки не умнѣй людей есть много въ свѣтѣ:
Страсть общая, себя стараться все вознесть. —
У всякаго князька хоть рота войска есть;
И кто какъ ни голъ, а чванится въ каретѣ.

XIV.

La cigale ayant chanté
Tout l'été.
La Fontaine.

Стрекоза.

Лѣто цѣлое жужжала
Стрекоза, не знавъ заботъ;
А зима когда настала,
Такъ и нечего взять въ ротъ.
Нѣтъ въ запасѣ, нѣтъ ни крошки;
Нѣтъ ни червячка, ни мошки.
Что жъ? — Къ сосѣду муравью
Вздумала идти съ прошеньемъ.
Разсказавъ напасть свою,
Такъ какъ должно съ умиленьемъ,
Проситъ, чтобъ въ займы ей далъ
Чѣмъ до лѣта прокормиться.
Совѣстью притомъ божится,
Что и ростъ и капиталъ
Возвратитъ она не далѣ,
Какъ лишь августа въ началѣ.
Туго муравей ссужалъ:
Скупость въ немъ порокъ природной.
«А какъ въ полѣ хлѣбъ стоялъ,
Что жъ ты дѣлала?» сказалъ
Онъ заемщицѣ голодной.
Днемъ и ночью, безъ души,
Пѣла все я цѣло лѣто.
«Пѣла! весело и это.
«Ну поди жъ теперь пляши».

XV.

Socrat un jour faisant bâtir.
(*La Fontaine*).

Сократъ себѣ застроилъ домъ.
Всѣ въ домѣ семъ пороки находили.
Иные внутренній порядокъ въ немъ хулили.
Другіе внѣшній видъ. — О томъ и о другомъ
Различно хоть судили.
Однакожъ всѣ согласно заключили,
Что слишкомъ въ домѣ семъ покои малы были.
Сократу ли, кричатъ, такой приличенъ домъ!
Въ немъ не повернешься. — Подобными рѣчами
Сократа довели, что онъ сказалъ: дай богъ!
Чтобъ домъ мой, пусть хоть малъ, но быть наполненъ могъ
Мнѣ вѣрными друзьями.
Онъ дѣльно говорилъ, и правду познаемъ
Мы изъ его навѣтки.
Друзей названіемъ мы множество найдемъ;
Но дружбы истинной примѣры въ свѣтѣ рѣдки.

XVI.

Un lièvre en son gîte langiait.
La Fontaine.

Заяцъ и лягушки.

Въ норѣ своей разъ заяцъ размышлялъ:
Нора хоть бы кого такъ размышлять научитъ!
Томяся скукою, мой заяцъ тосковалъ;
Вѣдь родомъ грустенъ онъ, и страхъ его все мучитъ.
Онъ думаетъ: Куда тотъ несчастливъ,
Кто родился трусливъ,
Вѣдь въ прокъ себѣ куска бѣдняжка не съѣдаетъ;
Отрады нѣтъ ему; отвсюду лишь гроза!
А такъ-то я живу: проклятый страхъ мѣшаетъ
И спать мнѣ иначе, какъ растворя глаза.
Перемоги себя, мудрецъ сказать мнѣ можетъ!
Ну вотъ! Кто трусовъ переможетъ?
По правдѣ, чай и у людей
Не меньше трусости моей.
Такъ заяцъ изъяснялъ догадку,
Дозоромъ обходя вкругъ жила своего;
Отъ тѣни, отъ мечты, ну словомъ, отъ всего,
Его брасало въ лихорадку.
Задумчивой звѣрекъ,
Такъ въ мысляхъ разсуждая,
Вдали услышалъ шумъ, и тотчасъ на утекъ
Пустился, какъ стрѣла, къ норѣ онъ поспѣшая.
Случись ему бѣжать близъ самаго пруда:
Вдругъ видитъ, что его лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и въ воду побросались.
«Ба! ба! онъ думаетъ, такая же бѣда
И отъ меня другимъ! я не одинъ робѣю!
Откуда удальство такое я имѣю,
Что въ ужасъ привожу собой?
Такъ знать прегрозной я герой?» —
Нѣтъ! видно на землѣ труслявца нѣтъ такого,
Трусливѣе себя чтобъ не нашелъ другаго?

XVII.

Le chêne un jour dit au roseau.
La Fontaine.

Когда-то дубъ съ тростинкой рѣчь завелъ:
Какъ ты обижена, — сказалъ онъ, — отъ природы!
Вѣдь для тебя и чижикъ ужъ тяжелъ:
Малѣйшій вѣтерокъ чуть чуть лишь тронетъ воды,
Чуть мелькая струя покажется на нихъ;
Ужъ ты и гнешься въ мигъ: —
А я, равняяся Кавказу высотою.
Чело взнеся до самыхъ тучъ,
И солнца пресѣкаю лучъ,
И противъ бурь стою недвижною ногою.
Тебѣ все аквилонъ; зефиръ все предо мною.
Хотя бъ ужъ ты вблизи при мнѣ росла;
Подъ сѣнію моей укрыта,
Не столько-бъ ты тревожена была,
И я бъ тебѣ отъ бури былъ защита.
Но жребій твой, большею частью, ростъ
По топкимъ берегамъ водъ области бурливой·
Жестоко гонитъ рокъ тебя несправедливый! —
— Ты очень жалостливъ, отвѣтствовала трость,
И похвалы за то достоинъ;
Однако будь о мнѣ спокоенъ;
Мнѣ менѣ, чѣмъ тебѣ, опасна вѣтровъ злость.
Я гнусь, и всѣ цѣла. — Понынѣ ты держался
Противъ жестокихъ бурь; и отъ порывовъ ихъ
Еще не наклонялся:
Но подождемъ конца. — При разговорахъ сихъ
Отъ дальныхъ неба странъ вдругъ съ яростью примчался
Изшедшій сѣвера изъ нѣдръ
Лютѣйшій самый вѣтръ.
Трость пала — дубъ не уступаетъ
Но вихрь стремленье удвояетъ.
И ринувшись, вверхъ корнемъ повергаетъ
Того, кто небесамъ касаяся главой,
Зрѣлъ царство мертвыхъ подъ пятой.

XVIII.

(Grazio aglinganni tuoi... Métastase).

Наконецъ твои обманы,
Нравъ притворный, Няса, твой,
Излечили сердца раны,
Возвратили мнѣ покой.

* * *

Я свободенъ сталъ не ложно;
Усмирилась буйна кровь;
И ужъ чувствую, что можно
Не носить твоихъ оковъ.

* * *

Сердцу томному къ отрадѣ,
Не терзаюсь грустью я.
И въ притворной ужъ досадѣ
Не таится страсть моя.

* * *

Имя ли твое помянетъ
Кто въ присутствіи моемъ;
Иль хвалить тебя кто станетъ;
Не тревожусь я ничѣмъ.

* * *

Я спокойно засыпаю,
Невидавшися съ тобой;
И не первый воображаю,
Пробуждаясь, образъ твой.

* * *

Отъ тебя не жду смущенья;
Зрѣть тебя я не ищу;
Зрю тебя безъ восхищенья,
И разставшись не грущу.

* * *

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту твою.
О слезахъ, пролитыхъ мною,
Помышляя, слезъ не лью.

* * *

Ты сама о томъ посудишь,
Въ правду ль страсть я побѣдилъ:
Даже съ тѣмъ, кого ты любишь
О тебѣ я говорилъ.

* * *

Какъ со мной ни обходись;
Будь хоть ласкова ко мнѣ,
Хоть попрежнему гордись,
Ставлю все я наровнѣ.

* * *

Ужъ не могутъ разговоры.
Голосъ твой меня тронуть.
И твои ужъ нынѣ взоры
Потеряли къ сердцу путь.

* * *

Ты красотъ не потеряла,
И теперь все хороша;
Но не та ужъ Ниса стала,
Кѣмъ жила во мнѣ душа.

* * *

Цѣпь свою я разрывая,
Только смогъ не умереть:
Но гдѣ твердость есть прямая,
Тамъ чего нельзя стерпѣть!

* * *

Птичка бѣдная страдаетъ,
Вольности лишась своей,
И всѣ силы истощаетъ
Выбиваясь изъ сѣтей

* * *

Хоть и перья въ нихъ оставитъ;
Улетитъ хоть чуть жива,
Но ума себѣ прибавитъ—
Впредь не будетъ такова.

* * *

Видя, что воспоминаю
Прежній плѣнъ я, Ниса, свой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

* * *

Нѣтъ! пловецъ, бѣды избѣгшій,
Какъ у пристани стоитъ,
Объ опасности протекшей
Съ услажденьемъ говоритъ.

* * *

Воинъ такъ же, послѣ боя,
Гдѣ побѣда лавръ дала,
Любитъ посреди покоя
Вспоминать свои дѣла.

* * *

И невольникъ, въ чувства новы
Скорбь душевну премѣня,
Кажетъ съ радостью оковы,
Что влачилъ дотоль стеня.

* * *

Истину тебѣ вѣщаю;
Вѣрь ты мнѣ, или не вѣрь—
Я и вѣдать не желаю,
Обо мнѣ что мнишь теперь.

* * *

Прелестьми гордясь, не льстися
Замѣнить легко меня:
Не легко найдешь ты, Ниса,
Кто бъ такъ вѣренъ былъ, какъ я.

* * *

Я потерю не такую
Сдѣлалъ важную въ тебѣ:
Вѣдь обманщицу другую
Скоро льзя найти вездѣ.

XIX.

Le vin est nécessaire, etc.

Вина употребленье
Намъ Богъ не запретилъ.
Зримъ Его въ томъ позволенье,
Сладкимъ вино что сотворилъ.

* * *

Чтобъ мы всѣ страстны были,
Самъ Богъ то учредилъ.
Если бъ хотѣлъ чтобъ не любили,
Каменны-бъ въ насъ сердца вложилъ.

* * *

Мнѣ никогда не грустно
Съ красавицей, съ виномъ.
Та будь мила—вино будь вкусно:
Вдругъ отъ обоихъ умъ вверхъ дномъ.

* * *

Въ твоей, Ириса, волѣ,
Чтобъ пилъ я все до дна.
Лей, ты нальешь любви мнѣ болѣ,
Болѣ гораздо, чѣмъ вина.

* * *

Любовь чтобъ истребилась,
Я съ тою мыслью пилъ.
Ужъ вся душа въ винѣ топилась,
А я все болѣе любилъ.

XX.

Que l'homme est sot et ridicule
Quant l'amour vient s'en emparer, e

Какъ глупъ мужчина, какъ неловокъ
Когда предастся онъ любви!
Съ начала скрытенъ онъ и робокъ,
И долго вздохи лишь одни.
Потомъ собравшись страсть открыть,
Неумолимость, гнѣвъ встрѣчаетъ.
Все сноситъ; хочетъ вѣрнымъ быть,
И въ скукѣ, грусти утопаетъ.

* * *

Любимъ сталъ,—хуже связанъ вдвое.
И въ счастьи тьма ему помѣхъ.
То то перечитъ, то другое;
Отецъ, мужъ, мать,—онъ бойся всѣхъ.
Ну, все ли!—нѣтъ, въ запасѣ честь:
Честь, наслажденій всѣхъ изнанка.
Управься съ ней!—не тутъ-то есть.
Хоть къ миру, а придетъ побранка.

* * *

Влюбленъ другой, еще забота!
Тутъ сонъ отъ глазъ уходитъ прочь,
Бродить, стеречь пришла работа;
Тревожитъ ревность день и ночь.
Размучась, поцѣлуй схватитъ
Конецъ и цѣль вся похожденья
Потухъ какъ жаръ, радъ въ лѣсъ уйтить.
Ну! сѣно, стоило ль кошенья!

XXI.

Je vais donc quitter pour jamais, etc.
Florian.

Пришло на вѣки покидать
И милую, и край любезный.
Отъ нихъ далече вѣкъ мой слезный
Въ стенаньяхъ будетъ протекать.

* * *

Долина, съ дѣтства гдѣ свыкались,
Гдѣ мы невинностью одной
Прямому счастью научались:
На вѣкъ растанусь я съ тобой!

* * *

Ты, поле, гдѣ я рвалъ цвѣты,
Чтобъ ими украшать Эглею;
Вы розы, кои передъ нею
Свои теряли красоты;

* * *

Струи, что милую вмѣщали,
И прелестьми ея плѣнясь,
Стремиться въ путь свой забывали:
На вѣкъ я покидаю васъ.

* * *

Луга, гдѣ съ самыхъ юныхъ дней,
Мы о любви ужъ говорили;
Гдѣ старыми въ любви мы слыли,
Еще не выйдя изъ дѣтей;

* * *

Деревья, вы на коихъ зрѣлось.
Все то же имя всякой разъ;
Одно, что мнѣ писать умѣлось,
На вѣкъ я покидаю васъ.

XXII.

Cet invincible amour que je porte en mon sein etc. [1]).
Непобѣдимую ношу я въ сердцѣ страсть.
Ты вѣдаешь ее, хоть я и не болтаю.
Огня небеснаго она чистѣйша часть;
А я по пустякамъ, увы! ее питаю.
Послушай!—не люблю балясничать пустаго.
Воскресну, коль тебѣ я сдѣлаюся милъ;
Сопьюся съ горести, коль буду все постылъ:
А право удавлюсь—лишь полюби другаго.

XXIII.

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge.
Voltaire.

Не рѣдко правды видъ самой
Бываетъ смѣшанъ съ грубой лжею.
Предавшись въ прошлу ночь Морфею,
На тронъ я былъ введенъ мечтой.
Любилъ тебя тогда и смѣло въ томъ открылся:
Проснувшися, не все зрѣлъ отнято судьбой...
Престола только я лишился.

XXIV.

ОТРЫВОКЪ

Изъ Вольтеровой трагедіи

ЗАИРА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

Заира и Фатима.

Фатима.

Дивлюсь я чувствіямъ, отъ прежнихъ столь отмѣннымъ,
Заира! въ сихъ мѣстахъ душѣ твоей внушеннымъ...
Надежды ль прелестью? счастливой ли судьбой,
Въ дни ясны превращенъ вѣкъ мрачный прежній твой?
Съ спокойствіемъ души цвѣтешь ты красотою,
И блескъ очей твоихъ не помраченъ слезою;
Не обращаешь ихъ уже къ предѣламъ тѣмъ,
Къ которымъ храбрый Галлъ хотѣлъ намъ быть вождемъ,
Уже не говоришь мнѣ о странахъ блаженныхъ,
Гдѣ полъ нашъ, посреди народовъ просвѣщенныхъ,
Пріемлетъ дань, твоимъ приличную красамъ:
Тамъ жены царствуютъ, подруги бывъ мужьямъ:
Свобода имъ не стыдъ; въ нихъ честь—не принужденье,
И добродѣтель ихъ не казни опасенье,
Иль не завидуешь ты вольности такой?
Ужель султановой въ сералѣ быть рабой,
И строгости терпѣть ты болѣ не скучаешь?
Секваны ли брегамъ Солимъ предпочитаешь?

Заира.

Желать нельзя того, что неизвѣстно намъ.
Насъ небо привело къ Іорданскимъ брегамъ;
И нынѣ день отъ дня я пріучаюсь болѣ
Къ сералю, гдѣ живу съ младенчества въ неволѣ.
Отъ міра цѣлаго я бывъ отчуждена,
Владѣтелю сихъ мѣстъ судьбою отдана:
Весь умъ мой занятъ имъ, его лишь властью, славой;
Надежда вся моя жить подъ его державой;
Все прочее мечта.

Фатима.

Ужель забвенъ тобой
Великодушный Галлъ, надеждой льстившій той,
Что дружба намъ его даруетъ жизнь свободну?
Сколь мы хвалили въ немъ отважность благородну?
И какъ прославился онъ у Дамасскихъ стѣнъ,
Гдѣ жребій христіанъ паденьемъ ихъ рѣшенъ!
Самъ Оросманъ почтилъ въ немъ доблесть столь высоку:
Онъ отпустилъ его на слово и безъ сроку.
Понынѣ ждетъ его, и по его словамъ
Ждетъ искупленія обѣщаннаго намъ.
Ужели тщетное питаемъ упованье?

Заира.

Быть можетъ свыше силъ дано имъ обѣщанье!
Ужъ болѣе двухъ лѣтъ не зримъ мы здѣсь его.
Для освобожденія, Фатима, своего,
Невольникъ,—и такой, кого никто не знаетъ,
Клянется, все сулитъ, но мало исполняетъ.
Иль десять христіанъ избавить отъ цѣпей,
Иль самъ ихъ воспріять хотѣлъ въ странѣ онъ сей,
Его усердію дивилась я напрасно.
Отложимъ мысль сію.....

Фатима.

Но съ клятвою согласно,
Когда бы вольность ихъ была намъ отдана,
Ужели бъ ты.....

Заира.

Прошли, Фатима, времена;
Все премѣнилось...

Фатима.

Какъ! открой сему причину.

Заира.

Узнай, мой другъ, узнай Заирину судьбину!
Царево таинство хранить должна бы я;
Но для тебя душа открыта вся моя!
Въ тѣ дни, какъ съ плѣнными другими пребывая,
Отлучена была отъ здѣшняго ты края,
Намъ небо, восхотѣвъ по бѣдствѣ дать покой,
Судило то свершить сильнѣйшею рукой.
Сей гордый Царь, герой, кому здѣсь все подвластно.
Сей Оросманъ...

Фатима.

Вѣщай!

Заира.

Меня онъ любитъ страстно!
Ты закраснѣлась,—нѣтъ. не ужасай меня!
Не мни, чтобъ уловить его старалась я;

[1]) Стихи Андрея Петровича Шувалова—шуточный переводъ.

Иль самовластія чтобъ выборъ столь обидный,
Готовилъ мнѣ въ удѣлъ наложницъ блескъ постыдный,
И я подверглась бы позору и бѣдамъ,
Грядущимъ временной любови по слѣдамъ.
Нѣтъ! нѣтъ! стыдливостью въ насъ гордость подкрѣплена,
Еще въ душѣ моей, еще не столь забвенна,
И прежде нежели унижусь я къ сему,
Оковы, даже смерть безъ страха восприму;
Но вѣдай..... сей герой.... сколь будешь ты дивиться!
Возмогъ ко мнѣ огнемъ чистѣйшимъ воспламениться,
На мнѣ единой онъ остановилъ свой взоръ,
Презрѣвъ красавицъ здѣсь плѣнительный соборъ.
Нашъ бракъ всѣ замыслы разрушитъ ихъ напрасны,—
И будутъ мнѣ мои совмѣстницы подвластны.

Фатима.

Приличная то дань достоинствамъ твоимъ.
Дивлюсь я менѣе, чѣмъ утѣшаюсь симъ.
Живи, когда то льзя, всегда въ блаженной долѣ;
Съ весельемъ буду я твоей покорна волѣ.

Заира.

Будь равной мнѣ всегда! будь счастлива ты мной!
Мнѣ участь сладостнѣй, дѣлимая съ тобой.

Фатима.

Да отправдается сей бракъ твой небесами!
И знатность, къ коей ты готовишься судьбами,
Въ которой часто благъ вотще свѣтъ ищетъ сей,
Да никогда души не возмутитъ твоей!
Но не тревожишься ль ты въ сладостной надеждѣ
Той мыслью, что была ты христіанкой прежде?

Заира.

Ахъ! что сказала ты?—Почто смущать мой духъ!
Фатима! вѣдаю ль я о себѣ, мой другъ?
Не скрыли ль небеса судебъ моихъ начала?
И знаю ль, отъ кого я бытіе пріяла?—

Фатима.

Родившійся близъ сихъ предѣловъ Нерестанъ
Вѣщалъ, что жизнь дана тебѣ отъ христіанъ.
Но что я говорю? Крестъ на тебѣ найденный,
Отъ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ со тщаньемъ сохраненный,
Для вѣрующихъ знакъ, столь знаменитый сей,
Чрезъ драгоцѣнный видъ сокрытый отъ очей,
Была ты коимъ мной украшена стократно:
Онъ съ тѣмъ въ рукахъ твоихъ оставленъ, вѣроятно,
Чтобъ тайный въ немъ тебѣ былъ вѣрности залогъ,
Которой требуетъ тобой забытый Богъ.

Заира.

Другихъ свидѣтельствъ нѣтъ; а сердце ослѣпленно
Почтетъ ли Божество, любезнымъ отверженно?
Я признаюсь тебѣ, что крестъ нерѣдко сей
Почтенье возбуждалъ и страхъ въ душѣ моей.
Къ нему, доколѣ страсть во мнѣ не обитала,
И самыя мольбы я возсылать дерзала
Я чту, люблю сего закона кроткій гласъ,
О коемъ Нерестанъ вѣщалъ мнѣ столько разъ,
Который облегчилъ мірскихъ напастей бремя,
Творитъ изъ смертныхъ всѣхъ едино братій племя.
Взаимность гдѣ любви,—и счастье вѣрно тамъ!

Фатима.

А ты, ты хочешь жизнь симъ посвятить странамъ!
Магометанскому послѣдовавъ ученью,
Почтенья христіанъ причастна ты гоненью.
Мы узримъ въ нихъ врагѣ супруга твоего!

Заира.

Ахъ, кѣмъ бы сердца даръ отвергнутъ былъ его!
Его лишь въ мірѣ зрю. Восторгомъ упоенна,
Душа полна лишь имъ, единымъ имъ блаженна.
Ты вспомни видъ его, помысли о дѣлахъ;
Зря руку сильную, царей столь многихъ страхъ;
Любезно зри чело, увѣнчанное славой....
Молчу, что онъ даритъ меня своей державой.
Нѣтъ, благодарности обидна дань въ любви,
Слаба платить за огнь, пылающій въ крови!
Мнѣ милъ лишь Оросманъ, не тронъ, не діадима,
Его лишь самаго я въ немъ люблю. Фатима.
Быть можетъ, чувствомъ я обманута своимъ;
Но если бъ небеса, свой гнѣвъ явя надъ нимъ,
Его къ носимымъ мной оковамъ осудили,
А Сирію моей державѣ покорили:—
Иль ложенъ гласъ любви, иль санъ презрѣвши свой,
Изъ рабства бы взвела его на тронъ съ собой.

Фатима.

Но кто стопы свои въ чертогъ сей обращаетъ?

Заира.

Любезнаго приходъ мнѣ сердце возвѣщаетъ.
Два дня, Фатима, здѣсь не бывши мною зримъ,
Любовью возвращенъ желаньямъ онъ моимъ.

Явленіе II.

Оросманъ, Заира и Фатима.

Оросманъ.

Доколь не сопряженъ мой рокъ съ твоей судьбою,
Заира, съ сродною мнѣ сердца правотою,
О чувствіяхъ моихъ, желаньяхъ, о тебѣ,
Съ тобой бесѣдовать чту долгомъ я себѣ.
Султановъ, кои всю приводятъ въ трепетъ землю,
Ихъ нравы, ихъ права, въ примѣръ я не пріемлю.
Ко сластолюбію влекущій нашъ законъ,
Намъ въ вожделѣніяхъ не положилъ препонъ.
Я знаю, что могу, любовницъ избирая,
И приносимыя мнѣ жертвы принимая,
Сераля въ тишинѣ законы издавать,
И въ нѣдрахъ роскоши народомъ управлять.
Такъ! нѣга сладостна; но слѣдствія опасны!
Владыкъ, погибшихъ въ ней, примѣры зрю ужасны;
Зрю магометовыхъ преемниковъ я стыдъ;
Калифовъ, прежній свой едва соблюдшихъ видъ,
На падшемъ алтарѣ, на разрушенномъ тронѣ
Я вижу дремлющихъ безъ власти въ Вавилонѣ,
Тѣхъ, кои бъ и по днесь великимъ предкамъ въ слѣдъ
Умѣвъ собой владѣть, подвластнымъ бъ зрѣли свѣтъ.
У нихъ, и Сирію Булонъ взялъ, и Солиму;
Но вскорѣ руку Богъ воздвигъ непобѣдиму,
И сильный Саладинъ невѣрныхъ казнь свершилъ.
Отецъ мой Іорданъ себѣ поработилъ;
А я, наслѣдникъ, имъ стяжанной, новой славы,
Неутвержденный Царь колеблемой державы,
Стремящихся на насъ зрю отъ вечернихъ странъ,
Корыстолюбіемъ влекомыхъ христіанъ;
И Нила отъ бреговъ до Понта страхъ несущій,
Когда я внемлю гласъ, ко брани всѣхъ зовущій,—
Тогда ли, страстію постыдною разженъ,
Пребуду въ нѣгѣ я серальской погруженъ!
Клянуся славою, любовію, тобою,
Одну тебя имѣть и другомъ и женою,
Долгъ дружбы, страсти жаръ всегда къ тебѣ хранить,
И сердце межъ тобой и славою дѣлить!
Не мни, чтобъ слѣдуя обрядамъ азіатскимъ,
Супругу ввѣрилъ я чудовищамъ серальскимъ,
Симъ оскорбительнымъ для чести женъ стражамъ,
И сладострастія, имъ чуждаго, рабамъ.
Любовь мою къ тебѣ съ почтеньемъ я равняю,
И честь твою во власть самой тебѣ ввѣряю.
Теперь всѣ тайны зришь ты сердца моего;
Ты знаешь что въ тебѣ блаженство все его;
Ты можешь вобразить, сколь тяжкое мученье,
Объяло бъ дней моихъ несносное теченье,
Когда за нѣжность чувствъ тебѣ явленныхъ мной,
Ты благодарностью платила мнѣ одной!
Заира! отъ твоей души нелицемѣрной
За страсть мою къ тебѣ жду страсти равномѣрной.
Въ желаньяхъ, признаюсь, предѣловъ не храню.
И слабую любовь я въ ненависть вмѣню.
Вотъ чувствій всѣхъ моихъ изображенье вѣрно:
Безъ мѣръ хочу любить, и быть любимъ безмѣрно;

Супругъ я буду твой съ условіемъ лишь тѣмъ,
Чтобъ въ сердцѣ тотъ же огнь хранился и твоемъ.
А если не узрю тебя въ блаженной части,
То бракъ сей будетъ мнѣ источникомъ напасти.

Заира.

Ты, Государь, чтобъ ты несчастливымъ быть могъ!
О! если счастія во мнѣ ты зришь залогъ,
И ждешь его отъ чувствъ, питаемыхъ къ Заирѣ;
Изъ смертныхъ кто же былъ тебя блаженнѣй въ мірѣ?
Любовь, супружество: суть общи благи намъ;
Но сколь обязана я болѣе судьбамъ;
Любя безмѣрно, тѣмъ еще я утѣшаюсь,
Что въ жизни всѣмъ должна тому, кѣмъ я плѣняюсь;
Что рокъ зависитъ мой весь отъ щедротъ его;
Что онъ одинъ творецъ блаженства моего;
Что онъ герой,—что имъ горжусь я въ мысляхъ страстныхъ!
О! если въ множествѣ сердецъ, тебѣ подвластныхъ,
Не скрылся отъ тебя восторгъ души моей!
Когда.....

Явленіе III.

Оросманъ, Заира, Фатима и Корасминъ.

Корасминъ.

Изъ Галліи къ намъ прибылъ плѣнникъ сей,
Который клятвой былъ обязанъ возвратиться,
Желаетъ, Государь, онъ предъ тебя явиться.

Фатима.

О Боже!

Оросманъ.

Для чего сюда онъ не вступилъ?

Корасминъ.

Я у преддверія его остановилъ,
Не мня, чтобы предстать могъ христіанинъ плѣнный
Къ Владыкѣ своему, въ сіи мѣста священны.

Оросманъ.

Пусть внидетъ онъ сюда;—даю отнынѣ всѣмъ
Свободу быть вездѣ въ присутствіи моемъ.
Гнушаюсь правилъ я жестокихъ и нелѣпыхъ,
Творящихъ изъ царей тирановъ лишь свирѣпыхъ.

Явленіе IV.

Оросманъ, Заира, Фатима, Корасминъ и Нерестанъ.

Нерестанъ.

Противникъ христіанъ, почтенья ихъ предметъ,
Я разрѣшить пришелъ взаимный нашъ обѣтъ.
Мной все исполнено.—Тобой коль правда чтима,
Врученны будутъ мнѣ Заира и Фатима,
И десять рыцарей терпящихъ тяжкій плѣнъ;
Условленный за нихъ мной выкупъ принесенъ,
И въ столь умедленный день моего прихода
Должна для нихъ настать обѣщанна свобода.
Будь въ словѣ твердъ своемъ! ты, Царь, не властенъ въ нихъ:
Ихъ искупленіе есть плодъ трудовъ моихъ.
Но узы сокрушивъ счастливою рукою,
Свободу имъ купя имущества цѣною,
Лишаюсь не таю, надежды сладкой сей,
Чтобъ тоже къ пользѣ я могъ сдѣлать и своей:
Мнѣ благородная лишь бѣдность остается.
Но плѣнныхъ христіанъ рокъ слезный пресѣчется;
Я долгъ мой совершилъ, соблюлъ я клятвы, честь...
Довольно мнѣ, теперь могу неволю снесть.
Распоряжай моей судьбою, какъ угодно.

Оросманъ.

Души твоей хвалю я свойство благородно;
Но движимъ гордостью, ужель себя польстилъ,
Чтобъ Оросмана ты великодушнѣй былъ?
Богатство все твое тебѣ я возвращаю,
Свободу отдаю, дарами награждаю...
Изъ плѣнныхъ христіанъ, живущихъ въ сей странѣ,
Не десять, сто возьми,—ты нареки ихъ мнѣ.
Да возвѣстятъ, пришедъ съ тобою въ край родимый,
Что добродѣтели и въ Сиріи хранимы;
Да судятъ, кто изъ насъ, иль Галлы, или я,
Достойнѣй быть страны владыками сея;
Но христіанъ въ числѣ, ущедренныхъ столь мною,
Не можетъ Лузиньянъ уволенъ быть съ тобою;
Онъ именемъ своимъ быть могъ бы вреденъ мнѣ,
И кончитъ вѣкъ сужденъ въ оковахъ въ сей странѣ.
Владѣвшимъ Галламъ здѣсь сей мужъ единокровенъ;
Въ немъ право къ трону чтутъ; - симъ правомъ онъ виновенъ.
Всевластныя судьбы то пагубный уставъ;
И я бъ виновнымъ былъ, побѣды жертвой ставъ!—
До гроба Лузиньянъ пребудетъ средь темницы;
И взоръ его лучей не узритъ ужь денницы.
Жалѣя, и не бывъ въ душѣ ожесточенъ,
Необходимостью я къ мести приведенъ.
Заира же..... внемли себѣ не въ оскорбленье!
Цѣны нѣтъ на ея изъ мѣстъ сихъ искупленье!
Всѣ ваши рыцари, и всѣ владыки ихъ
Исторгнуть не могли бъ ее изъ рукъ моихъ!
Иди.

Нерестанъ.

Что слышу я! отъ христіанъ рожденной,
Заирѣ самъ ты Царь нарекъ быть искупленной.
А Лузиньянъ! ужель несчастный старецъ сей...

Оросманъ.

Ты волю знавъ мою, покоренъ буди ей.
Я добродѣтель чту, но нрава горделива.
Упорность лишняя—досадна и скучлива.
Изыди, и спѣша отъ Іорданскихъ водъ,
Отъѣздомъ предвари ты завтра солнца всходъ.

(*Нерестанъ уходитъ*).

Фатима.

О небеса!

Оросманъ (Заирѣ).

А ты, избранная душею,
Иди, сераль мой весь подъ властію твоею.
Царицей буди въ немъ, доколѣ учрежду
Все къ браку, коимъ я тебя на тронъ взведу.

Явленіе V.

Оросманъ и Корасминъ.

Оросманъ.

Чѣмъ мысли, Корасминъ, невѣрнаго смущались?
Онъ воздыхалъ, его къ ней взоры обращались....
Ты зрѣлъ ли?

Корасминъ.

Государь! ужель вдаешься ты
Зловредной ревности въ обманчивы мечты?

Оросманъ.

Мнѣ ревность знать? Мнѣ пасть въ такое униженье!
Мнѣ казни сей терпѣть позорное мученье!
Мнѣ, мнѣ любви моей видъ ненависти дать!
Подозрѣваетъ кто,—тотъ учитъ измѣнять.
Заиру заняту любовью зрю одною.
Мой другъ! люблю ее..... люблю я всей душою!
Я страстью превзошелъ мои щедроты къ ней.
Нѣтъ ревности во мнѣ... но если муки сей
Узнаю..., нѣтъ! въ душѣ. съ блаженствомъ неразлучной,
Да не вмѣстится ядъ сей мысли мнѣ докучной!
Иди, къ безцѣннымъ тѣмъ минутамъ все устрой,
Которыя на вѣкъ рокъ осчастливятъ мой.
Теперь займусь трудомъ, присвоеннымъ порфирѣ;
Потомъ остатокъ дня весь посвящу Заирѣ.

———

СТИХОТВОРЕНІЯ
НА
ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I.

A M-r Mestivier (Medecin).

Qui avait adressé des vers à ma fille.

La lyre d'Apollon, sa magique baguette;
A votre gré vous servent constamment,
Vous savez à la fois ressusciter les gens,
Et semer dans vos vers d'agréables sornettes.
Usez, docteur, de vos talens;
Mais à d'innocentes fillettes
A qui bon prodiguer un dangereux encens!
Ne savez-vous donc pas le mal qu'il peut leur faire.
Et, quand on veut du bien au père;
Peut on vouloir gâter l'enfant!

II.

Couplets.

Accourons tous
Chez l'adorable Dorothée,
Accourons tous
Et qu'à l'envi chacun de nous
Consacre toute la journée
A chanter notre bien aimée.
Accourons tous.
Tout le premier
Je l'aime sans savoir qu'y faire.
Tout le premier
Je la vois faite pour charmer.
Elle a surtout du caractère! [1])
J'en fais parade pour lui plaire,
Tout le premier.
Qui ne la voit
Tour à tour sublime ou frivole!
Qui ne la voit
Sur les coeurs acquérir des droits!
Stable, même en changeant de rôle;
Sous ses étendarts elle enrôle
Qui ne la voit.
Oui, c'est son fort;
De réunir tous les suffrages.
Oui, c'est son fort.
Elle sait plaire sans effort.
Son esprit est de tous les âges.
D'amour elle fuit l'esclavage;
C'est là son fort.

III.

Couplets,

Faits pour madame Golovine, actuellement c-sse Kourakine sur l'air: il est arrivé dans ces lieux... e. t. c. par de Marmontel.

Une mortelle au temps jadis,
Eut, dit-on, tant de charmes,
Qu' Amour lui-même en fut épris,
Et lui rendit les armes.
Sur un fait aussi peu commun,
La croyance varie;
Mais ce prodige en est-il un,
Pour qui voit Natalie?
Son ton, son air, — tout nous séduit!
Quelle est donc sa magie?
Graces, attraits, talens, esprit:
Tout en elle s'allie!

[1]) M-lle de G. disait souvent en plaisantant, qu'elle se piquait surtout d'avoir du caractère.

Près d'elle j'ai vu constamment
Une foule attendrie,
Qui répétait à chaque instant:
Adorons Natalie!

IV.

Sur l'air: il n'est qu'un mal, il n'est q'un bien etc. **Pour** *M-me Matiuchkine Софія Дмитріевна.*

Séduit par cet air enfantin,
Cette taille et fine et légère,
Ce doux regard, parfois malin:
Des Amours on croit voir la mère.
Mais un sentiment des plus doux,
Sophie, annonce que c'est vous.
Ne croyons plus à la froideur
Que vante la philosophie.
On n'est plus maître de son coeur,
Du moment qu'on a vu Sophie.
Cédons au charme de ses yeux;
A l'adorer bornons nos voeux,

V.

Sur un éventail rouge et blanc.

Cet eventail mystique est simple en apparence;
Mais le rouge et le blanc dont il est tacheté,
Belle Iris, a mes yeux peignent tes qualités:
Le rouge, ta pudeur — le blanc, ton innocence.

Дополненія.

Напечатанныя. выше стихотворенія представляютъ собою воспроизведеніе наиболѣе полнаго изъ двухъ собраній сочиненій Нелединскаго-Мелецкаго — 1876 г. («Стихотворенія Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго» 8°. Спб. 1876. стр. IV+210). Присоединяемъ къ нимъ нѣсколько стихотвореній. не вошедшихъ въ это изданіе. Они извлечены для «Рус. Поэзіи» изъ разныхъ журналовъ *Аркадіемъ Іоакимовичемъ Лященко.*

Ред.

I.

Эвфразія къ Мелкуру.

Переводъ изъ Дората.

Ты побѣдилъ, Мелкуръ! Судьба моя свершилась!
Изгнавъ раскаянье, любви я покорилась.
Огнемъ ея горю, ей шествую во слѣдъ;
Предъ пламенемъ ея разсудка мраченъ свѣтъ.
Душа теперь во мнѣ покоемъ услажденна.
Могу ль виновна быть, столь будучи блаженна
Мнѣ ль сомнѣваться? Нѣтъ любовница винна,
Коль слабъ въ ней жаръ любви, иль если невѣрна.
Люблю тебя на вѣкъ; твоей предавшись волѣ,
Я въ мірѣ ужъ другой не зрю и славы болѣ.
Живущей въ тягостной, въ томящей тишинѣ,
Безчувствіе души казалось честью мнѣ:
Ты просвѣтилъ мой умъ, и лучь мнѣ драгоцѣнный,
Блеснувъ отъ главъ твоихъ, спокоилъ духъ смущенный.
Пролиты слезы мной къ боязни ты причти;
Холодность ты моихъ объятій мнѣ прости,
Прости мнѣ вздохи тѣ, которыхъ не сдержала,
Которыми тебѣ и средь утѣхъ скучала.
Въ толь юныхъ лѣтахъ мнѣ поставишь ли виной,
Быть робкой, вѣряся любовнику впервой?
Непобѣдимыя, толь милы побужденья,
Готовятъ ужасъ намъ въ минуту наслажденья.
Внушенны правила отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Желанья новыя, ихъ сущность, ихъ предметъ;
Чрезмѣрность самая утѣхъ намъ путь къ боязни
Чѣмъ болѣ радостей, тѣмъ болѣ ждемъ мы казни.
Но коль начавъ внимать въ себѣ разсудка гласъ,
Возлюбимъ склонность мы, вліянну небомъ въ насъ;
Какъ склонность въ насъ сія усилится, созрѣетъ,
Обманутой дотоль душою овладѣетъ,—
Тогда ужъ слабостью любуяся своей,
Лишь слезы нѣжности польемъ мы изъ очей,

И сѣтовать начнемъ, страшась, что любимъ мало
Того, кого любить въ насъ сердце трепетало.
Законъ, святой законъ! гонитель строгій злыхъ!
Ужель преступокъ есть въ неложныхъ чувствахъ сихъ?
Къ тебѣ взываю я, къ твоей прибѣгну власти:
Ты въ трепетъ вводишь духъ, а не отъемлешь страсти.
Душа, надъ коей власть тебѣ принадлежитъ,
Мелкуру отдалась; его боготворитъ.
Средь храма зрю его... Я внемлю, онъ вѣщаетъ...
Зоветъ меня, своимъ мнѣ правомъ упрекаетъ;
Вездѣ мной властвуетъ... И прелести его
Сильнѣй угрозъ твоихъ для сердца моего.
А если я когда и тщуся быть суровой,
Готовлю тѣмъ ему лишь путь къ побѣдѣ новой.
Почто жъ въ душѣ, гдѣ ты божественный законъ,
Гдѣ споришься ты съ нимъ, почто жъ все властенъ онъ?
Дай сердцу, склонну лишь заняться имъ единымъ,
Иль силу побѣдить, иль право дай быть виннымъ!
За нѣжность Богъ не мститъ; любовь внушенна Имъ;
Могла ль повелевать я чувствіемъ моимъ?
Свободна ль я, Мелкуръ?—Въ подвластной смертныхъ долѣ,
Любя, покорствую Творца я вышней волѣ;
Онъ мой устроилъ путь; на судъ Его иду;
Руководима Имъ, я въ бездну не впаду.—
И льзя ль, чтобъ восхотѣвъ меня виновной видѣть,
Велѣлъ онъ то любить, что должно ненавидѣть?
Нѣтъ, нѣтъ! Лишь въ первый разъ узрѣла я тебя,
Невѣдому дотоль познала радость я,
И свыше силъ моихъ мной властвующа сила
Вдругъ душу всю мою въ тебя переселила.
Въ восторгѣ, въ чувствѣ семъ,—не вѣрю,—нѣтъ вины!
Пороку сладости такія не даны;
И тѣмъ скорѣй, Мелкуръ, любовь мной овладѣла,
Что непорочность въ ней я наконецъ узрѣла.
Пріятно мнѣ твердить, сколь счастливъ жребій мой.
Хвались, тебѣ то льзя, что властвуешь ты мной!
Любовникъ изо всѣхъ счастливѣйшихъ избранный!
Истощевай права, тебѣ любовью данны.
Въ какомъ ничтожествѣ, не знавъ тебя, была!
Томясь, я можетъ быть порочну жизнь вела;
Въ дремотѣ, безъ утѣхъ, равно какъ безъ печали,
Младые дни мои напрасно протекали.
Въ заботы суетны вдавала я себя,
Къ святѣйшимъ должностямъ усердье погубя.
Творецъ казался мнѣ лишь грознымъ властелиномъ,
И весь законъ мой былъ лишь въ ужасѣ единомъ.
Люблю теперь, люблю!—и мѣръ отрадѣ нѣтъ!
Мелкуромъ для меня сталъ весь украшенъ свѣтъ.
Восходъ зари во мнѣ желанья пробуждаетъ;
Забавы наши ночь подъ свой покровъ скрываетъ;
Въ весенни свѣтлы дни я въ рощахъ зрю густыхъ
Убѣжищъ тысячу для насъ съ тобой двоихъ.
Перерождаюсь вновь, и нову зрю вселенну,
Любовью красиму, любезнымъ оживленну.
И обществъ нашихъ долгъ не столь ужъ мнѣ суровъ.
Подъ игомъ не стеню, не стражду отъ оковъ;
Тирана злобнаго я въ Богѣ зрѣть престала.
И лишь любить начавъ, я благость въ Немъ признала.
Сколь драгоцѣнна быть должна душѣ моей
Начальница сихъ мѣстъ, препорученныхъ ей!
Она монашества мнѣ бремя облегчила,
И въ страсти намъ съ тобой, не знавши, послужила.
Привязанностью бывъ моей убѣждена,
Мнѣ нѣжной матерью является она.
Ея старанія обоимъ намъ полезны;
Открыли мнѣ тотъ свѣтъ, гдѣ мой живетъ любезный.
Въ ученіяхъ ея нѣтъ правилъ грубыхъ тѣхъ,
По коимъ тотъ лишь добръ, кто бѣгаетъ утѣхъ.
Ахъ! сердце было знать ея любви подвластно!
Не зная, столь нѣжно бывъ, чтобъ не бывало страстно.
Все служитъ намъ: моей безвинности то знакъ.
Эфразью скрылъ отъ всѣхъ благопріятный мракъ.
Предавшихся любви богъ нѣкій охраняетъ,
И въ тайны нашихъ душъ никто не проницаетъ.
Другъ въ другѣ зримъ весь міръ; мы въ пламени своемъ
Изобличенными не можемъ быть никѣмъ.
Чѣмъ скрытнѣй наша страсть, тѣмъ въ насъ она сильнѣе,
Отъ строгости сихъ мѣстъ свиданье намъ милѣе.
По маломъ времени разстаться бывъ должны,
Въ забавахъ мы своихъ тѣмъ болѣ зримъ цѣны.
Нѣтъ, ты не знаешь, сколь я счастлива тобою
И сколь любуюсь тѣмъ, что ты сталъ избранъ мною!
Не говорю о тѣхъ часахъ прелестныхъ мнѣ,
Толь кроткихъ, но всегда присутственныхъ въ умѣ.
Минуты сладостны! васъ умъ не постигаетъ!
Вы свыше словъ тому, кто прямо васъ вкушаетъ!
Душа, въ которой страсть неложна возжена,
И послѣ сихъ минутъ утѣхъ не лишена:
Успокоенье чувствъ дастъ сердцу полну сладость;
Восторги ихъ прошли, но въ немъ хранится радость.
Воспоминаньемъ всё я услаждаю дни.
Любви дарамъ нѣтъ мѣръ; безчисленны они.
Когда Мелкура нѣтъ, я съ жаромъ занимаюсь
Той сладкою мечтой, чрезъ кою съ нимъ встрѣчаюсь.
Его я имя вслухъ разъ тысячу скажу;
Который любитъ онъ, тотъ голосъ я твержу.
И чувствій на него направя все волненье,
Въ бреду я часто зрю и правды совершенье...
Но что сказала я?—Мелкуръ, приди ко мнѣ!
Дай въ явѣ чувствовать, что чувствую во снѣ!
Я вся твоя: владѣй Эвфразіей своею!
Любови взоръ есть святъ; все непорочно съ нею.
Ты жалобъ не страшись, ни стона отъ меня;
А развѣ бойся лишь чрезмѣрности огня.
Клянуся небу въ томъ!—Ты, кѣмъ питаю душу,
Престань меня любить, коль клятву я нарушу!

II.

Андрею Лаврентьевичу Львову.

Ты споришь, Львовъ,
Что сто стиховъ
На риѳму *овъ*
Набрать я не готовъ.
Ты правъ, не безъ большихъ трудовъ
Найду я столько словъ.
Я жъ неискусный риѳмословъ
И далъ бы сто воловъ,
Три четверти бобовъ
И столько же стрючковъ,
Да денегъ пять рублевъ,
Чтобъ схожихъ сто найти концовъ
И выйти тѣмъ изъ хвастуновъ.
Смотри, я щедръ — каковъ!
О богъ золотоголовъ!
Возьми подъ свой покровъ
И не лиши даровъ
Меня — скуднѣйшаго изъ всѣхъ твоихъ рабовъ!
Молюся безъ плодовъ,
Фебъ съ музами суровъ
Для тѣхъ, кто въ риѳмахъ новъ;
Онъ любитъ тѣхъ писцовъ,
Которые умовъ
Не тратятъ ради пустяковъ, —
Другихъ онъ чтитъ за шалуновъ
И за своихъ враговъ
Безъ всѣхъ обиняковъ.
Свѣтлѣйшій изъ боговъ
Бѣжитъ отъ болтуновъ,
Парнасскихъ тѣхъ сверчковъ,
У коихъ голосовъ,
Не болѣ, какъ у мрачныхъ совъ,
Которы ходоковъ
И самыхъ ѣздоковъ
Пугаютъ средь лѣсовъ.
Пегась хоть безъ подковъ,
Имъ подавалъ толчковъ,

Съ парнасскихъ береговъ
Ихъ ссунетъ въ мрачный ровъ.
Мой будетъ рокъ таковъ
За то, что пять часовъ,
Какъ сущій суесловъ,
Ищу сто риѳмъ на *овъ*.
Да гдѣ жъ ихъ взять? Умомъ вспорхнувъ до облаковъ,
Для риѳмы встрѣчу тамъ летающихъ орловъ,
Сравняю ихъ полетъ съ полетомъ соколовъ,
И, чтобъ запутать мнѣ чтецовъ,
Низринусь вдругъ изъ тучъ до Стиксовыхъ краевъ.
Тамъ, не страшась духовъ,
Не спрашиваясь колдуновъ;
Съ усами, безъ усовъ,
Съ хвостами, безъ хвостовъ, —
Сберу я всѣхъ боговъ
И имъ задамъ твою задачу, Львовъ.
Авось, межъ ихъ есть стихословъ.
Самъ между тѣмъ пойду ловить дроздовъ,
Нажарю ихъ и воробьевъ,
Скворцовъ,
Перепеловъ,
Индѣйскихъ пѣтуховъ,
Синицъ и ястребовъ,
Наставя блюдъ, горшковъ.
Къ столу созвавъ пѣвцовъ,
Прыгуньевъ, скакуновъ,
На скрипкахъ игроковъ,
Борцовъ,
Лихихъ бойцовъ
И всякихъ удальцовъ,
Пошлю къ тебѣ пословъ.
Изъ нихъ Степанъ Крыловъ
На карточкѣ безъ уголковъ
Подастъ тебѣ къ обѣду зовъ.
Съ тобою потвердимъ обжорныхъ мы задовъ
И тутъ отъ тартарскихъ жильцовъ
Дождемся или нѣтъ имъ заданныхъ стиховъ.
Еще, коль мало пустяковъ,
Я сказку слышану скажу отъ стариковъ
Видалъ ли ты ословъ?
Одинъ изъ нихъ, гуляя межъ ручьевъ,
По близости луговъ
Увидѣлъ у кустовъ
Премножество цвѣтовъ —
Ромашекъ, васильковъ,
И кашекъ, и пупковъ
И всякихъ тутъ родовъ.
Голодныхъ жадность псовъ
Оскаленьемъ зубовъ
Явилъ глупѣйшій изъ скотовъ,
Эмблема дураковъ —
Онъ поднялъ сильный ревъ
И, не боясь волковъ,
Пустился по цвѣтамъ на ловъ.
Оселъ хоть не рѣзовъ,
Но тутъ махнулъ черезъ пять рвовъ
Хотѣлъ поѣсть до стебельковъ
И не оставить ни листковъ;
Но, бывъ простакъ изъ простаковъ,
Не зналъ, съ чего начать и дождался стадовъ.
Отъ неучтивыхъ пастуховъ
Принявши съ сотню тутъ толчковъ,
И въ голову тузовъ
И подъ животъ пиньковъ, —
Голодный уплелся насилу отъ коровъ.
Вотъ то-то безтолковъ!
А я вѣдь не таковъ:
Я зналъ, съ какихъ начать мнѣ словъ,
Чтобъ написать сто риѳмъ на *овъ*.
Впередъ не спорь же, Львовъ!
Прощай и будь здоровъ!

III.

Князю Александру Петровичу Оболенскому.

Исполать тебѣ, доброму молодцу
Александрушку, ахъ! Петровичу,
Исполать за то, что заводушко
Что заводушко горяча винца
Такъ идетъ хорошохонько. —
Полно, правда ли, добрый молодецъ,
Что изъ четверти чиста хлѣбушка
Выходило бы семь ведерочекъ!
Семь ведерочекъ съ половиною!
Въ томъ ручается и жена твоя,
Лихъ она тебѣ потакальщица!
И готова все по тебѣ сказать
Угождать во всемъ и подлаживать! —
Изъ чего же все? Самъ ты вѣдаешь.

IV.

Экспромптъ.

Нѣтъ у Россіянъ благодарности ни крошки:
Петръ стóитъ алтарей, а передъ нимъ ни плошки.

Примѣчанія.

Пѣсни. I (стр. 12) помѣщ. въ «Карманномъ Пѣсенникѣ» (Дмитріева). М. 1796, стр. 17—19.

II (стр. 13) помѣщ. въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 84–85.

III (стр. 13) помѣщ. въ «Карманномъ Пѣсенникѣ» (Дмитріева) 1796, стр. 14. и въ «Карм. книжкѣ для любит. музыки» на 1796 г. отд. VI, гдѣ вошла въ число четырехъ пѣсенъ, «сочиненныхъ» Козловскимъ. Послѣднему, конечно, принадлежитъ только музыка.

IV (стр. 13) помѣщ. въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 144–145, съ варіантами и съ слѣдующей 2-ой строфой:

Лишь бутылку я увижу,
Вострепещетъ духъ во мнѣ,
Жизнь свою возненавижу,
Какъ забуду вкусъ въ винѣ.
Громъ ли вдругъ ужасный грянетъ
Въ ту минуту какъ я пью,
Рушиться весь міръ хоть станетъ,
Я ни капли не пролью.

Такимъ образомъ въ «Пѣсенникѣ» всѣхъ четыре строфы.

V (стр. 14) напечатана въ «Карман. Пѣсенникѣ» Дмитріева. М. 1796, стр. 8—9, съ нѣкоторыми варіантами.

VI (стр. 14) напечатана въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 12—13.

VII (стр. 14) помѣщ. въ «Карман. Пѣсен.» 1796, стр. 65–67.

IX стр. 15) помѣщ. въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 15 и въ «Магазинѣ общеполезн. знаній» 1795, ч. II, августъ (съ музыкой Козловскаго)

XI (стр. 15) помѣщ. въ журн. «Чтеніе для вкуса» 1792, ч. V, стр. 195, въ «Моск. журн.» 1792, ч. VIII, стр. 8, и въ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796, стр. 57, «Соревнователь просвѣщ.» 1818, № 3 (съ нотами).

XVI (стр. 16) помѣщ. въ «Карман. Пѣсен». 1796, стр. 73—75.

XVII (стр. 16) помѣщ. въ «Моск. журн.» 1796, ч. VIII, стр. 235, и въ «Карм. Пѣсен». 1796, стр. 78—79.

Разныя стихотворенія. I (стр. 17) написано въ Москвѣ въ 1787 г. См. выше стр. 5 (біографія).

II (стр. 17) помѣщ. въ «Аонидахъ» 1796, кн. I, стр. 13.

IV (стр. 17) «Да украситъ лира троны дщерями своихъ сыновъ»—намекъ на предполагавшійся бракъ короля Шведскаго Густава IV съ вел. княжной Александрой Павловной.

VII (стр. 18) Примѣчаніе автора показываетъ, что здѣсь онъ разумѣлъ *Платона* Зубова. Срвн. примѣч. къ стих. XVIII.

VIII (стр. 18) помѣщ. въ «Собес. любит. рус. слова» 1783, ч. VI, стр. 132—135, съ нѣкоторыми варіантами и съ пропускомъ VII строфы.

IX (стр. 19) помѣщ. въ «Моск. Вѣдом.» 1782. Кн. В. М. Долгоруковъ командовалъ второй арміей послѣ Панина и отличился въ Крыму. См. выше стр. 3 (біографія).

X (стр. 20) издано отдѣльно въ 1789 г. Объ отношеніяхъ Нелединскаго къ Панину см. стр. 3 (біографія)

XI (стр. 21) помѣщ. въ «Московск. Вѣдом.» 1789.— Кн. Пав. Серг. Гагаринъ (1747—1789) поэтъ и переводчикъ XVIII в., сотрудникъ «Чтенія для вкуса», «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени».

XII (стр. 20) издана отдѣльно въ 1791 и въ «Моск. журн.» 1791, ч. IV, стр. 82—89.

По словамъ автора біографіи Нелединскаго послѣдній въ этой одѣ подражалъ отчасти Геснеру. См. выше стр. 3.

XIII (стр. 21) написано въ 1782 г.

XIV (стр. 22) помѣщ. съ варіантами въ «Нов. Ежем. Соч. 1787 г., ч. XII, іюнь, стр. 53, въ «Аонидахъ» 1796, кн. I, стр. 62—66. Это и предыдущее стихотвореніе посвящены предмету любви поэта. Объ отношеніяхъ его къ «Темирѣ» см. 4 стр. біографіи.

XV (стр. 22). Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, поэтъ XVIII в. (ум. 1804 г.). О немъ см. «Русск. Поэзія», т. I, дополн., стр. 319. Въ этомъ стихотвореніи чрезвычайно замѣчательно осужденіе крѣпостного права въ строкахъ о жителѣ селъ:

Не тотъ, котораго судьбина угнетая
И кромѣ силъ всего безжалостно лиша,
Ко услуженію подобныхъ осудила...

XVII (стр. 23). Написано лѣтомъ 1810 г. (см. стр. 9).

XVIII (стр. 23). Кн. Платонъ Александр. Зубовъ (1767 – 1822), фаворитъ Екатерины. Надпись можетъ служить образчикомъ низкопоклонства того времени. Приравнять Платона Зубова Катону!

XIX (стр. 23). Вояжъ въ Бѣлоруссію. О немъ см. С.-Петерб. Политич. Журн. 1797, II, 453.

XXI—XXIII (стр. 24 и 25). Стихотворенія по случаю торжествъ 1814 г. заказывались Нелединскому императрицей Маріей Ѳеодоровной. Въ помощь себѣ Н. пригласилъ Батюшкова, кн. Вяземскаго. Вотъ что писалъ онъ послѣднему: «Меня было нарядили дѣлать куплеты и нѣсколько рѣчей. Это мнѣ была большая забота и по старости моей и по душевному расположенію; но къ счастью подъѣхалъ сюда К. Н. Батюшковъ; я ему въ ноги! И онъ имѣлъ снисхожденіе отъ этого труда меня избавить. Между тѣмъ я ужъ кой-какъ слѣпилъ одинъ хоръ для польскаго и куплеты, которые будутъ пѣть у преднамѣреваемыхъ воротъ на самой Павловской границѣ, у которой императрица встрѣтитъ дорогаго гостя своего». «Посылаю намъ хоръ, написанный мною для праздника, даннаго въ Павловскѣ вел. князю (Константину Павловичу), въ прошедшую среду, іюня 18, на музыку: *Славься симъ, Екатерина*» (Русск. Арх. 1866, ст. 886, 889). Упомянутый хоръ, нашъ XXI. Первое четверостишіе въ немъ принадлежитъ Карамзину. Главный праздникъ въ честь императора происходилъ въ Розовомъ павильонѣ. Описаніе его въ «Сѣверной Почтѣ» 1814, № 61 и въ «Русск. Инв.» 1814, № 63, Рус. Арх. 1867, ст. 1060 сcл., а также въ книгѣ: «Павловскъ 1777—1877. Спб. 1877, стр. 168—181». Срвн. Соч. Батюшкова, подъ ред. Майкова и Саитова. Спб. 1886, т. III, 289, стр. 712.

XXV (стр. 25). Это посланіе къ гр. А. Вл. Салтыкову.

XXVI (стр. 26). О Головиной см. выше стр. 4. — К . . . . . ва, по всей вѣроятности, Кошелёва, Маргарита Александровна (см. стр. 4).

XXX (стр. 27). 1-я часть этого стих. помѣщ. въ «Нов. Ежем. Соч.» 1787, ч. XI, май, стр. 56.

XXXI (стр. 27). Кн. Ѳед. Никол. Голицынъ (1751 – 1827) былъ кураторомъ Москов. универс. (1796—1803). Упоминаемая здѣсь ода кн. Голицына «Пѣснь на рожденіе вел. кн. Константина Павловича» помѣщена въ «Академ. Извѣст.» 1779, ч. II, стр. 54—58. Примѣчаніе самого Нелединскаго къ этому стихотворенію не точно.

XXXV (стр. 27). Кн. П. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1829), одописецъ, написалъ въ честь Е. С. Обрѣсковой стихи, въ которыхъ припоминалъ Елисавету англійскую и имп. Елисавету Петровну. Отвѣтомъ на эти стихи было стихотвореніе Нелединскаго.

«Эти стихи — говоритъ кн. П. А. Вяземскій — выливались свободно изъ сердца, которое въ молодости и къ другому кумиру внушило поэту слѣдующіе стихи:

О если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть,
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою
И тайну ту хранить въ себѣ,
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь себѣ. (См. XXVI, стр. 16).

Такихъ стиховъ немало отыскивается у Нелединскаго, хоть бы этотъ:

Темира — страждущей души успокоенье!

Какой сердечный стихъ и какая въ немъ свѣжесть, несмотря на то, что онъ написанъ лѣтъ 80 тому. Или—

Нѣтъ, смертнаго въ тебѣ не вижу ничего
и т. д. (см. стих. XIII).

„А кто теперь знаетъ Нелединскаго, кто заглядываетъ въ него? Одни мы—литературные старовѣры. Разумѣется, встрѣчаются у него обороты и слова обветшалые. Но золото — все золото, хотя и подъ стариннымъ чеканомъ. Перлъ все тотъ же перлъ, будь онъ и въ старосвѣтской оправѣ". (Рус. Арх. 1866, с. 890).

XXXVI (стр. 27) помѣщ. въ «Вѣстн. Евр.» 1812, ч. 62, № 6, стр. 98. — Знаменитая актриса Екатерина Семеновна Семенова (1786—1849) пріобрѣла славу исполненіемъ роли Аменаиды въ трагедіи Вольтера «Танкредъ». Объ этомъ стих. Н. есть замѣтка въ дневникѣ А. Я. Булгакова, который говоритъ: «Немалая честь для Семеновой быть воспѣтой такимъ поэтомъ и такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Нелединскій». О Семеновой см. «Хронику недавней старины». Спб. 1876, стр. 121, и «Сочиненія Батюшкова», подъ редакціей Майкова и Саитова. Спб. 1885. Т. II, стр. 392, 436, 561.

XXXVII (стр. 28). Первая надпись помѣщена въ «Нов. Ежем. Соч.» 1787, ч. XI, май, стр. 53.

XXXVIII (стр. 28). «Елисавета Семеновна Обрескова (урожденная Волчкова), супруга сенатора А. П. Обрескова, потомъ въ замужествѣ за кн. Хилковымъ. Она была необыкновенная красавица и долго, долго сохраняла красоту свою. Нелединскій писалъ къ ней стихи, дышащіе свѣжестью и силою глубокаго чувства». (Слова кн. Вяземскаго, см. „Рус. Арх." 1866, стр. 889).

XLIII (стр. 28) помѣщ. въ «Нов. Ежем. Соч.» 1787, XI, май, 55.

Переводы I (стр. 28) помѣщ. въ «Вѣстн. Евр.» 1813, № 9, стр. 28 слл., подъ заглавіемъ «О должности общества». Въ изд. Смирдина (Спб. 1850) есть нѣсколько варіантовъ, явившихся, вѣроятно, по небрежности; въ этомъ же изданіи пропущена 16-я строфа.

II (стр. 29) помѣщ. въ «Вѣстн. Евр.» 1813, ч. 69, № 9, стр. 18, и въ «Чтен. въ Бес. люб. рус. слов.» 1813, № 11.

IV (стр. 30) помѣщ. въ другой редакціи въ «Нов. Ежем. Соч.» 1787, ч. VII. апрѣль, стр. 92.

V (стр. 30) помѣщено въ «Вѣстн. Евр.» 1803, ч. 8, № 5, стр. 43, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ Делилліева диѳирамба на безсмертіе». Этотъ отрывокъ Де-Лиля переведенъ въ 1807 г. Жуковскимъ (Собр. соч., т. I).

VI (стр. 30) помѣщ. въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 69—72. Переведено въ 1782 г.

VIII (стр. 30) помѣщено (съ нотами) въ «Соревнователѣ просвѣщенія» 1818, ч. II, № 4. О переводѣ этого стих. кн. Вяземскій сообщаетъ въ своей «Старой записной книжкѣ» слѣдующее: «Гр. Разумовская (Марія Григорьевна) въ молодости своей пѣла очень мило. Однажды забрала она за живое стихотворческое и русское

самолюбіе Нелединскаго. Пропѣвъ романсъ Ханыкова: Quand sur les ailes des plaisirs и пр., графиня сказала Нелединскому: «Вотъ никакъ не передать этихъ словъ на русскій языкъ». На другой день онъ привезъ ей свой прелестный переводъ». (Собр. соч. Вяземскаго Спб 1883, т. VIII, стр. 402).

XI (стр. 32) помѣщ. въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796 г., стр. 54—55.

XIII (стр. 32). Эту басню дважды перевелъ Сумароковъ подъ заглавіемъ: «Лягушка» и «Возгордившаяся лягушка» (см. «Русская Поэзія», т. I, стр. 229 и 249). Передѣлка Крылова относится къ 1808 г. (См. В. Кеневичъ. Примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2 изд. Спб. 1878, стр. 21).

XIV (стр. 33). Нѣсколько разъ переводилась на русскій языкъ («Рус. Поэзія» I, 211, 476. См. В. Кеневичъ, назв. соч., стр. 41.

XV (стр. 33) помѣщ. въ «Нов. Ежем. Соч.» 1787, ч. XI. май, стр. 53.

XVI (стр. 33) помѣщ. въ «Вѣстн. Евр.» 1808, ч. 39, № 10, стр. 100. Эту басню перевелъ Сумароковъ («Рус. Поэзія» I, 225).

XVII (стр. 33). Кромѣ Крылова и Дмитріева эту басню переводили Княжнинъ и Сумароковъ («Русская Поэзія», т. I, стр. 187, дополн., стр. 222).

XVIII (стр. 33) помѣщ. въ «Московск. Журн.» 1792, ч. V, стр. 5—9, подъ заглавіемъ: «Ниса; вольное подражаніе итальянской пѣсни изъ Метастазія», и въ «Карман. Пѣсенникѣ» 1796, стр. 80—84.

XXII (стр. 35). Гр. Андрей Петровичъ Шуваловъ (1744—1789) авторъ французской оды на смерть Ломоносова (перепечатанной въ «Сборн. матеріаловъ для Исторіи Акад. Н.», А. Куника. Спб. 1865, т. I, стр. 201—223).

XXIII (стр. 35). Въ первый разъ помѣщено въ «Матеріалахъ для словаря русскихъ писателей» С. Полторацкаго. М. 1858. Т. I, тетр. 1. Переводчики Вольтера», вмѣстѣ съ переводами другихъ поэтовъ.

XXIV (стр. 35—37) перевед. въ 1783 г., помѣщен. въ «Труд. Общ. Любит. Рос. Слов. при Моск. унив.» 1812, № 3. Переводомъ этимъ, если вѣрить Макарову (см. ниже выдержку изъ «Дамск. Журн.» 1829), Нелединскій не былъ доволенъ. 2-е дѣйствіе осталось въ рукописи. — О переводахъ на рус. яз. «Заиры» есть библіографич. замѣтка С. Д. Полторацкаго въ «Сѣв. Пчелѣ» 1860, № 259.

Стихи на фр. яз.

II (стр. 38). Посвящено, вѣроятно, Д. И. Головиной. См. стр. 4.

III (стр. 38). Кн. Нат. Ив. Куракина, урожденная Головина (см. стр. 4).

V (стр. 38). Написано въ 1782 г.

Одно французское стихотвореніе Н. М. помѣщено въ біографіи его на стр. 8.

Дополненія къ изд. 1876 г.

I (стр. 38—39) помѣщ. въ «Московск. Журн.» 1792 ч. VI, май, стр. 156—166.

II (стр. 39—40) помѣщ. въ «Русск. Старинѣ» 1887, т. 75, № 11, стр. 473—475, въ ст. «Альбомъ С. Д. Полторацкаго».

А. Л. Львовъ—тамбовскій, а съ 1802 г. калужскій губернаторъ.

III стр. 40). Это шуточное посланіе къ зятю Н. Мелецкаго, относящееся къ 1817 году; напечатано въ «Хроникѣ недавней старины», стр. 240.

IV (стр. 40) напечатано въ «Рус. Старинѣ» 1891, авг., 382. Въ Старой записной книжкѣ кн. П. А. Вяземскаго это стихотвореніе приписано Милонову. (Собр. соч. кн. Вяземскаго т. VIII стр. 346).

Отзывы, статьи и біографическія матеріалы о Нелединскомъ-Мелецкомъ.

1. **И. И. Дмитріевъ.** «Къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому», стих. («Мои безделки», 1795).

2. **Пав. Голенищевъ-Кутузовъ.** Стихи анакреонтическіе Нелединскому-Мелецкому, въ день его имянинъ, ноября 3, 1806 г. («Другъ Просвѣщенія» 1806, ч. 4, № 12, стр. 183).

3. **Державинъ.** Разсужденіе о лирической поэзіи (1817). (Сочиненія Д. т. VII).

Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзія и музыка есть разговоръ сердца, что ищутъ онѣ побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностью своею въ нихъ отзываются... Подобнаго сладкогласія исполнены пѣсни Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч...

Лучшіе пѣсней сочинители у насъ почитаются: гг. Нелединскій, Дмитріевъ, Поповъ, Богдановичъ, Капнистъ, Карамзинъ, кн. Горчаковъ и другіе.

(Въ своемъ «Разсужденіи» Державинъ приводитъ изъ стихотвореній Нелединскаго примѣры *вдохновенія страстнаго и нѣжнаго*).

4. **Державинъ.** Записки. (Соч. Д., т. VI).
Краткія упоминанія о Нелединскомъ.

5. Отзывы **К. Н. Батюшкова** (1811—1816).

«Я вчера обѣдалъ у Нелединскаго; истинный Анакреонъ, самый острый и умный человѣкъ. добродушный въ разговорахъ и любезный въ своемъ быту — вопреки и звѣздѣ и сенаторскому званію, которое онъ заставляетъ забывать». (Изъ письма къ Гнѣдичу 13 марта 1811; Соч. т. III, 113.)

«Ты говоришь, что въ Москвѣ нѣтъ людей! А Карамзинъ, а Нелединскій?... У послѣдняго я недавно обѣдалъ и просидѣлъ до 9 часовъ вечера. Онъ читалъ свои стихи—время летѣло! Счастливый Шоліо и Анакреонъ нашего времени, Нелединскій лѣнивъ не потому, что лѣнь стихотворна, а потому, что лѣность — его душа. Нѣга древнихъ, эта милая небрежность, дышитъ въ его стихахъ. Онъ много перевелъ изъ Пирона, но какъ перевелъ. Превзошелъ его! Что нужды до рода, я удивляюсь его дарованію» [1]. (Изъ письма Гнѣдичу 29 мая 1811 г., т. II, 128).

«Вяземскій весь разсѣяніе. Такой родъ жизни погубилъ Нелединскаго». (Изъ письма Жуковскому, 27 сентября 1816 г., III, 404).

«. . . . Вдохновенныя страстью пѣсни Нелединскаго . . . . [2]) — всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія менѣе или болѣе приближались къ желанному совершенству и всѣ — нѣтъ сомнѣнія — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили». (Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», 1816, Собр. соч. II, стр. 242).

6. **И. И. Дмитріевъ.** «Взглядъ на мою жизнь» (1866). Въ IX главѣ III части краткія замѣтки о служебной дѣятельности Нелединскаго. (Изд. соч Д. подъ ред. А. Флоридова. Спб. 1893, стр. 134, 136).

7. Отзывъ **А. С. Пушкина** (1823). « . . . По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ хуже стихотворца Карамзина». Изъ письма къ Вяземскому, 1823).

8. **Н. Гречъ.** Опытъ краткой исторіи рус. литературы. Спб. 1822, стр. 209—210.

9. **Н. Гречъ.** Учебная книга Россійской словесности. Спб. 1822, ч. I, стр. 481—482.

10. **Булгаринъ.** («Литературные листки» 1824, ч. I, стр. 61).

«Дмитріевъ *первый* въ сатирахъ и посланіяхъ, *первый* въ сказкахъ, *первый* въ пѣсняхъ. Рядомъ съ Дмитріевымъ можно поставить въ пѣсняхъ Нелединскаго-Мелецкаго».

11. Некрологъ Нелединскаго-Мелецкаго въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1829, № 27.

---

[1]) Въ числѣ стиховъ, которые Нелединскій читалъ Батюшкову, были, очевидно и такіе, которые Вигель (Воспоминанія, ч. V) называлъ непотребными.— Примѣч. ред. къ Соч. Батюшкова т. III, 665.

[2]) Идетъ перечисленіе замѣчательныхъ русскихъ поэтическихъ произведеній.

Нелединскій былъ человѣкъ умный, образованный, благородный, въ полномъ значеніи сихъ словъ. Должности свои отправлялъ онъ съ неутомимымъ усердіемъ и примѣрною совѣстностью: сколько безсонныхъ ночей стоило ему иногда подписаніе опредѣленія въ Сенатѣ по дѣламъ запутаннымъ, въ которыхъ онъ старался доискаться истины! Характера былъ онъ веселаго, любилъ жизнь и ея наслаждеія, въ обществахъ былъ чрезвычайно остроуменъ и любезенъ. Русскую словесность любилъ онъ страстно и принималъ участіе въ ея успѣхахъ до самаго конца своей жизни. Изъ стихотворныхъ его произведеній будутъ жить въ памяти отечественной публики прелестныя анакреонтическія пѣсни, дышащія пламеннымъ чувствомъ. Есть нѣсколько прекрасныхъ эпиграммъ, мадригаловъ и т. п. Всѣ сіи произведенія, къ сожалѣнію, разбросаны въ разныхъ журналахъ и другихъ собраніяхъ и не изданы особо, вѣроятно по нежеланію самого автора, который отнюдь не дорожилъ ими, называя всѣ свои стихотворенія ничтожными произведеніями досуга въ молодыя лѣта. Изъ сочиненій его по службѣ извѣстно Прошеніе Государственнаго Совѣта, Правит. Сената и Св. Синода имп. Александру I о воспріятіи титула *Благословенный* и о позволеніи воздвигнуть ему памятникъ (1814). Объ обстоятельствахъ кончины его, поразившихъ всѣхъ жителей Калуги, получили мы оттуда письмо С. Ч—на».

(Письма этого мы не приводимъ, такъ какъ оно не дополняетъ того, что сказано выше на стр. 12).

12. **М. (Макаровъ).** Нѣсколько словъ о Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ. «Дамскій журналъ» 1829, ч. XXV, мартъ, стр. 170—171.

Въ началѣ февраля получено извѣстіе о смерти Ю. А. Нел.Мел., поэта, незабвеннаго своими, такъ сказать, *соловьиными* пѣснями, современника поэтовъ золотаго вѣка поэзіи въ царствованіе Екатерины. «Выду я на рѣченьку», «У кого душевны силы», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ» и другія пѣсни Ю. А. поставили его на первую ступень между нашими сочинителями пѣсенъ. Въ семъ родѣ сочиненій, можно сказать, онъ не имѣлъ соперника. Каждое слово каждой пѣсни его дышитъ нѣжностью и чувствительностью необыкновенными, и всѣ пѣсни. Нел. всѣми удержаны въ памяти, равно какъ и его немногія посланія. Онъ перевелъ три дѣйствія Вольтеровой трагедіи «Заира», изъ которыхъ напечатано только одно. Н. былъ недоволенъ своимъ переводомъ; жаловался на Оросмана (дѣйств. лицо въ трагедіи), жаловался на самого Вольтера, называлъ его, по *трагической* плодовитости, французскимъ Сумароковымъ и—оставилъ трагедію.

Лучшія стихотворенія Ю. А. писаны имъ во Владимірской его деревнѣ, селѣ Ильинскомъ; тамъ живучи уединенно, онъ пѣлъ только любовь и для любви; въ свѣтѣ же занимался всѣми пріятностями общества, котораго онъ былъ всегда душою.—«Маленькій человѣкъ» (какъ говорятъ), сказалъ объ немъ однажды Державинъ, «но за то весь составленъ изъ любви».

13. **Некрологъ Нелединскаго** въ журн. «Бабочка» 1829, № 19, стр. 74.

14. **Н. Иванчинъ-Писаревъ.** Къ портрету Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго; Радуга. Литературно-музыкальный альманахъ на 1830 г., стр. 281.

15. **Славянинъ.** 1830, ч. XIII, стр. 460. Изъ письма Нелединскаго къ кн. Е. С. Хилковой (Обрѣзковой).

16. **Письмо Нелединскаго** къ В. Капнисту отъ 29 іюня 1798 г. (Современникъ 1836, т. II).

17. **Авениръ Народный (М. Н. Макаровъ).** Невыдержки, а почти выдержки изъ большихъ записокъ о прошлыхъ временахъ. «Моск. Наблюд.» 1835, ч. III, стр. 613—617.

. . . Я это записалъ для того, что о Нелединскомъ и Капнистѣ, поставленныхъ въ рядъ съ Ѳедоровымъ и Слѣпушкинымъ, весьма недавно говорено было въ какомъ-то изъ нашихъ журналовъ [1]).

---

[1]) Кажется въ еженедѣльникѣ «Молва» за 1835 г.

На поприщѣ поэзіи Ю. А. Нелединскій отличился пѣснями. Одна изъ его пѣсенъ «Выйду я на рѣченьку» имѣетъ уже около 50 лѣтъ отъ роду и все еще молода въ нашемъ народѣ [1]). Его другія пѣсни всѣ отличились также своею особенностію въ исторіи нашего пѣнія и составляютъ собою ея перло: пѣсни Н. М. оригинальная картина, всегдашній образцикъ для нашихъ новѣйшихъ мастеровъ пѣсенныхъ, и вотъ почему во всѣхъ сборникахъ рус. пѣсенъ эти пѣсни должны быть непремѣнно. Теменъ и болотистъ Сумароковъ; довольно горькаго дыма и чего-то уже чуднаго для насъ въ отдѣлкѣ пѣсенъ Майкова, Попова даже Богдановича; но Нел.-М., Карамзина, Дмитріева, Долгорукова кто еще не пойметъ изъ людей знакомыхъ со вкусомъ? Распѣвая пѣсни Державина, которыя «Молва» допускаетъ еще въ нынѣшніе сборники пѣсенъ, никакъ нельзя отказать въ томъ же и пѣснямъ его знаменитыхъ или замѣчательныхъ современниковъ?

. . . Будучи сенаторомъ, онъ жилъ въ Москвѣ. Мы еще весьма хорошо помнимъ его блестящіе балы, его литературные вечера a la Récamié. Тутъ между тогдашними мастерами-патріархами стиховъ и прозы съ робостью являлись Жуковскіе, Мерзляковы и другіе. Ихъ представителями были Дмитріевъ, Карамзинъ, ветхій (и тогда) старецъ Херасковъ.

Ю. А. былъ человѣкъ весьма небольшаго роста, можно назвать его даже маленькимъ; онъ былъ плотенъ; въ его взглядѣ было что-то особенное, въ его каждомъ словѣ всегда острота. А какъ онъ *любилъ* любить и умѣлъ любить, свидѣтельствуютъ опять его пѣснями; Кто не знаетъ его пѣсни «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ быть съ собой»? Императоръ Павелъ Петровичъ [2]) услышавши, что кто-то прозвалъ Нелединскаго птичкою малиновкою, изволилъ замѣтить, что Нелединскій больше похожъ на маленькую синичку съ заливнымъ колокольчикомъ, птичку всегда быструю и также для всѣхъ пріятную.

18. Отзывы **Бѣлинскаго.**

1. «Литер. мечтанія». («Молва» 1835 г. и т. I стр. 54). Въ пѣсняхъ Нелединскаго, сквозь румяны сантиментальности проглядывало иногда чувство и блестки таланта.

2. (1841 г. въ рецензіи перевода Струговщикова «Римскихъ элегій», Отеч. Зап. 1841; Соч. Бѣлин. IV, стр. 448).

Батюшковъ написалъ особую статью «О вліяніи легкой поэзіи на языкъ». Вся эта статья не что иное, какъ апологія легкой поэзіи. Что же такое эта легкая поэзія? Въ то время понятія объ искусствѣ были довольно темны и сбивчивы: съ поэзіею смѣшивали все, что писалось размѣренными строчками съ риѳмами; чувствительная пѣсенка и свѣтскій комплиментъ, втиснутый въ четверостишіе, съ названіемъ «Къ Клименѣ» или «Къ Темирѣ»,—все это считалось поэзіею и по преимуществу «легкою», хотя этому явно противорѣчила—тяжесть дубоватой версификаціи. Такъ и Батюшковъ несовсѣмъ отчетливо понималъ то, что называлъ «легкою поэзіею». Онъ говоритъ, что на Руси Ломоносовъ изобрѣлъ ее, и высоко ставилъ заслуги въ «легкой поэзіи». Сумарокова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Капниста, Нелединскаго, Мерзлякова, Муравьева, Долгорукаго, Воейкова, В. Пушкина и другихъ. Вообще можно замѣтить, что подъ словомъ «легкая поэзія» онъ разумѣлъ мелкіе роды лирической поэзіи—пѣсню, сонетъ, элегію, и эпиграмму, мадригалъ, тріолеттъ и т. п.

3. (1844. Статья о соч. Пушкина. Отеч. Зап. 1844; Соч. т. VIII, стр. 132—134).

---

[1]) Роде, Ромбергъ, Дицъ, Фильдъ, нашъ Кашинъ и многіе замѣчательнѣйшіе артисты музыки всѣ варіировали эту пѣсню. Музыка его извѣстна была Европѣ.

[2]) Анекдотъ, переданный мнѣ покойнымъ Ѳ. И. Козлятьевымъ, однимъ изъ любимыхъ генераловъ императора и моимъ сосѣдомъ по деревнѣ.

«Въ Европѣ сантиментальность смѣнила феодальную грубость нравовъ; у насъ она должна была смѣнить остатки грубыхъ нравовъ до-Петровской эпохи. Это понятно тамъ, гдѣ не только просвѣщеніе и литература, но и общительность и любовь были нововведеніемъ. Сантиментальность, какъ раздражительность грубыхъ нервовъ, расслабленныхъ и утонченныхъ образованіемъ, выразила собою моментъ ощущенія (sensation) въ рус. литературѣ, которая до того времени носила на себѣ характеръ книжности. Смѣшны намъ теперь эти романтическія имена: Нина, Каллиста, Леонія, Эмилія, Лилетта, Леонъ, Милонъ, Модестъ, Эрастъ; но въ свое время они имѣли глубокій смыслъ: въ нихъ выразилась человѣческая наклонность къ романтической мечтательности, къ жизни сердцемъ. Въ лицѣ Карамзина рус. общество обрадовалось, въ первый разъ узнавъ, что у него, этого общества, есть душа и сердце, способныя къ нѣжнымъ движеніямъ. Это называлось тогда «наслаждаться чувствительностью». Кто могъ плакать въ умиленіи отъ пѣсни Дмитріева «Стонетъ сизый голубочекъ», тотъ, конечно, понималъ поэзію лучше того, кто видѣлъ ее только въ торжественныхъ одахъ на разныя иллюминаціи. Поэзія предшествовавшей школы пугала женщинъ, а стихи Дмитріева, Карамзина и Нелединскаго-Мелецкаго женщины знали наизусть, ими воспитывались цѣлыя поколѣнія».

Къ Карамзинской школѣ, по словамъ Бѣлинскаго, принадлежитъ «Нелединскій - Мелецкій, прославившійся нѣжными пѣснями, въ которыхъ много непритворной чувствительности».

19. **Юрій Александровичъ Нелединскій - Мелецкій.** Автобіографія. (Москвитянинъ. 1844, ч. I, № 1, стр. 262—264). Написана въ 1810 г.

Родился я 752 года въ Москвѣ, гдѣ и воспитывался до 15 лѣтъ у своихъ родственниковъ. Въ 758 году записанъ фурьеромъ въ артиллерію, и въ томъ же году пожалованъ сержантомъ. Въ началѣ 769 года посланъ былъ учиться въ Страсбургъ, откуда, послѣ одного года, возвращенъ, и тою же весною по желанію моему отправленъ во 2-ю армію, осаждавшую тогда Бендеры. Тамъ служилъ ординарцемъ главнокомандующаго во всю компанію; въ теченіе коей, съ донесеніемъ о занятіи непріятельскаго ретрашамента, ѣздилъ курьеромъ къ Высочайшему Двору, и возвратился поручикомъ.

Въ 771 году въ той же арміи служилъ въ Егерскомъ корпусѣ, съ коимъ былъ на штурмѣ Перекопской линіи, и при занятіи Кафы. Пожалованъ капитаномъ, и переведенъ во 2 гренадерскій полкъ.

Въ 772 году съ зимнихъ квартиръ, изъ окрестностей Полтавы, ходилъ къ Крыму; но не дойдя до онаго, 4 полка, въ томъ числѣ и нашъ, по причинѣ непріязненнаго тогда расположенія къ намъ Шведовъ, потребованы были въ Петербургъ. Тамъ, въ присутствіи Государыни Императрицы, были подъ Краснымъ Селомъ манёвры.

Въ 774 году, по просьбѣ моей, переведенъ я былъ въ 1-ю армію, гдѣ объявя желаніе быть въ передовомъ Корпусѣ, отправленъ былъ къ г. Каменскому, и при ономъ былъ съ легкими войсками подъ Базарчукомъ. Потомъ съ однимъ изъ авангардныхъ баталіоновъ, подъ Козличами, и оттуда съ извѣстіемъ о побѣдѣ посланъ курьеромъ къ фельдмаршалу, и пожалованъ секундъ-маіоромъ. Возвращаясь, съ тѣмъ же баталіономъ былъ подъ Шумлою, и въ двухъ въ обходъ крѣпости экспедиціяхъ, понудившихъ визиря просить мира, который вскорѣ и послѣдовалъ.

По заключеніи онаго, пріѣхавъ курьеромъ въ Петербургъ при князѣ Репнинѣ, привезшемъ мирныя условія, я былъ пожалованъ въ премьеръ-маіоры.

Въ 775 году ѣздилъ я кавалеромъ посольства въ Царь-градъ. Возвратясь служилъ при полку въ Фридрихсгамѣ, гдѣ 779 года досталось мнѣ по старшинству въ подполковники.

Въ семъ чинѣ, 783 года, былъ въ Крыму. Изъ онаго предъ осенью командированъ въ Петербургъ для принятія изъ разныхъ полковъ ротъ, съ коими прибылъ въ Витебскъ, сдѣланъ командиромъ одного изъ новосформированныхъ баталіона. Въ началѣ 785 года по прошенію отставленъ полковникомъ.

Черезъ нѣсколько дней по возшествіи на престолъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Павла 1-го, по всеподданнѣйшей моей просьбѣ о принятіи въ службу, взятъ въ оную статскимъ совѣтникомъ, и опредѣленъ къ принятію подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Въ бытность мою при Его Императорскомъ Величествѣ безотлучно слѣдовалъ за Нимъ въ путешествіяхъ 797 и 98 годовъ. При коронаціи Всемилостивѣйше пожаловано мнѣ 800 душъ; и въ теченіи одного года и невступно 9 мѣсяцевъ, награжденъ чинами Статскаго и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; такъ же Св. Анны 2-й и 1-й степени орденами.

22 іюля 798 года безъ просьбы отставленъ; а въ 800 году, явясь на службу, Всемилостивѣйше пожалованъ въ чинъ Тайнаго Совѣтника, съ опредѣленіемъ въ Московскій Сенатъ.

Въ 1801 году послѣ коронаціи благополучно царствующаго нынѣ Государя Императора, посланъ я былъ для обозрѣнія обще съ г. сенаторомъ Лопухинымъ, Слободской Украинской Губерніи. Въ слѣдующіе годы поступилъ въ члены совѣтовъ Московскихъ Училищъ, Екатерининскаго и Александровскаго, а потомъ и Воспитательнаго дома. Въ бытность же Его Императорскаго Величества въ Москвѣ прошлаго 809 года, по Высочайшемъ обозрѣніи Училищъ и прочихъ мѣстъ, подъ начальствомъ Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы состоящихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чиновниками, въ сихъ мѣстахъ служащими, удостоенъ былъ я Монаршей милости, получивъ 12 декабря того года орденъ Св. Александра Невскаго.

Написаны мной:

Молитва. Хоръ на случай внесенія бюста Г-ни И-цы Екатерины II въ залѣ благороднаго собранія. Хоръ для Польскаго, пѣтый на праздникѣ, данномъ Королю Шведскому Графомъ Самойловымъ, въ присутствіи Императрицы. Хоры и куплеты для празднества бывшаго въ Павловскѣ по возвращеніи изъ вояжа Государя Императора Павла 1-го. Строфы: на миръ 774 года. На дружбу. На Павловскъ. Ода на побѣду подъ Мачинымъ, надписанная Князю Рѣпнину. Стихи на кончину К. Долгорукова-Крымскаго. На кончину гр. Петра Ивановича Панина. На кончину Князя Гагарина. Темирѣ. Посланіе къ ней же. Стихи: Гомерово щастіе. Коннымъ артиллеристамъ. Гр. А. Вл. Салтыкову. А. Л-чу Львову. На луну. О словѣ. Куплеты на именины. Довольное число пѣсень, нѣсколько стиховъ на заданныя риѳмы, эпиграммъ и другихъ мелкихъ стихотвореній.

Съ франц. перев. въ стихахъ:

Первыя два дѣйствія Заиры. Двѣ оды Томаса. На время и должности общежитія. Нѣсколько пѣсень и другихъ мелочей.

Съ Италіянскаго изъ Метастасія одно его сочиненіе.

20. **Общество литераторовъ**, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1817 г. («Сѣверная Пчела» 1845 г., № 72, изъ «Нижегород. Губ. Вѣд.»).

«..Жилъ въ Нижнемъ и сенаторъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, пѣсни котораго сдѣлались народными («Выду-ль я на рѣченьку»). Сенаторъ, Александровскій кавалеръ, онъ называлъ свои пѣсни ничтожными произведеніями досуга въ молодыя лѣта», но бывалъ въ обществѣ литераторовъ и обворожалъ всѣхъ своею любезностью и веселымъ характеромъ».

21. **Письмо Карамзина** къ Нел.-Мел. (11 іюля 1814 г.), «Москвитянинъ», 1847, ч. II — истор. матеріалы, стр. 131—132.

22. **Полное собраніе сочиненій Нелединскаго - Мелецкаго и Дельвига.** Изд. А. Смирдина. СПб. 1850.

Объ этомъ изданіи появились отзывы:

1) «Библ. для Чтенія» 1851, т. 105, отд. 6, стр. 34—85 (безсодержательная рецензія). 2) *Л. Бранта* въ «Сѣв.

Пчелѣ», 1850, № 147. 3) Въ «Современникѣ» 1851, т. XXV. (Мы приводимъ самое существенное изъ двухъ послѣднихъ отзывовъ).

23. Л. Брантъ. «Сѣв. Пчела» 1850, № 147 (фельетонъ: Пчелка. Городской вѣстникъ).

...Нелединскій началъ писать въ 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія и продолжалъ чуть не до 20-хъ годовъ нынѣшняго. Литературная дѣятельность его раскидывалась на цѣлые полвѣка. Воспитанный поэзіею Ломоносова и ближайшихъ къ нему стихотворцевъ онъ дожилъ до стиховъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина. Казалось бы твореніямъ его не помѣститься во многихъ томахъ, но они скромно улеглись на 186 страничкахъ. Въ теченіе всей продолжительной своей жизни онъ написалъ только 80 небольшихъ стихотвореній, слѣдственно, менѣе нежели по два въ годъ. Это доказываетъ, что литература не была его постояннымъ исключительнымъ занятіемъ. Онъ «пѣлъ» изрѣдка, такъ, для забавы, на досугѣ между пирами и службою по прихоти, случайно. Рядомъ съ немногими торжественными одами его, мало удачными, найдете шутливыя посланія къ друзьямъ знакомымъ, стихотворные отвѣты на письма, или объясненія по разнымъ поводамъ, всего чаще сладенькіе мадригалы въ альбомы, неистощимое *любезничанье* съ прекраснымъ поломъ, Темирами или Ирисами...

Я безъ Темиры жить не въ силахъ:
Душа ея мнѣ цѣль одна.
Какъ кровь оледенѣетъ въ жилахъ,
Ее покину лишь тогда...

Въ свое время это нравилось, а теперь подобное увидишь развѣ на билетикахъ плохихъ конфектъ. — Вотъ лучшій изъ его мадригаловъ, Е. С. Обрѣзковой:

Мой слабый стихъ ея достойно не прославитъ:
Она отъ всѣхъ похвалъ, сравненій далека,
Художникъ, зря ее, рѣзецъ и кисть оставитъ,
И риторъ и піитъ при ней безъ языка.

Въ числѣ переводовъ его изъ Томаса, Флоріана, Лафонтена попадается нѣсколько басенъ, разсказанныхъ очень недурно, но уступающихъ изложенію Дмитріева и Крылова, которые, послѣ него, перевели тѣ же самыя басни. Нелединскій вдавался иногда въ юморъ, сатиру, насмѣшку, но прославился собственно пѣснями и романсами. Ими восхищались наши бабушки и даже маменьки, находили въ нихъ нѣжность, пылкость, даже пламенность чувства. Теперь языкъ, слогъ, обороты этихъ пѣсенъ и романсовъ устарѣли; мысли ихъ, тысячу разъ потомъ повторенныя множествомъ послѣдовавшихъ стихотворцевъ, давно потеряли свою прелесть, новизну, представляются избитыми, общими мѣстами. Лишь въ двухъ, трехъ пѣсняхъ или романсахъ сохранился слѣдъ, почему они нравились современникамъ. Для доказательства выпишемъ нѣсколько строфъ изъ одного романса:

...Нѣтъ мѣста въ темныхъ сихъ лѣсахъ,
Гдѣ-бъ не мечтался зракъ мнѣ милой. (см. пѣсню VII, на стр. 14), И нынѣшній взыскательный читатель, вскормленный поэзіей Пушкина и Лермонтова, конечно не откажетъ этимъ строфамъ въ нѣгѣ, теплотѣ и граціи чувства, выраженнаго съ очаровательнымъ простодушіемъ. Въ настоящее время почти вовсе не пишутъ пѣсенъ и романсовъ: баронъ Дельвигъ былъ у насъ однимъ изъ послѣднихъ представителей этого рода лиризма»...

24. Изъ рецензіи на «Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига, изд. Смирдина, Спб. 1850», помѣщенной въ «Современникѣ» 1851, т. XXV, отд. V, стр. 56—60.

...«Пѣсни Нелединскаго отличаются приторною сантиментальностью, бывшею въ большой модѣ въ его время. Тогда Хлои, Дафны, Темиры — предметы поэтическихъ вдохновеній, непремѣнно закидывались пѣснями, букетами, опирались на посошки, жили въ шалашахъ, пасли овечекъ на берегу ручья и вообще обставлялись разными предметами, сохранившимися впослѣдствіи въ арсеналѣ кн. Шаликова въ редакціи «Дамск. Журнала». Скажемъ, впрочемъ, что Нел. менѣе другихъ пользовался этими готовыми декораціями, и въ пѣсняхъ его видно (да простятъ намъ это слово) болѣе субъективности, чѣмъ у другихъ современныхъ ему стихотворцевъ. Стихи его для своего времени очень легки и даже музыкальны. Въ доказательство мы лучше всего приведемъ извѣстную пѣсню «Выйду я на рѣченьку»...

Большая часть оригинальныхъ пѣсенъ Нел., равно какъ переводы съ языковъ французскаго и итальянскаго, написаны имъ или переведены не по внутреннему влеченію, которое называютъ вдохновеніемъ, а по какому-нибудь случаю, большею частью по просьбамъ дамъ, которыя любили поэта даже и въ старости его. И могли ли онѣ не цѣнить человѣка, о которомъ знавшіе его лично отзываются какъ объ одномъ изъ любезнѣйшихъ въ обществѣ людей своего времени. Его умъ, острота и любезность съ дамами вошли почти въ пословицу. Нел. любилъ общество, любилъ жить весело и былъ между прочимъ однимъ изъ замѣчательныхъ гастрономовъ, подобно собратьямъ своимъ по стихотворству, И. Дмитріеву и В. Л. Пушкину, которые, также какъ и онъ, были страстными поклонниками *прекраснаго пола*.

Нел. заплатилъ значительную дань своему времени. Онъ писалъ, кромѣ пѣсенъ, оды духовныя, торжественныя, нравственныя посланія, надписи, эпиграммы, загадки и пр. Какъ любопытную черту вкуса того времени, приводимъ здѣсь строфу изъ оды его на побѣду Рѣпнина надъ турками при Мачинѣ:

Полки россійски средь долины и т. д.

Внизу страницы выноска, гдѣ авторъ говоритъ: *сею строфою я хотѣлъ описать баталіонъ каре*. Здѣсь отразилось вліяніе французскихъ стихотворцевъ, псевдоклассиковъ XVIII в., которые, какъ всѣмъ извѣстно, полагали неприличнымъ сказать что нибудь просто, безъ затѣй и всегда прикрывались оружіемъ, похищеннымъ изъ древней миѳологіи.

Нелединскій провелъ преклонныя лѣта своей жизни въ Петербургѣ. Онъ былъ любимъ всѣми за доброту души, остроуміе, невзыскательный и веселый характеръ. Блаженной памяти императрица Марія Ѳеодоровна, умѣвшая такъ хорошо цѣнить таланты, оказывала ему особенно знаки лестнаго своего вниманія. Нел. былъ однимъ изъ постоянныхъ гостей, которыхъ государыня приглашала въ любимый свой Павловскъ; гдѣ часто бывали у нея Крыловъ, Гнѣдичъ, Капнистъ и другіе литераторы. Потомство Ю. А. весьма многочисленно; изданіемъ собранія всѣхъ его стихотвореній мы обязаны внуку его кн. Д. А. О.

25. Справочный Энциклопедическій Словарь, Старчевскаго. Спб. 1854, т. VIII, стр. 368. (Біографія Н. М.)

26. Матеріалы для словаря рус. писателей, собираемые Сергѣемъ Полторацкимъ Т. I, тетрадь 1. Русскіе переводчики Вольтера. М. 1858. (См. примѣч. къ переводамъ, XXIII).

27. Записки И. В. Лопухина. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1860, кн. III).

«Государь (Александръ I) предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ послалъ меня съ Ю. А. Нел.-Мел. осмотрѣть Слободско-Украинскую губ. и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія. Сей товарищъ мой, весьма извѣстный по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все и сдѣлаетъ не хуже меня, но ни во что не входилъ отъ сказаннаго мною пристрастія и даже, можно сказать, ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума». (Стр. 87).

Рескрипты имп. Александра I на имя Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго. (тамъ-же, стр. 91—92, 104).

28. С. Полторацкій. Замѣтка о переводахъ «Заиры» («Сѣверная Пчела» 1860, № 259).

29. Н. Добролюбовъ. Отзывъ о «Повѣстяхъ и разсказахъ С. Т. Славутинскаго. М. 1860», въ «Современ-

никѣ» 1860, № 2 (перепеч. въ т. III «Сочин. Н. Добролюбова», изд. 5. Спб. 1896, стр. 218.)

Приторное любезничанье съ народомъ и насильная идеализація происходили у прежнихъ писателей часто и не отъ пренебреженія къ народу, а просто отъ незнанія или непониманія его. Внѣшняя обстановка быта, формальныя, обрядовыя проявленія нравовъ, обороты языка доступны были этимъ писателямъ и многимъ давались довольно легко. Но внутренній смыслъ и строй всей крестьянской жизни, особый складъ мысли простолюдина, особенности его міросозерцанія — оставались для нихъ по большей части закрытыми. Вотъ отчего нерѣдко писатели, даже хорошо изучившіе народную жизнь, вдругъ переносили въ нее отвлеченную идею, зародившуюся въ ихъ головѣ и обязанную своимъ началомъ вовсе не народному быту, а тому кругу, въ которомъ жили сами писатели. Выходила *народность* въ томъ же родѣ, какая была въ народныхъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Дельвигомъ. Въ ихъ время было въ употребленіи нѣжное воркованіе любящихся и томная задумчивость; цѣликомъ перешло это и въ народныя пѣсни, въ которыхъ красная дѣвица по цѣлымъ днямъ сидитъ въ грусти на бережку, поджидаючи милаго, а добрый молодецъ, котораго погубили «злые толки», хочетъ отъ нихъ въ лѣсъ бѣжать. Авторы, очевидно, не предполагали, что у красной дѣвицы есть работа дома, либо на полѣ, и что если молодецъ убѣжитъ въ лѣсъ, то его поймаютъ, и съ нимъ поступлено будетъ, какъ съ бродягою...

30. **Изъ воспоминаній гр. А. В. Соллогуба.** (Р. Архивъ 1865, ст. 1206).

...„Мнѣ очень памятно, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на современныхъ извѣстныхъ писателей и какъ умиленно взиралъ я на бархатные сапоги старичка Нелединскаго-Мелецкаго. Только здѣсь недавно узналъ я, что эти сапоги были не что иное, какъ хитрость. У Нел. подагры никогда не бывало, но онъ себѣ ее придумалъ, чтобъ не надѣвать при дворѣ длинныхъ чулковъ. Нел. былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ, и онъ-то однажды на вопросъ, «умна ли такая дама», отвѣчалъ серьезно: «не знаю, я говорилъ съ нею только по французски».

31. **М. Погодинъ.** Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ. М. 1866, ч. II, гл. 7, письмо къ Нелединскому.

32. **Письма Н. Карамзина къ И. И. Дмитріеву** (Спб. 1866, стр. 30, 31, 61 и др. — о сотрудничествѣ Нелединскаго въ «Моск. Журналѣ» и въ «Карман. Пѣсенникѣ»).

33. **А. Ѳ. Воейковъ.** Парнасскій календарь. (Р. Арх. 1866, стр. 761; этотъ отзывъ см. ниже, отзывъ 60.

34. Письма Нелединскаго-Мелецкаго къ П. А. Вяземскому. (Р. Архивъ 1866, стр. 885—895).

Три письма 1814—15 годовъ о приготовленіяхъ къ празднествамъ въ Павловскѣ. Къ письмамъ примѣчанія кн. Вяземскаго и его характеристика Нелединскаго, не прибавляющая ничего къ его «Письму» 1876 (см. ниже отзывъ 53).

35. **Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.** Очеркъ его жизни, бумаги и переписка его. Рус. Арх. 1867, стр. 101—120. (Подготовлено и собрано **Н. Ѳ. Самаринымъ**). 1) Дѣтство и первоначальная обстановка. (Вошло въ книгу «Изъ семейной хроники», Спб. 1876, а изъ нея въ біогр. очеркъ, предпосланный въ настоящ. выпускѣ стихамъ Н. М.). Письма его къ кн. В. Л. Долгорукому (111), къ матери (112).

36. **М. Дмитріевъ.** Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія. М. 1867.

...Всѣ *Пѣсни* кн. Долгорукаго отзываются стариннымъ складомъ тѣхъ пѣсенъ, которыя начались съ Сумарокова и продолжались до Нелединскаго и Дмитріева, изъ которыхъ у перваго пріобрѣли онѣ болѣе чувства, а у послѣдняго тонъ болѣе свѣтской. (Стр. 199).

...Если кн. Долгорукой изображаетъ иногда моральныя истины, давно извѣстныя—это принадлежность его времени; дѣло только въ томъ, какъ онъ ихъ изображаетъ. Возьмите оды Томаса «На время» и «О должностяхъ общества», переведенныя Нелединскимъ, возьмите оду Хераскова «О клеветѣ» и другія, — вездѣ одни моральныя размышленія, прикрашенныя болѣе или менѣе языкомъ поэзіи, т. е. одною внѣшнею формою рѣчи. Но у кн. Долгорукаго мысль облечена уже въ теплоту чувства или возвышена чертами сатиры; она проявляется уже въ образахъ. (Стр. 256).

37. **Письмо Нелединскаго къ митроп. Гавріилу (1798 г.)** Рус. Архивъ 1869, стр. 1646—47.

38. **Письмо А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву** отъ 11 авг. 1827 г. (Р. Архивъ 1869, стр. 998).

...«Я видѣлъ у кн. Ел. Сем. Хилковой старинный альбомъ, въ которомъ, между прочимъ, нашелъ ваши стихотворенія и Нелединскаго-Мелецкаго».

(Хилкова—по прежнему браку Обрѣзкова).

39. **Л. Трефолевъ.** Путешествіе имп. Павла по Ярославск. губ. «Рус. Архивъ» 1870, стр. 309—310.

Письмо Нелединскаго-Мелецкаго къ Ярославскому губернатору Аксакову.

40. Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго.** (Рус. Архивъ 1872, стр. 455). Изъ разсказовъ Нелединскаго о поѣздкѣ имп. Павла въ Казань.

41. **Письмо къ Нелединскому имп. Маріи Ѳеодоровны,** 12 марта 1807. (Рус. Архивъ, 1872, стр. 853—854; перепечатано въ «Хрон. недавн. старины». Спб. 1876, стр. 335).

42. **Письмо къ Нелединскому В. А. Жуковскаго** отъ 20 ноября 1828. (Рус. Арх. 1872, ст. 855; перепеч. въ «Хрон. недавней старины», стр. 288 и въ «Сочин. Жуковск.», изд. 7. Спб. 1878 т. VI, стр. 519).

43. **Изъ писемъ Нелединскаго къ Е. И. Нелидовой.** (Р. Архивъ, 1873, стр. 2172—2202).

44. **А. Н. Поповъ.** Москва въ 1812 г. (Р. Арх. 1875, т. III, стр. 23—25; 39—42. Письма имп. Маріи Ѳеодоровны къ Нелединскому.

45. **Письмо Нелединскаго къ Жуковскому** (31 дек. 1815). Р. Арх. 1875, т. III, стр. 364.

46. **Письма Н. Н. Бантышъ-Каменскаго къ кн. Куракину,** 1791 г. (Р. Архивъ 1876, т. III, стр. 267—268).

...«Нелединскій печатаетъ оду въ честь и хвалу Мачинскаго дѣйствія. Онъ читалъ всѣмъ намъ писанную въ домѣ тетушки вашей кн. Лобановой 21 числа, въ день именинъ кн. Дмитрія Ивановича» (Лобанова).

...«Оду, о коей писалъ къ вамъ, препровождаю. Вотъ человѣкъ съ достоинствами, но праздный». (Разумѣется здѣсь Нелединскій).

47. Разсказы **И. В. Тутолмина.** (Р. Старина. 1874, т. XI, стр. 582—583).

48. **Березинъ.** Энциклопедическій Словарь.

49. **Хроника недавней старины.** Изъ архива кн. Оболенскаго—Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876, стр. VI+398.

Это единственная подробная біографія Нелединскаго, съ массой выдержекъ изъ писемъ Н. къ роднымъ и къ другимъ лицамъ, а также изъ писемъ къ нему. — Здѣсь же находится письмо кн. П. А. Вяземскаго къ издателю кн. Дм. А. Оболенскому (оно печатается нами вполнѣ нѣсколько ниже); въ приложеніи помѣщены: журналъ послѣднихъ дней Нелединскаго, письма и рескрипты къ нему имп. Маріи Ѳеодоровны. Почти, все, что въ этой книгѣ непосредственно касается Н.-М. взято нами для вступительной статьи.

50. **Стихотворенія Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.** Спб. 1876, стр. 210. (Изданіе полнѣе Смирдинскаго; оно положено въ основаніе нашего текста, съ нѣкоторыми дополненіями).

Это изданіе вызвало статьи: 1) *L* въ «Голосѣ» 1876, № 85. 2) Варш. Дневн., 1876, № 143 (на польск. яз.).— Выдержки изъ нихъ приводятся нами.

51. Отзывъ *L* (**Г. А. Ларошъ**) въ «Голосѣ», 1876, (№ 85).

Нелединскаго не слѣдуетъ мѣрить чисто литературнымъ мѣриломъ; для него, болѣе чѣмъ для кого-нибудь поэзія была тотъ «лимонадъ», о которомъ поетъ Державинъ,—забава, къ которой онъ прибѣгалъ изрѣдка, безъ усилія, безъ натуги, но и безъ всякихъ хвастли-

ныхъ претензій. Въ 78 лѣтъ жизни Нел. успѣлъ написать одинъ крошечный томикъ; ужъ это одно доказываетъ, что центромъ тяжести его внутренняго міра не была литература. Въ обширной перепискѣ его, интересы литературы стоятъ на послѣднемъ планѣ. На первомъ же планѣ видимъ мы барина и придворнаго (въ лучшемъ смыслѣ слова), видимъ свѣтскаго человѣка, воспитаннаго по французски, хотя любящаго русскія простонародныя выраженія и народный стихъ; видимъ жуира и эпикурейца, страстнаго любителя полныхъ женщинъ и русскихъ кушаній, которому его грѣховныя наклонности не мѣшаютъ быть добродушнымъ, сострадательнымъ и непритворно-чувствительнымъ; видимъ, наконецъ, русскую даровитую натуру, которая не отдала себя вполнѣ ни одной серьезной цѣли, но неизмѣнно выказываетъ свою гибкость, находчивость и здравый умъ при рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ задачъ: — нужно ли написать русскіе шуточные стихи или французскіе куплеты, или управлять губернской гимназіей, или воспитательнымъ домомъ, или вести уголовное слѣдствіе. Такой человѣкъ менѣе всего годился въ мученики идеи, въ фанатики добродѣтели. Мудрено упрекать Нелединскаго за то, что онъ въ 1797 г. воспѣвалъ имп. Павла и перечислялъ его благодѣянія Россіи; а за годъ передъ тѣмъ прославлялъ Екатерину, обращаясь къ «россу» съ такими аккордами:

Жребій твой ни съ чьимъ не ровенъ и т. д.

И раньше Нелединскаго и послѣ него поэты смотрѣли на свой даръ, какъ на врожденную способность, которою они распоряжались произвольно, сочиняя на данный случай, по порученію, по просьбѣ, по заказу.

Нелединскій былъ, говоря языкомъ критики нашего времени, «человѣкомъ личныхъ, а не общественныхъ идеаловъ». Объ этомъ свидѣтельствуютъ его стихи, свидѣтельствуютъ еще болѣе его письма, вообще раскрывающія намъ человѣка неизмѣримо полнѣе, чѣмъ его печатная дѣятельность, малый объемъ и отчасти риторическій характеръ которой, даетъ намъ образъ довольно блѣдный. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы онъ былъ совершенно чуждъ тѣхъ гражданскихъ стремленій, которыя въ его молодости такъ громко и краснорѣчиво заговорили на западѣ Европы. Въ числѣ его немногочисленныхъ переводовъ есть ода Тома «О должностяхъ общества», выборъ который кажется мнѣ крайне характернымъ для просвѣщеннаго русскаго барина XVIII в. Въ торжественныхъ александрійскихъ стихахъ, французскій академикъ бичуетъ праздность, которая отказывается служить общественному благу, интересамъ человѣчества.

52. Фельетонъ «Варшавскаго Дневника» (1876, № 143, на польск. яз.) повторяетъ частью предыдущій отзывъ. Приводимъ изъ него наиболѣе существенное.

Во всѣхъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Нелединскій является человѣкомъ очень симпатичнымъ. Въ его произведеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе стремленія къ театральнымъ эффектамъ и къ напыщенному стилю. Его литературный талантъ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ произведенія его возбуждаютъ интересъ, если обратимъ вниманіе на время, когда они написаны. Мы встрѣчаемъ у него постоянное смѣшеніе оборотовъ французскихъ и славянскихъ, но винить его въ этомъ не можемъ, ибо то же видимъ въ произведеніяхъ Державина и другихъ современныхъ ему поэтовъ, которые выкупаютъ его силою выраженія, богатствомъ фантазіи и смѣлостью образовъ. У Нелединскаго преобладаетъ простота любовнаго и сентиментальнаго содержанія, которое представляется устарѣлымъ—какъ со стороны стиха, такъ и стиля, — для нашего уха, привыкшаго къ совсѣмъ инымъ твореніямъ. Но все-таки его сочиненія пойметъ всякій, кто интересуется старыми временами.

Личность Н. въ высшей степени симпатична. Это былъ прежде всего вельможа и придворный сановникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это былъ человѣкъ свѣтскій, воспитанный на французскій ладъ, но любящій русскій народъ, простонародныя выраженія и русскую пѣсню. Обстоятельства жизни Нелединскаго свидѣтельствуютъ о томъ, что это былъ человѣкъ добрый, оказывавшій возможныя услуги. Сердечнымъ и открытымъ человѣкомъ остался онъ до послѣднихъ дней жизни.

53. **Кн. П. А. Вяземскій.** Письмо къ князю Д. А. Оболенскому. (Хроника недавней старины Спб. 1876, стр. 299—326).

I.

Сердечно благодарю Васъ, любезнѣйшій Князь, за присылку мнѣ корректурныхъ листовъ семейной вашей хроники. Эта хроника, отчасти и моя: я современникъ ея содержанія. Прочелъ я ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ, не чуждымъ умиленія, потому что чтеніе воскрешало въ памяти и душѣ моей *преданія старины глубокой*, мнѣ близкія. Но отлагая въ сторону мои личныя впечатлѣнія, позволяю себѣ, какъ старый литераторъ, богатый по крайней мѣрѣ нѣкоторою опытностію, поздравить Васъ съ подаркомъ и услугою, которыми Вы порадуете добросовѣстную и образованную часть нашей читающей публики. Нигдѣ, можетъ быть, подобнаго рода книги не способны приносить такую пользу, какъ у насъ. Въ другихъ обществахъ старыя письма, памятныя записки (mémoires) возбуждаютъ любопытство новыхъ поколѣній: тамъ общество уже такъ созрѣло и такъ сказать заматерѣло въ своихъ привычкахъ, оно прошло сквозь такія событія, перевороты, перерожденія, что имъ уже нечему, да и некогда научиться изъ указаній, уроковъ и образцовъ стараго быта. Leur siège est déja fait, какъ говорятъ французы. Новыя поколѣнія рады знать, что дѣлали отцы и предки, потому что, несмотря на новый бытъ и радикальное переустройство его, они, напримѣръ даже и часто линяющіе французы, все таки держатся съ сочувствіемъ преданій, по крайней мѣрѣ литературныхъ и общежительныхъ. Французы при первомъ недоразумѣніи, при первомъ столкновеніи съ властью, готовы ниспровергнуть до послѣдняго камня все свое историческое и государственное зданіе; но остроумное слово, сказанное за сто лѣтъ тому, но какое ни есть удачное четверостишіе — остаются у нихъ неприкосновенными и переживаютъ всѣ возможныя и даже невозможныя революціи. У насъ книга подобная Вашей не только любопытна и занимательна, но поучительна и назидательна. Наше общество развивается не постепенною жизнью. Мы росли, образовались, возмужали болѣе порывами, прыжками. У насъ настоящій день мало оглядывается на вчерашній. А чтобы осмотрительнѣе и вѣрнѣе итти впередъ, хорошо иногда припоминать откуда идешь. Мы вообще мало придерживаемся такого обратнаго умозрѣнія. Многіе не только мало придерживаются, но и отрекаются отъ пройденнаго пути. Они за собою хотятъ оставить однѣ развалины и пепель: они минувшее истребляютъ, ломаютъ и сожигаютъ. Словно дикая орда проходитъ чрезъ исторію. Ваша книга, живая картина, изображающая не только частныя и семейныя лица, въ высшей степени привлекательныя, но и безъ притязательствъ на историческую важность, она, т. е. книга Ваша, вмѣстѣ съ тѣмъ и историческая картина того времени. Надобно только умѣть ловить и постигать исторію, то есть смыслъ минувшаго и въ частныхъ и легкихъ очеркахъ его. Равно книга Ваша, безъ раздражительныхъ пререканій и полемики, безъ предвзятаго мнѣнія служитъ прекраснымъ и убѣдительнымъ опроверженіемъ необдуманныхъ толковъ о какой-то исключительно барской, малограматной и маломыслившей старинѣ. Многіе годы дѣйствія, или сущности этой книги, протекаютъ и разыгрываются въ Москвѣ. Здѣсь опять естественное и возникающее само собою изъ натуры вещей, изъ общаго положенія лицъ и событій неопровержимое возраженіе противъ указаній на какую-то *грибоѣдовскую Москву*, которою намъ колютъ глаза и оскомину набиваютъ. Какъ старый москвичъ, не могу не порадоваться этому

живому и убѣдительному заявленію того, что было на дѣлѣ, въ противорѣчіе тому, что позднѣе вошло въ понятія отъ одностороннихъ воззрѣній, предубѣжденій и легкомыслія. Я родился въ старой Москвѣ, воспитанъ въ ней, въ ней возмужалъ; по наслѣдственному счастію рожденія своего, по средѣ, въ которой мнѣ пришлось вращаться, я не зналъ той Москвы, которая такъ охотно и словоохотно рисуется подъ перомъ нашихъ повѣствователей и комиковъ. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ углахъ Москвы и была, и вѣроятно была фамусовская Москва. Но не она господствовала: при этой Москвѣ была и другая образованная, умственною и нравственною жизнью жившая Москва. Москва Нелединскаго, кн. Андрея Ивановича Вяземскаго, Карамзина, Дмитріева и многихъ другихъ единомысленныхъ и сочувственныхъ имъ личностей. Своего рода Фамусовы найдутся и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и каждый изъ нихъ будетъ носить свой отпечатокъ. Грибоѣдовъ очень хорошо сдѣлалъ, что забавно, а иногда и остроумно посмѣялся надъ Фамусовымъ и обществомъ его, если пришла ему охота надъ ними посмѣяться. Не на автора обращаю свои соображенія, свою критику: онъ въ сторонѣ, онъ посмѣялся, пошутилъ, и дѣло свое сдѣлалъ прекрасно. Но виноваты, и подлежатъ такому-же осмѣянію тѣ, которые въ каррикатурѣ, мастерскою и бойкою рукою написанной, ищутъ и будто находятъ исторически вѣрную, такъ сказать буквальную истину.

Напрасно хотите Вы напечатать книгу свою въ маломъ числѣ экземпляровъ, для келейнаго обращенія, а не въ продажу. Напротивъ, эта книга имѣетъ всѣ возможныя права на гласность, и гласность обширную. Дай Богъ только, чтобы умѣли оцѣнить ее. Повторяю, книга имѣетъ не только чисто литературное и общежительное достоинство, но и большое историческое: однимъ словомъ, достоинство увлекательное и поучительное. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь, и если не рѣжь, то по крайней мѣрѣ не тай ее подъ спудомъ. Въ нынѣшней хлѣбъ-соли есть, безъ сомнѣнія, много хорошаго, сытнаго и вкуснаго. Но и отцы наши не питались одними желудями и мякиною. Ваша книга представляетъ прекрасный и лакомый *menu* нашей старинной трапезы. По этой столовой запискѣ, взыскательнѣйшіе и щекотливѣйшіе гастрономы нашего времени, если только небо и желудокъ ихъ не испорчены и безпристрастны, должны будутъ сознаться, что и кухня отцовъ нашихъ имѣла свои поваренныя достоинства и цѣну.

Слова: *либерализмъ*, *либералъ*, *гуманность*, слова новаго чекана: они недавно сдѣлались ходячею монетою, хотя иногда и довольно низкопробнаго достоинства. Во времена Нелединскаго ихъ не знали. Но понятія, но духъ *либерализма*, хотя еще безъименнаго и не окрещеннаго, по духъ *гуманности* — puisque гуманность il-y-a, какъ ни претительно это слово на нашемъ языкѣ, эти сочувственныя духовныя ноты, также звучали и въ прежнее время: тонкое ухо, тонкое внутреннее чувство умѣютъ расслушать ихъ и тамъ, гдѣ о нихъ какъ будто и не говорится, но гдѣ они явственно подразумѣваются, угадываются, *подчувствуются*. Не знаю какъ другимъ, но мнѣ очень по сердцу этотъ либерализмъ avant la lettre. Литографированныя картины, литографированный либерализмъ для дешеваго и обиходнаго употребленія, не имѣютъ дѣйствительнаго достоинства — оно какъ будто тоже, а не тоже. Доказательствомъ этому служатъ многія письма, приведенныя въ книгѣ Вашей. Что, напримѣръ, въ общемъ, внутреннемъ достоинствѣ и смыслѣ выраженья, можетъ быть *либеральнѣе* отношеній и переписки Юрія Александровича съ Императрицею Маріею Ѳеодоровной? Отъ нихъ такъ и вѣетъ духомъ и благоуханіемъ того, что мы нынѣ называемъ *либеральностью и гуманностью*, а что прежде просто называлось образованностью, человѣколюбіемъ, теплымъ сочувствіемъ ко всему человѣческому, къ нуждамъ, страданіямъ и радостямъ ближняго. Многіе признаютъ одинъ политическій либерализмъ, но безъ либерализма нравственнаго, либерализма въ нравахъ, съ однимъ политическимъ, не далеко уйдешь по дорогѣ истиннаго общественнаго преуспѣнія. Какъ только нѣжнѣйшая мать можетъ любить единственную дочь свою и постоянно заботиться о настоящей и будущей участи ея, такъ Императрица любила нѣсколько тысячъ пріемышей своихъ. Какъ мать, какъ домовитая хозяйка, какъ образовательница, какъ администраторша, пеклась она о нихъ; ничто: ни важное, ни мелкое не ускользало отъ ея всевидящаго вниманія. Вотъ это такъ и есть настоящій, не временный, не условный *либерализмъ*, а либерализмъ, который былъ и есть во всѣ времена и при всѣхъ порядкахъ, присущимъ душѣ возвышенной и любящей. Когда встрѣчаешь подобныя качества и чувства на высшей степени общественной іерархіи, то впечатлѣніе ими производимое еще свѣтлѣе и глубже проникаетъ въ душу. По всей перепискѣ видно, что изъ всѣхъ сподвижниковъ и орудій Императрицы на поприщѣ просвѣтительной благотворительности, ближайшимъ и пользовавшимся ея отличительнымъ довѣріемъ былъ особенно Нелединскій. Это одно укрѣпляетъ за нимъ мѣсто, которое онъ занялъ и заслужилъ въ современной ему эпохѣ нашего общежитія и образованности. Въ продолженіи многихъ лѣтъ одинъ только разъ Нелединскій не угадалъ своей высокой Начальницы и не угодилъ ей. Когда въ 1812 году непріятель приближался къ Москвѣ, начальство, за неимѣніемъ свободныхъ экипажей въ смущенной и разъѣзжающейся по всѣмъ направленіямъ Москвѣ. отправило въ Казань на телѣжкахъ воспитанницъ института Св. Екатерины, toutes filles de gentilshommes, enfin toutes nobles (какъ сказано въ письмѣ Императрицы), comment se peut-il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos sentiments, vous ayez pu soucrire au cruel arrangement de faire partir nos demoiselles, и такъ далѣе, говоритъ она. Материнская нѣжность и чувства аристократическаго приличія, очень понятно и естественно, сливаются въ особѣ ея. Она возмутилась при такомъ распоряженіи мѣстныхъ властей. Эта черта можетъ возбудить невольную улыбку, особенно въ наше время, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна возбудить и умилительное сочувствіе къ заботливому покровительству Вѣнценосной Начальницы этихъ воспитательныхъ заведеній. Впрочемъ, не однѣ *телѣжки* обратили на себя неудовольствіе Императрицы. Она дѣлаетъ дружескій выговоръ Нелединскому за то, что дѣвицы Института были отправлены въ путь «sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître и проч. Ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, пишетъ она, je vous charge, après avoir dit *виноватъ*, de réparer vos fautes, de soigner l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de nos vases sacrés et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie, и проч. Какая заботливость, предусмотрительность, и въ какое время? Когда опасность грозила цѣлости государства, когда, по словамъ ея въ томъ же письмѣ: «je n'ai pas besoin de voux exprimer ce qui se passe dans mon coeur, les paroles le rendent mal: cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté divine, и проч. Послѣ этихъ словъ, вылившихся изъ сердца Вѣнценосной вдовы и матери царствующаго надъ Россіею Государя, въ ней снова слышатся чувства Высокой Начальницы женскихъ учебныхъ заведеній: «Ah! mon bon Nélédinsky, que je serai heureuse, lorsque je saurai de nouveau nos enfants en chemin, pour revenir à Moscou, que je les saurai arrivés et que celles rendues aux parents se réuniront de nouvea à eux. Informez vous, je vous en prie comment va la petite Smetkoff, qui a été si malade, dites moi si les parents quittent Moscou, enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles.

Отмѣтимъ мимоходомъ весь духъ этого обвинитель-

наго письма, этого выговора по дѣламъ службы отъ Царской Начальницы къ подчиненному своему. Такое письмо, по многимъ отношеніямъ, принадлежитъ русской исторіи: оно вноситъ и отрадную отмѣтку въ нравственную лѣтопись сердца человѣческаго. Имя Нелединскаго займетъ тоже свое мѣстечко въ этой достопамятной страницѣ. Мы упомянули, что Ю. А. былъ *либераломъ*, хотя и не былъ *либераломъ*, потому что въ то время этой клички еще не было. Теперь, можетъ быть, и много либераловъ, но нѣкоторые изъ нихъ часто мало либеральны въ дѣйствіяхъ своихъ. Къ этому прибавить можно, что онъ былъ довременно тоже, avant la lettre, и членъ общества покровительства животнымъ, когда ни у насъ, да кажется и нигдѣ еще подобнаго общества не существовало. Знаете ли Вы, что дѣдъ вашъ, садясь въ свою наемную карету, всегда отнималъ у кучера кнутъ и клалъ его возлѣ себя, съ тѣмъ, чтобы кучеръ не могъ стегать лошадей своихъ. Подобное *покровительство* простиралъ онъ не только на живую тварь, но и на божіи плоды въ царствѣ прозябаемомъ. Онъ, который былъ большой лакомка, никогда не рѣшался ѣсть соленыя груши, персики, ананасы, и съ негодованіемъ признавалъ подобное соленіе въ домашнемъ хозяйствѣ, у насъ обычное, за святотатство природы. Какъ, говорилъ онъ, натура ущедрила эти плоды особенною сладостью и душистымъ вкусомъ, а мы унижаемъ ихъ до разряда огурца, или капусты... Разумѣется, все это говорилось шуточно, но подобная шутка не придетъ въ каждую голову. Въ самой простой шуткѣ отзывается иногда нота общаго настроенія. Шутки, понятія, отдѣльныя слова, привычки, вкусы, отвращенія не тѣ же ли живыя проявленія нашей внутренней растительности? Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ почву свою, и эта почва даетъ цвѣты и плоды, ей особенно свойственные. Въ письмахъ Нелединскаго часто и совершенно неожиданно пробиваются примѣты внутренней натуры его, внутренняго слоя. Иногда при самой сухой рѣчи о мелочахъ обыденной жизни проскакиваетъ слово, въ которомъ выражается черта личности, его черта духовная, психологическая, въ которой обнаруживается весь человѣкъ. А Вы по многимъ причинамъ и соображеніямъ, весьма уважительнымъ, не могли еще представить вполнѣ всю переписку его. Но надобно бережно сохранить ее.

«Не намъ, такъ дѣтямъ пригодится».

Придетъ время: содѣйствіе и освященіе времени нужны для всего, и тогда въ свой часъ, эта полная переписка дорисуетъ, но ни въ чемъ не будетъ противорѣчить уже извѣстному очерку замѣчательной и сочувственной личности.

Въ новое доказательство, что дѣдъ Вашъ не только правильно, честно жилъ и дѣйствовалъ въ настоящемъ, но что такъ сказать предчувствовалъ и понималъ благоразумныя условія будущаго, можно указать на письмо къ сыну съ поздравленіемъ его при полученіи офицерскаго чина. Это полный трактатъ объ обязанностяхъ воина. Онъ и нынѣ, а можетъ быть особенно нынѣ, при учрежденіи общей воинской повинности, имѣетъ все значеніе и все достоинство современнаго, хотя и за полстолѣтіе тому написаннаго наставленія. Многое хорошее не такъ ново, какъ оно кажется глазамъ, любующимся новизною. Мы вообще склонны исключительно себѣ приписывать всякое полезное и плодотворное явленіе. Но многія изъ этихъ явленій невидимо уже таились въ зародышѣ и до насъ. Время сѣятелей не бываетъ временемъ и пожинателей. Поколѣнія, одно за другимъ, что нибудь да наслѣдуютъ отъ своего предшественника. Что же касается до Нелединскаго, то нельзя не замѣтить, что, если онъ и былъ одно изъ высшихъ и привлекательнѣйшихъ выраженій образованности своего времени, своего поколѣнія, то онъ не былъ выродкомъ, исключеніемъ изъ общей среды. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица. Но Нелединскій и не былъ одинъ. Дѣло въ томъ, что отдѣльные воины тогдашняго времени не были еще призваны къ рѣшительной битвѣ: побѣды были впереди; но они безсознательно готовили эти побѣды: поле ихъ не было праздною и необработанною пустошью.

Вы желаете, чтобы я въ дополненіе книгѣ вашей составилъ по возможности біографическій очеркъ Юрія Александровича. Всѣми помышленіями, всею душею взялся бы я за исполненіе Вашего требованія. Но оно, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не легко можетъ быть приведено въ дѣйствительность. Вѣроятно, я одинъ на русской землѣ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ двухъ, а много трехъ современниковъ Нелединскаго. Дѣтскія воспоминанія мои сливаются и съ воспоминаніемъ о немъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ почти ежедневно былъ посѣтителемъ дома друга своего и моего родителя, кн. Андрея Ивановича. Связь ихъ началась еще въ порѣ первой молодости, въ порѣ шалостей и проказъ ея. Позднѣе, съ лѣтами зрѣлости, связь эта еще болѣе окрѣпла въ нравственныхъ и умственныхъ сочувствіяхъ и единомысліяхъ. Мой отецъ былъ также однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Говорю это не изъ одного пристрастнаго сыновняго чувства. Отца имѣлъ я несчастіе лишиться въ такіе годы, когда не могъ я еще имѣть мнѣніе, основанное на собственномъ сужденіи и опытѣ. Но преданія по немъ, оставшіяся въ людяхъ достойныхъ оцѣнить умъ и качества современника своего, утвердили меня въ понятіи о немъ. Еще въ дѣтствѣ вслушивался я въ рѣчи Нелединскаго, многаго въ нихъ, разумѣется, не понимая. Помню, какъ въ предсмертные дни своего друга не отходилъ онъ отъ постели его, какъ во время отпѣванія въ церкви Антипія, что у Колымажнаго двора, стоялъ онъ у самаго гроба и держалъ въ рукѣ своей онѣмѣвшую и остывшую руку друга своего. Позднѣе эти дѣтскія сочувствія перешли, смѣю сказать, въ пріязненныя отношенія, основанныя, конечно, на наслѣдственномъ началѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на добровольныхъ и благопріобрѣтенныхъ условіяхъ. Живо помню эту до старости сочувственную и милую личность. Онъ былъ небольшаго, скорѣе малаго роста, довольно плотный, коренастый, съ косичкою, лентой заплетенной, которой оставался онъ вѣренъ, когда всѣ уже обрѣзали косы свои. Глаза голубые, выразительные, улыбка привѣтливая, которая имѣла почти прелесть женской улыбки, голосъ мягкій и звучный. Помню рѣчь его, неблиставшую остроумными вспышками и словами, которыя французы называютъ bons mots или, mots à retenir, хотя и въ нихъ не было недостатка: въ рѣчи его болѣе всего привлекало и поражало особенно покойный строй ея, всегда ясный и прозрачный; все было сказано кстати, во время, безъ малѣйшей подготовки. О поэзіи, о любви говорилъ онъ особенно охотно и съ увлеченіемъ. Иногда любилъ онъ говорить и объ особенно любопытныхъ и выходящихъ изъ обыкновеннаго уровня дѣлахъ, подлежащихъ сужденію Сената. Онъ часто пристращался къ этимъ дѣламъ, къ полному изслѣдованію ихъ, къ проникновенію въ темныя, гадательныя стороны подобныхъ процессовъ. Въ разговорахъ своихъ прибѣгалъ онъ иногда въ обществѣ къ повѣркѣ этихъ юридическихъ вопросовъ. Помню, что случилось ему и у меня, еще тогда отрока, спрашивать иногда по краткомъ изъясненіи въ чемъ дѣло, кого признаю я виновнымъ, или невиннымъ въ такомъ то дѣлѣ? Онъ любилъ провѣрять чужимъ впечатлѣніемъ свой взглядъ, свое мнѣніе, свое убѣжденіе. Это было родъ совѣщательнаго (consultatif) присяжнаго суда, который онъ призывалъ въ помощь суду своему: и такой совѣщательный присяжный судъ, по мнѣнію моему, могъ бы примѣняемъ быть съ пользою и къ дѣламъ судебнымъ.

Все это помню. Все это такъ. Кажется, только и стоило бы присѣсть къ столу, взять перо и приняться con amore, что и было бы въ высшей степени при настоящемъ случаѣ, и добросовѣстно исполнить возложенное на меня порученіе. Но за этимъ слѣдуютъ нѣсколько *но*, частыя и неотложныя закорючки многихъ человѣческихъ предпріятій и дѣйствій. Приглашеніе написать біографическій очеркъ Юрія Александровича на-

пало на меня врасплохъ. Здѣсь нужно мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего, мою маленькую авторскую исповѣдь. Стихи еще могу кое-какъ импровизировать въ прогулкахъ моихъ, подъ прихотью минуты и воображенія: не смѣю сказать вдохновенія. На прозу я гораздо туже. Проза требуетъ совершенно здраваго духа и здраваго тѣла, спокойствія, усидчивости, равновѣсія. Относительно собственно до меня, проза нуждается въ ночахъ безъ *хлорала*, во дняхъ затишья нервовъ, во дняхъ бодрости и внутренней потребности, такъ сказать, жажды чернилъ и труда. А этого часто у меня нѣтъ. Часто мнѣ не только не пишется, но и противно то, что напишется. Поэтому никакъ не могу браться за срочную работу. У меня были когда-то подготовлены и собраны сырые матеріалы для скромнаго памятника, который мнѣ хотѣлось соорудить во имя Нелединскаго. Но и эти матеріалы теперь у меня не подъ рукою. Въ послѣдніе скитальческіе и больничные годы мои я по разнымъ мѣстамъ, разбросалъ пожитки свои. Нужно было время, чтобы розыскать ихъ, обдѣлать и связать. Вы видите, любезнѣйшій князь, что добрая воля и есть, но средства недостаточны. Я почелъ-бы за счастіе принести *каплю меда* своего въ вашъ богатый и душистый улей. И подлинно выраженіе *улей* здѣсь кстати: въ Нелединскомъ было много аттическаго; былъ игиметскій медъ, была и аттическая соль. Но я-то часто не трудолюбивая пчела, и природою разжалываюсь въ трутни. Между тѣмъ, не хотѣлось-бы мнѣ на отрѣзъ отказать Вамъ въ пріятномъ и лестномъ вашемъ предложеніи. Къ отмѣткамъ, уже выше разбросаннымъ, приложу еще нѣсколько моихъ впечатлѣній, глубоко сохранившихъ всю свѣжесть свою въ памяти и сердцѣ моемъ.

II.

Начнемъ съ того, что мимоходомъ заглянемъ въ Москву, въ которой жилъ Нелединскій и въ которой зналъ я его.

Эта Москва, по имени еще первопрестольная, на дѣлѣ, по вступленіи соперницы своей въ совершеннолѣтіе, была уже второстепенною столицею. Дѣйствующая жизнь отхлынула отъ нея и перелилась въ Петербургъ. Но историческая жизнь ея осталась еще при ней, и осталась не въ однѣхъ каменныхъ стѣнахъ Кремля. Были въ ней и живые памятники, такъ сказать, ходячія историческія записки, преданія, отголоски. Въ Москвѣ доживали тогда свой вѣкъ дѣйствующія лица, со сцены сошедшія. Живали отставные правительственные дѣятели, вельможи, министры, между прочимъ и отставныя красавицы, *фрейлины Екатерины первой*, по выраженію Грибоѣдова. Давно уже сказалъ я, что Москва дѣвичья Россіи, а С.-Петербургъ—но къ чему поминать старые грѣхи мои? Да, Москва была въ то время какимъ-то убѣжищемъ, затишьемъ людей, доживающихъ свой вѣкъ. Нынѣ какъ-то никто не *доживаетъ*: каждый съ жизни на юру, съ жизни на маковкѣ, прямо и скоропостижно падаетъ въ могилѣ. Эти закаты жизни, эти мерцанія имѣли и свою теплоту и свои отблески. Жизнь, въ остаткѣ годовъ своихъ, послѣ труднаго, часто тревожнаго, часто блистательнаго поприща, удалялась, *ретировалась* въ свои внутренніе покои.

Москва была эти внутренніе покои русской жизни. Такъ поступилъ мой отецъ. Такъ поступили и многіе. Такъ поступилъ и Нелединскій, когда разсчелъ, что онъ уже *отжилъ* и что остается ему только *доживать*. Но переѣхалъ онъ не въ Москву, которую разлюбилъ съ того времени, какъ непріятели пребываніемъ своимъ въ ней ее запятнали; переѣхалъ онъ въ Калугу и тамъ отшельникомъ отъ міра, тихо но свѣтло вечерѣлъ при семейномъ и любвеобильномъ очагѣ.

Но не думайте, чтобы при этой тихой московской погодѣ царствовалъ въ обществѣ неподвижный, мертвенный *штиль*. Нѣтъ, было и тогда колебаніе, волненіе. Были люди, чающіе движенія воды и чающіе не напрасно, подобно разслабленному при купели у овечьихъ воротъ въ Іерусалимѣ. Были и въ то время свои мнѣнія, убѣжденія, вопросы, стремленія, страсти. Въ этомъ обществѣ встрѣчались люди противоположныхъ ученій, разныхъ вѣрованій, разныхъ эпохъ. Тутъ были люди, созрѣвшіе подъ вліяніемъ и блестящимъ солнцемъ царствованія Екатерины: были выброски крушеній отъ слѣдовавшаго за нимъ царствованія: уже выглядывали и обозначались молодые умы, молодыя силы, развивавшіяся подъ благорастворeніемъ первоначальныхъ годовъ правленія Императора Александра I. Эти года навѣяли на общество новое дыханіе, новую температуру: слѣдовательно на обществѣ отсвѣчивались разнообразные историческіе и нравственные оттѣнки. Въ общественномъ, какъ и въ литературномъ быту, были старообрядческіе послѣдователи Шишкова, и новокрещенцы, послѣдователи Карамзина. Двигались и мыслили и *сыны Вольтера*, и сыны *крестоносцевъ*, какъ говорятъ французы, а по русски, сыны православной церкви. Въ томъ-же обществѣ, въ томъ-же домѣ, за обѣдомъ, или на вечерѣ, могли встрѣтиться и Кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ, и Кн. Екатерина Романовна Дашкова: первая страница и послѣдняя страница исторіи царствованія Императрицы Екатерины.

Графъ Ростопчинъ и графъ Никита Петровичъ Панинъ,—два почти политическіе противника.

Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ и Обольяниновъ, двѣ историческія и характерическія противоположности.

Мистикъ и мартинистъ Ив. Влад. Лопухинъ и Нелединскій, также далеко не близнецы и не однородцы.

Здѣсь представляемъ мы сокращенный сколокъ съ живыхъ картинъ болѣе или менѣе историческихъ лицъ. Представленіе давалось на общественной сценѣ, предъ любопытствующимъ и внимательнымъ партеромъ: то есть публикою. Зрѣлище, нечего сказать, довольно привлекательное и не лишенное блеска и достоинства.

А сколько еще можно насчитать лицъ, если не прямо принадлежащихъ исторіи, то не менѣе того лицъ запечатлѣнныхъ особымъ выраженіемъ, особымъ значеніемъ, и также имѣющихъ свое косвенное вліяніе на дѣла и на общество. Есть исторія явственная, гласная: но есть также исторія подспудная, такъ сказать, побочная, которая часто и невидимымъ образомъ сливается съ первою и ею поглащается.

Вотъ нѣкоторыя имена московскаго общества, современныя Нелединскому.

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій: образецъ того, что французы называютъ, или скорѣе называли *grand seigneur*—слово *вельможа* не передаетъ этого значенія:—онъ же и образецъ благовоспитаннаго, любезнаго свѣтскаго человѣка.

Библіофилъ и полиглотъ, всеязычный графъ Бутурлинъ.

Петръ Васильевичъ Мятлевъ, оживляющій разговоръ остроуміемъ, а не рѣдко и полуязвительными насмѣшками.

Ѳедоръ Ивановичъ Киселевъ, рѣзкій въ сужденіяхъ своихъ, часто раздражительный и желчный: но въ это время терпимости прощали ему эти выходки, потому что въ человѣкѣ уважали благородныя качества его, независимый умъ и независимое положеніе его въ обществѣ. Къ тому же въ это время нѣкоторое *фрондёрство* было въ обычаѣ и въ чести: въ обществѣ любовались этими наѣздниками слова, которые ловко метали пращи свои. (Извѣстно, что выраженіе la fronde, frondeur, заимствовано отъ бойцовъ, вооруженныхъ пращею).

Павелъ Никитичъ Каверинъ. Онъ, можетъ быть, не имѣлъ общей европейской образованности: но былъ русскій краснобай, въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Соловей рѣчи и соловей неумолкаемый! Говорунъ и разскащикъ, имѣлъ онъ, что говорить и что разсказывать. Онъ былъ ума бойкаго и смѣтливаго, Настоящій русскій умъ, тамъ гдѣ онъ есть, свѣжій. простосердечно хитрый и нѣсколько лукавый. Въ долголѣтнемъ званіи своемъ столичнаго оберъ-полицейместе-

ра — въ званіи, которое онъ впрочемъ никогда во зло не употреблялъ — имѣлъ онъ случай много и многихъ узнать, обучиться жизни на практикѣ, вблизи и разносторонне. Вся эта живая наука отзывалась въ разговорѣ его. Онъ былъ, между прочимъ пріятель гр. Ростопчина, Дмитріева и Карамзина.

Кн. Анд. Ив. Вяземскій: гостепріимный собиратель Московской земли: въ теченіе многихъ лѣтъ домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ именитостей умственныхъ, всѣхъ любезностей обоего пола. Самъ слылъ онъ упорнымъ, но вѣжливымъ спорщикомъ: сжатый и сильный діалектикъ, словно вышедшій изъ Аѳинской школы, онъ любилъ словесные поединки и отличался въ нихъ своею ловкостью и изящностью движеній.

Кн. Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, другъ кн. Вяземскаго и Нелединскаго, съ выраженіемъ нѣсколько суровымъ въ смугломъ лицѣ, съ волосами, причесанными дыбомъ, былъ весельчакомъ этого общества: много было у него прибаутокъ французкихъ и русскихъ, которыми онъ мѣтко и забавно разнообразилъ рѣчь свою.

Тончи, живописецъ, поэтъ и философъ. Стройная и величавая наружность: лицо еще свѣжее, волоса густые и нѣсколько кудрявые, осеребренные преждевременною и красивою сѣдиною. Онъ между прочимъ, преподавалъ въ салонахъ ученіе *призрачностей, мнимостей:* (des apparences) то есть, что все вещественное въ мірѣ и въ жизни, а особенно, впечатлѣнія, ощущенія, все это только кажущееся, воображаемое. Онъ имѣлъ даръ слова: и на французскомъ языкѣ, озаренномъ и согрѣтомъ южнымъ блескомъ и поэтическими красками, онъ если не былъ убѣдителенъ, то всегда былъ увлекателенъ. Впрочемъ онъ имѣлъ нѣсколько учениковъ и послѣдователей: въ числѣ ихъ былъ Алексѣй Мих. Пушкинъ.

Вотъ также личность въ высшей степени своеобразная. Прямой сынъ Вольтера, энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Меллисино, куратора Московскаго университета, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ: слѣдовательно не чуждый русской жизни и ея особенностей. Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно-обворожителенъ. Бывало изъявитъ онъ мнѣніе, скажетъ мѣткое слово, нерѣдко съ нѣкоторымъ цинизмомъ, и то и другое совершенно въ разрѣзъ мнѣніямъ общепринятымъ: и все это выразитъ съ такою энергическою и забавною мимикой, что никто не возражаетъ ему: а всѣ увлекаются взрывомъ неудержимаго смѣха. Онъ вообще не любилъ авторитетовъ: гораздо прежде романтической школы ругалъ онъ Расина, котораго впрочемъ переводилъ, и скажемъ мимоходомъ, довольно плохо. Доставалось и солнцу, какъ авторитету, и поэтамъ, которые воспѣваютъ восхожденіе его, «а оно радуясь» этимъ похваламъ, раздувшись и «раскраснѣвшись вылѣзаетъ на небосклонъ». И все это было *иллюстрировано* живыми ухватками, игрою лица. И все это дѣлалъ онъ и говорилъ, вовсе не изъ желанія казаться страннымъ, оригинальнымъ, рисоваться. Онъ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи: нѣтъ онъ былъ таковымъ потому, что таковъ былъ складъ ума его.

Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ моихъ еще нахожу низверженнаго Молданскаго Господаря, князя Маврокордато. Онъ также сдѣлался Москвичемъ. Не знаю, много ли онъ содѣйствовалъ пріятности общества, но какъ декорація, онъ очень разнообразилъ обстановку сцены. Восточная важность, пестрота восточнаго костюма его привлекали по крайней мѣрѣ мои любопытные дѣтскіе глаза.

Есть еще лица и имена, которыя могли-бы внесены быть въ этотъ списокъ. А сколько иностранныхъ путешественниковъ, художниковъ, мелькавшихъ въ этой картинѣ! Иные изъ нихъ наѣзжали въ Москву проѣздомъ и оставались въ ней на зиму и болѣе. Бывали между ними и странствующіе рыцари, искатели приключеній. Но и они для разнообразія, для драматическаго движенія, были не лишніе. Назовемъ между прочими Барона Жерамба, гусара изъ полка гусаровъ смерти, *Hussards de la mort*, въ черномъ доломанѣ, съ металлической мертвою головою на груди. Былъ-ли онъ баронъ, былъ-ли онъ гусаръ: это осталось не рѣшеннымъ. Но онъ разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ цугомъ, велъ большую карточную игру, много проигрывалъ, но мало уплачивалъ, писалъ латинскіе стихи, а что всего лучше, былъ очень уменъ и забавенъ, и возбуждалъ общее любопытство и вниманіе своею загадочностью. Въ общественномъ каруселѣ, гдѣ каждый подвизался по своему, онъ ловко разыгрывалъ роль неизвѣстнаго рыцаря, подъ непроницаемымъ забраломъ.

Литература не была чужда этому разнообразному, разнохарактерному представительству. Не говоримъ уже о литературѣ иностранной, особенно французской: всѣ старыя и новыя явленія ея были знакомы: прилежно прочитывались, горячо обсуждались. Но и доморощенная словесность была не чужая въ этомъ обществѣ, хотя и созданномъ немножко по образу и подобію запада. Во главѣ ея стояли Карамзинъ и Дмитріевъ. Они были не просто писатели, дѣйствовавшіе съ перомъ въ рукахъ въ кабинетѣ своемъ. Они и въ обществѣ и въ салонахъ были дѣйствующими лицами. Голосъ ихъ присоединялся къ общимъ голосамъ: онъ былъ и слышимъ и уважаемъ. Русская Московская литература примыкала въ то время съ одной стороны къ старинѣ въ лицѣ Хераскова, тихо доживавшаго въ Москвѣ славу свою: съ другой стороны привѣтствовала она новое поколѣніе поэзіи, въ лицѣ Жуковскаго и Батюшкова, и нѣкоторыхъ другихъ упованій нашего Парнасса, скажемъ мы на языкѣ того времени. Нелединскій также занималъ видное и почетное мѣсто въ литературномъ кругу. Но онъ писалъ болѣе урывками, и былъ, такъ сказать, дилетантомъ въ ней. Красавицы и молодыя пѣвицы на вечерахъ распѣвали, за клавикордами, пѣсни и романсы его. Тогда скромно довольствовались и этимъ.

Выше упомянули мы о Ив. Влад. Лопухинѣ, сопоставляя его съ личностью Нелединскаго, какъ два разнородныя начала. Но судьба, однажды, свела ихъ по одной дорогѣ. Какъ сенаторы, были они посланы Императоромъ Александромъ на ревизію, особенно по дѣламъ Малакановъ. Тотъ и другой были люди умные, образованные и благодушные: въ изслѣдованіи истины, въ добросовѣстномъ исполненіи обязанности, на нихъ возложенной, они не могли расходиться. Дружно дѣйствовали они: а по окончаніи дѣла, разбрелись опять каждый въ свою сторону, но съ уваженіемъ другъ къ другу, хотя ни одинъ изъ нихъ не переманилъ и не думалъ переманить другого на свои воззрѣнія въ свободной области личныхъ мнѣній и убѣжденій. Здѣсь также отыскивается знаменіе того времени.

Мы, можетъ быть, не въ мѣру расширили рамку очерка, который избрали задачею своею. Но намъ казалось, что для точнѣйшаго, по возможности изученія событія, или лица нужно то и другое оставить во времени и въ средѣ въ которыя то событіе совершилось, или то лицо жило и дѣйствовало. Иначе, можно дойти до того, что будешь удивляться и пенять Христофору Колумбу, который, для открытія новаго міра, отправился на парусномъ кораблѣ, а не на пароходѣ. Такія сужденія, такіе анахронизмы въ печати не рѣдки. Не надобно терять изъ вида, что Нелединскій былъ человѣкъ своего времени: и что это время могло имѣть и имѣло свои недостатки: но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло свои почтенныя и любезныя достоинства. Многія понятія, многіе вопросы тогда еще не возникали. Но было много мыслящихъ людей, имѣвшихъ потребность въ обмѣнѣ мыслей. За неимѣніемъ дѣйствія тогда и разговоръ былъ уже дѣйствіе. Въ другія времена дѣйствіе ограничивается часто однимъ пустословіемъ. Тогда образованные, умные люди, а было ихъ немало, съѣзжались по вечерамъ на бесѣду, потолковать, поспорить, развязать мысль свою, или просто языкъ свой. Каждый приносилъ, что имѣлъ, что умѣлъ и что могъ: кто золотой талантъ, кто посильную лепту, кто жемчужину, кто просто полевой цвѣтокъ, но свѣжій и ду-

шистый. Я выросъ въ этой школѣ: могу говорить о ней по отроческимъ впечатлѣніямъ и позднимъ воспоминаніямъ. Живыя преданія того времени не замолкли, не изгладились во мнѣ. Тогда было менѣе помышленій о свободѣ въ учрежденіяхъ: горизонтъ былъ ограниченнѣе, но было болѣе свободы въ мысли и въ общежитіи: горизонтъ и ограниченный былъ чище. Каждый былъ и казался тѣмъ, что онъ есть. Онъ не былъ завербованъ подъ такое-то, или другое знамя. Никто не подчинялся извѣстному лозунгу, и не нуждался въ немъ. Тогда подписывались на журналъ, на газету: но не приписывались къ нимъ. Тогда просто хотѣли узнать отъ повременнаго листка, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и баста! Никому не приходило на умъ узнать отъ журнала, какъ прикажетъ онъ мыслить, чувствовать, судить о такомъ-то событіи, оцѣнить такую-то правительственную мѣру; однимъ словомъ не было того духовнаго крѣпостничества, въ силу журнальной печати, которое кое-гдѣ встрѣчается нынѣ: и оно ожидаетъ свое 19 Февраля: но скоро-ли дождется?

III.

Нелединскій могъ-бы быть предметомъ прилежнаго изученія и изслѣдованія для физіолога и психолога. Онъ во многихъ отношеніяхъ былъ натура совершенно своеобразная: натура крайностей и противоположностей, но не противорѣчій. Въ самыхъ крайностяхъ хранилось какое-то равновѣсіе, какая-то нравственная примирительная сила. Онъ былъ натурою своею будто раздѣленъ на особые участки. И каждый участокъ не посягалъ на другой, не вредилъ ему. Въ немъ были участки свѣтлые, благорастворенные, возвышенные: были и участки чрезполосные, спорные: правила и условія нравственной топографіи могли протестовать противъ нихъ. Но, не надобно терять изъ вида, что первые участки, то есть свѣтлововзвышенные, были открыты и доступны всѣмъ ближнимъ его, всему обществу: другіе были, такъ сказать, заповѣдные, личные, ему одному свойственные: онъ одинъ отвѣтствовалъ за нихъ и они одного его касались. Объяснимъ слова наши словами изъ письма его къ вашей матери: Rapportez tout à cet Etre (Богу), cette source unique de tout, qui Vous a donné l'esprit, la raison, le caractère que Vous avez.—Remerciez le—Твоя отъ Твоихъ!—Ce n'est pas un capucin qui vous parle, mais bien un libertin qui le sera toute sa vie,—à qui cet Etre suprême a départi, dans sa bonté, une raison qui l'a autant préservé d'être impie que bigot.

Въ этихъ строкахъ явное размежеваніе этихъ участниковъ, о которыхъ мы говорили. И въ каждомъ участкѣ, является не лицедѣй, не фразёръ, а живой, искренній человѣкъ, который показывается тѣмъ, чѣмъ есть и дѣйствуетъ согласно съ тѣмъ. Въ этомъ же письмѣ, вотъ какъ этотъ *libertin*, отзывается о женѣ своей и говоритъ дочери: oui, chère, l'esprit et la raison, que vous avez reçus en naissant, ont été cultivés par les soins de votre mère. Oui, c'est à elle seule que vous êtes redevable de vos talents, et si vous voulez réfléchir avec moi, vous conviendrez que son amour pour ses enfants l'a toujours guidé de manière qu'elle a tenu une méthode, mis une suite à tout ce qui avait rapport à votre éducation.—Depuis votre naissance, jamais je ne suis venu à temps pour lui conseiller la moindre chose relativement à vous autres, jamais je n'etais dans le cas de désapprouver ce qu'elle avait résolu de faire pour vous.

Какъ много еще разбросано въ письмахъ, собранныхъ Вами, свидѣтельствъ о нѣжной, предусмотрительной, изобрѣтательной заботливости (смотри запасныя письма) его о слабой, нервной женѣ. Сколько тутъ любви, сердоболія, самоотверженія. Я слышалъ, что онъ однажды, чтобы согласить жену свою дать выдернуть больной зубъ, далъ, для ободренія ея, выдернуть при ней здоровый зубъ у себя. Нельзя не убѣдиться, читая письма его, что если по общепринятымъ понятіямъ, не былъ онъ безукоризненнымъ, то былъ образцовымъ супругомъ. Отношенія его къ дѣтямъ проникнуты самою теплою, безкорыстною безграничною родительскою любовью. Вотъ свѣтлая семейная сторона его. А между тѣмъ, этотъ мужъ, нѣжный, какихъ немного, дома весь преданный обязанностямъ супруга и отца семейства внѣ дома имѣлъ всегда кумиръ, предъ которымъ страстно благоговѣлъ, который воспѣвалъ, подобно Петраркѣ и Данту, чистыми пѣснями, кумиръ, предъ которымъ колѣнопреклоненный возжигалъ онъ благоуханный и чистый фиміамъ любви, страсти. Таковъ былъ онъ внѣ семейнаго круга, такъ сказать, на сторонѣ отъ него; а еще дальше, и на другой, даже противоположной сторонѣ встрѣчаемъ его, какъ-бы сказать вѣжливѣе и почтительнѣе — впрочемъ, скажемъ опять не своими, а его собственными, встрѣчаемъ: «un libertin, qui le sera toute sa vie». — Повторяемъ еще разъ: если въ угоду строгой нравственности назвать эти стороны *тѣнистыми*, то онѣ никогда не затемняли свѣтлыхъ: а свѣтлыя часто очищали и самыя темныя. Это не есть оправданіе темныхъ сторонъ: не есть и разрѣшеніе другимъ снисходительно смотрѣть на свои слабости. Вовсе нѣтъ. Примѣръ Нелединскаго не есть примѣръ для подражанія. Но онъ себя въ примѣръ и не ставилъ. Дѣло въ томъ, что щедро надѣленная натура его умѣла и могла вынести, могла даже согласовать, уравновѣшивать эти внутреннія противорѣчія, это междоусобіе врожденныхъ свойствъ, склонностей порывовъ страстей. Такія натуры рѣдки. На долгомъ вѣку своемъ, мы даже другой подобной ему не встрѣчали. Приведу здѣсь еще личное воспоминаніе, которое дополнитъ сказанное нами. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать. По ученію, я былъ далеко не изъ скороспѣлокъ, но, по другимъ отношеніямъ, умственная смѣтливость моя была довольно развита. Вообще не былъ я прилеженъ, а болѣе лѣнивъ. Мнѣ не хотѣлось учиться, а хотѣлось знать. Какъ бы то ни было, однажды, незамѣтно вошелъ я въ кабинетъ отца моего, онъ сидѣлъ и разговаривалъ съ Нелединскимъ. Разговоръ ихъ, вѣроятно, былъ не изъ назидательныхъ. Отецъ мой могъ вообразить, что я кое-что изъ него разслушалъ. И вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «послушай, Петруха, если тебѣ суждено быть повѣсою (сказано было по французски mauvais sujet), то будь имъ какъ Нелединскій: хорошо знаю его таковымъ, но, если, при смерти моей, твоя сестра оставалась-бы безъ родственниковъ и семейнаго покровительства, я спокойно и съ полной увѣренностью, поручилъ-бы ее никому иному какъ Нелединскому.

Эти слова врѣзались въ память мою, хотя въ то время не вполнѣ понималъ я ихъ значеніе. Послѣ истеченія полустолѣтія и болѣе они еще и нынѣ звучать въ ушахъ моихъ. Для меня они прекрасно и убѣдительно характеризуютъ одну изъ сторонъ Нелединскаго, на которую я указалъ. Отецъ мой былъ не фразёръ: онъ говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ. Свѣтлый умъ его, житейская опытность и тѣсная дружба съ Нелединскимъ, придаютъ словамъ его неоспоримый авторитетъ.

Съ одной стороны перейдемъ на другую, на солнечную! Императрица Марія Θеодоровна пишетъ: Gare à vous, mon pauvre Nélédinsky: rappelez vous les beaux préceptes, que votre sagesse de tuteur vous fait débiter à nos demoiselles (воспитанницамъ институтовъ) profitez en vous même et *fuyez le danger* en revenant chez nous, si non je vous crois *perdu*.

Эти строки относятся, какъ сказано въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, къ Елизаветѣ Семеновнѣ Обресковой, въ которую Нелединскій *казался влюбленъ*. Нѣтъ не *казался*, а былъ влюбленъ и влюбленъ страстно. Ему было тогда 56 лѣтъ, но впечатлительность его, но сердце сохранили всю первобытную мягкость, всю воспламеняемость молодости. Онъ любилъ Обрескову, какъ во время оно любилъ Темиру, съ тою же нѣжностью, утонченностью чувствъ, съ тою-же благоговѣйною покорностью. Можетъ быть еще и съ усиленіемъ этихъ чувствъ противъ прежняго. Прежде молодость могла брать свое, и

вѣроятно брала: но на закатѣ жизни чувства, помышленія всѣ сосредоточились въ одномъ чувствѣ страсти преобладательной. Вся эта платоническая драма разыгрывалась преимущественно въ домѣ нашемъ: сперва при жизни князя Анд. Иван., а послѣ кончины его, при Карамзиныхъ. Обресковы, мужъ и жена. и Нелединскій были почти ежедневные вечерніе посѣтители дома нашего, извѣстнаго подъ фирмою Вяземскихъ и Карамзиныхъ. Однажды на такомъ вечерѣ подходитъ ко мнѣ Нелединскій—мнѣ было тогда лѣтъ пятнадцать—и спрашиваетъ меня: — «хороша-ли она и какъ одѣта сегодня?—Кто? говорю я.—Да разумѣется Елизавета Семеновна. — Помилуйте, что-же Вы меня расспрашиваете: вѣдь Вы теперь около двухъ часовъ за однимъ столомъ играли съ нею въ бостонъ. — Да развѣ ты не знаешь, что я уже три мѣсяца не смотрю на нее, и что я наложилъ на себя этотъ запретъ, потому, что видимое присутствіе ея слишкомъ меня волнуетъ.

Это также была не фраза, не поэтическая ложь, а вполнѣ дѣйствительное сознаніе. Отъ подобнаго-ли напряженія чувствъ, или просто по физическимъ причинамъ, но не долго послѣ этого разговора онъ на вечерѣ у насъ былъ постигнутъ апоплексическимъ ударомъ, который, впрочемъ, важныхъ и ощутительныхъ послѣдствій не имѣлъ. Еще одна при этомъ характеристическая черта житья-бытья Нелединскаго. Послѣ удара онъ пролежалъ у насъ два дня. И жена его, нѣжно имъ любимая и нѣжно любившая его, нервная, легко смущаемая, по болѣзни своей мнительная, не имѣла повода особенно тревожиться отсутствіемъ его. Онъ писалъ ей два раза, что заигрался въ карты до утра, прямо съ игры отправился въ Сенатъ, а изъ Сената прямо опять на игру, которая крѣпко завязалась и требуетъ окончательной и важной по своимъ послѣдствіямъ развязки.

Не знаю, довольны ли Вы мною: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Но я, по долгой бесѣдѣ съ Вами, хочу на прощаніе, еще разъ премного поблагодарить Васъ, любезнѣйшій князь, за наслажденіе, которое Вы мнѣ доставили. Читая ваши корректурные листы, я переживалъ многіе и многіе годы свои, едва ли не лучшіе годы. Молодость, и даже первоначальные дни *бабьяго лѣта* жизни имѣютъ особенную привлекательную прелесть и благоуханіе, которыми услаждаешь и прикрашиваешь суровые позднѣйшіе дни. Какъ-то отрадно живется въ старинѣ и преданіяхъ ея. Для меня настоящая жизнь всегда тѣмъ красивѣе, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ сноснѣе, что на ней отсвѣчиваются оттѣнки минувшаго. Дивлюсь людямъ и жалѣю о тѣхъ, которые въ жизни смотрятъ только на *профиль* ея: а не обхватываютъ всѣхъ сторонъ лица. У такихъ людей зрѣніе узкое. узки и понятія ихъ. Они словно сидятъ вѣчно передъ зеркаломъ и только и видятъ, что себя и только на себя и смотрятъ. Это бы еще ничего, но вотъ что худо. Такая односторонность собственно размежевываетъ время, поколѣнія, людскую семью на враждебные полосы и кружки. Она вноситъ въ жизнь раздоръ и междоусобицу. По понятію нѣкоторыхъ, если любишь ровесниковъ и братьевъ, то неминуемо. то обязательно должно порочить и презирать старшихъ. Другіе почитаютъ однихъ отцовъ, за то осыпаютъ бранью все новое поколѣніе. У нихъ дни не слѣдуютъ, одинъ за другимъ въ естественномъ и мирномъ порядкѣ. Нѣтъ, они другъ на друга выступаютъ въ боевомъ порядкѣ: поколѣнія не помогаютъ, не содѣйствуютъ другъ другу а встрѣчаются и сходятся на ножахъ. Повторяю: въ старину жили шире, было болѣе терпимости, слѣдовательно и общежительности. Молодежь не дичилась старости; старость не косилась на молодежь. Нелединскій былъ однимъ изъ лучшихъ представителей этой эпохи мирнаго соревнованія, благоразумной уступчивости, терпимости въ мнѣніяхъ: однимъ словомъ, эпохи истиннаго образованія, которое стремится болѣе согласовать, болѣе сближать, чѣмъ расходиться и оборачиваться спиною ко всему и ко всѣмъ, которые хотя на вершокъ и хотя на одну букву, на іоту, отдѣляются отъ мнѣній и воззрѣній сосѣда.

Теперь довольно, а можетъ быть, скажете Вы давно довольно.

Неизмѣнно Вамъ преданный кн. Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.

30 Октября / 1 Ноября, 1874 г.

---

54. **Кн. П. А. Вяземскій.** Старая записная книжка. (Полн. собр. соч. Вяземскаго. Спб. 1883. Т. VIII).

Въ этой «Записной книжкѣ» находимъ нѣсколько разсказовъ о жизни Нелединскаго (см. стр. 70, 73, 157, 158, 176, 24, 201, 300, 304, 305, 367—368. 402—403, 408), иногда анекдотическаго характера.

Изъ фактовъ литературныхъ Вяземскій сообщаетъ слѣдующее:

«Въ первыхъ годахъ столѣтія Нелединскій написалъ Магницкому шуточное и пріятельское посланіе. Нел. былъ старше его годами и выше по общественному положенію; онъ вообще былъ разборчивъ и воздержанъ въ сношеніяхъ своихъ съ людьми. Это обстоятельство служитъ благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу Магницкаго» (стр. 201).

«Посланія» этого нѣтъ въ нашемъ изданіи. «Отвѣтъ В. Л. М—скому въ 1778 г. не можетъ быть этимъ посланіемъ, такъ какъ Магницкаго звали Михаиломъ Леонтьевичемъ, да въ 1778 г. «знаменитый» Магницкій только родился. Или, быть можетъ, и въ имени и въ датѣ ошибка?)

55. **Галаховъ.** Историческая христоматія, т. I. (Біографія Н. и нѣсколько стихотвореній).

56. **Гербель.** Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. 2 изд. 1880, стр. 77—79.

57. «**Архивъ кн. Воронцова**» (Нелединскій упоминается въ т. XIV, XV, XX, XXX, XXXI; см. указатели въ этихъ томахъ).

58. **Галаховъ.** Исторія русской словестности. (Изд. 2. Спб. 1880, стр. 169—171).

Пѣснѣ у насъ посчастливилось меньше, чѣмъ одѣ, несмотря на то, что она сосредоточивается на выраженіи непосредственнаго чувства, возбуждаемаго предметомъ. Мы не имѣли тогда (въ началѣ XIX в.) авторовъ, которые прославили бы свое имя исключительно пѣсенной поэзіей. Нѣкоторыя пѣсни, пользовавшіяся особеннымъ успѣхомъ, большею частью были явленіемъ случайнымъ, какъ бы неожиданной обмолвкой стихотворцевъ занятыхъ другимъ дѣломъ.—Пѣсни Нелединскаго и Дмитріева долгое время принадлежали къ любимѣйшимъ нашей публики. Онѣ отвѣчали сентиментальному настроенію литературы и общества. Кто восхищался «Бѣдной Лизой», тотъ, конечно, могъ съ бо́льшимъ успѣхомъ пѣть «Голубка» (Дмитріева). Ошибка Нелединскаго и Дмитріева состояла въ томъ, что они, служа сентиментализму, думали совмѣщать два элемента: народный и цивилизованный. Первый изъ этихъ элементовъ вводимъ единственно для поддѣлки подъ безыскусственную поэзію, чуждую сентиментальности, и въ которой, кромѣ того, не чувствовалось надобности. Съ какою цѣлью пѣсни, сочиненныя для благороднаго, больше или меньше образованнаго круга и назначаемыя для пѣнія въ гостиныхъ, украшались или, говоря по справедливости, обезображивались приправой кой-какихъ простонародныхъ словъ и выраженій? Они, видимо, не ладили съ тономъ цѣлаго и, какъ фальшивыя ноты, поражали слухъ каждаго. кому была хорошо знакома лирическая поэзія русскаго народа. Употребленіе нерусскихъ, иногда и миѳологическихъ именъ, нисколько не вредило сентиментальной пѣсни или романсу: Хлоя (въ пѣснѣ: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ») и подобныя ей существа были на своихъ мѣстахъ тамъ, гдѣ героиня представлялась пастушкой, а ея милый — пастушкомъ. Еслибы Нелединскій и Дмитріевъ, при сочиненіи своихъ пѣсенъ, имѣли въ виду воспроизведеніе народной поэзіи, по ея духу и складу, то, конечно.

они заслуживали бы строгой критики. Но у нихъ и въ мысляхъ не было такой задачи, которой они, замѣтимъ, не съумѣли бы исполнить. Оба они писали подъ вліяніемъ французскихъ образцовъ. Дмитріевъ, говоря его словами, «примѣнился къ вѣтренному Дорато» [1]) и его товарищамъ, а Нелединскаго кн. Вяземскій не въ шутку называлъ русскимъ Шольё [2]), котораго сами французы признаютъ любезнымъ поэтомъ (aimable poëte). Художественное подражаніе народному творчеству доступно лишь тому, кто, обладая поэтическимъ даромъ, основательно изучилъ обычаи, понятія и чувства простонародья; еще доступнѣе оно тому, кто, по своему происхожденію, состоя въ близкомъ родствѣ съ народомъ, не отрѣшился отъ роднаго корня и въ то время, когда поступилъ въ среду высшей образованной жизни. Тогда онъ вдвойнѣ постигаетъ сущность народной поэзіи: и путемъ непосредственнаго сочувствія, и путемъ научнаго знакомства. Примѣръ такого счастливаго постиженія представляетъ Мерзляковъ.

59. Изъ письма В. А. Жуковскаго отъ 16 сентября 1815 г., о представленіи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ. (*К. К. Зейдлицъ. Жизнь и поэзія Ж.* Спб. 1883, стр. 87—88).

»... Въ первый день было чтеніе моихъ балладъ въ ея ... (императрицы) кабинетѣ въ приватномъ обществѣ, состоящемъ изъ вел. княгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго, Вилламова и меня. Читалъ Нелединскій сперва *Эолову арфу*, которая особенно понравилась, потомъ *Варвика*, потомъ *Ивика*. На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ большомъ кругу, читалъ я самъ *Пѣвца въ станѣ русс. воиновъ*, по томъ, Нелединскій—*Старушку* и *Свѣтлану* и, наконецъ *Посланіе къ царю*... Я не былъ ослѣпленъ ни на минуту, но за то часто былъ тронутъ [3]). У меня былъ и проводникъ прелестный—Нелединскій, рѣдкое явленіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Онъ взялъ меня на руки, какъ самый нѣжный родной, и ни на минуту не забылъ обо мнѣ; ни на одну минуту его вниманіе не покидало меня. Гдѣ бы я ни былъ, онъ всюду слѣдовалъ за мною глазами, все самъ за меня придумывалъ, предупреждая меня во всемъ и входилъ со мною въ самыя мелкія подробности.—Еще одно важное обстоятельство. Въ первый день моего пребыванія въ Павловскѣ мы усѣлись съ Нел. въ залѣ, и не знаю какъ—дошелъ разговоръ до того, что онъ у меня спросилъ о моихъ обстоятельствахъ, т. е. о родствѣ, какое у меня съ Екатериною Аѳанасьевной [1]). Я сказалъ, въ чемъ оно состоитъ. Онъ принялся чертить кружки и линейки; и по рисунку вышло, что между мной и Машей родства нѣтъ. Но тѣмъ это и кончилось. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы *тетушка* сама согласилась; не будетъ этого, не будетъ семейнаго покоя!» (Стр. 87—88).

60. «Сочиненія К. Н. Батюшкова», подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. Спб. 1885, т. II, стр. 503—505.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (р. 6 сентября 1752 ум. 14 февраля 1828) не принадлежалъ къ числу присяжныхъ, такъ сказать, литераторовъ; но его немногочисленныя произведенія, въ особенности его, по выраженію Батюшкова «вдохновенныя страстію» пѣсни пользовались большою извѣстностью въ свое время и ставились на ряду съ подобными же произведеніями Карамзина и Дмитріева.

Свѣдѣнія о жизни Н. собраны въ книгѣ его внука (сына его дочери) кн. Дм. Ал. Оболенскаго «Хроника недавней старины» (Спб. 1876) [2]). Здѣсь же помѣщены воспоминанія о Нелединскомъ кн. П. А. Вяземскаго [3]); они вполнѣ объясняютъ намъ тотъ отзывъ, который Батюшковъ далъ о Нелединскомъ въ 1816 г. [4]).

61. А. В. Арсеньевъ. Словарь писателей средняго и новаго періода русской литературы. (Спб. 1887, стр. 130—131, краткія біографическ. и библіографическія данныя).

62. Д. А. Ровинскій. Словарь гравированныхъ портретовъ. Спб. 1887. Т. II.

63. Семейная хроника. Записки А. В Кочубея. Спб. 1890, стр. 44—45.

64. И. Порфирьевъ. Исторія р. словесности. Ч. II, отд. 3. Казань. 1891, стр. 131—132 (краткія свѣдѣнія).

65. Записки Вигеля. Изд. Рус. Архива. 1892, т. V, 42.

66. Записки С. Н. Глинки. Спб. 1895, стр. 176, 137, 233.

67. Энциклопедическій Словарь Грагата. М. 189., т. VII.

68. Энциклопедическій Словарь Брокгауза-Ефрона, Спб. 1897, т. XX, стр. 866 (статья Вс. Чешихина).

---

[1]) Дора (ум. 1780), франц. стихотворецъ, отличался въ легкой поэзіи.

[2]) Шольё (ум. 1720) воспѣвалъ эпикуреизмъ, почему и заслужилъ прозвище французскаго Анакреона.

[3]) Трогательнымъ вниманіемъ императрицы.

---

[1]) Е. А. Протасова, сестра Жуковскаго по отцу (ее поэтъ долгое время звалъ тетушкой и маменькой). Жуковскій нѣжно любилъ младшую дочь Протасовой, Марію; но бракъ ихъ не могъ состояться въ виду родственныхъ отношеній.

[2]) Рус. Поэзія, выпускъ VII стр. 1—12.

[3]) Рус. Поэзія, выпускъ VII, стр. 47—53.

[4]) «Вдохновенныя страстью пѣсни Нелединскаго»—говоритъ Батюшковъ въ «Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» (1816 г.).

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Карамзинѣ имѣется огромная литература. Но она
ящена исключительно оцѣнкѣ его какъ историка и
бразователя языка и воспроизведеніе ея не вхо-
въ задачи нашего изданія, посвященнаго спеціально
ріи русской поэзіи. Воспроизводимъ только двѣ не-
шія руководящія статьи проф. *П. Н. Милюкова* и
). *А. И. Кирпичникова.* Первая даетъ очеркъ жизни К.
ительности его какъ историка, вторая характеризуетъ
какъ литератора и преобразавателя языка. Сводъ
югочисленныхъ от-
въ о Карамзинѣ какъ
тѣ дается въ третьей
ьѣ, спеціально соста-
ной для нашего изда-
А. І. Лященко.

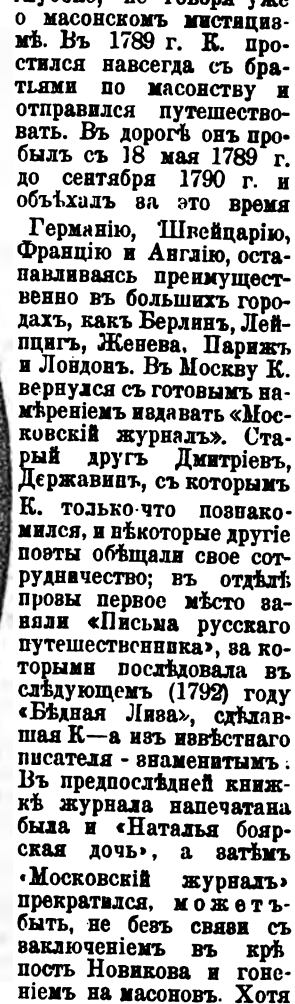
Ред.

I.

Карамзинъ, родился въ
году 1 декабря въ
бирской губерніи. Онъ
ось въ деревнѣ отца,
ирскаго помѣщика.
зой духовной пищей
лѣтняго мальчика
ались старинные ро-
ы, развившіе въ немъ
одную чувствитель-
ь. Уже тогда, подоб-
рою одной изъ своихъ
стей, «онъ любилъ
гать, не зная о чемъ»
огъ уже часа по два
гъ воображеніемъ и
ить замки на возду-
На 14-мъ году К.
ь привезенъ въ Мос-
и отданъ въ пансіонъ
овскаго профессора
дена; онъ посѣщалъ
се и университетъ, въ
ромъ можно было
иться тогда «если не
амъ, то русской гра-
». Шадену онъ обя-
былъ практичес-
ь знакомствомъ съ
ецкимъ и францyз-
ъ языками. Въ Мос-
сложились литера-
ые вкусы К—а и
ты первые литера-
ые опыты, состоявшіе, по обычаю того времени,
ереводахъ. Послѣ окончанія занятій у Шадена, К.
олько времени колебался въ выборѣ дѣятельности.
1783 г. мы видимъ его (17-ти лѣтъ) въ Петербургѣ
тымъ литературными трудами, въ постоянномъ об-
іи съ И. И. Дмитріевымъ; въ томъ же году онъ
уетъ поступить на военную службу, куда записанъ
ь еще малолѣтнимъ; но тогда же выходитъ въ от-
ку и въ 1784 г. увлекается свѣтскими успѣхами въ
инціальномъ обществѣ г. Симбирска. Наконецъ въ
цѣ 1784 г. К. возвращается въ Москву и черезъ по-
ство земляка И. П. Тургенева сближается съ круж-

комъ Новикова. «Здѣсь началось, по словамъ Дмитріева, образованіе К—а, не только авторское, но и нравственное». Вліяніе кружка продолжалось 4 года (1785—1788): К. много читалъ за это время, много переводилъ, увлекался Руссо и Стерномъ, Гердеромъ и Шекспиромъ, наслаждался дружбой, стремился къ идеалу и слегка грустилъ о несовершенствахъ этого міра. Въ общемъ, однако, вліяніе на него масонства никогда не было особенно глубоко, не говоря уже

о масонскомъ мистицизмѣ. Въ 1789 г. К. простился навсегда съ братьями по масонству и отправился путешествовать. Въ дорогѣ онъ пробылъ съ 18 мая 1789 г. до сентября 1790 г. и объѣхалъ за это время Германію, Швейцарію, Францію и Англію, останавливаясь преимущественно въ большихъ городахъ, какъ Берлинъ, Лейпцигъ, Женева, Парижъ и Лондонъ. Въ Москву К. вернулся съ готовымъ намѣреніемъ издавать «Московскій журналъ». Старый другъ Дмитріевъ, Державинъ, съ которымъ К. только-что познакомился, и нѣкоторые другіе поэты обѣщали свое сотрудничество; въ отдѣлѣ прозы первое мѣсто заняли «Письма русскаго путешественника», за которыми послѣдовала въ слѣдующемъ (1792) году «Бѣдная Лиза», сдѣлавшая К—а изъ извѣстнаго писателя - знаменитымъ. Въ предпослѣдней книжкѣ журнала напечатана была и «Наталья боярская дочь», а затѣмъ «Московскій журналъ» прекратился, можетъ-быть, не безъ связи съ заключеніемъ въ крѣпость Новикова и гоненіемъ на масоновъ. Хотя К., начиная «Московскій журналъ», формально исключилъ изъ его программы статьи «теологическія и мистическія»; но послѣ ареста Новикова (и раньше окончательнаго приговора) онъ напечаталъ довольно смѣлую оду «Къ Милости» (Доколѣ гражданинъ покойно, безъ страха можетъ засыпать, и всѣмъ твоимъ подвластнымъ вольно по мыслямъ жизнь располагать...; доколѣ правда не страшна, и чистый сердцемъ не боится въ своихъ желаніяхъ открыться тебѣ, Владычицѣ души; доколѣ всѣмъ даешь свободу и свѣта не темнишь въ умахъ; доколь довѣренность къ народу видна во всѣхъ твоихъ дѣлахъ: дотолѣ будешь свято

тики [illegible] можетъ отметить [illegible] тѣмъ троны [illegible] въ нѣдрѣ [illegible] гдѣ онъ любовью бережется и [illegible] ты [illegible] и едва не [illegible] подъ [illegible] что заграницу его отправили масоны. Большую часть 1793—1795 гг. К. провелъ въ деревнѣ. Плодомъ литературныхъ занятій его въ первые два года были два сборника подъ названіемъ «Аглая», изданные въ концѣ 1793 и 1794 годовъ. Въ 1795 г. К. ограничивался составленіемъ смѣси въ Моск. Вѣдомостяхъ. «Потерявъ охоту ходить подъ черными облаками», онъ пустился въ свѣтъ и велъ довольно разсѣянную жизнь. Изъ литературныхъ предпріятій съ конца 1795 г. К—а больше всего занималъ сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, изданный имъ въ августѣ 1796 г. подъ названіемъ «Аониды». Ровно черезъ годъ появилась вторая книжка «Аонидъ», а затѣмъ К. задумалъ издать нѣчто вродѣ хрестоматіи по иностранной литературѣ: «Пантеонъ иностранной словесности». Къ концу 1798 г. К. едва протащилъ свой «Пантеонъ» черезъ Павловскую цензуру, запрещавшую печатать Демосѳена, Цицерона, Саллюстія и т. д., потому что они были республиканцами. Даже простая перепечатка старыхъ произведеній К—а встрѣчала затрудненія со стороны цензуры; естественно, что при такихъ условіяхъ онъ мало писалъ новыхъ произведеній. Къ этому присоединилась еще какая-то усталость чувства: тридцатилѣтній К. начиналъ извиняться передъ читателями за пылкость чувствъ «молодаго, неопытнаго Русскаго путешественника» и писалъ одному изъ пріятелей: «всему есть время, и сцены перемѣняются. Когда цвѣты на лугахъ плоескихъ теряють для насъ свѣжесть, мы перестаемъ летать зефиромъ и заключаемся въ кабинетѣ для философскихъ мечтаній. Такимъ образомъ скоро бѣдная муза моя или пойдетъ совсѣмъ въ отставку или... будетъ перекладывать въ стихи Кантову метафизику съ Платоновой республикой». Послѣдняго не случилось, однако, «метафизика» была такъ же чужда умственному складу К—а, какъ и мистицизмъ. К., дѣйствительно, перестаетъ «въ томныхъ» элегіяхъ жаловаться на холодность и непостоянство красавицъ, но отъ безчисленныхъ посланій къ Аглаѣ, Хлоѣ, къ Деліи и Филлидѣ, къ вѣрной и къ невѣрной, онъ перешелъ не къ философіи, а къ историческимъ занятіямъ. Неожиданная перемѣна царствованія не измѣняетъ общаго настроенія К—а, но даетъ этому настроенію новый исходъ. Ода на воцареніе имп. Александра I, написанная К—ымъ, оказалась болѣе кстати, чѣмъ его ода на воцареніе Павла. Литература почувствовала себя на свободѣ, и издатели наперерывъ предлагали любимцу публики свои услуги для изданія журнала. К., дѣйствительно, принялся за журналъ, но съ инымъ направленіемъ, чѣмъ прежніе. Въ «Московскомъ журналѣ» К., завоевалъ сочувствіе публики въ качествѣ литератора; теперь, въ «Вѣстникѣ Европы» (1802—3 г.) онъ является въ роли публициста. Преимущественно публицистическій характеръ носитъ и составленное К—ымъ въ первые мѣсяцы царствованія имп. Александра I «Историческое похвальное слово имп. Екатеринѣ II». Однако, во время изданія журнала К. все болѣе входитъ во вкусъ историческихъ статей и, наконецъ, получаетъ, при посредствѣ товарища министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьева, титулъ историографа и 2000 р. ежегодной пенсіи съ тѣмъ, чтобы написать полную исторію Россіи (31 окт. 1803 г.). Съ 1804 г. прекративъ изданіе «Вѣстника Европы», К. погрузился исключительно въ составленіе исторіи. Въ 1816 г. онъ издалъ первые 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» (въ 1818—19 г. напечаталъ второе изданіе ихъ), въ 1821 г. вышелъ 9-й томъ; въ 1824 г.— 10-й и 11-й; а въ 1826 г. К. умеръ, не успѣвъ дописать 12-го тома, который былъ изданъ Д. Н. Блудовымъ по бумагамъ, оставшимся послѣ покойнаго. Въ теченіе всѣхъ этихъ 22-хъ лѣтъ составленіе исторіи было исключительнымъ занятіемъ К—а; защищать и продолжать дѣло, начатое имъ въ литературѣ, онъ предоставилъ съ нимъ литературныхъ [illegible]. До изданія первыхъ 8 томовъ К. жилъ въ Москвѣ, изъ которой выѣзжалъ только въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ (черезъ нее онъ передалъ государю въ 1810 г. свою записку «О древней и новой Россіи») и въ Нижній, по случаю занятія Москвы французами. Лѣто онъ обыкновенно проводилъ въ Остафьевѣ, имѣніи кн. Андр. Ив. Вяземскаго, на дочери котораго, Екатеринѣ Андреевнѣ, К. женился въ 1804 г. (первая жена К—а Елиз. Ив. Протасова умерла въ 1802 г. первыми родами, послѣ года замужества). Послѣдніе 10 лѣтъ жизни К. провелъ въ Петербургѣ и тѣсно сблизился съ царской семьей, хотя самъ имп. Александръ I, не любившій критики своихъ дѣйствій, относился къ К—у сдержанно со времени подачи «Записки», въ которой историографъ оказался plus royaliste que le roi. Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ К. проводилъ лѣто по желанію императрицъ (Маріи Ѳеодоровны и Елизаветы Алексѣевны), онъ не разъ велъ съ имп. Александромъ откровенныя политическія бесѣды, съ жаромъ возставалъ противъ намѣреній государя отдѣлить Польшу, «не безмолствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой губернской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные». По послѣднему вопросу государь отвѣчалъ, какъ могъ бы онъ отвѣчать Сперанскому, что «дастъ коренные законы Россіи»; но на практикѣ это мнѣніе, какъ и другіе совѣты одновременнаго противника «либераловъ и «сервилистовъ», Сперанскаго и Аракчеева, остались безплодны для любезнаго отечества». Кончина имп. Александра окончательно потрясла здоровье К—а; полубольной, онъ проводилъ ежедневно время во дворцѣ въ бесѣдѣ съ императрицами, отъ воспоминаній о покойномъ государѣ переходилъ къ разсужденіямъ о задачахъ будущаго царствованія и съ понятными чувствами присутствовалъ при событіяхъ 14 декабря. Въ первые мѣсяцы 1826 г. К. пережилъ воспаленіе легкихъ и на весну рѣшился, по совѣту докторовъ, ѣхать въ южную Францію и Италію, для чего имп. Николай далъ ему денежныя средства и отдалъ казенный фрегатъ въ его распоряженіе. Но К. былъ уже слишкомъ слабъ для путешествія и 22 мая 1826 г. скончался.

Приступая къ составленію русской исторіи безъ надлежащей исторической подготовки, К. не имѣлъ въ виду быть изслѣдователемъ. Онъ хотѣлъ приложить свой литературный талантъ къ готовому матеріалу: «выбрать, одушевить, раскрасить» и сдѣлать, такимъ образомъ, изъ русской исторіи «нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и иностранцевъ». Предварительная критическая работа надъ источниками для К—а есть только «тяжкая дань, приносимая достовѣрности»; съ другой стороны, и общіе выводы изъ историческаго разсказа есть для историографа «метафизика», которая «не годится для изображенія дѣйствія и характера»: «знаніе» и «ученость», «остроуміе» и «глубокомысліе» «въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія». Итакъ, передъ художественной задачей исторіи отступаетъ на второй планъ даже моральная, какую поставилъ себѣ покровитель К—а Муравьевъ; критической исторіей К. не интересуется; философскую—сознательно отстраняетъ. Но уже предшествовавшее поколѣніе, подъ вліяніемъ Шлецера, выработало идею критической исторіи; среди современниковъ К. требованія критической исторіи были общепризнанными, а ближайшее слѣдующее поколѣніе выступило съ требованіемъ философской исторіи. Такимъ образомъ, со своими взглядами на задачи историка К. остался внѣ господствующихъ теченій русской исторіографіи и не участвовалъ въ ея последовательномъ развитіи. Страхъ передъ «метафизи-

кой» отдалъ К—а въ жертву рутинному представленію о ходѣ русской исторіи, какое сложилось въ оффиціальной русской исторіографіи, начиная съ XVI вѣка. По этому представленію, развитіе русской исторіи находится въ причинной зависимости отъ развитія монархической власти: монархическая власть возвеличила Россію въ кіевскій періодъ; раздѣлъ власти между князьями былъ политической ошибкой, результатомъ которой явился удѣльный періодъ русской исторіи; эта политическая ошибка была исправлена государственной мудростью московскихъ князей—собирателей Руси; вмѣстѣ съ тѣмъ исправлены были и ея послѣдствія: раздробленіе Руси и татарское иго. Не внеся ничего новаго въ общее пониманіе русской исторіи, К. и въ разработкѣ подробностей находился въ сильной зависимости отъ своихъ предшественниковъ. Въ разсказѣ о первыхъ вѣкахъ русской исторіи К. руководился, главнымъ образомъ, «Несторомъ» Шлецера, не будучи, однако, въ состояніи вполнѣ усвоить его критическіе пріемы. Для позднѣйшаго времени главнымъ пособіемъ К—а служила «Исторія» Щербатова, доведенная почти до того же времени, на которомъ остановилась Исторія Гос. Рос. Уже Каченовскій замѣтилъ, что «несмотря на разстояніе времени, на различіе въ средствахъ, въ силахъ ума, въ учености... оба писателя имѣютъ много общаго между собой; первый весьма часто слѣдовалъ системѣ втораго; имѣя въ распоряженіи своемъ пособія новѣйшія, послѣдовалъ источникамъ кн. Щербатова, его указаніямъ на иностранныя и свои книги, его выпискамъ изъ архивныхъ грамотъ, изъ дѣлъ посольскихъ и бумагъ разнаго рода;... безъ сомнѣнія, на предшественника падаетъ вина и въ нѣкоторыхъ ошибкахъ его преемника». Дѣйствительно, Щербатовъ не только помогъ К—у оріентироваться въ источникахъ русской исторіи, но существенно повліялъ и на самое изложеніе. Конечно, слогъ Исторіи носитъ на себѣ печать литературной манеры К—а, со всѣми ея условностями; но въ выборѣ матеріала, въ его расположеніи, въ истолкованіи фактовъ К. всегда руководится Исторіей Щербатова, отступая отъ нея, не къ пользѣ истины, въ картинныхъ описаніяхъ «дѣйствій» и сентиментально—психологической обрисовкѣ «характеровъ». Особенности литературной формы «Исторіи Г. Р.» доставили ей широкое распространеніе среди читателей и поклонниковъ К—а, какъ литератора. Въ 25 дней всѣ 3000 экземпляровъ перваго изданія Исторіи Г. Р. разошлись между этими читателями. Но тѣ же особенности, дѣлавшія Исторію превосходной для своего времени популярной книгой, уже тогда лишали ея текстъ серьезнаго научнаго значенія. Гораздо важнѣе для науки того времени были обширныя «примѣчанія» къ тексту. Небогатыя критическими указаніями, «примѣчанія» эти содержали множество выписокъ изъ рукописей, большею частью впервые опубликованныхъ К—ымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ рукописей теперь уже не существуютъ. Въ основу своей Исторіи К. положилъ тѣ же матеріалы московскаго Архива Министерства (тогда коллегіи) иностр. дѣлъ, которыми уже пользовался Щербатовъ (особенно духовныя и договорныя грамоты князей и дипломатическія сношенія съ конца XV в.): но и этими документами онъ могъ воспользоваться полнѣе, благодаря усердной помощи директоровъ Архива, Н. М. Бантышъ-Каменскаго и А. Ѳ. Малиновскаго. Много цѣнныхъ рукописей дало Синодальное хранилище, тоже извѣстное Щербатову, библіотеки монастырей (Троицкой Лавры, Волоколамскаго монастыря и др.), которыми стали въ это время интересоваться, наконецъ, частныя собранія рукописей Мусина-Пушкина и Румянцева. Особенно много документовъ К. получилъ черезъ канцлера Румянцева, собиравшаго черезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ историческіе матеріалы въ Россіи и за-границей, а также черезъ А. И. Тургенева, составившаго коллекцію документовъ папскаго архива. Обширныя выдержки изъ всего этого матеріала, къ которому надо присоединить найденную самимъ К—ымъ южную лѣтопись, исторіографъ напечаталъ въ своихъ «примѣчаніяхъ»; но, ограничиваясь ролью художественнаго разсказчика и оставляя почти вовсе въ сторонѣ вопросы внутренней исторіи,—онъ оставилъ собранный матеріалъ въ совершенно неразработанномъ видѣ. Всѣ указанныя особенности Исторіи К—а опредѣлили отношеніе къ ней современниковъ. Исторіей восхищались литературные друзья К—и обширная публика читателей—неспеціалистовъ; интеллигентные кружки находили ее отсталой по общимъ взглядамъ и тенденціозной; спеціалисты-изслѣдователи относились къ ней недовѣрчиво и самое предпріятіе—писать исторію при тогдашнемъ состояніи науки считали черезчуръ рискованнымъ. Уже при жизни К—а появились критическіе разборы Исторіи, и вскорѣ послѣ смерти сдѣланы были попытки опредѣлить его общее значеніе въ исторіографіи. Лелевель указывалъ на невольное искаженіе истины К—ымъ «черезъ сообщеніе прошедшему времени—характера настоящаго» и вслѣдствіе патріотическихъ, религіозныхъ и политическихъ увлеченій». Арцыбашевъ доказывалъ, какъ вредятъ Исторіи литературные пріемы К—а, Погодинъ подвелъ итогъ всѣмъ недостаткамъ Исторіи, а Полевой указалъ общую причину этихъ недостатковъ въ томъ, что «Карамзинъ есть писатель не нашего времени», и что всѣ его точки зрѣнія, какъ въ литературѣ, такъ и въ философіи и въ политикѣ и въ исторіи устарѣли съ появленіемъ въ Россіи новыхъ вѣяній европейскаго романтизма. Однако, съ провозглашеніемъ въ 30-хъ годахъ уваровскаго принципа «православія, самодержавія и народности», Исторія К—а дѣлается знаменемъ «русскаго» направленія и при содѣйствіи того же Погодина производится ея научная реабилитація. Осторожныя возраженія Соловьева (въ 1850-хъ годахъ) заглушаются юбилейнымъ панегирикомъ Погодина (1866).

П. Милюковъ.

II.

К. какъ литераторъ. Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина—душу. Такъ извѣстнымъ стихомъ опредѣляли взаимное отношеніе двухъ творцовъ новой русской цивилизаціи. Приблизительно въ такомъ же отношеніи находятся и два создателя новой русской литературы—Ломоносовъ и Карамзинъ Ломоносовъ приготовилъ тотъ матеріалъ, изъ котораго образуется литература, К. вдохнулъ въ него живую душу и сдѣлалъ печатное слово выразителемъ духовной жизни и отчасти руководителемъ русскаго общества. Бѣлинскій, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Карамзину, говоритъ, что имъ «началась новая эпоха русской литературы» (VIII, 132); но дальше въ той же знаменитой статьѣ своей онъ доказываетъ, что К. «создалъ русскую публику, которой до него не было», создалъ читателей; а такъ какъ безъ читателей литература немыслима, то смѣло можно сказать, что литература въ современномъ значеніи этого слова началась у насъ съ эпохи Карамзина и началась именно благодаря его хорошей подготовкѣ, любви къ дѣлу, энергіи, тонкому вкусу и незаурядному литературному таланту.

Но К. не былъ поэтомъ, такъ какъ онъ лишенъ творческой фантазіи; вкусъ его одностороненъ; а идеи, которыя проводилъ онъ, не отличаются большой глубиной и оригинальностью; великимъ своимъ значеніемъ онъ болѣе всего обязанъ своей дѣятельной любви къ литературѣ и такъ называемымъ гуманнымъ наукамъ.

Подготовка К. была чрезвычайно широка, но неправильна и лишена солидныхъ основъ; только его природныя способности и необыкновенное усердіе могли углубить ее. Живой, умный мальчикъ, унаслѣдовавшій отъ матери рѣдкую впечатлительность, онъ быстро выучивается грамотѣ у сельскаго дьячка (см. «Рыцарь нашего времени») и рано набрасывается на чтеніе романовъ, которые самъ онъ впослѣдствіи удачно называетъ «теплицей для юной души»; это чтеніе, занятіе музыкой, одиночество и другія случайныя обстоятельства (вліяніе

сентиментальной сосѣдки, выучившей его по-французски, чудесное спасеніе отъ смерти) развили природную впечатлительность до крайности; школа, повидимому, урегулировала ея проявленія значительно усилила его знаніе двухъ новыхъ языковъ и осмыслила его страсть къ чтенію и литературѣ Не въ примѣръ другимъ дворянамъ того времени, К. у Шадена близко познакомился съ нѣмецкой литературой, которая именно въ то время вступала въ свой классическій періодъ, и навсегда сохранилъ горячую любовь къ ней; но К. совсѣмъ не учился латыни и вообще «болѣе читалъ, чѣмъ учился» (Гротъ). Для книжнаго дѣла именно тогда наступала въ Москвѣ новая эра: въ началѣ 1779 г. сюда переѣхалъ Новиковъ и началъ свою обширную издательскую дѣятельность, которая во время пребыванія К. у Шадена была въ полномъ разгарѣ. Когда 17 лѣтній К. ѣдетъ служить въ Петербургъ, онъ и тамъ интересы литературные находитъ сравнительно на видномъ планѣ: недавно появились сказки Екатерины и прогремѣла «Фелица» Державина; на русской сценѣ идетъ веселый «Мельникъ» Аблесимова, и еще составляетъ новинку знаменитый «Недоросль». Охота К. къ литературнымъ занятіямъ при этихъ обстоятельствахъ должна была усилиться, но подготовка его была еще слишкомъ слаба: «единственнымъ произведеніемъ своимъ», изданнымъ въ это время, онъ «доказалъ только то, что не умѣлъ порядочно писать по русски» (Тихонравовъ). Покинувъ службу и услаждаясь успѣхомъ въ симбирскомъ обществѣ, К. не оставляетъ литературныхъ занятій и при первомъ же свиданіи съ своимъ другомъ Дмитріевымъ онъ спѣшитъ подѣлиться своими планами: цѣлыя ночи проводятъ пріятели за чтеніемъ (Погодинъ I, 22—3). Но дѣйствительно серьозная подготовка К. начинается съ его переселенія въ Москву, подъ покровительство Дружескаго Общества Новикова; здѣсь онъ работаетъ усиленно и пріобрѣтаетъ рѣдкую по своей широтѣ подготовку; здѣсь, подъ вліяніемъ умныхъ и восторженно преданныхъ своему дѣлу руководителей, слагаются всѣ основы его міровоззрѣнія, которыя онъ безъ существенныхъ перемѣнъ сохраняетъ до могилы: глубокое религіозное чувство, унаслѣдованное имъ еще отъ матери, закрѣпилось теперь окончательно; филантропическія стремленія, горячая, но мечтательная гуманность, платоническая любовь къ свободѣ, равенству и братству съ одной стороны и беззавѣтно-смиренное подчиненіе властямъ предержащимъ съ другой, патріотизмъ и преклоненіе передъ европейской культурой, высокое уваженіе къ просвѣщенію во всѣхъ его видахъ, особенно къ просвѣщенію массы народной, но при этомъ нерасположеніе къ галломаніи и реакція противъ скептически-холоднаго отношенія къ жизни и противъ насмѣшливаго невѣрія; даже стремленіе къ изученію памятниковъ родной старины, все это или заимствовано К-ымъ отъ Новикова и его товарищей, или укрѣплено ихъ воздѣйствіемъ. Примѣръ того же Новикова показалъ К—у, что и внѣ государственной службы можно съ огромной пользой служить своему отечеству и начерталъ для него программу его собственной жизни. Но Новиковъ—натура, болѣе искренняя и прямая, болѣе восторженная и альтруистическая и къ тому же болѣе самостоятельная: онъ болѣе дѣятель, чѣмъ писатель. Ка-
подготовленъ и образованъ и съ
ностью отмежевалъ себѣ сфе
ленія не могли встрѣтить
Москвѣ подъ вліяніемъ
каго поэта Ленца сло
представлявшіе кру
взглядами его ст
воззрѣнія Руссо
права сердца, к
всего требуе
(«Если сти
віи ко 2-ой
зани
р

даленными, несвойственными ему идеями: если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому: то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе, несмотря даже на многія счастливыя фразы, похоже на странное существо, описанное Гораціемъ»). Поэтому Гомеръ, Оссіанъ, Шекспиръ являются въ его глазахъ величайшими поэтами, а такъ называемая новоклассическая поэзія кажется ему холодною и не трогаетъ его души; даже простодушныя народныя пѣсни болѣе возбуждаютъ его симпатію. Въ Москвѣ же подъ высшимъ руководствомъ Друж. общ. К. снова выступаетъ на литературное поприще переводомъ Юлія Цезаря Шекспира, Лессинговой Эмиліи Галотти и изданіемъ «Дѣтскаго чтенія»; Шекспиръ для него великъ именно своей правдивостью и силой творчества; Лессингъ — задушевностью; Вольтеръ — только «знаменитый софистъ». Въ «Дѣтскомъ чтеніи» К. слѣдуетъ принципамъ той филантропической педагогики, которую ввелъ въ обиходъ «Эмиль» Руссо и которая вполнѣ совпадала со взглядами основателей Друж. Общ.: отсутствіе принужденія и страха, отсутствіе зубренія и тѣлесныхъ наказаній, развитіе чувства и сердца— вотъ ея основы. Въ это же время постепенно вырабатывается и его литературный языкъ, болѣе всего способствовавшій великой реформѣ: въ предисловіи къ Цезарю онъ еще пишетъ: «Духъ его парилъ, яко орелъ и не могъ паренія своего измѣрять», «великіе духи» (вм. геніи) и пр. Но Петровъ смѣялся надъ «долгосложно-протяжнопарящими» славянскими словами, а «Дѣтское чтеніе» самой цѣлью своей заставляло К—а писать языкомъ легкимъ и разговорнымъ и всячески избѣгать «славянщины» и латино-нѣмецкой конструкціи. Тогда же или вскорѣ послѣ отъѣзда К. начинаетъ испытывать свои силы въ стихотворствѣ; ему нелегко давалась рифма и въ стихахъ его совсѣмъ не было такъ называемаго паренія, но здѣсь слогъ его ясенъ и простъ, и онъ умѣлъ находить новыя для русской литературы темы и заимствовать у нѣмцевъ оригинальные и красивые размѣры (его «древняя гишпанская историческая пѣсня, графъ Гвариносъ», написанная въ 1789 г., первообразъ баллядъ Жуковскаго, а его «Осень» въ свое время поражала необыкновенной простотой и изяществомъ). Путешествіе К—а заграницу и явившіяся его результатомъ «Письма русскаго путешественника»— фактъ огромной важности въ исторіи русскаго просвѣщенія: въ первый разъ изъ Россіи поѣхалъ въ Европу по собственной инициативѣ молодой, но уже образованный дворянинъ не развлекаться, а доучиваться, и не съ утилитарной спеціальной цѣлію, а съ общечеловѣческой. О «Письмахъ» Буслаевъ говоритъ: «Многочисленные читатели ихъ по всѣмъ концамъ нашего отечества нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого русскаго путешественника, учась смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами». По вычисленію Галахова, въ письмахъ изъ Гер
іи и Швейцаріи извѣстія научно-литературнаго ха
тера занимаютъ четвертую часть; если изъ париж
ъ писемъ исключить науку, искусство и театръ
ется значительно менѣе половины. И эти научно-
ственныя письма прочла и чуть не наизусть вы
ся грамотная Россія! Можно ли сомнѣваться въ
омъ цивилизующемъ значеніи! К. говоритъ,
а писаны «какъ случалось, дорогою, на лос
карандашемъ»; а между тѣмъ оказалось, что
е мало литературныхъ заимствованій (см. напр.
овъ: гр. А. В. Ростопчинъ Отеч. Зап. 1854 г.
II стр. 6—8); стало быть, они написаны «въ
абинета», какъ помирить это противорѣчіе?
осрединѣ: значительную часть матеріала К

дѣйствительно набиралъ дорогою и записывалъ «на лоскуткахъ», но, имѣя въ виду публику, онъ обработывалъ его «въ тишинѣ кабинета». Къ счастію, К. исходилъ изъ убѣжденія, что чѣмъ меньше книжности и чѣмъ больше «натуры» и живости будетъ въ его рѣчи, тѣмъ лучше, и что было можно онъ оставлялъ такъ, какъ оно «вылилось изъ подъ пера» его. Но онъ зналъ цѣну своимъ Письмамъ и въ первомъ же объявленіи объ изданіи своего журнала обѣщаетъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Державина сообщить публикѣ, «что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, о чемъ думалъ и мечталъ» Русскій путешественникъ. Другое противорѣчіе существеннѣе: какимъ образомъ этотъ путешественникъ, пылкій другъ свободы, ученикъ Руссо, готовый упасть на колѣни передъ Фіеско, можетъ такъ презрительно отзываться о парижскихъ событіяхъ и не хочетъ въ нихъ видѣть ничего, кромѣ бунта, устроеннаго партіей «хищныхъ волковъ?» Объяснять ли это политической близорукостью К—а или цензурными условіями? Воспитанникъ Друж. Общ. не могъ относиться съ симпатіей къ открытому возстанію, но съ другой стороны и боязливая осторожность играла здѣсь немалую роль: извѣстно, какъ рѣзко измѣнила Екатерина свое отношеніе къ французской публицистикѣ и къ дѣятельности «Генеральныхъ Штатовъ» послѣ 14 іюля; у К—а самая тщательная обработка періодовъ въ письмѣ отъ апрѣля 1790 г., повидимому, свидѣтельствуетъ, что тирады въ восхваленіе стараго порядка во Франціи писаны на показъ. К. усердно работалъ заграницей (между прочимъ выучился (по-англійски), и почти полтора года работы на полной свободѣ далеко двинули его впередъ. Его любовь къ литературѣ укрѣпилась, и немедленно по возвращеніи на родину онъ дѣлается журналистомъ. Его «Московскій журналъ»—первый русскій литературный журналъ, дѣйствительно, доставлявшій удовольствіе своимъ читателямъ (его эпиграфъ изъ Попа: «Pleasure are ever in our hands or eyes»; по убѣжденію К—а, «назначеніе искусства—распространять пріятныя впечатлѣнія въ области чувствительнаго»); онъ прекрасно составленъ; въ немъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, «все соотвѣтствовало одно другому: выборъ пьесъ—ихъ слогу, оригинальныя пьесы – переводнымъ, современность и разнообразіе интересовъ умѣнью передать ихъ занимательно и живо» и т. д. Здѣсь были образцы и литературной и театральной критики, образцы для того времени превосходные: если не глубокіе по содержанію, за то красиво, общепонятно и въ высшей степени деликатно изложенные. Вообще К. сумѣлъ приспособить нашу словесность для лучшихъ, т. е. болѣе образованныхъ русскихъ людей и при томъ обоего пола: до тѣхъ поръ дамы не читали русскихъ журналовъ, и не могли читать ихъ. К. въ «Моск. журн.» (какъ и позднѣе въ «Вѣстн. Евр.») не имѣлъ сотрудниковъ въ современномъ значеніи этого слова: пріятели присылали ему свои стихотворенія и иногда очень цѣнныя (въ 1791 г. здѣсь появилось «Видѣніе Мурзы» Державина; въ 1792 г. «Модная жена» Дмитріева, знаменитая пѣсня «Стонетъ сизый голубочекъ» его же, пьесы Хераскова, Нелединскаго-Мелецкаго и пр.), но всѣ отдѣлы журнала онъ долженъ былъ наполнять самъ: это оказалось возможнымъ только потому, что К. изъ-за границы привезъ цѣлый портфель, наполненный переводами и подражаніями. Во-второй годъ въ «Моск. жур.» появляются двѣ повѣсти К—а: «Бѣдная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», служащія наиболѣе яркимъ выраженіемъ его сентиментализма; особенно большой успѣхъ имѣла первая: «Симоновъ монастырь сдѣлался любимымъ мѣстомъ для прогулки сентиментальныхъ и мечтательныхъ душъ... Стихотворцы славили автора или сочиняли элегіи къ праху «Бѣдной Лизы». А сколько слезъ было пролито при чтеніи повѣсти! Сколько подражаній ей написано!» (Галаховъ.); явились, конечно, и эпиграммы. Сентиментализмъ К—а исходитъ изъ его природныхъ наклонностей и условій его развитія, а также и изъ его симпатіи къ особой литературной школѣ, возникшей въ то время на западѣ. Въ «Бѣдной Лизѣ» авторъ откровенно заявляетъ, что онъ «любитъ тѣ предметы, которые трогаютъ сердце и заставляютъ проливать слезы тяжкой скорби». Такой «предметъ», до крайности несложный, кладетъ онъ въ основу своей повѣсти, дѣйствіе которой пріурочиваетъ къ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Въ повѣсти, кромѣ мѣстности, нѣтъ ничего русскаго; но неясное стремленіе публики имѣть поэзію, сближенную съ жизнью, пока довольствовалось и этимъ немногимъ; въ ней нѣтъ и характеровъ, но есть гуманное чувство; а главное—она всѣмъ тономъ разсказа трогала душу и приводила читателей въ то настроеніе, въ какомъ имъ представлялся авторъ; это—поэзія субъективная, въ противоположность объективной или наивной, уже несвойственной нашему времени. Теперь «Бѣдная Лиза» кажется и холодной и фальшивой, но по идеѣ это первое звено той цѣпи, которая черезъ романсъ Пушкина: «Подъ вечеръ осенью ненастной» тянется до «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» Достоевскаго; именно съ «Бѣдн. Лизой» русская литература принимаетъ то филантропическое направленіе, о которомъ говоритъ Кирѣевскій. И при К—ѣ и даже до него были люди, сильнѣе и яснѣе чувствовавшіе и проповѣдовавшіе добро и правду, но никто изъ нихъ не могъ пріобрѣсти себѣ такой громадной аудиторіи и не могъ найти столькихъ продолжателей и подражателей. Эти подражатели довели слезливый тонъ К—а до крайности, которой онъ вовсе не сочувствовалъ: уже въ 1797 г. (въ Предисловіи ко 2-ой кн. «Аонидъ») онъ совѣтуетъ «не говорить безпрестанно о слезахъ... сей способъ трогать очень не надеженъ». «Наталья, боярская дочь» важна, какъ первый опытъ сентиментальной идеализаціи нашего прошлаго, а въ исторіи развитія К—а, какъ первый слабый и робкій шагъ будущаго автора «Исторіи Госуд Росс.». «Моск. журн.» имѣлъ успѣхъ, по тому времени, весьма значительный (уже въ первый годъ у него было 300 «субскрибентовъ»; впослѣдствіи понадобилось второе его изданіе); но обширной извѣстности достигъ К. въ 1794 г., когда онъ собралъ изъ него всѣ статьи свои и перепечаталъ въ особомъ сборникѣ: «Мои бездѣлки» (2-ое изд. 1797, 3-е 1801 г.; въ томъ же 1794 г. К. издаетъ 1-й томъ сборника новыхъ своихъ и имъ редактированныхъ произведеній подъ названіемъ «Аглая», въ которомъ уже рѣшается обращаться къ «любезнымъ читательницамъ»). Съ этихъ поръ значеніе его, какъ литературнаго реформатора, уже вполнѣ ясно: немногочисленные любители словесности признаютъ его лучшимъ прозаикомъ, а большая публика одного его и читаетъ съ удовольствіемъ; даже его стихотворные опыты, въ которыхъ онъ является только подражателемъ Державина, пользуются большимъ успѣхомъ, а нѣкоторыя, какъ напр. «Веселый часъ» и пѣсня о Петрѣ Вел. проникаютъ во всѣ слои общества. Но въ Россіи въ то время всѣмъ мыслящимъ людямъ жилось такъ плохо, что, по выраженію К—а, «великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности» (Записка о др. и нов. Россіи); даже К. былъ предметомъ злыхъ доносовъ, отчаивался въ судьбахъ просвѣщенія, готовъ былъ покинуть литературу и искалъ душевнаго отдыха въ изученіи итальянскаго языка и въ чтеніи памятниковъ старины. Съ начала новаго царствованія К., оставаясь по прежнему литераторомъ, занялъ безпримѣрно высокое положеніе: онъ сталъ не только «пѣвцомъ Александра» въ томъ смыслѣ, какъ Державинъ былъ «пѣвцомъ Екатерины», но и явился вліятельнымъ публицистомъ, къ голосу котораго прислушивалось и правительство и общество. Его «Вѣстникъ Европы» такое же прекрасное для своего времени литературно-художественное изданіе, какъ «Моск. журн.», но вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій органъ умѣренно-либеральной партіи. Однако, и здѣсь К—у приходится работать почти исключительно въ одиночку, и чтобы его имя не пестрило въ глазахъ читателей, онъ принужденъ изобрѣтать массу псевдонимовъ. «Вѣстникъ Европы» заслуживаетъ свое названіе рядомъ статей о европей-

ской умственной и политической жизни и массой удачно выбранныхъ переводовъ: изъ Мармонтеля, г-жи Жанлисъ, Оссіана, Флоріана, г-жи Сталь, Авг. Лафонтена, Стерна, Бернардэна де С. Пьера, Коцебу, Мерсье. Шиллера, Бюффона и пр. и изъ англійскихъ и французскихъ повременныхъ изданій (К. выписалъ для редакціи 12 лучшихъ иностранныхъ журналовъ). Изъ художественныхъ произведеній К—а въ «Вѣстн. Евр.» важнѣй другихъ повѣсть—автобіографія: Рыцарь нашего времени, на которой между прочимъ замѣтно отражается вліяніе Жанъ Поля Рихтера, и знаменитая историческая повѣсть: «Марѳа Посадница». Въ руководящихъ статьяхъ журнала К. высказываетъ «пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» («В. Е.» XII, 314), раздѣляемые лучшей частью тогдашняго общества. Оказалось, что революція, грозившая поглотить цивилизацію и свободу, принесла имъ огромную пользу: теперь «государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону»: они «чувствуютъ важность союза» съ лучшими умами, уважаютъ общественное мнѣніе и стараются пріобрѣсти любовь народную уничтоженіемъ злоупотребленій. Спеціально для Россіи онъ желаетъ образованія для всѣхъ сословій: грамотности для народа прежде всего («учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія»); но затѣмъ онъ желаетъ, чтобы серднее сословіе читало какъ можно больше книгъ («о книжной торговлѣ»), мечтаетъ о проникновеніи науки въ общество высшее (у насъ, къ его сожалѣнію, свѣтскіе люди не ученые, а ученые не свѣтскіе; а онъ желаетъ, чтобы молодые дворяне стремились къ профессорскимъ каѳедрамъ). Вообще для К—а «просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія», подъ которымъ онъ разумѣетъ проявленіе въ частной и общественной жизни всѣхъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы и укрощеніе всѣхъ эгоистическихъ инстинктовъ. К. пользуется и формой повѣсти для проведенія своихъ идей въ общество: въ «Моей исповѣди» онъ обличаетъ нелѣпое свѣтское воспитаніе, которое даютъ нашей аристократіи, незаконныя милости, ей оказываемыя, и стремится показать, что результатомъ этого бываетъ такое нравственное паденіе человѣка, ниже котораго ничего нельзя себѣ представить. Въ «Анекдотѣ» онъ возстаетъ противъ стремленія огорченныхъ жизнью молодыхъ дворянъ къ монашеской кельѣ и вызываетъ всѣхъ къ дѣятельности на пользу общественную и т. д. Слабую сторону публицистической дѣятельности К—а составляетъ его отношеніе къ крѣпостному праву; онъ, какъ говоритъ Н. И. Тургеневъ, скользитъ по этому вопросу (въ «Письмѣ сельскаго жителя» онъ прямо высказывается противъ предоставленія крестьянамъ возможности вести свое хозяйство при тогдашнихъ условіяхъ). Отдѣлъ критики въ «Вѣстн. Евр.» почти не существуетъ, и К. теперь далеко не такого высокаго мнѣнія объ ней, какъ прежде: онъ считаетъ ее роскошью для нашей, еще бѣдной литературы. Вообще К. «Вѣстн. Евр.» не во всемъ совпадаетъ съ Русскимъ путешественникомъ: онъ далеко не такъ, какъ прежде благоговѣетъ передъ Западомъ, и находитъ, что и человѣку и народу не хорошо вѣчно оставаться въ положеніи ученика; придаетъ большое значеніе національному самосознанію и не будетъ съ увлеченіемъ доказывать, что «все народное ничто передъ человѣческимъ». Съ измѣненіемъ его взглядовъ въ эту сторону связаны ею занятія русской стариной и исторіей, для которой онъ и покидаетъ навсегда литературу въ 1803 г. Какъ разъ въ это же время А. С. Шишковъ начинаетъ противъ него и его сторонниковъ литературную войну, которая осмыслила и окончательно закрѣпила реформу К—а въ нашемъ языкѣ и отчасти въ самомъ направленіи русской словесности. К. въ юности признавалъ своимъ учителемъ въ литературномъ слогѣ Петрова, врага славянщины; въ 1801 г. онъ высказываетъ убѣжденіе, что только съ его времени въ русскомъ слогѣ замѣчается «пріятность, называемая французами élégance»; еще позднѣе (1803 г.) онъ такъ говоритъ о литературномъ слогѣ: «Русскій кандидатъ авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершенно узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-французски. Что же остается дѣлать автору? выдумывать, сочинять выраженія угадывать лучшій выборъ словъ» и т. д. Шишковъ согласенъ признать за новымъ слогомъ élégance только въ томъ случаѣ, если перевести ее словомъ чепуха и возстаетъ противъ всѣхъ нововведеній (при чемъ примѣры беретъ у неумѣлыхъ и крайнихъ подражателей К—а) и рѣзко отдѣляетъ литературный языкъ съ его сильнымъ славянскимъ элементомъ и тремя стилями отъ разговорнаго. К. не принялъ вызова, но за него вступили въ борьбу Макаровъ, Каченовскій и Дашковъ, которые и тѣснили Шишкова шагъ за шагомъ, несмотря на поддержку Россійской Академіи и на основаніе имъ въ помощь своему дѣлу «Бесѣды любителей Россійской словесности». Споръ можно считать оконченнымъ послѣ основанія знаменитаго литературнаго общества Арзамасъ и вступленія К—а въ Академію въ 1818 г., при чемъ въ своей вступительной рѣчи онъ высказалъ свѣтлую мысль, что «Слова не изобрѣтаются академіями; они рождаются вмѣстѣ съ мыслями». По Пушкину (V, 221) «К. освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова». Этотъ живой элементъ заключается въ краткости періодовъ, въ разговорной конструкціи и въ большомъ количествѣ новыхъ словъ, по возможности менѣе дѣланыхъ, хотя и бывшихъ когда-то варваризмами и неологизмами (таковъ: моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, катастрофа и пр. будущность, вліять на кого или на что, сосредоточить, трогательный, занимательный, промышленность и пр.). Работая надъ исторіей, К. созналъ хорошія стороны языка памятниковъ, и если въ первомъ томѣ не совсѣмъ удачно пользовался этимъ прекраснымъ матеріаломъ и лѣпилъ выраженія въ родѣ луна спасенія и пр. (см. Буслаевъ: О преподаваніи отеч. яз. 2-ое изд. стр. 237 и слѣд.), за то потомъ сумѣлъ ввести въ обиходъ много красивыхъ и сильныхъ архаизмовъ, въ родѣ смиренное платье, судить и рядить, взять на щитъ и пр. При собираніи матеріала для той же Исторіи. К. оказалъ огромную услугу изученію древней русской литературы; «о многихъ изъ древнихъ памятниковъ (нашей письменности) К—ымъ сказано первое слово: ни объ одномъ не сказано слова не кстати и безъ критики» (Срезневскій «Славяно-русская палеографія» «Ж. М. Н. Пр.» т. CCXIII отд. 2); Слово о Полку Игоревѣ, Поученіе Мономаха и множество другихъ литературныхъ произведеній древней Руси стали извѣстны большой публикѣ только благодаря Ист. Гос. Россійскаго. Въ 1811 г. К. былъ отвлеченъ отъ своего труда составленіемъ знаменитой записки «О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ» (изд. вмѣстѣ съ запиской о Польшѣ въ Берлинѣ у Шнейдера 1861 г.; въ 1870 г. въ Русск. Архивѣ ст. 2226 и слѣд.), которую панегиристы К—а считаютъ великимъ гражданскимъ подвигомъ, а другіе, вполнѣ компетентные судьи — крайнимъ проявленіемъ его «туманнаго фатализма», сильно склоняющагося къ обскурантизму. Еще бар. Корфъ (Жизнь Сперанскаго 1866 г.) говоритъ, что эта записка не есть изложеніе индивидуальныхъ мыслей К—а, но «искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя». Нельзя не замѣтить явнаго противорѣчія между многими положеніями записки и тѣми гуманными и либеральными мыслями, которыя высказывалъ К., напр., въ «Историч. похвальномъ словѣ Екатеринѣ» 1802) и др. какъ публицистическихъ, такъ и чисто литературныхъ своихъ произведеніяхъ, и противорѣчіе это необходимо отнести насчетъ «духа времени», которому слишкомъ легко подчинился К.: и въ западной Европѣ именно тогда многіе либералы дѣлаются рьяными охранителями основъ и го-

рачими сторонниками правъ національности передъ человѣчностью, и въ Россіи Силы Богатыревы и Устины Вѣниковы, (гр. Ростопчинъ) выражаютъ господствующее убѣжденіе, что «пора духу русскому пріосаниться». Записка, также какъ и поданное К—ымъ. въ 1819 г. Александру I: «Мнѣніе русскаго гражданина» о Польшѣ (напеч. въ 1862 г. въ книгѣ: Неизданныя сочиненія стр. 3 ср. Рус. Арх. 1869 г. ст. 303) свидѣтельствуютъ о значительной степени гражданскаго мужества автора, такъ какъ по своему рѣзкооткровенному тону должны были возбудить неудовольствіе государя; но смѣлость К—а не могла быть ему поставлена въ серьозную вину, такъ какъ, по замѣчанію Н. И. Тургенева, возраженія его основывались на его уваженіи къ абсолютной власти. Мнѣнія о результатахъ дѣятельности К—а сильно расходились при жизни его: сторонники его еще въ 1798—1800 гг. считали его великимъ писателемъ и помѣщали въ сборники рядомъ съ Ломоносовымъ и Державинымъ, а враги даже въ 1810 г. увѣряли, что онъ разливаетъ въ своихъ сочиненіяхъ «вольнодумческій и якобинскій ядъ» и явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе; эти мнѣнія не могутъ быть приведены къ единству и въ настоящее время. Пушкинъ признавалъ его великимъ писателемъ, благороднымъ патріотомъ, прекрасной душой, бралъ его себѣ въ примѣръ твердости по отношенію къ критикѣ; возмущался нападками на его исторію и холодностью статей по поводу его смерти. Гоголь говорилъ объ немъ въ 1846 г. «К. представляетъ, точно явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ, ничего не зарывъ въ землю, и на данныя ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять». Бѣлинскій же (I, 63) держится какъ разъ противоположнаго мнѣнія и доказываетъ, что К. сдѣлалъ меньше, чѣмъ могъ и т. д. Но огромное и благодѣтельное его вліяніе на развитіе русскаго языка и литературной формы единодушно признается всѣми.

Болѣе полными и исправными изданіями К—а до сихъ поръ считаются «Сочиненія» (изд. 4-ое въ въ 9 ч. 1834—5 гг.) и «Переводы» (изд. 3-ье 1835 г.): затѣмъ «Сочиненія» К. (изд. пятое, Смирдина, Спб. 1848, 3 т.). «Бѣдная Лиза» перепечатывалась много разъ; уже въ 1876 г. вышло у Прѣснова ея народное изд. по 15 коп. въ 12,000 экз.; въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина уже въ 1880 г. повѣсти К. выдержали два изданія. Также многочисленны переизданія избранныхъ мѣстъ изъ «Писемъ Русскаго Путешественника», которыя уже съ 1838 г. (изд. Моск. Унив., 2-ое изд. 1846) служили въ нашихъ среднихъ школахъ для переводовъ съ русск. на франц. и нѣмецкой. О К. см. Н. С. Тихонравовъ. «Четыре года изъ жизни К. 1785—88 гг.» («Русск. Вѣстн.», 1862 г. № 4). О борьбѣ карамзинистовъ и шишковистовъ М. Лонгинова «Совр.» 1857 г. №№ 3 и 5 (Замѣтки) Н. Лыжина: Альбомъ К—а «Лѣт. Русск. Лит. и Древн.» 1859 г., кн. 2, отд. 2, стр. 161. Стурдзы А. С. Воспоминанія о К—ѣ Москв. 1846 г., №№ 9 и 10. Галахова: Матеріалы для опред. лит. дѣят. К—а «Совр.» 1853 г. т. 37 и 42. Его-же: К., какъ оптимистъ «Отеч. Зап.» 1868 г., т. 116 № 1. Селина: К. «и его предшественники» (диссертація) Спб. 1847. Старченскаго: Жизнь К—а Спб. 1849. Письма К—а къ А. Ѳ. Малиновскому изд. Общ. люб. рос. слов. подъ ред. М. Н. Лонгинова въ 1860 г. Важнѣйшій изъ сборниковъ писемъ К—а къ И. И. Дмитріеву изд. Гротомъ и Пекарскимъ къ юбилею К—а въ 1866 г. Къ тому-же случаю изд. и книга М. П. Погодина: Н. М. К. по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. М. 1866 г. 2 тома. О другихъ (весьма многочисленныхъ) матеріалахъ, обзорахъ дѣятельности К—а и пр., появившихся къ юбилею см. А. Д. Галахова въ «Ж. М. Н. Пр.» 1867 г., № 1. См. также Сборникъ II-го отд. Имп. Ак. Н. 1867 г. № 10; Симбирскій юбилей Н. М. К—а. Симбирскъ 1867 г. Въ 1867 г. вышелъ франц. переводъ «Писемъ Русск. Путеш.» Порошина съ интереснымъ введеніемъ. Въ № 4 «Ж. М. Н. Пр.» за 1867 г. Гротъ помѣстилъ изслѣдованіе: «К. въ исторіи русск. лит. яз.» Литература о К—ѣ до 1883 г. собрана въ XLV т. «Зап. Имп. Ак. Наукъ» С. Пономаревымъ. Матеріалы, вышедшіе послѣ того. «Русск. Старина» 1884 г. т. XLIII, стр. 114; 1890 г. № 6, стр. 683; 1890 г. стр. 449. Въ «Русск. Архивъ» 1885 г. I, 299; 1886 г. ст. 653; 1886 г. ст. 1756; 1890 г., III, 367 и т. д. Изслѣдованія: Алексѣй Н. Веселовскій: Западное вліяніе въ русск. лит. «Вѣстн. Евр.» 1882 г. и въ отд. изд. стр. 103 и пр. А. Н. Пыпинъ: Обществ. движ. при Александрѣ I. 1885 г. стр. 183; его-же «Исторія русск. этнографіи» 1890 г., стр. 203 В. В. Сиповскій, Карамзинъ какъ авторъ «Писемъ рус. путешественника. Спб. 1899.

А. Кирпичниковъ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Въ первыхъ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву встрѣчаются довольно часто стихи, такъ сказать въ дополненіе и подтвержденіе сказанному въ прозѣ, и замѣтимъ мимоходомъ, по большей части бѣлые стихи. Въ молодости поэты новички обыкновенно увлекаются прелестью риѳмы, этой заманчивой игрушки. Впрочемъ, здѣсь можно отыскать разъясненіе и оцѣнку стихотворческаго дарованія К—а. Онъ былъ поэтъ по чувству, по краскамъ, и нерѣдко по содержанію стихотвореній своихъ; но не по внѣшней отдѣлкѣ. Стихотворецъ въ немъ, такъ сказать, не по силамъ поэту. Онъ самъ какъ будто сознавалъ это различіе: въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву говоритъ онъ: «прости, мой любезный поэтъ и стихотворецъ». Въ другѣ своемъ и, справедливо, признавалъ онъ и того и другого. Его же призваніе было иное:

Пой, Карамзинъ, и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ,

сказалъ ему Державинъ. У него былъ свой взглядъ на стихи. Помню, какъ онъ однажды вошелъ въ мою комнату и засталъ меня за чтеніемъ Бюргеровой баллады: «Des Pfarrers Tochter».

Онъ взялъ у меня книгу изъ рукъ и напалъ на куплетъ:

Er kam in Mantel und Kappe vermummt,
Er kam um die Mitternachtstunde.
Er schlich umgürtet mit Waffen und Wehr,
So leise, so lose, wie Nebel, einher
Und stillte mit Brocken die Hunde.

Прочитавъ это, сказалъ онъ: «Вотъ какъ надобно писать стихи.» Можно подумать, что онъ держался извѣстнаго выраженія: «c'est beau comme de la prose».

Онъ требовалъ, чтобы все сказано было въ обрѣзъ и съ буквальною точностью.

Онъ давалъ просторъ вымыслу и чувству; но не выраженію. Въ первой части Онѣгина особенно цѣнилъ онъ 35 строфу, въ которой описывается петербургское утро съ своимъ барабаннымъ боемъ, съ охтенкою, которая спѣшитъ съ кувшиномъ, съ нѣмецкимъ хлѣбникомъ, который «въ бумажномъ колпакѣ не разъ ужъ отворилъ свой васисдасъ». Онъ любилъ здѣсь и вѣрность картины и трезвую вѣрность выраженія. Изъ Державина повторялъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ то мѣсто въ «Видѣніи Мурзы», въ которомъ поэтъ говоритъ, что луна

Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Часто вспоминалъ онъ слѣдующіе стихи Хераскова

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я монарха Александра
На старости моей пою.

Онъ даже въ Сумароковѣ отыскалъ стихъ, который нравился ему точностью выраженія.

Въ немъ не было лиризма. Въ прозѣ его, напротивъ, много движенія и музыкальной пѣвучести. Самыя рифмы ему какъ-то неохотно поддавались:

Чиновъ и риѳмъ онъ не искалъ,
Но риѳмы и чины къ нему летѣли сами,

сказалъ онъ о Дмитріевѣ, и могъ завидовать въ другѣ своемъ если не послѣднимъ, о которыхъ онъ не заботился, то первымъ, которыя отъ него будто прятались. Было время, что онъ вовсе охолодѣлъ къ поэзіи, или по крайней мѣрѣ къ выраженію ея стихами; а именно въ первые годы его историческаго труда. Мнѣ очень памятно это время. Я тогда утаивалъ отъ него стихи свои, какъ мальчишка утаиваетъ проказы отъ строгаго дядьки: такъ сильно напугалъ онъ меня своею холодностью и часто повторяемымъ приговоромъ, что нѣтъ никого болѣе жалкаго и смѣшнѣе посредственнаго стихотворца. Только гораздо позднѣе, какъ видимъ изъ писемъ его къ Дмитріеву, онъ умилялся даже и предъ упорствомъ ничѣмъ и никѣмъ невозмутимаго графа Хвостова. Тутъ и на мою долю выпалъ лучшій жребій. Какъ-то случайно прочитавъ какіе-то мои стихи, сказалъ онъ мнѣ: «теперь не стану отговаривать васъ отъ стихотворства». Это разрѣшеніе было для меня самою лестною похвалою. О ней отрадно вспомнить мнѣ и нынѣ. Благодарное чувство мое да будетъ оправданіемъ моему случайному самохваленію.

Если въ послѣдніе годы жизни онъ опять нѣсколько теплѣе обратился къ стихамъ, то не мудрено найти тому причину въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ пребываніе свое въ Царскомъ Селѣ онъ узналъ Пушкина, тогдашняго питомца лицея, полюбилъ онъ его родительскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и строгою любовью. Развивающееся передъ глазами его дарованіе могло пробудить охолодѣвшее сочувствіе. По выраженію Дмитріева, онъ угадывалъ, и вѣрнымъ своимъ взглядомъ угадалъ безошибочно

Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Въ одно и то же время онъ пріязненнѣе и тѣснѣе сблизился и съ Жуковскимъ, котораго также любилъ онъ горячо и нѣжно, какъ младшаго брата. Жуковскій и Пушкинъ должны были примирить его съ поэзіей, разумѣется, повторю опять, съ тою, которая выработывается стихами, потому что къ душевной поэзіи, къ поэзіи мысли и чувства, онъ никогда не остывалъ. Говоря о поэтическомъ дарованіи Карамзина, постараемся прослѣдить и оцѣнить достоинство стихотвореній его. Что ни говори, и какъ о нихъ ни суди, но въ свою пору были они не безъ значенія и не безъ самобытнаго достоинства. Припомнимъ настроеніе лиръ Петрова, Хераскова, Державина, не говоря уже о ихъ многочисленныхъ и второстепенныхъ подражателяхъ. Вспомнимъ ихъ часто напряженный, надутый стихъ, совершенную, за исключеніемъ Державина, отвлеченность и безличность нашей поэзіи до появленія Карамзина. Съ нимъ родилась у насъ поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній: словомъ сказать, поэзія внутренняя, задушевная. Въ ней впервые отразилась не одна внѣшняя обстановка, но въ сердечной исповѣди сказалось, что сердце чувствуетъ, любитъ, таитъ и питаетъ въ себѣ. Изъ этого пока еще, согласенъ я, довольно скромнаго родника, пролились и прозвучали позднѣе обильные потоки, которыми Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ оплодотворили нашу поэтическую почву. Любуясь величавою Волгою, воспѣтою питомцами ея Карамзинымъ и Дмитріевымъ въ Симбирскѣ, почтимъ ее признательнымъ привѣтомъ и тамъ, гдѣ она еще, такъ сказать въ младенчествѣ, струится тихо и смиренно. Если въ Карамзинѣ можно замѣтить нѣкоторый недостатокъ въ блестящихъ свойствахъ счастливаго стихотворца, то онъ имѣлъ чувство и сознаніе новыхъ поэтическихъ формъ. Преобразователь языка нашего, онъ не былъ рабски приписанъ къ ямбу и другимъ узаконеннымъ стопосложеніямъ. Онъ первый и въ стихотворный нашъ языкъ ввелъ новые пріемы и сообраэженія. Попытки его были удачны. Укажемъ на стихи къ Дмитріеву:

Многіе Барды лиру настроивъ, и проч.

на «Кладбище»; на стихотвореніе «Къ прекрасной»:

Гдѣ ты, прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный?

Нельзя мимоходомъ не полюбоваться красотою сего живописнаго стиха:

Гласъ твой божественный часто внимаю,
Часто сквозь облако образъ твой вижу,
Руки къ нему простираю,
Облако, воздухъ объемлю.

Въ этомъ стихотвореніи есть и свѣжесть древности, и предвѣстье оттѣнковъ и созвучій, которые позднѣе обозначатъ новѣйшую поэзію.

Въ стихотвореніи «Осень» встрѣчаются тоже предчувствіе, тѣ же первоначальныя ноты, пробные, вступительные напѣвы, которые далѣе и далѣе, глубже и глубже разольются и будутъ господствовать въ поэзіи. Новѣйшая критика, проблематическая критика какихъ-то кабалистическихъ сороковыхъ годовъ, о которыхъ проповѣдуютъ намъ послушники новаго раскола[1]), совершенно исключила имя Карамзина изъ списка поэтовъ нашихъ. Въ предположеніи, что многимъ будутъ новы старыя пѣснопѣнія, позволю себѣ представить нѣсколько куплетовъ и изъ «Осени»:

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

* * *

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

* * *

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

* * *

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

* * *

Странникъ печальный, утѣшься.
Вянетъ природа
Только на малое время:
Все оживится,

* * *

Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.

* * *

Смертный, ахъ вянетъ на вѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

Читая эти стихи, можно ли догадаться, что они написаны за 80 лѣтъ тому назадъ. Не сдается ли, что они писаны вчера и что найдешь подъ ними подпись Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго. Тутъ все вѣрно: краски, точность выраженія и музыкальный ритмъ. Въ философическихъ стихотвореніяхъ Карамзинъ также заговорилъ новымъ и образцовымъ язы-

[1]) Выходка противъ Бѣлинскаго, котораго Вяземскій страшно ненавидѣлъ.

С. В.

мъ. Въ нихъ свободно выражается мысль. Прочтите, примѣръ, посланія его къ *Дмитріеву* и *Плещееву*.
Вотъ какъ кончается первое изъ двухъ:

Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу [1])
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ.... но мы еще не зримъ.

Здѣсь опять не слышится ли Жуковскій съ своею *нею далью* и съ своимъ нѣсколько мистическимъ наавленіемъ?

Кстати, упомянувъ о Жуковскомъ, не забудемъ затить, что первыя Русскія баллады и *Романцеро* іли: «Раиса» и «Графъ Гвариносъ». А «Раиса», какъ доначальница многочисленнаго потомства, дала слуйно и пророчески имя и старшей изъ балладъ Жуовскаго:

Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой,

ворить она предъ тѣмъ, чтобы броситься въ море.
Какъ много чувства и прелести въ стихотвореніи Берегъ»:

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти

* * *

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ея на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна:
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

* * *

Есть ли жъ взоромъ открываютъ
На брегу друзей родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.

* * *

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

* * *

Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!...
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Судя по приведеннымъ отрывкамъ, не правда ли, о наши дѣды и отцы, и мы сами въ молодости своей, е слишкомъ грѣшили предъ вкусомъ и поэзіей, читая перечитывая подобныя стихотворенія и затверживая къ наизусть? Чтобы еще лучше понять наши впечатѣнія, вспомните, что Карамзинъ явился въ самый загаръ поэзіи Державина. Поэзія Державина была аркій лѣтній полдень. Все сіяло, все горѣло яркимъ іескомъ. Много было очарованія для воображенія и лазъ; но сердце оставалось въ сторонѣ. Съ Карамзимъ наступила поэзія лѣтняго сумрака. И здѣсь, къ при ясномъ закатѣ дня, тихая нѣга, свѣжее блауханіе, тѣ же умѣренныя краски въ картинахъ. Поэя утратила свой рѣзкій и ослѣпительный блескъ: ь ней есть что-то болѣе успокоивающее и чарующее лаза миловидными и разнообразными оттѣнками. Одимъ словомъ, меланхолія была до Карамзина чужда усской поэзіи. А что ни говори новѣйшіе реалисты, какъ ни блистательны нѣкоторыя ихъ попытки, меанхолія есть одна изъ принадлежностей поэзіи, поому что она одна изъ природныхъ принадлежностей уши человѣческой.

Повторяя эти стихи, которыя мнѣ одному, а можетъ ыть еще двумъ-тремъ человѣкамъ въ Россіи, памятны, невольно призадумаешься. Невольно спрашиваешь себя: отчего у Русскихъ память такъ коротка? отчего зрѣніе наше, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, такъ устроено, что глаза наши видятъ только то, что у насъ подъ рукою, а не имѣютъ способности заглядывать ни въ обратную, ни въ предстоящую даль? Мы не умѣемъ ни помнить, ни ожидать.

«У насъ ничего общаго съ новымъ поколѣніемъ быть не можетъ»—говорилъ мнѣ однажды покойный Клементій Россетъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и неожиданною оригинальностью своихъ выходокъ. — «Кого ни спросишь, никто не знаетъ пѣсни:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ.

«А въ наше время всѣ знали ее наизусть».

Въ этой шуткѣ много и ко многому примѣнимой истины. Вотъ намекъ на отношенія наши къ минувшему. А вотъ намекъ на отношенія къ будущему. Однажды видѣлъ я въ саду, какъ садовникъ срывалъ вишни съ дерева. Я замѣтилъ ему, что онъ срываетъ зеленую вишню. «Ничего»,— отвѣчалъ онъ мнѣ,—«другая и спѣлая».

Мы не способны осаждать вопросъ по стратегическимъ правиламъ и порядку, и выжидать, чтобы онъ сдался. Мы все беремъ приступомъ. Удалось: хорошо! не удалось: мы къ вопросу холодѣемъ. Намъ равно противны и долгая память, и долгое желаніе. Отказываясь отъ опытности, которая слѣдуетъ завчера, мы мало разсчитываемъ и на содѣйствіе завтрашняго дня. День мой— вѣкъ мой: вотъ наша коренная пословица и нашъ народный лозунгъ. Съ нимъ можемъ иногда претерпѣвать пораженія; но съ нимъ и одерживали мы на всѣхъ поприщахъ блестящія и многознаменательныя побѣды.

Въ нашемъ частномъ и народномъ воспитаніи ощутительна важная погрѣшимость, и именно все болѣе и болѣе послѣдовательный разрывъ съ прошедшимъ. Намъ оно какъ будто въ тягость или въ стыдъ. Многіе видятъ въ этомъ хроническомъ недугѣ слѣдствіе крутаго перелома, совершеннаго рукою Петра. Оно отчасти такъ, но отчасти и не такъ. Петръ Великій, можетъ быть, съ разу и совершилъ переломъ, потому что онъ былъ преимущественно Русскій по духу и по природѣ своей, и потому что онъ зналъ свой народъ. Онъ зналъ, что съ нимъ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя. Для Русскаго долгій ящикъ тотъ же гробъ. Нѣтъ, не реформа Петра Великаго отучила насъ отъ чтенія Русскихъ книгъ. Ломоносовъ и писатели, за нимъ послѣдовавшіе, были истинными сынами Петровской реформы. Но что же? теперь и ихъ не знаютъ. Развѣ только въ училищахъ ведутъ имъ для порядка счетъ по пальцамъ, какъ Ассирійскимъ царямъ. Реформа, которая низвергла наши старые авторитеты въ литературѣ, не есть слѣдствіе Петровской. Приписывать ей такое происхожденіе было бы для нея слишкомъ почетно и лестно. Она даже не произведена литературными властями, а скорѣе Пушкинскими литературными самозванцами.

Во Франціи переворотъ или общій *низворотъ* 1789 и слѣдующихъ годовъ былъ еще круче и разрушительнѣе. Но тамъ, когда умы успокоились и отрезвились, когда буря утихла, нравы, обычаи и литературные авторитеты всплыли почти невредимо, встревоженныя волны улеглись въ прежнее свое ложе. Старая литература сохранила свою законную власть. Были послѣ попытки, оказывались новыя направленія, затѣвались разныя литературныя революціи; но и понынѣ Расинъ еще не забытъ. Франція посреди тревожной дѣятельности находитъ время читать своихъ новыхъ авторовъ и перечитывать старыхъ. Ихъ изучаютъ, судятъ, преподаютъ молодымъ поколѣніямъ. У насъ не только въ обществѣ, но и въ школахъ книги, подобно календарямъ, держатся только на извѣстный срокъ. Для насъ уже старъ

И календарь осьмаго года,

отмѣченный Пушкинымъ въ Онѣгинѣ.

[1]) Смерть, по древнему греческому вымыслу.

Всему этому есть многія причины: укажемъ на одну: на высокомѣріе наше, хотя мы и любимъ прославлять свое русское смиреніе. Мы такъ привыкли къ чинамъ, что и въ поколѣніяхъ нашихъ идетъ служебное производство. Молодежь ставитъ себя выше отцовъ, потому что она попала въ высшій разрядъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новое поколѣніе пользуется выгодами и преимуществами, до которыхъ отцы не дослужились. Сіи преимущества, сіи завоеванія и побѣды времени, конечно, обращаются ему въ пользу: но они не могутъ быть признаны достоинствами каждаго лица въ отдѣльности. Благодарите за нихъ Провидѣніе, но не гордитесь ими въ униженіе предковъ. Нашъ вѣкъ изобрѣлъ желѣзныя дороги и паровозы. Прекрасно! но изъ этого слѣдуетъ ли, что каждый человѣкъ, который спокойно сядется въ вагонъ и перелетаетъ въ нѣсколько часовъ обширное пространство, умнѣе того, который то же пространство переѣзжалъ въ старину на долгихъ и въ неуклюжей бричкѣ, издерживая на этотъ переѣздъ нѣсколько сутокъ?

Какъ мало у насъ авторовъ и книгъ, а мы еще пренебрегаемъ и тѣмъ, что имѣемъ. Литература первой четверти вѣка нашего для многихъ уже не существуетъ. Любопытство и вниманіе наше возбуждаются одними текущими произведеніями. Книга хороша, пока листы ея отзываются свѣжестью и сыростью бумаги, только что вышедшей изъ подъ печатнаго станка. Успѣетъ она высохнуть, книга уже откладывается въ сторону.

Въ отношеніи къ минувшему, зрѣніе наше все болѣе и болѣе тупѣетъ. Карамзина и Дмитріева видятъ уже немногіе. Едва разглядываютъ самого Пушкина. Завтра глазъ и до него не доберется. За каждымъ шагомъ нашимъ впередъ оставляемъ мы за собою пустыню, тьму кромѣшную, тьму Египетскую да и только..

Кн. П. А. Вяземскій.

1867 г.

IV.

Карамзинъ и Жуковскій.

Меланхолическій складъ поэзіи былъ во время Жуковскаго господствующимъ; онъ былъ присущъ многимъ писателямъ этой эпохи, съ тою только разницею, что у послѣднихъ онъ выражался слабѣе, у Жуковскаго— сильнѣе и даже, можно сказать, съ нѣкоторою односторонностію. Не останавливаясь на сходствѣ въ этомъ отношеніи Жуковскаго съ другими современными ему писателями, — мы возьмемъ для сравненія одного Карамзина—какъ главнаго представителя сентиментальнаго направленія; и если оно намъ не такъ рѣзко бросается въ глаза, какъ у Жуковскаго, то исключительно потому, что у него эти мотивы сильно заслоняются другими. Общее настроеніе Жуковскаго, насколько оно успѣло выразиться въ первыхъ произведеніяхъ, можно прежде всего обозначить терминомъ «идиллическаго». Жуковскій съ особенной охотой воспѣвалъ мирную сельскую жизнь. Господствующій образъ въ его раннихъ произведеніяхъ — образъ сельскаго жителя, честнаго, невиннаго, довольнаго немногимъ, созерцающаго красоты природы, прославляющаго ея Творца.

Этотъ же образъ является господствующимъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Жуковскаго съ одною лишь новою чертою: мирный селянинъ является въ видѣ *пѣвца*. Такого рода идиллизмъ, вкусъ къ идеализаціи природы сельскаго быта и пр. былъ и у Карамзина. Припомнимъ, напримѣръ, его «Письма русскаго путешественника», особенно то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ природу Швейцаріи, и припомнимъ описаніе свадьбы одного тамошняго селянина, на которой Карамзинъ самъ присутствовалъ. Сельская природа и жизнь поселянъ и у него представляются въ идеализированномъ видѣ. Припомнимъ далѣе другое произведеніе его «Разговоръ о счастіи». Въ этомъ произведеніи ставится вопросъ, при какомъ положеніи всего удобнѣе достигается счастіе, и рѣшается совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ рѣшается у Жуковскаго: Положеніе независимаго земледѣльца болѣе всѣхъ другихъ положеній подходитъ для осуществленія идеала счастья.

Будемъ слѣдить далѣе за сходствомъ нашихъ писателей; оба они жили въ такое время, когда ихъ идиллическое настроеніе должно было подвергаться большимъ испытаніямъ.. Ихъ время—XVIII вѣкъ — было временемъ далеко не удобнымъ для чистой идилліи; это было время страшныхъ кровавыхъ событій. Они видѣли, что хотя счастіе и возможно, но люди не пользуются имъ: они принуждены драться, они проливаютъ кровь другъ за друга. Какое же тутъ счастье? И вотъ въ силу этого, какъ Жуковскій, такъ и Карамзинъ одинаково выступаютъ предъ нами, какъ пѣвцы мира, они прославляютъ миръ и порицаютъ войну. Мы знакомы съ стихотвореніемъ Жуковскаго «Миръ», съ его прозаической статьей «Миръ и война». У Карамзина той же темѣ посвящены стихотворенія: «Военная пѣснь» и «Пѣснь мира», «Весеннее чувство». Первое изъ этихъ стихотвореній, относящееся къ 1789 году, заканчивается слѣдующей строфой:

«Губи! Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца,
Ты ближнихъ братій погубилъ».

Стихотвореніе «Пѣснь мира» начинается такъ:

«Мужъ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край
И отъ горныхъ странъ эфира
Въ тьму износитъ свѣтлый рай».

Вообще, все это стихотвореніе представляетъ прославленіе мира, благъ, которыя соединяются съ нимъ.

Наконецъ, въ стихотвореніи «Весеннее чувство» авторъ, изобразивъ въ началѣ картину благотворнаго, какъ бы умиротворяющаго дѣйствія весны на всю природу, подъ вліяніемъ котораго даже

И левъ среди песковъ сыпучихъ
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ природой заключилъ,

далѣе говоритъ:

Но что дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный
Своею злобой нарушить?..
Безсмертный человѣкъ!.. созданный--
Собой натуру украшать.
. . . .
Когда природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ;
Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко счастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душою, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей.

Выше мы назвали общее настроеніе Жуковскаго идиллическимъ. Но на самомъ дѣлѣ оно не было чисто идиллическимъ. Точнѣе настроеніе его можно назвать *идиллически меланхолическимъ*. Тѣ же кровавыя событія, которыми было обильно время Жуковскаго и которыя заставили какъ его, такъ и Карамзина, выступить пѣвцами мира, естественно должны были придать его идиллизму черту меланхоліи. Въ виду этихъ событій онъ долженъ былъ придти къ убѣжденію, что счастіе, хотя и возможно, но достижимо только при условіи, если люди станутъ лучше. У Жуковскаго это меланхолическое настроеніе выразилось, напримѣръ, въ томъ, что онъ главному, господствующему образу своихъ произведеній, образу сельскаго жителя-пѣвца придалъ, какъ мы видѣли, и черту меланхоліи:

«И меланхолія печать была на немъ»—говоритъ онъ про юношу-пѣвца въ «Сельскомъ кладбищѣ»! Въ другомъ своемъ произведеніи, именно въ стихахъ на день своего рожденія, онъ усвоиваетъ эту черту и прямо себѣ. Этотъ любимый Жуковскимъ образъ идиллически-меланхолическаго человѣка мы встрѣчаемъ и у Карамзина; и онъ, если изображаетъ какой-нибудь образъ чертами сочувственными, то непремѣнно надѣляетъ его чертой меланхоліи. Такъ, любимому его образу Ліодора онъ придаетъ, между прочимъ, и эту черту: «не смотря на веселый тонъ его обхожденія, не смотря на его пріятныя улыбки, мрачная меланхолія глубоко въ немъ вкоренилась». Далѣе, въ повѣсти «Рыцарь нашего времени», самое названіе которой указываетъ на сочувствіе автора къ главному лицу, — это лицо также отличается чертой меланхоліи: «онъ любилъ грустить, не зная о чемъ. Бѣдный!... Ранняя склонность къ меланхоліи не есть ли предчувствіе житейскихъ горестей?... Голубые глаза Леоновы сіяли сквозь какой-то флеръ, прозрачную завѣсу чувствительности» (изд. 4, т. 9, стр. 27).

Итакъ, мы видимъ, что эти образы, эти типы—нечто иное, какъ двойники того задумчиваго пѣвца, который такъ часто выступаетъ передъ нами въ произведеніяхъ Жуковскаго.

Меланхолическое настроеніе Жуковскаго выразилось далѣе въ томъ, что главною мыслью, основнымъ мотивомъ многихъ изъ его произведеній являлась дума о смерти, при чемъ смерть никогда не представлялась ему чѣмъ-то страшнымъ, а напротивъ,—лучшей, отрадной минутой жизни, за которой наступаетъ вѣчная и блаженная жизнь «тамъ». Онъ, можно сказать, былъ *«пѣвцомъ прелести смерти»*. Обращаясь къ Карамзину, мы и у него находимъ цѣлый рядъ произведеній, гдѣ повторяются тѣ же самые мотивы. Таково, напримѣръ, стихотвореніе «Кладбище» (1793), гдѣ выводятся два голоса—одинъ высказывается противъ смерти, другой за.

Начинается это стихотвореніе такъ:

Одинъ голосъ:
Страшно въ могилѣ, холодной и тайной!
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

Другой голосъ Тихо въ могилѣ, мягкой, спокойной.
Вѣтры здѣсь вѣютъ, спящимъ прохладно;
Травки, цвѣточки растутъ.

Въ этомъ духѣ продолжается все стихотвореніе и оканчивается слѣдующими строфами:

Первый: Странникъ усталый боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.

Второй: Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ остается на вѣкъ.

Та же мысль высказывается въ другомъ стихотвореніи Карамзина «Берегъ» (1803 г.):

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Въ «Посланіи къ Дмитріеву» (1793) также читаемъ, между прочимъ, слѣдующіе стихи:

Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу,
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ, тамъ за синимъ океаномъ
Вдали, въ мерцаніи багряномъ
Онъ зритъ,... но мы еще не зримъ.

Наконецъ, мысль о смерти, какъ о благѣ, мы находимъ у Карамзина и въ одномъ прозаическомъ произведеніи его, именно въ «письмѣ Филалета къ Мелодору» (1794 г.). Во всемъ письмѣ Филалетъ старается утѣшить своего разочарованнаго жизнью друга такимъ утѣшеніемъ: «Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить въ семъ мірѣ. Ударитъ часъ и все перемѣнится! Съ любовію къ добродѣтели, которая была, есть и будетъ вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихою землею!...

Тамъ — тамъ за синимъ океаномъ
Вдали, въ мерцаніи багряномъ

Тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ земныхъ трудениковъ.» (Изд., 4, т. V, стр. 103).

У Жуковскаго, какъ мы видѣли, мысль о смерти тѣсно связана съ мыслью о добродѣтели. Только для человѣка добродѣтельнаго смерть не представляетъ ничего страшнаго, не представляетъ собою зла, а напротивъ — благо. Отсюда у него постоянное воспѣваніе добродѣтели. То же самое и у Карамзина: воспѣваніе добродѣтели такая же общая черта его, какъ и мысль смерти. Такъ, въ только что названномъ стихотворномъ посланіи къ Дмитріеву, Карамзинъ говоритъ, что только тотъ, въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна, съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ златую Фебову стрѣлу.

Въ прозаической статьѣ его: «Что нужно автору?» (1793), мы читаемъ между прочимъ: «есть ли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру, можетъ питать въ себѣ святое никакими средствами неограниченное желаніе всеобщаго блага, тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ... и ты не будешь безполезнымъ писателемъ» (ibid т. VII, стр. 14).

У Жуковскаго подъ вліяніемъ опытовъ жизни мысль о смерти и безсмертіи получила особый колоритъ, особый оттѣнокъ: это загадочное «тамъ» представлялось ему привлекательнымъ, потому что оно было для него страною свиданія съ дорогими его сердцу людьми. И въ этомъ отношеніи мы находимъ опять сходство между Жуковскимъ и Карамзинымъ — что можно объяснить отчасти и тѣмъ, что въ самой жизни этихъ писателей были нѣкоторые общіе сходные пункты, которые, естественно, должны были и одинаково повліять на нихъ. Жуковскій, какъ извѣстно, рано лишился своего искренняго друга Тургенева; эта то потеря и дала ему толчекъ къ идеализаціи дружбы, къ перенесенію ея въ загробный міръ, въ загадочное «тамъ». Карамзинъ также рано лишился одного изъ самыхъ близкихъ друзей. — Петрова, имѣвшаго на него большое вліяніе, — и вотъ поэтому то и у него мы встрѣчаемся съ той же идеализаціей дружбы.

Въ извѣстномъ произведеніи своемъ, написанномъ на смерть упомянутаго Петрова — «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» (1793 г.), онъ писалъ: «Дражайшій Агатонъ! рука времени не загладитъ образа твоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду вспоминать о незабвенномъ другѣ: ибо память твоя впечатлѣлась въ существо души моей и сливалась съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро разцвѣтетъ пространный садъ натуры, скоро птички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулять туда, гдѣ гулялъ съ тобой; сяду на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ съ тобою и подъ шумомъ весеннихъ водопадовъ пролью сладкія слезы. Тамъ, видя радостное обновленіе природы, буду воображать тебя обновленнаго въ таинственныхъ жилищахъ вѣчности, которыя стали мнѣ извѣстные съ того времени, какъ ты въ оныя переселился, — въ жилищахъ, гдѣ непремѣнная весна царствуетъ и алѣютъ цвѣты неувядаемые, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вздоховъ, гдѣ мудрые древности, какъ нѣжные братья, бесѣдуютъ съ тобою, и гдѣ нѣкогда встрѣтишь ты и меня съ ангельскою улыбкою небесной дружбы». (Изд. 4. 1834 г., т. 7, стр. 11—12).

Далѣе мы знаемъ, что Жуковскій кромѣ разочарованія въ дружбѣ вынесъ изъ жизни еще на первыхъ порахъ разочарованіе въ любви: ему не пришлось раздѣлить счастья съ той, которую онъ полюбилъ. Отсюда

у него такая же идеализація любви, какъ и дружбы,— перенесеніе ея въ загадочный, загробный міръ. У Карамзина не было подобнаго разочарованія, тѣмъ не менѣе мысль о загробномъ союзѣ двухъ любящихъ сердецъ, разлученныхъ на землѣ, встрѣчается и въ его произведеніяхъ. Припомнимъ уже приведенный нами отрывокъ изъ его стихотворенія «Берегъ»:

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной!
Вижу, вижу...... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!...
Тѣни милыя! Храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!...

Но особенно характерна въ этомъ отношеніи его прозаическая статья «Мысли о любви» (1797 г.): «Вы любите другъ друга — слѣдовательно, благословеніе неба надъ вами, вы супруги — и ничто не должно васъ останавливать... Но земля, непокорная законамъ неба, растворяется иногда между вами, и глубокія пропасти васъ разлучаютъ. — Минуйте ихъ! или погибните вмѣстѣ. Праведный и милосердный Богъ открываетъ вамъ свое отеческое лоно — вамъ любезнѣйшимъ изъ его чадъ, потому что вы умѣли любить — и тамъ среди небесныхъ духовъ ваше счастіе не будетъ имѣть конца и ваша любовь будетъ вѣчна».

Такимъ образомъ, вся совокупность образовъ, мыслей, мотивовъ, любимыхъ Жуковскимъ, встрѣчается и у Карамзина. Какъ же объяснить это? Во первыхъ, по нашему мнѣнію, это должно быть объяснено непосредственнымъ вліяніемъ послѣдняго на перваго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вліяніе такъ замѣтно, что въ немъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Напримѣръ, Жуковскій любитъ тѣ же имена, къ которымъ часто прибѣгаетъ Карамзинъ. У послѣдняго извѣстный разговоръ о счастіи ведется двумя лицами — друзьями — Филалетомъ (который есть самъ авторъ) и Мелодоромъ, — Жуковскій — своего друга Тургенева также называетъ Филалетомъ. — Далѣе, въ самомъ стилѣ, въ стихотворныхъ размѣрахъ Жуковскій подражалъ Карамзину. — Послѣдній, какъ извѣстно, между прочимъ ввелъ у насъ особый стихотворный размѣръ, представляющій сочетаніе хорея съ дактилемъ (размѣръ очень приторный и вовсе не подходящій для передачи народныхъ преданій): этимъ размѣромъ онъ начинаетъ «Илью Муромца» (произведеніе не оконченное).

Жуковскій этимъ размѣромъ перевелъ «Донъ-Кихота».

Вліяніе Карамзина на Жуковскаго будетъ вполнѣ понятно для насъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что, когда послѣдній только еще выступалъ на литературное поприще, Карамзинъ уже стоялъ на высотѣ своей славы. Подчиниться вліянію такого литературнаго авторитета для молодого, начинающаго писателя было вполнѣ естественно. А затѣмъ это вліяніе укрѣпилось, благодаря ихъ личному знакомству.

Изъ біографіи Жуковскаго извѣстно, что въ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ онъ воспитывался, происходили литературныя чтенія. На этихъ чтеніяхъ бывалъ и Карамзинъ, — тутъ-то и могло начаться вліяніе его на молодого Жуковскаго. Скоро затѣмъ, Жуковскій черезъ семейство Тургеневыхъ лично познакомился съ Карамзинымъ и по окончаніи курса нерѣдко посѣщалъ его, а разъ даже провелъ у него цѣлое лѣто. Карамзинъ скоро оцѣнилъ поэтическія дарованія Жуковскаго; что подтверждается тѣмъ, что въ своемъ журналѣ — «Вѣстникъ Европы» — онъ помѣстилъ его первое печатное произведеніе — переводъ Греевой элегіи «Сельское кладбище». Наконецъ, мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что личность Карамзина произвела сильное впечатлѣніе на Жуковскаго. Это именно его собственныя признанія разсѣянныя въ разныхъ письмахъ. Въ 1816 году Жуковскій писалъ къ Дмитріеву: «Для меня лучшій изъ праздниковъ присутствіе здѣсь нашего почтеннаго Н. М. Карамзина. Я благодаренъ ему за счастіе особаго рода: за счастіе знать и (что еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это болѣе, нежели что нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, у меня въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго».

Послѣ смерти Карамзина, Жуковскій писалъ къ тому же Дмитріеву: «Для насъ теперь уже нѣтъ Карамзина, драгоцѣннѣйшій перлъ его потерянъ. Но память о немъ святынею хранится въ душѣ и всегда будетъ живить и возвышать душу».

Затѣмъ также вскорѣ послѣ кончины Карамзина онъ писалъ вдовѣ его: «Нашъ ангелъ на небесахъ! такъ, онъ былъ нашъ ангелъ! Другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго. Кто имѣлъ счастіе любить его, тому ужъ нечѣмъ замѣнить его потери! Подобной души не встрѣтить. Когда я его покидалъ, я чувствовалъ, что это навсегда. Я не смѣлъ съ нимъ проститься. Я счастливъ, что могъ поцѣловать его руку. Это было безмолвнымъ выраженіемъ всей моей благодарности за то, что былъ онъ для меня въ жизни. И кто могъ быть болѣе! Лучшее мое чувство чистое и высокое, какъ религія, была къ нему привязанность».

Въ 1836 году, когда Жуковскому было предложено отъ Академіи, членомъ которой онъ состоялъ, написать біографію Карамзина, онъ писалъ Дмитріеву: «я былъ сердечно тронутъ и внутренно поблагодарилъ Васъ за то, что Вы меня признаете способнымъ писать о Карамзинѣ. Можетъ быть я исполню это назначеніе, но только не для Академіи: она требуетъ краткой біографіи для портрета. Посмотрю, буду-ли умѣть написать ее. Но описаніемъ жизни и оцѣнкою генія Карамзина должно заняться съ благоговѣніемъ, приличнымъ предмету; оно не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. Когда поселюсь въ уединеніи, тогда примусь, можетъ быть, за это святое дѣло, которое будетъ, если не собственно исповѣдью, то, по крайней мѣрѣ, исповѣдью того, что было въ моей жизни лучшаго. Дай Богъ, заканчиваетъ онъ письмо, чтобы мнѣ удалось исполнить это намѣреніе».

Довольно этихъ выдержекъ, чтобы видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвела на Жуковскаго личность Карамзина. При этомъ надо замѣтить слѣдующее. Жуковскому пришлось столкнуться съ Карамзинымъ въ самый тяжелый періодъ жизни послѣдняго. Время самыхъ близкихъ сношеній ихъ падаетъ на царствованіе Павла Петровича. Время это было тяжело для всѣхъ русскихъ, а для Карамзина въ особенности, такъ какъ онъ былъ сильно стѣсненъ цензурными мѣропріятіями существовавшими тогда. Его произведенія сокращались и урѣзывались: много было доносовъ, отъ которыхъ ему приходилось оправдываться. И безъ того тяжелое настроеніе Карамзина еще болѣе усилилось разразившеюся во Франціи революціей, которая сильно измѣнила его воззрѣнія почти на все. Наконецъ, тогда же Карамзину пришлось перетерпѣть много и личныхъ непріятностей. Подъ вліяніемъ всего этого настроеніе его въ это время было очень невеселое; изъ оптимистическаго, которое было обыкновеннымъ у Карамзина раньше, оно сдѣлалось вполнѣ пессимистическимъ. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ его, въ письмѣ 1798 года онъ говоритъ: «Я, какъ авторъ, могу исчезнуть за живо...... Вѣроятно, что цензоры при иныхъ изданіяхъ захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцію»; а въ письмѣ 1797 года говоритъ: «Я искалъ только средствъ жить счастливо въ уединеніи: теперь ничего не ищу: называй же меня суетнымъ: жизнь кажется мнѣ скучной безплодной равниной. Тамъ впереди что-то возвышается... надгробный камень и вотъ эпитафія:

«Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума,
«Я истину искалъ
«И видѣлъ ложь вездѣ
«Свѣтильникъ погашаю,
«Богъ далъ мнѣ сердце — я страдалъ
«И Богу сердце возвращаю».

Такое грустное меланхолическое настроеніе Карамзина въ то время не могло не отразиться и на Жуковскомъ. Такимъ образомъ, господствующій, сходный отчасти съ тономъ поэзіи Карамзина, тонъ поэзіи Жуковскаго объясняется, во первыхъ, личнымъ вліяніемъ на него Карамзина. Но, кромѣ того, нужно допустить и другую причину сходства поэзіи того и другого, — это общность литературныхъ вліяній. Карамзинъ, какъ извѣстно, не былъ оригинальнымъ писателемъ, а былъ, такъ сказать, пересказчикомъ западно-европейской литературы. Его «Письма русскаго путешественника» и другія суть ничто иное, какъ пересказъ и передача модныхъ литературныхъ произведеній Западной Европы. Въ виду этого мы можемъ допустить, что Жуковскій и Карамзинъ сходны и потому, что оба они, такъ сказать, вошли въ одну полосу Европейской литературы, воспитались на однихъ и тѣхъ же литературныхъ произведеніяхъ. Что это такъ, легко можно убѣдиться, если присмотримся къ первымъ переводамъ Жуковскаго. Всѣ они взяты изъ авторовъ, знакомыхъ намъ по Карамзину. Такъ, Жуковскій перевелъ гимнъ Томсона. Кто же этотъ Томсонъ? Это одинъ изъ писателей, любимыхъ Карамзинымъ; онъ былъ сторонникомъ симпатичнаго Карамзину сентиментальнаго направленія и очень часто упоминается у него въ Письмахъ русскаго путешественника» и другихъ произведеніяхъ. Затѣмъ, Жуковскій перевелъ отрывокъ изъ «Дифирамба на безсмертіе души» Делиля; этотъ писатель, подражавшій въ своихъ произведеніяхъ Томсону, опять таки хорошо знакомъ намъ по Карамзину, который ставилъ его очень высоко и много изъ него заимствовалъ.

У Жуковскаго много переведено изъ Флоріана; но это опять представитель сентиментальнаго направленія, и притомъ доведеннаго до крайности. Съ нимъ русская публика познакомилась впервые изъ произведеній Карамзина и затѣмъ уже изъ переводовъ Жуковскаго. И Коцебу, представитель крайняго сантиментализма въ драмѣ и повѣсти, встрѣчается и у Карамзина и у Жуковскаго. Послѣдній перевелъ изъ него «Мальчика у ручья».

Особенно сильное вліяніе на Жуковскаго произвели изъ западныхъ писателей — два, опять таки знакомые намъ по Карамзину. Это, во первыхъ, Юнгъ, авторъ «Ночныхъ размышленій».

Произведеніе это представляетъ собою рядъ мелкихъ размышленій, главная мысль которыхъ — тщета всего земнаго. Обращаясь къ Жуковскому, мы находимъ у него прямое повтореніе всѣхъ этихъ мотивовъ.

Во вторыхъ, Макферсонъ: произведенія его, извѣстныя подъ именемъ «Пѣснь Оссіана», въ свое время пользовались большою извѣстностью, и можно даже сказать, ими зачитывались. Онъ былъ представителемъ сантиментальнаго направленія и, хотя и бралъ содержаніе для своихъ произведеній изъ народныхъ пѣсень, однако такъ ихъ передѣлывалъ и придавалъ всему такой тонъ задумчивости и меланхоліи, что произведенія его вполнѣ могутъ быть поставлены рядомъ съ оригинальными произведеніями сентименталистовъ. Что дѣйствительно Жуковскій былъ подъ сильнымъ вліяніемъ этихъ трехъ писателей и сильно увлекался ихъ грустью и меланхоліей, легко можно убѣдиться, прочитавъ одни только заглавія произведеній Жуковскаго, относящихся къ тому періоду времени.

И. Н. Ждановъ.

(Изъ литографированнаго курса проф. И. Н. Жданова о Жуковскомъ, изд. 1890 года).

V.

Стихотворенія Карамзина.

Стихотворенія Карамзина ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Они содержатъ мысли, взгляды и сужденія умнаго человѣка, изложенныя въ легкихъ и стройныхъ стихахъ. Въ нихъ, какъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ, развивается то же успокаивающее, примиряющее воззрѣніе, какъ выраженіе души кроткой и нѣжной, чуждающейся всего рѣзкаго и желающей всѣмъ счастія. Въ торжественныхъ одахъ, написанныхъ Императору Александру, при восшествіи на престолъ, при коронаціи, и на освобожденіе Европы отъ Наполеона, нѣтъ тѣхъ военныхъ кликовъ храбрости, геройства, грома побѣдъ, какіе раздавались въ одахъ прежнихъ поэтовъ, а кроткій призывъ къ просвѣщенію, къ наукѣ, къ внутренней тишинѣ и благоустройству. Въ императорѣ Александрѣ онъ желалъ видѣть «генія покоя, героя дѣлъ мирныхъ, правоты святой».

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды россійскія державы
Тебѣ для счастья вручены.
Ты будешь геніемъ покоя;
Въ тебѣ увидимъ мы героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми—не мечь—вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой..

Идеалъ его—установившійся порядокъ и защита тишины и спокойствія.

Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумцу съ дерзкими руками.
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ.

Стихотворенія Карамзина, по замѣчанію Грота, представляютъ намъ, въ особенности, историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко искренняго человѣка... Всякій разъ, когда онъ выражалъ любимыя свои мысли, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія... Обыкновенная тема поэзіи Карамзина — любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ. Нѣкоторыя стихотворенія, между прочимъ пѣсни въ формѣ романса, особенно нравились современникамъ, каковы:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ.

изъ повѣсти: «Островъ Борнгольмъ»; «Раиса, Древняя баллада» («Во тьмѣ ночной ярилась буря; сверкалъ на небѣ грозный лучъ»); «Веселый часъ» («Братья, рюмки наливайте! лейте черезъ край вино»); «Прости» («Кто могъ любить такъ страстно, какъ я любилъ тебя»). Они переложены были на ноты и распѣвались повсюду; они вошли въ пѣсенники и сохранились до позднѣйшаго времени. Нѣкоторыя мысли, хотя довольно обыкновенныя, но выраженныя легкими стихами, долго были ходячими пословицами въ обществѣ, какъ, напримѣръ:

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ.
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока».

И. Порфирьевъ.

(Исторія русс. словесности. Ч. II, отд. 3. Казань, 1891, стр. 69—71).

VI.

Библіографическая замѣтка о стихотвореніяхъ Карамзина.

Карамзинъ—журналистъ, авторъ повѣстей, «Писемъ русскаго путешественника», «Исторіи Государства Россійскаго» настолько выше Карамзина — автора полутораста стихотвореній, что на послѣднія критика наша обращала сравнительно ничтожное вниманіе, и они оставались долгое время недостаточно оцѣненными. Бѣлинскій въ своей знаменитой статьѣ о Пушкинѣ (1844) писалъ: «Въ стихотвореніяхъ Карамзина нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ: но они простотою своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія, были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи». (Соч. т. VIII, 124). Почти то же высказалъ знаменитый критикъ въ одной полемической замѣткѣ (1845 г.) «Нѣсколько словъ о фельетонистѣ «Сѣверной Пчелы».

«Какъ можно Карамзина, литератора, журналиста, историка, сравнивать съ поэтомъ Гоголемъ? Правда, Карамзинъ писалъ стихи и повѣсти, по своему времени очень замѣчательныя и даже прекрасныя, но все-таки въ стихахъ и въ повѣстяхъ онъ былъ только литераторомъ, и совсѣмъ не поэтомъ. Гдѣ-жъ тутъ возможность какого-нибудь сравненія? Сказать, что Пушкинъ выше Державина — тутъ есть смыслъ, потому что Державинъ поэтъ и Пушкинъ поэтъ: но сказать, что Пушкинъ выше Карамзина — это чистая нелѣпость, потому что Карамзинъ былъ только стихотворецъ, а не поэтъ, а Пушкинъ былъ поэтъ. Карамзинъ въ своихъ стихахъ былъ только стихотворцемъ, хотя и даровитымъ, но не поэтомъ; такъ точно и въ повѣстяхъ, Карамзинъ былъ только белетристомъ, хотя и даровитымъ, а не художникомъ, — тогда какъ Гоголь въ своихъ повѣстяхъ — художникъ, да еще и великій». (Соч. т. X, 233).

Единственную подробную оцѣнку стихотвореній Карамзина находимъ въ статьѣ князя П. А. Вяземскаго (1867 г.), вошедшей въ собраніе его сочиненій (т. VII) и перепечатанной выше. Въ ней указано на разнообразіе стиха въ поэтическихъ произведеніяхъ К—а, на отличительный характеръ ихъ, на то, что съ ними явилась у насъ впервые поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній, на то, что К—ъ первый внесъ въ русскую литературу новый родъ — балладу, столь популярный въ первую четверть XIX вѣка.

Профессоръ Ждановъ (см. выше) далъ въ своихъ лекціяхъ обстоятельное сравненіе мотивовъ поэзіи Жуковскаго и Карамзина и указалъ на вліяніе послѣдняго на перваго.

Если признать, что прежняя критика преувеличила значеніе поэтической дѣятельности Дмитріева, то сужденія князя Вяземскаго требуютъ необходимой поправки, именно той, что поэтическій талантъ и Карамзина и Дмитріева одинаковъ, что оба они одинаково легко владѣли формой стиха, что у Карамзина она была болѣе разнообразной, и что онъ сумѣлъ избѣгнуть приторной слащавости, которая такъ сильна была у его современниковъ и подражателей.

Писать стихи Карамзинъ началъ рано. Первыя вошедшія въ настоящее собраніе его стихотворенія относятся къ 1787 году. Но первые опыты его въ поэзіи начались еще раньше. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо къ К—у его друга А. А. Петрова (отъ 30 іюня 1786 года):

«Поэзія, живопись, музыка воспѣты ли тобою? Удивленные Чистые Пруды внемлютъ ли гимну Томсонову, улучшенному на языкѣ русскомъ? Обогащается ли русская проза, и любуется-ль какая либо Муза новымъ свѣтильникомъ въ ея лирѣ, тобою возженнымъ? Перечитай сіи вопросы и пересмотри свои композиціи съ отеческою улыбкою, если онѣ существуютъ уже въ тѣлахъ: если же только души ихъ носятся въ головѣ твоей, то встань съ креселъ, приложи палецъ ко лбу, — устремивъ взоръ на столикъ, располагай, что и когда сдѣлать».

Какъ извѣстно, Петровъ оказалъ сильное вліяніе на своего друга. Небезъинтереснымъ поэтому представляется намъ привести еще два отрывка его писемъ 1792 года:

I — «Надпись: «Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра» нравится мнѣ какъ въ сравненіи съ прочими, такъ и сама по себѣ. Я поцѣловалъ бы за нее сочинителя, хотя весьма не охотникъ цѣловаться. Она проста, нѣжна, коротка и учтива къ прохожему, потому что не допускаетъ его до труда — думать, что-бъ сказать, узнавши, кто погребенъ подъ монументомъ И. И. Дмитріеву нравится она также больше прочихъ Однако-жъ, мнѣ кажется, критическаго мнѣнія даромъ сказывать не можно: и потому ты необходимо долженъ сообщить подробное и обстоятельное описаніе монумента, къ которому она сдѣлана».

II. «Мнѣ весьма пріятно, что Баттѐ тебѣ нравится. Я думаю. что г. Азмусъ, сшутившій не очень понятно на его счетъ, въ простыхъ своихъ сочиненіяхъ гораздо болѣе употребляетъ искусства, нежели какой-нибудь добрый человѣкъ, старающійся утончить природный свой вкусъ чтеніемъ Баттевыхъ правилъ. Фенелонъ, Аддисонъ, Геллертъ были **просты**, **чувствовали**, **имѣли природный даръ**; это видитъ всякій, кто хотя мало имѣетъ способность отличать ихъ изъ сочиненія отъ Исторіи Аглецкаго Милорда Георга; однако-жъ они учились правиламъ и употребляли ихъ. Телемакъ, Аддисоновы пьесы въ Спектаторѣ, Геллертовы басни и духовныя пѣсни кажутся мнѣ гораздо натуральнѣе и простѣе крестьянскихъ пѣсенъ и простыхъ разсужденій въ письмахъ простосердечнаго Азмуса, который имѣетъ у себя ученаго родственника Клавдіуса, умѣющаго при случаѣ довольно колко и правильно браниться съ неучтивыми рецензентами. Простота чувствованія превыше всякаго умничанья, грѣшно сравнивать натуру, génie, съ педантскими подражаніями, съ натянутыми поддѣлками низкихъ умовъ. Однако-жъ простота не состоитъ ни въ подлинномъ, ни въ притворномъ незнаніи. Можно писать крестьянскимъ нарѣчіемъ: **што**, **поди-ко**, **эвося**, **вотъ вишь ты**, и со всѣмъ тѣмъ педанствовать. Самыя жаркія чувствованія могутъ показаться иногда суше латинскаго лексикона и латинской грамматики. Пьяные мужики и экскременты разныхъ животныхъ находятся **въ натурѣ**; но я не желалъ бы читать живаго оныхъ описанія ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Говорятъ, что Шекспиръ былъ величайшій génie; но я не знаю, для чего его трагедіи не такъ мнѣ нравятся, какъ «Эмилія Галотти»...... Я надѣялся, что нынѣшняя поѣздка твоя въ деренню истребить въ тебѣ старое закоренѣнье противъ деревенской жизни, и что ты присоединишься къ защитникамъ превосходства деревни передъ Москвою въ лѣтнее время».....

Послѣднее замѣчаніе Петрова едва ли справедливо. Карамзинъ умѣлъ наслаждаться природой и сельскимъ уединеніемъ. Не даромъ звалъ онъ Дмитріева на родину, на лоно природы, туда —

Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца
Гдѣ я Природу полюбилъ,
Ей первенцы души и сердца:
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ.

(1794 г. Письма К. къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 4.5).

Теоретическія воззрѣнія Петрова были не вполнѣ

восприняты Карамзинымъ. Свой собственный взглядъ на поэзію Карамзинъ выразилъ въ стихотвореніи «Поэзія» и въ предисловіи къ II книжкѣ «Аонидъ». Вотъ послѣднее:

«Поэзія состоитъ не въ вздутомъ описаніи ужасныхъ сценъ Натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, не свойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки, и собственною силою влекутъ къ себѣ соображеніе; если онъ принуждаетъ себя, или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никакой живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое, и безъ которой всякое стихотвореніе (несмотря даже на многіе щастливые фразы) похоже на странное существо, описанное Горацiемъ въ началѣ «Эпистолы къ Пизонамъ». Молодому питомцу Музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ Природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ Натуры и прочее въ семъ родѣ. (Къ издателю прислано было сочиненіе подъ титуломъ «Конецъ міровъ»; оно показалось ему слишкомъ ужасно для «Аонидъ»). Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль. обыкновенное чувство украшать воображеніемъ — показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей — находить непримѣтныя аналогіи, сходства — играть идеями, и подобно Юпитеру (какъ сказалъ о немъ мудрецъ Эзопъ) иногда малое дѣлать великимъ, иногда великое дѣлать малымъ. Одинъ бомбастъ, одинъ громъ словъ только-что оглушаетъ насъ, и никогда до сердца не доходитъ; напротивъ того, нѣжная мысль, тонкая черта воображенія или чувства непосредственно дѣйствуютъ на душу читателя; умной стихъ врѣзывается въ память, громкой стихъ забывается.

«Не надобно также безпрестанно говорить о слезахъ прибирая къ нимъ разные эпитеты, называя ихъ блестящими и бриліантовыми — сей способъ трогать очень не надеженъ — надобно описать разительно причину ихъ; означить горесть не только общими чертами, которыя, будучи слишкомъ обыкновенны, не могутъ производить сильнаго дѣйствія въ сердцѣ читателя, — но особенными, имѣющими отношеніе къ характеру и обстоятельствамъ поэта. Сіи то черты, сіи подробности и сія, такъ сказать, личность увѣряютъ насъ въ истинѣ описаній — и часто обманываютъ; но такой обманъ есть торжество искусства.

«Трудно, трудно быть совершенно хорошимъ писателемъ и въ стихахъ и въ прозѣ; за то много и чести побѣдителю трудностей (ибо искусство писать есть конечно первое и славнѣйшее, требуя рѣдкаго совершенства въ душевныхъ способностяхъ); за то націи гордятся своими авторами, за то о превосходствѣ націй судятъ по успѣхамъ авторовъ ея. Отдавая справедливость вкусу и просвѣщенію нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, почитаю за излишнее доказывать здѣсь пользу и важность литературы, которая, имѣя вообще вліяніе на пріятность жизни. свѣтскаго обхожденія и на совершенство языка (неразрывно связаннаго съ умственнымъ и моральнымъ совершенствомъ каждаго народа), бываетъ всего полезнѣе, всего пріятнѣе для тѣхъ, которые въ ней упражняются — она занимаетъ, утѣшаетъ ихъ въ сельскомъ уединеніи; она настраиваетъ ихъ душу къ глубокому чувству красотъ природы и тѣмъ нѣжнымъ страстямъ нравственности, которыя были и всегда будутъ главнымъ источникомъ земнаго блаженства; она доставляетъ имъ дружбу лучшихъ людей, или сама служитъ имъ вмѣсто друга».

Если далеко не вполнѣ самъ Карамзинъ могъ осуществить свой идеалъ поэта, то во всякомъ случаѣ первыми же своими поэтическими произведеніями сталъ рядомъ съ поэтами наиболѣе извѣстными въ «легкомъ родѣ», уступая Державину въ силѣ поэтическаго таланта, но превосходя своими поэтическими «бездѣлками» его претендовавшія на легкость формы и содержанія мелкія стихотворенія.

Современники свидѣтельствуютъ, что стихотворенія К—а сразу же пріобрѣли популярность, а одновременно вызвали и нападки. По свидѣтельству С. Н. Глинки, бездарный поэтъ Н. М. Шатровъ по выходѣ «Бездѣлокъ» Карамзина «грянулъ» на нихъ слѣдующею эпиграммою:

Собравъ свои творенья мелки,
Русакъ нѣмецкій надписалъ
«Мои бездѣлки».
А разумъ, прочитавъ, сказалъ:
Ни слова, дива!
Лишь надпись справедлива.

Сторонники Карамзина отвѣчали:

Какъ видимъ разумъ мы во образѣ Шатрова,
Помилуй, Боже, насъ отъ разума такова.

Публика однако сочувственно отнеслась къ поэзіи Карамзина. Это доказываетъ и успѣхъ его «Бездѣлокъ.» О томъ же говоритъ и С. Н. Глинка, по словамъ котораго посланіе К—а «Къ женщинамъ» «на подхватъ летало изъ рукъ въ руки» даже на военныхъ стоянкахъ.

О такой же популярности стихотвореній Карамзина свидѣтельствуетъ и другой его современникъ А. Т. Болотовъ. Приведемъ нѣкоторые его отзывы:

«Наконецъ по долговременномъ молчаніи и помучивъ болѣе года всю публику нетерпѣливымъ ожиданіемъ, появился опять и новый нашъ, но любимой всѣми сочинитель г. Карамзинъ, съ продолженіемъ своей «Аглаи». Въ началѣ сего мѣсяца выдалъ онъ вторую книжку оной и прельстилъ ею не менѣе всѣхъ, какъ и первою. Состояло и сея вся изъ однихъ собственныхъ его сочиненій, и всѣ они были прекрасны и хороши».

Послѣ разбора повѣсти «Островъ Борнгольмъ» Болотовъ замѣчаетъ: «Недостатокъ Борнгольма старался онъ замѣнить прекрасною своею и новаго рода поэмою, подъ названіемъ «Илья Муромецъ»; но къ сожалѣнію она только начата и не кончена; и къ сожалѣнію было неизвѣстно за вѣрное, будетъ ли продолженіе оной. Со всѣмъ тѣмъ и какъ бы то ни было, но вообще можно сказать, что сочинитель сей часъ отъ часу входитъ болѣе въ кредитъ у всей публики и прославился сладостью и особливою пріятностью, господствующею во всѣхъ его сочиненіяхъ и въ слогѣ. Вмѣстѣ и въ одно почти время съ «Аглаею» издалъ г. К. и другую книжку подъ заглавіемъ «Мои бездѣлки». Въ сей хотя не содержалось ничего новаго и такого, чего бы не читала уже публика; однако она была не излишняя, п. ч. посредствомъ оной могли всѣ тѣ, которые не получали «Московскаго Журнала», имѣть у себя сочиненія г. К—а, помѣщенныя имъ въ помянутомъ журналѣ. Сверхъ того было и то хорошо, что напечатаны они были въ маленькомъ и такомъ форматѣ, что могла служить карманною книжкою и употребляема быть для пріятнаго чтенія при прогулкахъ; почему, безъ сумнѣнія, многіе ею будутъ довольны и пожелаютъ, чтобы г. К. и далѣе продолжалъ симъ образомъ свои «Бездѣлки» [1]).

Большинство стихотвореній Карамзина не отличается глубиною мысли; въ нѣкоторыхъ можно найти идеализацію сентиментальнаго путешественника (см. напримѣръ «Куплеты изъ одной сельской комедіи СХХХIX); иныя, напротивъ, отличаются глубокимъ чувствомъ, серьезностью содержанія, даже составляютъ гражданскій подвигъ К—а (напримѣръ, стихотвореніе

[1]) «Библіографъ» 1885, № 9, стр. 37—38.

«Къ милости», въ защиту Новикова). Идеалъ Карамзина — тихія семейныя радости. Глубокое уваженіе къ личности человѣка и къ правдѣ, всегда отличавшее Карамзина, явилось, по замѣчанію А. П. Пятковскаго, подъ вліяніемъ масонства (Пятковскій. Изъ исторіи нашего литер. и общест. развитія. 2 изд. Спб. 1889, 137 сл. стр.).

Вотъ это замѣчаніе г. Пятковскаго:

«Уваженіе къ личности человѣка, независимо отъ ея соціальнаго вѣса и значенія, твердое сознаніе, что и внѣ государственной службы, одною частною дѣятельностью можно принести пользу обществу, полнѣйшая вѣротерпимость, — все это хорошія черты масонствъ, и ими Карамзинъ обязанъ своему трехлѣтнему пребыванію въ кругу людей, отличавшихся своею общественною благотворительностью и гуманностью личнаго характера, пренебрегавшихъ чинами и почестями и смотрѣвшихъ безъ фанатизма на различіе религіозныхъ понятій и исповѣданій. К—ъ отзывается равнодушно о чиновничьей карьерѣ и, не выражая къ ней никакой зависти, остается вполнѣ доволенъ своимъ скромнымъ, но независимымъ призваніемъ литератора. Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ вскорѣ по возвращеніи изъ за границы, К—ъ говоритъ:

Прости! твой другъ умретъ достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ,
Не скажутъ вѣкъ объ немъ, чтобъ онъ чиновъ искалъ,
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда-нибудь ласкалъ.

«И тотъ же взглядъ высказываетъ онъ черезъ шесть лѣтъ въ письмѣ къ Дмитріеву... Въ бытность свою при дворѣ выражается онъ не менѣе рѣзко объ интригахъ и происках, происходившихъ предъ его глазами. Свою литературную профессію К. ставилъ чрезвычайно высоко и не давалъ ея въ обиду передъ чиновническими притязаніями: талантливый писатель могъ быть, по его мнѣнію, столько же полезенъ отечеству, какъ и самый важный государственный сановникъ. Говоря въ одномъ своемъ стихотвореніи о вліяніи изящныхъ искусствъ на развитіе человѣческихъ обществъ, онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ значеніе поэтовъ и художниковъ, которыхъ называетъ любимцами Феба:

Они безъ власти, безъ короны,
Даютъ умомъ своимъ законы:
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играютъ нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, словами
И чувства возвышаютъ въ насъ.

«Это довѣріе къ умственной власти, высказанное еще въ концѣ прошлаго столѣтія, заслуживаетъ конечно всякой похвалы, и примѣръ Карамзина доказавшаго возможность прочнаго положенія, пріобрѣтеннаго однѣми литературными заслугами, не прошелъ безслѣдно для русскаго общества..»

Нами приведены главнѣйшіе отзывы русской критики о стихотвореніяхъ Карамзина. Отсылая читателей къ краткимъ библіографическимъ замѣчаніямъ къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ, укажемъ теперь изданія послѣднихъ.

Стихотворенія Карамзина входили: 1) въ составъ сборника «Мои бездѣлки». М. 1794: изд. 2. М. 1797; изд. 3. М. 1801. 2) въ 1-ый томъ «Собранія сочиненій Карамзина», выдержавшаго 5 изданій: 1) М. 1803—1804; 2) М. 1814; 3) М. 1820; 4) Спб. 1834—1835 (Смирдина); 5) Спб. 1848 (тоже Смирдина).

Въ основу настоящаго изданія положенъ текстъ изд. 1820 года (послѣдняго, вышедшаго при жизни Карамзина), съ указаніемъ варіантовъ изъ тѣхъ журналовъ и сборниковъ, въ которыхъ стихотворенія явились впервые.

Въ послѣднемъ Смирдинскомъ изданіи помѣщено 109 стихотвореній К—а; въ настоящемъ число ихъ увеличилось до 160, такъ какъ въ него внесены нѣкоторыя стихотворенія, извлеченныя впервые изъ журналовъ и сборниковъ Карамзина, а также изъ его «Писемъ русскаго путешественника» и изъ изданій, появившихся послѣ смерти нашего автора. Не вошли въ изданіе: 1) «Аркадскій памятникъ», сельская драма, писанная отчасти стихами, отчасти прозою и помѣщенная въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1789, ч. XVIII, и 2) «Твореніе», сочиненіе Гайдена, слова переведены Н. Карамзинымъ. М. 1801.

А. Лященко.

Стихотворенія Н. М. Карамзина.

I. (Дмитріеву).

Часто здѣсь въ юдоли мрачной
Слезы льются изъ очей;
Часто страждетъ и томится,
Терпитъ много человѣкъ.
Часто здѣсь ужасны бури
Жизни океанъ мятутъ;
Ладія наша крушится
Часто среди ярыхъ волнъ.
Наслаждаясь, унываемъ;
Веселяся, слезы льемъ.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.
На кусту здѣсь Филомела
Нѣжны пѣсенки поетъ;
Ей внимая, воздыхаешь,
Вспомня, сколько бѣденъ ты.
Чѣмъ во внѣшности утѣхи
Чаще будешь ты искать,
Тѣмъ ты болѣе пострадешь,
Въ жизни горечи найдешь.
Что въ томъ нужды, что страдаешь
Ты почасту отъ себя?
Ты страдая, смѣло можешь
Звать нещастливымъ тебя.
Но ты долженъ постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь возможешь утѣшаться,
Меньше мучить самъ себя.
Впредь не думай, что случиться
Можетъ страшнаго тебѣ;
Коль случилось, ободряйся,
Что прошло, позабывай!
Не ликуй ты при забавахъ,
Чтобъ не плакать послѣ ихъ;
Чѣмъ кто болѣе смѣется,
Тѣмъ вздыхаетъ чаще тотъ.
Ни къ чему не прилѣпляйся
Слишкомъ сильно на землѣ:
Ты здѣсь странникъ, не хозяинъ:
Все оставить долженъ ты.
Будь увѣренъ, что здѣсь щастье
Не живетъ между людей:
Что здѣсь щастьемъ называютъ,
То едина щастья тѣнь.
1787.

II. (Дмитріеву).

Но что же скажемъ мы о времени прошедшемъ?
Какими радостьми, мой другъ, питались въ немъ?
Мы жили, жили мы — и болѣе не скажемъ,
И болѣе сказать не можемъ ничего.
Уже нашъ шаръ земной едва на четверть вѣка
Свершаетъ круглый путь, вкругъ солнца обходя,
Какъ я пришелъ въ сей міръ, иль, попросту, родился;
Но все, мой другъ, мнѣ все казалось время сномъ —
Бывали страшны сны, бывали и пріятны:
Но значатъ ли что сны? не суть ли только дымъ?
1787 (сентябрь).

III. (Дмитріеву).

Щастье истинно хранится
Выше звѣздъ, на небесахъ;
Здѣсь живя, ты не возможешь
Никогда найти его.
Есть здѣсь щастіе едино,
Буде такъ сказать могу,
Коимъ въ мірѣ обладая,
Лучшимъ обладаешь ты.
Вѣрна дружба! ты едина
Есть блаженство на землѣ:
Кто тобою усладился,
Тотъ не даромъ въ мірѣ жилъ.
Небеса благоволили
Смертнымъ дружбу даровать,
Чтобъ утѣшить ихъ въ нещастьи,
Сердца бѣдныхъ усладить.
Буди ты благословенна,
Дружба, даръ святый небесъ!
Буди жизни услажденьемъ
Ты моей здѣсь на землѣ!
Но и дружбѣ окончаться
Время нѣкогда придетъ:
Сама дружба насъ заставитъ
Послѣ слезы проливать.
Время всѣмъ намъ разлучиться
Непремѣнно притечетъ,
Часъ настанетъ, другъ увянетъ,
Яко роза въ жаркой день.
Все исчезнетъ, что ни видишь,
Все погибнетъ на землѣ:
Самой міръ сей истребится
Пепломъ будетъ въ нѣкій день.
1787.

IV. Поэзія.

— Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
Schallen mit Macht, wie beseelend.
Klopst.

Едва былъ созданъ міръ огромный, великолѣпный
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный:
Явился — весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ, и чувствуя себя,

Сей гордый Царь почувствовалъ и Бога,
Причину бытія — толь живо ощутилъ
Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу.... Поэзія святая!
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ,
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!
Когда ты, человѣкъ, въ невинности сердечной,
Какъ роза цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство,
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ,
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны:
Гармонія была душею гимновъ сихъ —
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ,
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою.
Ты палъ, о человѣкъ! Поэзія упала;
Но дщерь Небесъ еще сіяла лѣпотой,
Когда нещастный, вдругъ раскаяся въ грѣхѣ,
Молитвы воспѣвалъ — сидя на бережку
Журчащаго ручья и слезы проливая,
Въ унынии, въ тоскѣ тебя воспоминалъ,
Тебя, Эдемскій садъ! Почасту мудрый старецъ
Среди сыновъ своихъ, внимающихъ ему,
Согласно, важно пѣлъ таинственныя пѣсни,
И юныхъ научалъ преданіямъ отцевъ.
Бывало иногда, что Ангелъ ниспускался
На землю, какъ зефиръ, и смертныхъ наставлялъ
Въ Поэзіи святой, небесною рукою
Настроивъ лиры имъ —

Живѣе чувства выражались,
Звучнѣе пѣсни раздавались,
Быстрѣе мчалися къ Творцу.

Столѣтія текли, и въ вѣчность погружались —
Поэзія всегда отрадою была
Невинныхъ чистыхъ душъ. Число ихъ уменьшалось;
Но гимнъ Царю Царей вовѣкъ не умолкалъ —
И въ самый страшный день, когда пылало небо
И бурныя моря кипѣли на землѣ,
Среди пучинъ и безднъ, съ невиннѣйшимъ семействомъ
(Когда погибло все) Поэзія спаслась.
Святый языкъ небесъ не рѣдко унижался,
И смертные, забывъ великаго Отца,
Хвалили вещество, бездушныя планеты.
Но былъ избранный родъ, который въ чистотѣ
Поэзію хранилъ, и ею просвѣщался.
Такъ славный, мудрый Бардъ, древнѣйшій изъ Пѣвцовъ,
Со всею красотой священной сей науки
Воспѣлъ какъ міръ истекъ изъ воли Божества.
Такъ оный Мужъ святый, въ грядущее проникшій,
Пѣлъ міру часть его. Такъ царственный Поэтъ
Родившись пастухомъ, но въ духѣ просвѣщенный,
Игралъ хвалы Творцу, и пѣснію своей
Народы восхищалъ. Такъ въ храмѣ Соломона
Гремѣла Богу пѣснь!
Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ Поэзія святая
Наставницей людей, ихъ щастіемъ была:
Вездѣ она сердца любовью согрѣвала.
Мудрецъ, Натуру знавъ, позналъ ея Творца,
И слыша гласъ Его и въ громахъ и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего Поэта
Всегда былъ Божій гласъ!
Орфей, Ѳракійскій мужъ, котораго вся древность
Едва не Богомъ чтитъ, Поэзіей смягчилъ
Сердца лѣсныхъ людей, воздвигнулъ Богу храмы,
И дикихъ научилъ Всесильному служить.
Онъ пѣлъ имъ красоту Натуры, міозданья:
Онъ пѣлъ имъ тотъ законъ, который въ естествѣ
Разумнымъ окомъ зримъ: онъ пѣлъ имъ человѣка,
Достоинство его и важный санъ: онъ пѣлъ,—
И звѣри дикіе сбѣгались,
И птицы стаями слетались
Внимать гармоніи его;
И рѣки съ шумомъ устремлялись,
И вѣтры быстро обращались
Туда, гдѣ мчался гласъ его.
Омиръ въ стихахъ своихъ описывалъ Героевъ —
И пылкій юный Грекъ, вникая въ пѣснь его,
Въ восторгѣ восклицалъ: я буду Ахиллесомъ!
Я кровь свою пролью, за Грецію умру!
Дивиться ли теперь геройству Александра?
Омира онъ читалъ, Омира онъ любилъ. —
Софоклъ и Эврипидъ учили на театрѣ,
Какъ душу возвышать, и полубогомъ быть.
Біонъ и Теокритъ и Мосхосъ воспѣвали
Пріятность сельскихъ сценъ, и слушатели ихъ
Плѣнялись красотой Природы безъ искусства,
Пріятностью села. Когда Омиръ поетъ,
Всякъ воинъ, всякъ Герой: внимая Теокриту,
Оружіе кладутъ — Герой теперь пастухъ!
Поэзіи сердца, всѣ чувства — все подвластно.
Какъ Сиріусъ блеститъ свѣтлѣе прочихъ звѣздъ,
Такъ Августовъ Поэтъ, такъ пастырь Мантуанскій
Сіялъ въ тебѣ, о Римъ! среди твоихъ пѣвцевъ.
Онъ пѣлъ, и всякой мнилъ, что сельскій Теокритъ
Еще не умиралъ, или воскресъ въ семъ Бардѣ.
Овидій воспѣвалъ начало всѣхъ вещей,
Златый блаженный вѣкъ, серебряный и мѣдный,
Желѣзный, наконецъ, нещастный, страшный вѣкъ,
Когда Гиганты, родъ надменный и безумный,
Собравъ громады горъ, хотѣли вознестись
Къ престолу Божества; но Тотъ, Кто громомъ правитъ,
Погребъ ихъ въ сихъ горахъ. [1])
Британія есть мать Поэтовъ величайшихъ.
Древнѣйшій Бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,
Оплакивалъ друзей, Героевъ, въ битвѣ падшихъ,
И тѣни ихъ къ себѣ изъ гроба вызывалъ.
Какъ шумъ морскихъ валовъ, носяся по пустынямъ
Далеко отъ бреговъ, уныніе въ сердцахъ
Внимающихъ родитъ: такъ пѣсни Оссіана,
Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ;
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!
Шекспиръ, Натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключь ко всѣмъ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные въ жизни! —
«Всѣ башни, коихъ верьхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ: огромные чертоги
«И всякой гордой храмъ исчезнутъ, какъ мечта —
«Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ» —
Но ты, великій Мужъ, пребудешь незабвенъ. [2])
Мильтонъ, высокій Духъ, въ гремящихъ страшныхъ пѣсняхъ
Описываетъ намъ бунтъ, гибель Сатаны:
Онъ душу веселитъ, когда поетъ Адама,
Живущаго въ раю: но голосъ ниспустивъ,
Вдругъ слезы изъ очей ручьями извлекаетъ,
Когда поетъ его, подпадшаго грѣху.
О Йонгъ, нещастныхъ другъ, нещастныхъ утѣшитель!
Ты бальзамъ въ сердце льешь, сушишь источникъ слезъ,
И съ смертію дружа, дружишь ты насъ и съ жизнью! —

[1]) Сочинитель говоритъ только о тѣхъ поэтахъ, которые наиболѣе трогали и занимали его душу въ то время, какъ сія піеса была сочиняема.

[2]) Самъ Шекспиръ сказалъ:
The cloud cap'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn' temples, the great globe itselfe,
Yes, all which it inherits, shall disolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not o wreck behind.
Какая священная меланхолія вдохнула въ него сіи стихи?

Природу возлюбивъ, Природу разсмотрѣвъ,
И вникнувъ въ кругъ временъ, въ тончайшія ихъ тѣни,
Намъ Томсонъ возгласилъ Природы красоту,
Пріятности временъ. Натуры сынъ любезный,
О Томсонъ! ввѣкъ тебя я буду прославлять!
Ты выучилъ меня Природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея!
Альпійскій Теокритъ, сладчайшій Пѣснопѣвецъ!
Еще друзья твои въ печали слезы льютъ —
Еще зеленый мохъ не видѣнъ на могилѣ,
Скрывающей твой прахъ! Въ восторгѣ пѣлъ ты намъ
Невинность, простоту, пастушескіе нравы,
И нѣжныя сердца свирѣлью восхищалъ.
Сію слезу мою, текущую столь быстро,
Я въ жертву приношу тебѣ, Астреинъ другъ!
Сердечную слезу и вздохъ и пѣснь Поэта,
Любившаго тебя, прими, благослови,
О Духъ, блаженный Духъ, здѣсь въ Геснерѣ блиставшій! [1])
Несися на крылахъ превыспреннихъ орловъ,
Которые Пѣвцевъ Божественныя Славы
Мчатъ въ вышніе міры, да тему почерпнутъ
Для гимна своего. Пѣвецъ избранный Клопштокъ
Вознесся выше всѣхъ, и тамъ, на небесахъ,
Былъ тайнамъ наученъ, и той великой тайнѣ,
Какъ Богъ сталъ человѣкъ. Потомъ воспѣлъ онъ намъ
Начало и конецъ Мессіиныхъ страданій,
Спасеніе людей. Онъ Богомъ вдохновенъ —
Кто сердцемъ всѣмъ еще привязанъ къ плоти, къ міру,
Того языкъ нѣмѣй, и пѣсней толь святыхъ
Не оскверняй хвалой: но вы, святые Мужи,
Въ которыхъ уже гласъ земныхъ страстей умолкъ,
Въ которыхъ мрака нѣтъ! вы чувствуете цѣну
Того, что Клопштокъ пѣлъ, и можете одни,
Во глубинѣ сердецъ, хвалить сего Поэта!
Такъ старецъ, отходя въ блаженнѣйшую жизнь,
Въ восторгѣ произнесъ: о Клопштокъ несравненный! [2])
Еще великій Мужъ собою краситъ міръ —
Еще великій Духъ земли сей не оставилъ.
Но нѣтъ! онъ въ небесахъ уже давно живетъ —
Здѣсь тѣнь мы зримъ сего священнаго Поэта.
О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
Поэзія начнетъ сіять, какъ солнце въ полдень.
Исчезла нощи мгла — уже Авроры свѣтъ
Въ **** блеститъ, и скоро всѣ народы
На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать,
Какъ въ басняхъ Прометей текъ къ огненному Фебу,
Чтобъ хладный, темный міръ согрѣть и освѣтить.
Доколѣ міръ стоитъ, доколѣ человѣки
Жить будутъ на землѣ, дотолѣ дщерь Небесъ,
Поэзія, для душъ чистѣйшихъ благомъ будетъ.
Доколѣ я дышу, дотолѣ буду пѣть,
Поэзію хвалить и ею утѣшаться.
Когда жъ умру, засну, и снова пробужусь:
Тогда, въ восторгахъ погружаясь,
И вѣчно, вѣчно наслаждаясь,
Я буду гимны пѣть Творцу.
Тебѣ, мой Богъ, Господь всесильный,
Тебѣ, любви источникъ дивный
Узрѣвъ тамъ все лицемъ къ лицу!
1787.

V. Гимнъ заключительный къ поэмѣ Томсона „Времена года“. [3])

Переводъ съ англійскаго.

Четыре времена въ премѣнахъ ежегодныхъ
Ни что иное суть, какъ въ разныхъ видахъ Богъ
Вращающійся годъ, Отецъ нашъ всемогущій!
Исполненъ весь Тебя. Пріятною весной
Повсюду красота Твоя, Господь, сіяетъ,
И нѣжность и любовь Твоя вездѣ видна.
Краснѣются поля, бальзамомъ воздухъ дышитъ,
И эхо по горамъ разносится, звучитъ;
Съ улыбкою лѣса главу свою подъемлютъ —
Веселіемъ живутъ всѣ чувства и сердца.
Грядетъ къ намъ въ лѣтнихъ дняхъ Твоя, о Боже! слава;
Повсюду на землѣ блистаетъ свѣтъ и миръ;
Отъ солнца Твоего ліется совершенство
Наполняющійся годъ; и часто къ намъ Твой гласъ,
Сводъ неба потрясая, вѣщаетъ въ страшныхъ громахъ;
И часто на зарѣ, въ срединѣ жаркихъ дней
Въ тѣнистомъ вечеру, по рощамъ и потокамъ,
Пріятно шепчетъ онъ въ прохладномъ вѣтеркѣ.
Въ обильной осени Твоя безмѣрна благость
И милость безъ конца бываетъ намъ явна.
Всеобще праздниство для тварей учреждая,
Зимою страшенъ Ты! Тамъ бури, облака
Свивая вкругъ себя, гоняя вьюгу вьюгой,
Въ величественной тьмѣ на вихряхъ возносясь,
Ты міръ благоговѣть со страхомъ заставляешь;
Натуру всю смирить шумливой Твой Борей!
О таинственный кругъ! Какой великой Разумъ,
Какую силу въ семъ глубоко ощутишь!
Простѣйшій оборотъ, на благо учрежденный, —
Столь мудро и добро, добро для тварей всѣхъ. —
Столь непримѣтно тѣнь въ другую переходитъ —
И въ цѣломъ вмѣстѣ все такъ стройно, хорошо,
Что всякой новой видъ вновь сердце похищаетъ.
Но часто человѣкъ, въ безуміи бродя,
Совсѣмъ не зритъ Тебя, Твоей руки всесильной,
Чертящей въ тишинѣ безмолвныхъ сферъ пути,
И дѣйствующей въ сей сокрытой, тайной безднѣ,
Откуда чрезъ пары тѣ блага шлешь ты намъ,
Которыя весну всегда обогащаютъ; —
Руки, которая огнемъ палящій день
Изъ солнца прямо къ намъ на землю извергаетъ,
Питаетъ тварей всѣхъ и бури мещетъ внизъ,
Которая — когда пріятная премѣна
Является вездѣ на радостной землѣ —
Восторгомъ движетъ всѣ пружины жизни въ мірѣ.
Внимай, Натура вся! и все, что въ ней живетъ,
Соединись подъ симъ пространнымъ храмомъ неба,
Усердіемъ горя, воспѣть всеобщій Гимнъ!
Пріятные пѣвцы, прохладные Зефиры,
Да вѣете Тому, Чей духъ дыхаетъ въ васъ!
Вѣщайте вы о немъ во тьмахъ уединенныхъ,
Гдѣ сосна на горѣ, едва качая верхъ,
Священныхъ ужасовъ мракъ тѣней исполняетъ!
И вы, которыхъ ревъ слухъ издали разитъ,
И весь смятенный міръ приводитъ въ ужасъ, въ трепетъ!
Возвысьте къ небесамъ свою бурливу пѣснь!
Повѣдайте, кто васъ толь грозно разъяряетъ!
Журчите вы, ручьи, трепещущій потокъ,
Журчите пѣснь Ему, хвалу Его гласите, —
Вѣщайте мнѣ сію сладчайшую хвалу,
Когда я въ тишинѣ глубоко размышляю!
Вы, рѣки быстрыя, кипящи глубины —
Кротчайшая вода, блестящимъ лабиринѳомъ
Текущая въ лугахъ — великій Океанъ,
Міръ тайный, міръ чудесъ, чудесъ неисчислимыхъ!
Воскликните Его предивную хвалу, —
Того, Которой вамъ величественнымъ гласомъ
Шумѣть и утихать мгновенно вдругъ велитъ!
Чистѣйшій ѳиміамъ всѣ вкупѣ воскурите,
Травы, цвѣты, плоды, въ смѣшенныхъ облакахъ
Тому, Которой насъ всѣхъ солнцемъ возвышаетъ,
Дыханіемъ Своимъ вливаетъ запахъ сей,
И кистію Своей такъ чудно испещряетъ!
Качайтеся, лѣса, волнуйтесь, нивы всѣ,
Волнуйтеся Ему и пѣснь свою ввѣвайте
Въ сердечный слухъ жнецу, когда идетъ домой,

[1]) Сіи стихи прибавлены послѣ.
[2]) Я читалъ объ этомъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ.
[3]) Симъ Гимномъ заключаетъ Томсонъ свою поэму Seasons.

На отдыхъ по трудѣ, при лунномъ кроткомъ свѣтѣ!
Вы, стражи въ небесахъ, когда безъ чувствъ земля
Въ глубокомъ снѣ лежитъ — созвѣздія! излейте
Кротчайшіе лучи, когда на тверди сей,
Блистающей въ огняхъ, всѣ ангелы играютъ
На лирахъ сребряныхъ! О ты, источникъ дня,
Великаго Творца внизу здѣсь лучшій образъ —
О солнце — что всегда изъ міра въ міръ лієшь
Сей жизни океанъ! пиши на всей Натурѣ
Огнемъ лучей своихъ хвалу сего Творца! —
Гремитъ ужасный громъ!... Молчи благоговѣйно,
Преклоншій выю міръ, доколѣ облака,
Едино за другимъ, поютъ сей Гимнъ великій! —
Да холмы возгласятъ блеяніе свое!
Удерживайте звукъ, громады мшистыхъ камней! —
Долины да гласятъ отзывный громкій ревъ!
Великій Пастырь Царь, и Царство безмятежно
Сего Царя Царей еще пріидетъ впредь.
Проснитесь всѣ лѣса! изъ рощъ да изнесется
Пространнѣйшая пѣснь! Когда жъ мятежный день,
Кончаяся, весь міръ вертящійся повергнетъ
Въ дремоту, въ крѣпкій сонъ: сладчайшая изъ птицъ,
Прогнеина сестра: плѣняй молчащи тѣни!
И нощи возвѣщай Премудраго хвалу! —
А вы, для коихъ все твореніе ликуетъ —
Вы, сердце и глава всего, всего языкъ!
Вамъ должно увѣнчать сей важный Гимнъ Природы!
Въ обширныхъ городахъ толпящійся народъ!
Соедини свой гласъ съ глубокимъ симъ органомъ [1]),
Долгоотзывный гласъ, которой по часамъ,
Сквозь толстый, шумный басъ, въ торжественныя стойки
Пронзительно звучитъ; и какъ единый жаръ
Смѣшаяся съ другимъ, жаръ общій увеличитъ,
Въ усердіи всѣ вдругъ возвысьте вы его, —
Возвысьте всѣ свой гласъ къ превыспреннему небу!
Когда же лучше вамъ густыя тѣни селъ;
Когда для васъ суть храмъ священныя дубравы:
То пусть всегда свирѣль пастушья, дѣвы пѣснь —
Прелестный Серафимъ, въ восторги приводящій! —
И лира Бардова тамъ Бога всѣхъ временъ,
Во все теченье ихъ согласно воспѣваютъ! —
А если бъ я забылъ любезный свой предметъ,
Когда цвѣтутъ цвѣты, лучъ солнца жжетъ равнину,
И осень на землѣ, лія въ сердца восторгъ,
Сіяетъ и блеститъ; когда съ востока вѣтры,
Навѣя мракъ на все, къ намъ зиму принесутъ:
То пусть тогда языкъ мой вовсе онѣмѣетъ,
Утратитъ мысль моя всю живость, весь свой жаръ,
И, радостямъ умревъ, забудетъ сердце биться!
Хотя бы мнѣ судьба на отдаленный край
Зеленыя земли сокрыться повелѣла —
Въ тѣ дальнія страны, гдѣ варвары живутъ —
Къ рѣкамъ, которыхъ ввѣкъ не поминали пѣсни —
Гдѣ солнце напередъ лучемъ своимъ златитъ
Верьхи Индійскихъ горъ — гдѣ лучъ его вечерній
Блистаетъ посредѣ Атлантскихъ острововъ: —
Равно то для меня, когда Господь присутственъ
И чувствуемъ вездѣ: въ пустыняхъ и степяхъ,
Равно какъ въ городахъ, наполненныхъ народомъ —
Гдѣ жизнью дышитъ Онъ, тамъ радость быть должна.
Когда же наконецъ настанетъ часъ важнѣйшій
Мистическій полетъ мой окрылить въ міры,
Которымъ быти впредь: — я радъ повиноваться;
И тамъ, усилясь вновь, начну я воспѣвать
Велики чудеса, которыя увижу.
Куда я ни пойду, вездѣ, вездѣ узрю
Всеобщія Любви блаженную улыбку;
Любви, Которою круги міровъ стоятъ,
Живутъ всѣ ихъ сыны; и Коя вѣчно благо
Выводитъ изъ того, что кажется намъ зломъ,
Изъ блага лучшее, и лучшее во вѣки — —
Конца сей цѣпи нѣтъ. Но я теряюсь въ Немъ,
Теряюся совсѣмъ въ Неизреченномъ свѣтѣ.
Молчаніе! гряди витійственно вникать,
Вникать въ хвалу его!
1787.

VI. Весенняя пѣснь меланхолика.

Зима свирѣпая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снѣгъ;
И мракъ, все въ мірѣ покрывавшій,
Давно разсѣялся, исчезъ.
Не слышимъ рева вѣтровъ бурныхъ,
Страшавшихъ странника въ пути;
Не видимъ тучъ тяжелыхъ, черныхъ,
Текущихъ съ сѣвера на югъ.
Весна съ улыбкою приходитъ;
За нею слѣдомъ моръ течетъ.
На перьяхъ нѣжныя Природы
Играетъ, рѣзвится Зефиръ.
Дождь тихій съ неба намъ ліется
И все твореніе живитъ;
Въ поляхъ всѣ травы зеленѣютъ,
И лугъ цвѣтами весь покрытъ.
Уже фіялка распустилась,
Смиренно подъ кустомъ цвѣтетъ,
Амброзіей питаетъ воздухъ;
Не жда похвалъ благотворитъ.
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Хвалу всещедрому Творцу;
Любовь ихъ пѣсни соглашаетъ,
Любовь сердца ихъ веселитъ.
Овечки кроткія гуляютъ
И щиплютъ травку на лугахъ;
Въ сердцахъ любовь къ Творцу питаютъ
Безъ словъ Его благодарятъ.
Пастухъ играетъ на свирѣли,
Лежа безпечно на травѣ;
Питаясь духомъ благовоннымъ
Онъ хвалитъ красоту весны.
Вездѣ, вездѣ сіяетъ радость,
Вездѣ веселіе одно;
Но я, печалью отягченный,
Брожу уныло по лѣсамъ.
Въ лугахъ печаль со мною бродитъ;
Смотря въ ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее.
Творецъ премудрый, милосердый!
Когда придетъ весна моя,
Зима печали удалится
Разсѣется душевный мракъ?
1788.

VII. Господину Д. на болѣзнь его.

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Страдаетъ тотъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все томится,
Нигдѣ покоя въ мірѣ нѣтъ.
Но тѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить:
Что скоро, скоро мы престанемъ
Страдать, стенать и слезы лить.
Въ духовны сферы вознесемся,
Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
Тогда, мой другъ, тогда узнаемъ,
Почто страдали столько лѣтъ.
Тогда, бывъ свѣтомъ озарены,
Падемъ, поклонимся Творцу,

[1]) Deep organ. Кто знаетъ музыку, тому не странно покажется выраженіе глубокой органъ, т. е. органъ, издающій глубокіе тоны.

И слезы радости проливши,
Воскликнемъ къ нашему Отцу:
«Ты благъ, премудръ, могущъ чудесно!
«Ты все во благо превратилъ,
«Что намъ великимъ зломъ казалось!
«Ты насъ къ блаженству сотворилъ!»
1788.

VIII. Къ Д*.

„Многіе Барды, лиру настроивъ,
„Смѣло играютъ, поютъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней
„Мчатся по рощамъ, шумятъ.

* * *

„Многіе Барды, тоны возвысивъ,
„Страшныя битвы поютъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Стонъ пораженныхъ и смерть.

* * *

„Многіе Барды, тоны унизивъ,
„Сельскую радость поютъ —
„Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
„Вздохи, утѣхи любви.

* * *

„Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
„Намъ воспѣваютъ вино,
„Всѣхъ призывая имъ утолять
„Скуку, заботы, печаль.

* * *

„Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
„Душу приводятъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
„Гдѣ Анакреонъ другой?

* * *

„Мало осталось Бардовъ великихъ!“ —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся;
Лира упала изъ рукъ.

* * *

Быстро Зефиры съ Невскаго брега,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ...

* * *

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
Громко взываю, пою:
„Древніе Барды духъ свой вліяли
„Въ новаго Барда Невы!“
1788.

IX. Анакреонтическіе стихи А. А. П.

Зефиръ прохладой вѣетъ,
И Флору оставляя,
Зефиръ со мной играетъ,
Меня утѣшить хочетъ;
Печаль мою развѣять
Намѣренъ непремѣнно.
Зефиръ, напрасно мыслишь
Меня развеселить;
Мнѣ плакать не давая,
Ты въ сердце не проникнешь;
Моя же горесть въ сердцѣ.
Но если ты намѣренъ
Мнѣ службу сослужить,
Лети, Зефиръ прекрасный,
Къ тому, который любитъ
Меня любовью нѣжной;
Лети въ деревню къ другу.
Найди его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Вѣй въ слухъ его тихонько,
Что ты теперь услышишь.

«Разставшися съ тобою,
Чего не думалъ сдѣлать?
Разсматривалъ я призму,
Желая то увидѣть,
Что Нютонову душу
Толико занимало —
Что Нютоново око
Въ восторгѣ созерцало.
Но ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что Нютонова дара
Совсѣмъ я не имѣю;
Что мнѣ нельзя проникнуть
Въ составъ чудесный свѣта,
Дробить лучей седмичныхъ
Великаго свѣтила. —
Я Нютона оставилъ.
Читая философовъ,
Я вздумалъ философомъ
Прослыть въ ученомъ свѣтѣ;
Схвативъ перо, бумагу,
Хотѣлъ писать я много
О томъ, какъ человѣку
Себя счастливымъ сдѣлать
И мудрымъ быть въ сей жизни.
Но ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что духъ сихъ философовъ
Во мнѣ не обитаетъ;
Что я того не знаю,
О чемъ писать намѣренъ —
Вздохнувъ, перо я бросилъ.
Шатаяся по рощамъ,
Внимая Филомелѣ,
Я Томсономъ быть вздумалъ,
И пѣть златое лѣто;
Но ахъ! Мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что Томсонова гласа
Совсѣмъ я не имѣю —
Что пѣснь моя несносна —
Вздохнувъ, молчать я долженъ.
Теперь брожу я въ полѣ,
Грущу и плачу горько,
Почувствуя, какъ мало
Талантовъ я имѣю».
Зефиръ, Зефиръ прекрасный!
Лети въ деревню къ другу;
Найди его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Вѣй въ слухъ его тихонько,
1788. Что ты теперь услышалъ.

X. Военная пѣснь.

Въ чьихъ жилахъ льется кровь Героевъ,
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ Россъ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!
Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ —
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ —
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;
Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и трепещетъ;
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ, и кровь ихъ жадно пьетъ:
Туда спѣши, о сынъ Россіи,
Разить безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!
Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!

Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри Россіи врагъ!
Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!
1789.

XI. Осень.

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубровѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.
Поле и садъ опустѣли;
Сѣтуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися птички.
Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.
Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.
Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.
Странникъ печальный, утѣшься!
Вянетъ Природа
Только на малое время;
Все оживится,
Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова Природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.
Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.
1789.

XII. Графъ Гвариносъ.

Древняя Гишпанская Историческая пѣсня.

Худо, худо, ахъ французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.
И Гвариносъ былъ пойманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.
Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносѣ Цари;
Семь разъ сряду достается
Марлотесу онъ на часть.
Марлотесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
«О Гвариносъ!» онъ сказалъ:
«Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру пріими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебѣ.
«Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую такъ возьми,
«Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдамъ».
Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлотесу онъ сказалъ:
«Сохрани Господь небесный
И Марія, мать Его,
«Чтобъ Гвариносъ, Христіянинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждетъ меня!»
Марлотесъ, пришедши въ ярость,
Грозным голосомъ сказалъ:
«Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;
«И въ темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гніетъ тамъ понемногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!
«Цѣпи тяжки, въ семь сотъ фунтовъ
Возложите на него,
Отъ плеча до самой шпоры —
Страшенъ въ гнѣвѣ Марлотесъ!
«А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Въ кровь его тогда сѣките
Предъ глазами всѣхъ людей».
Дни проходятъ, дни приходятъ—
И насталъ Ивановъ день;
Христіяне и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.
Христіяне сыплютъ галгантъ [1]);
Мирты мечетъ всякой Мавръ [2]).
Въ почесть празднику заводитъ
Разны игры Марлотесъ.
Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасть въ нее копьемъ.
Всѣ свои бросаютъ копья,
Всѣ Арабы мѣтятъ въ цѣль.
Ахъ напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока.
Марлотесъ велѣлъ во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявить:
«Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ ни пить, ни ѣсть,»
Если цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!
И Гвариносъ шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
«Мать Святая, чиста Дѣва
Что за день такой пришелъ?
«Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать за-мужъ дочь свою?
Не меня ли сѣчь жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?»
Стражъ темничный то подслушалъ.
«О Гвариносъ! свальбы нѣтъ;
Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ . . .
«Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.
«Всѣ Арабы копья мечутъ.
Но не могутъ въ цѣль попасть;
Почему Король во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда объявилъ:
«Пить и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ».

[1]) Индѣйское растеніе.
[2]) Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали ули галгантомъ и миртами.

Тутъ Гварносъ встрепенулся;
Слово молвилъ онъ сіе:
«Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайте мнѣ копье булатно,
Коимъ я враговъ разилъ.
«Цѣль тотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Если жь я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ».
«Какъ!» на то тюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожить;
«И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказать Инфанту,
Что теперь ты говорилъ».
Скоро, скоро поспѣшаетъ
Стражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инфанту,
И приноситъ вѣсть ему:
«Знай, Гварносъ Христіянинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Если дать ему коня».
Марлотесъ, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.
Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.
«Ну, ступай!» сказалъ съ насмѣшкой
Мартолесъ, Арабской Царь:
«Покажи намъ, храбрый воинъ,
Какъ сильна рука твоя!»
Такъ, какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчится сей Герой;
Мечетъ онъ копье булатно —
На землѣ вдругъ цѣль лежитъ.
Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него:
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчетъ.
Солнца свѣтъ почти затмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.
Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.
1789.

XIII. Итальянская пѣсня.

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.
Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;
Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.
Я арфу взялъ—ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!...
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ.
28 августа 1789

XIV. Выздоровленіе.

Нѣжная матерь, Природа!
Слава тебѣ!
Снова твой сынъ оживетъ!
Слава тебѣ!

* * *

Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь
Медленнымъ годомъ казалось
Бѣдному мнѣ.

* * *

Желчію облито было
Все для меня;
Скука, уныніе, горесть
Жили въ душѣ.

* * *

Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, странными снами,
Адской мечтой.

* * *

Томное сердце вздыхало
Ночью и днемъ.
Тронули матерь Природу
Вздохи мои.

* * *

Перстъ ея, къ сердцу коснувшись,
Кровь разжидилъ;
Взоръ ея свѣтлый
Разсѣялъ мрачность души.

* * *

Все для меня обновилось;
Всѣмъ веселюсь—:
Солнцемъ, зарею, звѣздами,
Ясной луной.

* * *

Сонъ мой пріятенъ и кротокъ;
Солнечный лучъ
Снова меня призываетъ
Къ радостямъ дня.
Женева 13 декабря 1789 г.

XV. Изъ французской мелодрамы „Петръ Великій“.

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый царь,
Православной государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.
Любитъ царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ—
Тронъ, порфиру оставляетъ.—
Царь какъ странникъ въ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему—держава,
Всѣ опасности забава.
Для чего-жъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,—
Хладу, зною подвергаться?
Чтобъ вездѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чего-жъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?
Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Часъ и подданныхъ прославить
И въ *искусствѣ жить* наставить.
О *Великой* государь!
Первый, первый въ свѣтѣ Царь!—
Всю вселенную пройдете,
Но другова не найдете.
Апрѣль 1790.

XVI. Надпись Людовику XVI на обелискѣ въ Луврѣ.

Мы дѣлаемъ царю и другу своему
Лишь снѣжной монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ
привезенный.
Май 1790.

XVII. Эпитафія Лаланду.

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,—
Мудрецъ на небо преселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.
Май 1790.

XVIII. Изъ французской народной пѣсни.

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ.
Май 1790.

XIX. Гимнъ слѣпыхъ, сочиненный Оберомъ.

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣть намъ лучъ солнца Твоего
Хотя на часъ, на мигъ единый,
И новой тьмой для насъ покрой его:
Лишь только-бъ мы узрѣли
Благотворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.
Май 1790.

XX. Политика. Изъ Генріады Вольтера.

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ вовѣки не смыкаетъ
Ея глубоко—впадшихъ глазъ,
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у Истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За Небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разитъ лишь собственныхъ враговъ.
Май 1790.

XXI. Эпитафія Трульяку.

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человѣкъ (о диво!) былъ рогатъ!
Май 1790.

XXII.

Къ великолѣпію Цари осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ею быть хотимъ ослѣплены.
Іюнь 1790.

XXIII. Надпись Генриху IV.

Великій человѣкъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ алтарей.
Іюнь 1790.

XXIV. Эпитафія Тюрену.

Переводъ съ французскаго.

Честь Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Людовикъ его и въ гробѣ награждаетъ,
Желая свѣту доказать,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть, или тронъ славно защищать.
Іюнь 1790.

XXV. Изъ Делиля.

Кто жъ милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ
И горесть раздѣляй съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ нѣжными цвѣтами
Чувствительный во всемъ себѣ друзей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣняютъ
Тополь высокій, блѣдный тисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность знаютъ,
Любовникъ нѣжный мирты рветъ.
Для славы гордый лавръ растетъ:
Но ты милѣе тѣмъ, которые стенаютъ
Надъ прахомъ щастья и друзей
Іюнь 1790.

XXVI. Марли.

Изъ Делиля.

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно:
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя
Еще желаетъ побѣждать

Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,
Едва понятными уму.
Стихіи творческой Природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышатъ, говорятъ;
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,
И вверхъ стремяся упадаютъ
Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древами томно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ—богъ, лѣсочекъ всякой—храмъ*).
Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
На лаврахъ славы отдыхая,
И будто весь Олимпъ свывая
Къ себѣ на велелѣпный пиръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.
Іюнь. 1790.

XXVII. Надписи къ Эрменонвилю.

I.

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:
Здѣсь видъ богатыя Природы
Есть образъ щастливой свободы
И милой сердцу простоты.

II. Къ хижинѣ отшельника.

Здѣсь поклоняюся Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

III. Къ вязу.

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснялся:
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

IV. Къ хижинѣ Габріели.

Здѣсь было царство Габріели;
Ей надлежало дань платить.
Французы издавна умѣли
Сердцами красоту дарить.

V.

Здѣсь Габріели страстной
Вворъ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ восторгъ приходитъ
Отъ имени ея;
Оно на мысль приводитъ
Намъ добраго Царя.

VI. Къ гроту.

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ воспоминайте
Петрарковы мечты!

VII. Къ жертвеннику.

Дружбѣ, бальзаму жизну.

VIII. Къ канапе Руссо.

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.
Іюнь 1790.

*) Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

XXVIII. Эпитафія Руссо.

Переводъ съ французскаго.

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и счастіе дѣтей. *)
Іюнь. 1790.

XXIX. Надпись къ Амуру въ Шантильи.

Грувеля. (Переводъ съ французскаго.

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Постоянство некрылатъ,
Онъ былъ въ Астреинъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи проводимъ.
Іюнь. 1790.

XXX. Алина.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила—но въ дѣйствіяхъ несчастна! . . .
Внимайте, нѣжныя сердца!
Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедраго Творца,
Гдѣ Сона свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые брега,
Сады, цвѣтущіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души ангельской душой;
Плѣняла—и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ старецъ—въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги онъ искалъ;
Увидѣлъ — вольности лишился:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказавъ: люблю! отвѣта ждалъ . . .
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дать,
Но все молчаніемъ сказала.—
Другъ друга вѣчно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что въ минутной жизни вѣчно?
Что клятва? — искренній обманъ!
Что сердце? — вѣтреный тиранъ!
Оно въ желаньяхъ своевольно,
И самымъ щастьемъ — недовольно.
Осыпанный любви цвѣтами,
Ея нѣжнѣйшими дарами,
Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
Ласкаемый подругой милой,
Имѣлъ видъ томной и унылой,
И въ землю потуплялъ глава,
Когда блестящая слеза
Любви, чувствительности страстной
Катилась по лицу прекрасной;
Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,

*) Переводъ одной изъ надписей въ Эрменонвилѣ.

И розы тлѣли на устахъ.
Чего ему не доставало?
Онъ милой былъ боготворимъ!
Прекрасная дышала имъ!
Но верхъ блаженства есть начало
Унылой томности въ душахъ;
Любовь, восторгъ, холодность смежны.
Увы! почтожъ сей пламень нѣжный
Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?
 Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
Глава чувствительной Алины
Могли-ль премѣны не видать?
Могло-ль ей сердце не сказать:
«Уже твой другъ не любитъ страстно?»
Она надѣется (напрасно!)
Любовь любовью обновить:
Ее легко найти исканьемъ,
Всегдашней ласкою, стараньемъ;
Но чѣмъ же можно возвратить?
Ничѣмъ! въ немиломъ все не мило.
Алина таже, что была,
И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
Но чувство друга къ ней простыло;
Когда онъ съ нею—скука съ нимъ.
Кто нами пламенно любимъ,
Кто прежде самъ любилъ насъ страстно,
Тому быть въ тягость наконецъ
Для сердца нѣжнаго ужасно!
Милонъ не есть коварный льстецъ:
Не хочетъ больше притворяться,
Влюбленнымъ безъ любви казаться —
И дни проводитъ розно съ той,
Которая одна, безъ друга,
Проводитъ ихъ съ своей тоской.
Увы! несчастная супруга
Въ молчаніи страдать должна . . . .
И скоро узнаетъ она,
Что вѣтреный Милонъ другою
Любезной женщиной плѣненъ;
Что онъ сражается съ собою,
И, сердцемъ въ горесть погруженъ,
Винитъ жестокость злой судьбины *)
 Ударъ послѣдній для Алины!
 Ахъ! сердце друга потерять,
 И счастію его мѣшать
 Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,
 Лютѣе всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
Міръ хладный, жизнь противны ей;
Она бѣжитъ отъ глазъ людей . . . .
Но горесть лишь себѣ находитъ
Во всемъ, вездѣ, гдѣ бъ ни была! . . .
Алина въ мрачной лѣсъ приходитъ
(Несчастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
И видитъ храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный;
Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
И мраморъ желтымъ мхомъ покрытъ;
Тамъ древность божеству молилась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, нѣжныя Терезы;**)

*) Женщина, въ которую Милонъ былъ влюбленъ, сама любила его; но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

**) См. III ч. «Писемъ Р. Путеш.»-Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоритъ или мыслитъ Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и которой хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти несчастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

Они жить вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукѣ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслитъ: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпяхъ онъ воленъ
«Объ другѣ сладостно мечтать —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
«Себя надеждою счастливой.
«Неблагодарные! зачѣмъ,
«Въ жару любви нетерпѣливой
«И въ изступленіи своемъ,
«Вы Небо смертью оскорбили?
«Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были
«Столь милы, какъ . . . любовь моя!
«Но счастьемъ полнымъ насладиться,
«Измѣной вдругъ его лишиться,
«И въ тягость другу быть, какъ я . . .
«Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
»Лишь Богу одному судить! . . .
«Когда мнѣ здѣсь уже не можно
«Для счастія супруга жить,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовать собой!»
 Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой,
И смерть приближилась къ несчастной.
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ.
И снова, какъ любовникъ страстной,
Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можетъ быть виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!»—томнымъ голосомъ супруга
Ему сказала: «ты любилъ,
«Любилъ меня! и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но есть ли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винить себя?
«Цвѣтъ счастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство столь безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когда бъ продлить его онъ могъ . . . .
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можетъ отвратить!
«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Стремится нѣжность изъявить . . . .
«Но дай ей умереть счастливо.
«Дай слово мнѣ—спокойнымъ быть,
«Снести потерю терпѣливо
«И снова—для любови жить!
«Ахъ! если ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь.
«Довольно для меня! . . . Прости!
«Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ надѣюсь будешь мой! . . .»
Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ несчастіи жизнь намъ не мила . . .
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла . . . .
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ итти за нею въ слѣдъ;
Но, гласомъ дружбы убѣжденный,
Остался жить. Онъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ Неба и людей смягчилъ;

Живой Алинѣ измѣнилъ,
Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!
Іюнь. 1790.

XXXI. Мишенькѣ.

Итакъ ты хочешь пѣсни,
Любезный, милый отрокъ?
Не всѣмъ пою я пѣсни,
И рѣдко, очень рѣдко
За арфу принимаюсь.
Въ моихъ весеннихъ лѣтахъ
Я пѣлъ забавы дѣтства,
Невинность и безпечность.
Потомъ въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ,
Я пѣлъ блаженство дружбы,
Съ любезнымъ Аполлономъ
Въ восторгѣ обнимаясь.
Я пѣлъ хвалу Никандру,
Когда онъ беззащитнымъ
Былъ вѣрною защитой,
И добрыми дѣлами
Нимало не хвалился.
Я пѣлъ хвалу Наукамъ,
Которыя намъ въ душу
Свѣтъ правды проливаютъ;
Которыя намъ служатъ
Въ часъ горестный отрадой.
Гдѣ снѣжныя громады
Лучъ солнца погашаютъ;
Гдѣ мрачный, острый Шрек-
горнъ ¹)
Громъ, бури отражаетъ
И страшныя лавины ²)
Въ долины низвергаетъ:
Тамъ въ ужасѣ я славилъ
Величіе Натуры.
Въ странахъ, гдѣ Ельба,
Реинъ
И Сона быстро мчатся
Между бреговъ цвѣтущихъ,
Я пѣлъ природы щедрость,
Пріятность, миловидность.
Теперь, любезный отрокъ,
Тебѣ пою я пѣсню.
Въ долинахъ мирныхъ,
тихихъ,
За снѣжными горами,
Живетъ мудрецъ великой ³),
Которой научаетъ,
Какъ можно въ нашихъ лицахъ
Всю душу нашу видѣть.
Недолго я учился,
Однако-жъ знаю нѣчто,
Чему мудрецъ сей учитъ.
Въ тотъ день, какъ ты родился,
Природа улыбалась:
Твоя душа любезна
Подобна сей улыбкѣ
Прекрасныя Природы
Цвѣти, любезный отрокъ!
Любя добро всѣмъ сердцемъ
Ты будешь счастливъ въ
жизни,
Она подобна будетъ
Пріятнѣйшей улыбкѣ
Прекрасныя природы.
11 іюня 1790 г. Лондонъ.

¹) Одна изъ высочайшихъ горъ въ Швейцаріи.
²) Такъ называются въ Швейцаріи кучи снѣга, катящіяся съ горъ.
³) Лафатеръ, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ своими физическими сочиненіями.

XXXII. Исторія Лодоны.

(Изъ Попе).

. . . . Изъ юныхъ Нимфъ ея *) дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась:
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля птицъ, звѣрей утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струистыхъ волосахъ;
Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ,
И мѣткое копье **) за серною свистало.
Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспылало.
Она бѣжитъ... въ любви предметъ бѣгущій милъ.
И Нимфа робкая стыдливостью своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица летитъ отъ хищнаго орла,
Какъ яростный орелъ стремится вслѣдъ за нею,
Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ
И ближе, ближе къ ней. Она изнемогаетъ...
Слаба, блѣдна... въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ,
Уже тѣнь Панова Лодону настигаетъ,
И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его, какъ вѣтеръ, развѣваетъ
Ей волосы... Тогда, оставлена Судьбой,
Въ отчаяньи своемъ несчастная, къ богинѣ
Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
«О Цинтія! меня; въ дубравы принеси,
«На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
«Стенаю горестью, но слезы лью ручьемъ!»
Исполнилось... и вдругъ какъ будто бы слезами
Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
Чистъ, хладенъ, какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаетъ
Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
Діана моется въ его водѣ кристальной,
И память Нимфина донынѣ ей мила:
Когда вообразитъ ея конецъ печальный,
Струи сливаются съ богининой слезой.
Пастухъ, задумавшись, журчанью ихъ внимаетъ;
Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаетъ
Луну у ногъ своихъ и горы внизъ главой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И воду свѣтлую собою зеленящихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
Лодона тихая едва, едва струится;
Но вдругъ, быстрѣе ставъ въ теченіи своемъ,
Спѣшитъ съ отцомъ ея навѣкъ соединиться. ***)
Іюль 1790 г.

XXXIII. Гимнъ.

Переводъ съ англійскаго.

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;
Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ нами,
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.
1790 іюль.

*) Діаны—Цинтіи.
**) Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины нимфы, были бросаемы въ звѣрей.
***) Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

XXXIV. Надпись (Изъ драмы Шекспира «The Tempest».)

Колоссы гордые, вѣковъ произведенье,
И храмы славные, и самый шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, исчезнетъ какъ творенье
Воздушныя мечты, развалинъ за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!
Августъ 1790.

XXXV. Эпитафія Гею.

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде *думалъ* я, а нынѣ *знаю* то.
Августъ 1790.

XXXVI. Филлидѣ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасный,
Въ который ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри какъ вся Природа,
Ликуетъ, веселится!—
Взгляни же и на друга,
Который для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златострунну,
Чтобъ радостную пѣсню
Сыграть на ней Филлидѣ,
Въ счастливый день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излить желанья дружбы.
Да будетъ годъ твой красной
Единымъ майскимъ утромъ,
Которое питаетъ
Ясмины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!
Будь радостна, беспечна,
Какъ радостенъ, беспеченъ
Пѣвецъ весны и утра,
Віясь подъ облаками!
Когда жъ вздохнуть захочешь—
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни?—
Да будетъ вздохъ твой кротокъ!
И если въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца,
Блистай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!
Въ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства—
Представь намъ Аполлона
И вдругъ, когда потужишь
Что юноша не дышитъ,
Да оживится образъ,
И ставъ передъ тобой...
Филлида! я умолкну.
1790.

XXXVII. Къ прекрасной.

Гдѣ ты. Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?
Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?
Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный *),
Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?
Гласъ твой божественный часто внимаю:
Часто сквозь облака образъ твой вижу—
Руки къ нему простираю—
Облако, воздухъ объемлю!
1791.

XXXVIII. Раиса.

Древняя Баллада.

Въ тьмѣ ночной ярилась буря,
Сверкалъ на небѣ грозный лучъ;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.
Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.
Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенаній заглушить.
Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.
Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтвями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.
Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него.
Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.
Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!
«Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?
«Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все. прощу тебя!—
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

---

*) Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго отдѣленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верхи, ихъ кажутся разноцвѣтными.

«Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.
«Когда-жъ явился ты какъ ангелъ:
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ,
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.
«Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.
«Душа моя въ твою вселилась;
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла;
Ты былъ мнѣ образъ Божества.
«Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И счастливъ былъ бы мой конецъ.
«Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ:
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,
«Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала...
Уже далеко былъ Кронидъ!
«Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.
«На холмъ высокой я спѣшила....
Несчастная!... Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.
«Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида—
Но ты не хочешь мнѣ внимать.
«Теперь злосчастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ..
Душа моя покоя жаждетъ...
Прости... Будь щастливъ безъ меня!...
Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.
1791.

XXXIX. Веселый часъ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край, вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!
Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.
Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой Мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.
Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.
Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!
Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!
1791.

XL. Пѣснь мира.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ свѣтлѣе Феба
На главѣ его блеститъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ эѳира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай.
Хоръ.
Бури, громы умолкаютъ;
Тучи черны исчезаютъ;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.
Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь:
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрится вдалекѣ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.
Хоръ.
Милліоны веселитесь,
Милліоны обнимитесь,
Какъ объемлетъ брата братъ!
Лобызайтесь всѣ стократъ!
Птички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ тигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все твореніе дружится,
На землѣ и на водахъ.
Хоръ.
Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!
Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На брегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляютъ хороводъ.
И Силенъ неутомимой
Громкимъ голосомъ поетъ
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.
Хоръ.
Пойте,пойте духа радость!..
Лейте, лейте въ сердце сладость!..
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!
Музы, Граціи, сплетая
Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога тихихъ, райскихъ дней,
Нѣжно всѣ его ласкаютъ
Съ видомъ счастливой любви,
И въ восторгѣ восклицаютъ:
«Вѣчно съ нами, Миръ, живи!
Хоръ.
Вѣчно съ нами, Миръ прелестный,
Вѣчно съ нами, сынъ небесный,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанетъ горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Счастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Хоръ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
И ко дружбѣ обратился.
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы вълюбви!

Цѣпь составьте, милліоны,
Дѣти одного отца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитеся — любить!
Чувствомъ, мыслію клянитесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить!

Хоръ.

Мы клянемся всѣ сердечно
Въ мирѣ съ братьями жить вѣчно!
Отче! слышишь клятву чадъ!
Мы твердимъ ее стократъ.

1791.

XLI. Эпитафія калифа Абдулрахмана.

Богатства, слава, власть! я вами наслаждался;
Востокъ и Западъ мнѣ со страхомъ покланялся;
Съ престола я свергалъ сильнѣйшихъ изъ царей;
Полвѣка богомъ слылъ, былъ счастливъ — десять дней.

1791.

XLII. Къ богинѣ здравія.

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!
Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огнь погасъ,
И сердце томно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.
И червя оживляетъ
Прохладный вѣтерокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ страдать?
Хотя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хотя едину каплю
Пролей въ мои уста —
И буду исцѣленъ!
Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

1791.

XLIII. Къ милости [1]).

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?
Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.
Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.
Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человѣкъ рожденъ;
Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти — подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славить прелести Твои;
Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;
Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ: —
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.
Спокойствія Твоей державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

1792.

[1]) Писано въ царствованіе Екатерины.

XLIV. Эпитафіи.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двухлѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій: она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца.
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она, какъ ангелъ, улыбалась:
Что жъ тамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся милый прахъ!
Небесная душа, ликуй на небесахъ!

4.
Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно возвратилась.
5.
Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

XLV. НА РАЗЛУКУ СЪ П**.

Насталъ разлуки горькой часъ!...
Прости, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: не плачь! и слезы проливаю!
Но такъ назначено судьбой —
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣетъ за тобой!
Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ знатность, слава
Тебя съ дарами ждутъ. Души твоей и нрава
Ничто не премѣнитъ; ты будешь вѣчно *ты* —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —
И видя вкругъ себя пороки, подлость, лесть,
Которыхъ цѣль есть суетная честь,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣйшее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;
Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ нами синій сводъ,
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Нерѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба длань благую;
Въ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы, пѣснь святую:
На крыльяхъ молніи къ Нему летѣлъ нашъ духъ!...
Ты вспомнишь все сіе, и слезы покатятся
По блѣдному лицу. Ахъ, милой, нѣжной другъ!
Сіи блаженны дни вовѣкъ не возвратятся! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою...
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И утренній пѣвецъ [1]) гласитъ намъ пѣсть свою —
Увы! тебя здѣсь нѣтъ!... цвѣты вездѣ пестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не цвѣтетъ...
Прости! благій Отецъ и Геній твой съ тобою.
Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ,
Прости! твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ.
Не скажутъ ввѣкъ объ немъ, чтобъ онъ чиновъ искалъ;
Чтобъ знатнымъ подлецамъ когда нибудь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ колѣна преклоняетъ;
Страшится — одного себя;
Достоинства одни сердечно уважаетъ,
И любитъ всей душей тебя.
1792 г.

XLVI. ПРОСТИ.

Кто могъ любить такъ страстно
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

[1]) Жаворонокъ.

Мучительно плѣниться,
Быть страстнымъ одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.
Не знатенъ, я не славенъ:
Зачто меня любить?
Не веселъ, не забавенъ:
Могулъ кого прельстить?
Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!
(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.)
Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своей,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви твоей!
Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —
Надежды лучь блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владѣетъ
Навѣкъ рукой твоей!...
Будь счастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — вѣкъ мила! —
Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!
1792.

XLVII. Кладбище.

Одинъ голосъ
Страшно въ могилѣ, хладной и темной!—
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.
Другой голосъ.
Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры здѣсь вѣютъ; спящимъ прохладно;
Травки, цвѣточки растутъ.
Первый.
Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Змѣи въ крапивѣ шипятъ.
Второй.
Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ.
Первый.
Тамъ обитаютъ черные враны,
Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.
Вторый.
Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.
Первый.
Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.
Вторый.
Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіалокъ,
Бѣлыхъ ясминовъ, лилей.
Первый.
Странникъ боится мертвой юдоли;

Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.
Вторый.
Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира—посохъ бросая,
Тамъ остается навѣкъ.

XLVIII. Пѣсня.

1792.

(Съ датскаго).

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?
Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?
Люблю—любить ввѣкъ буду
Кляните страсть мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!
Священная Природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала;
Твои дары благіе
Украсили ее—
Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лилу я любилъ!
Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви.—
О Борнгльмъ, милый Борнгольмъ!
Къ тебѣ душа моя
Стремится безпрестанно;
Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю!
Навѣкъ я удаленъ
Родительскою клятвой
Отъ береговъ твоихъ!
Еще ли ты, о Лила!
Живешь въ тоскѣ своей?
Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизнь?
Явися мнѣ, явися,
Любезнѣйшая тѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

1793.

XLIX. Весеннее чувство.

Пришла весна—цвѣтетъ земля;
Древа шумятъ въ вѣнцахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля:
Стада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!
И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава:
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѳиміамъ
Цвѣтовъ и древъ и травъ душистыхъ
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ,—
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!
Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушать?..
Безсмертный человѣкъ!.. созданный
Собой Натуру украшать!..
Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!
Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ *);
Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко счастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей!

1 мая 1793.

L. Волга.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристальныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебѣ, о Волга! величать,
Богиней пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ—
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь—
Хвалить красу твоихъ бреговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтаютъ,
Поля волнистыя сіяютъ
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ которыхъ древле раздавался
Единый страшный ревъ звѣрей,
И эхомъ ввѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей—
Бреговъ, гдѣ прежде обитали
Орды Златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухѣ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Нерѣдко кровью обагрялись
Святыхъ, но слабыхъ Христіанъ;
Гдѣ враны трупами питались
Несчастныхъ древнихъ Россіянъ;
Но гдѣ теперь одной державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чтутъ,
Богиню счастія и славы**)—
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я природу полюбилъ,—
Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ, въ лѣсу пустынномъ?
Дерзну ли пѣть, о мать рѣка!
Какъ ты, красуяся въ теченьѣ
По злату чистаго песка,
Несешь земли благословенье ***)
На сребряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,

*) Начало военныхъ дѣйствій весною.

**) Писано въ царствованіе Екатерины.

***) То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими плод земли.

Вездѣ страны обогащаешь
Въ блистательномъ пути твоемъ;
Какъ быстро плаватель безстрашной
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ стихіи влажной,
Въ твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,
Хваля благопріятный вѣтръ,
И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подъемлется осетръ,
Играетъ на верху съ волнами,
Съ твоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаетъ ихъ?—
Когда жъ подъ тучами со гнѣвомъ,
Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ревомъ,
Начнешь кипѣть въ брегахъ своихъ—
Какъ вихри воздухъ раздираютъ,
Какъ громы съ трескомъ ударяютъ,
И молніи шипятъ въ волнахъ—
Когда пловцы, спастись не чая,
И къ небу руки простирая,
Хладъ смерти чувствуютъ въ сердцахъ:—
Какая кисть дерзнетъ представить
Великость зрѣлища сего?
Какая пѣснь возможетъ славить
Ужасность гнѣва твоего?..
Едва и самъ я въ лѣтахъ нѣжныхъ,
Во цвѣтѣ радотсной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мятежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.
Уже безъ вѣтрилъ. безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;
Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
Уже сіяла хлябь подъ нами
Своими пѣнными устами;
Надежды лучъ въ душахъ блѣднѣлъ;
Уже я съ жизнію прощался,
Съ ея прекрасною зарей:
Въ тоскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей..
Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье*—
Утихло бурное волненье,
И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ:
Какой восторгъ! какая радость!
Я землю страстно лобызалъ,
Я чувствовалъ всю жизни сладость.—
Сколь ты въ величіи своемъ,
О Волга! яростна, ужасна,
Столь въ благости мила, прекрасна:
Ты образъ Божій въ мірѣ семъ!
Теки, Россію украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великость прославляя,--
Доколѣ времени рука
Не истощитъ твоей пучины..
Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избѣжать :
И ты должна свой вѣкъ скончать—
Но прежде многіе народы
Истлѣютъ, превратятся въ прахъ,
И блескъ цвѣтущія Природы
Померкнетъ на твоихъ брегахъ.
1793. г.

LI. Молитва о дождѣ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!
Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ—
Нѣжный ландышъ, василекъ
Пылью сѣрою покрыты—
Не питаетъ ихъ роса...
Дѣти матерью забыты!
Солнце жжетъ, палитъ лѣса.
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчать престали;
Истощилася рѣка.
Агнецъ пищи не находитъ:
Черенъ холмъ и черенъ долъ.
Конь въ степи печально бродитъ;
Тощъ и слабъ ревущій волъ.
Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?
Гибнутъ всѣ его плоды!...
Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя, за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!
Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!
Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:
Неужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Неужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ?—
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля—
Пѣсни въ рощи возвратятся—
Благодарный ѳиміамъ
Воскурится къ небесамъ!
1793.

LII. Пѣснь Божеству *).

Господь Природы,—Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Отецъ чувствительныхъ сердецъ:
Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъявляетъ
И въ скорби льетъ потоки слезъ!
Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій,—
Въ странахъ эѳирныхъ и земныхъ!
Блаженство, свѣтъ души вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто—сердцемъ, чувствомъ одаренной—
Тебя назвать мечтою могъ?
Тебя?.. И страшнымъ громомъ неба
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?
Но ты великъ! но Ты незнаешь,
Какъ мстить,—наказывать враговъ:
Они ничто—Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ—Своихъ сыновъ,

*) Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *нѣтъ Бога*!

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь.
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.
Любовь!... и съ кроткимъ удивленьемъ,—
Въ минуту славы торжества,—
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;
Обнимутъ руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую—
Рекутъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*
1793.

LIII. Къ соловью.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.
Но почтожъ рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою...
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!...
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;
Сердцу скучно одному—
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.
Скоро ль пѣснію своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?
1793.

LIV. Надгробная надпись Боннету *).

Онъ былъ великъ душей своей,
И міру жизнію полезенъ;
Любилъ Природу и людей,—
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной.—
Леманъ **)! въ зерцалѣ водъ твоихъ
Затмился зракъ его священный;
Но умъ, но духъ его нетлѣнный
Живетъ въ твореніяхъ своихъ.
1793.

LV. Любезной.

Въ день ея рожденія.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: *будь мила!*...
«Будь счастлива!» сказать богиня не могла.
1793.

LVI. Странность любви или безсонница.

Кто для сердца всѣхъ страшнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!
«Кто же милая твоя?»
Я стыжусь; мнѣ, право, больно
Странность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!...
Что сказать? Она... она...
Ахъ! нимало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;
Не блистаетъ остротою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.
Знайте также, что она
Не Венера красотою—
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ эфирна и томна,
Что безъ жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!
«Что жь такое думать должно?
«Увѣряютъ старики
«(Въ этомъ дѣлѣ знатоки),
«Что *любовь любовь раждаетъ*,—
«*Сердце нравится любя*:
«Можетъ быть, она плѣняетъ
«Жаромъ чувствъ своихъ тебя;
«Можетъ быть, она на свѣтѣ
«Не имѣетъ ничего
«Для души своей въ предметѣ,
«Кромѣ сердца твоего?
«Ахъ! любовь и страсть такая
«Есть небесная, святая!
«Умъ блестящій,, красота
«Передъ нею суета.»
Нѣтъ!... Къ чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вамъ, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нѣжной, страстной не бывала,
И съ любовью на меня
Глазъ своихъ не устремляла.
Нѣтъ въ ея душѣ огня!
Тщетно пламенемъ пылаю—
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь.
Такъ, какъ Эхо *), изсыхаю—
Нѣтъ отвѣта на любовь!
Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою,
Богъ коварный—Купидонъ!
Ядовитою стрѣлою
Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ твой законъ,
Мудрыхъ мудрости лишая,
И ученыхъ кабинетъ

---

*) Которая излилась изъ души моей въ самой тотъ часъ, какъ я получилъ извѣстіе о смерти сего незабвеннаго друга человѣчества, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца, любезнаго моему сердцу.

**) Женевское озеро. — Боннетъ жилъ на берегу его.

*) Т. е. Нимфа, которая отъ любви къ Н[illegible]циссу превратилась—въ ничто, и которой [illegible] слышимъ мы иногда въ лѣсахъ и пустыняхъ, называемъ—эхомъ.

Скоро настанетъ и вечеръ;
Вечеръ для отдыха данъ.
Пользуйтесь часомъ работы,
Пользуйтесь временемъ дня.

II.

Весело въ полѣ работать:
Будьте прилежны, друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!
Звѣри работы не знають,
Птицы живутъ безъ труда:
Люди не звѣри, не птицы
Люди работой живутъ.

1793.

LXI. Изъ «Софоклова Эдипа въ Колонѣ».

Эдипъ.

Гремитъ ужасный громъ, небесный сводъ пылаетъ —
О боги! часъ насталъ погибели моей!
Эдипъ, Эдипъ сей міръ навѣки оставляетъ
И сердца своего любезнѣйшихъ друзей!...
Простите!.... громъ гремитъ!

Хоръ.

Громъ гремитъ
И разитъ!....
Мы сердцами
И слезами
Молимъ васъ,
Боги гнѣва.
И Эрева,
Въ страшный часъ!
Ахъ! пошлите
Солнца лучъ!
Разгоните
Мраки тучь!....
Нѣтъ спасенья,
Избавленья
Намъ въ бѣдахъ!..
Погибаемъ!....
Ощущаемъ
Смерть въ сердцахъ!

1793.

LXII. Къ отечеству. Пѣснь аѳинянъ.

Цвѣти, отечество святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ боготворимъ тебя,
И въ жертву принести себя
Для пользы твоея готовы.
Ахъ! смерть ничто, когда оковы
И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ!
Такъ древле Кодры умирали,
Такъ Леониды погибали
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
Союзъ родства и узы крови
Не такъ священны для сердецъ,
Какъ святъ законъ твоей любови.
Оставитъ милыхъ чадъ отецъ,
И сынъ родителя забудетъ,
Спѣша отечеству служить:
Умретъ онъ, но потомство будетъ
Героя полубогомъ чтить.

1793.

LXIII. Пѣснь Вакху.

Вакхъ не терпитъ мрачныхъ взоровъ;
Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
Радость въ сердце тихо льетъ:
Зависть, злобу истребляетъ;
Горесть, скорби умерщвляетъ;
Въ мирѣ съ добрыми живетъ.

* * *

Пойте Вакха, пойте радость,
Пойте щастье, пойте младость—
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

* * *

Впредь что будетъ, мы не знаемъ—
Что прошло, позабываемъ:
Настоящее для насъ.
Презримъ суетность земную,
Важность скучную, пустую:
Часъ веселья сладкой часъ.

* * *

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость—
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

1793.

LXIV. Амуръ въ плѣну у Музъ.

Я неволенъ
Но доволенъ,
И желаю плѣннымъ быть.
Милы узы
Ваши, Музы:
Ихъ не тягостно носить.
Что мнѣ въ волѣ?
Я въ неволѣ
Веселъ, щастливъ и блаженъ.
Наслаждаюсь
Восхищаюсь
И любовію упоенъ.

1793.

LXV. Пѣснь Сафина.

Почто, о богъ любви коварной,
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ?
Почто?—Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!
Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ—
Дрожу, томлюся, умираю
Въ восторгѣ, въ пламенныхъ слезахъ [1]).
Мнѣ все противно, все постыло,
Когда сокроется Фаонъ;
Брожу въ лѣсахъ одна уныло—
Зрю тьму вездѣ и слышу стонъ.
Жестокій Сафою скучаетъ;
Ему несносенъ взоръ ея.
Жестокій Сафы убѣгаетъ;
Ему несносна жизнь моя!
На что же мнѣ вздыхать, томиться?
Любовь злощастная есть адъ.

[1]) Читатели вспомнятъ послѣднюю строфу извѣстной Сафиной оды.

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ,—
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить,—
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно.
Когда нещастныхъ Данаидъ [1])
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ пріиметъ лучшій видъ:
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помиритъ;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго проститъ.
Дотолѣ истина опасна,
Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать—
И часто ядъ тому есть плата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть—
(Зефиры съ нами отыграли!)
Но мы не должны унывать:
Живемъ по общему закону!...
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону [2]),
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Любезныхъ Музъ прелестнымъ даромъ [3]).
Онъ съ нѣжнымъ, трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ:
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпѣлъ жестокій зной и хладъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.
Она внимала, удивлялась;
Брала участіе во всемъ:
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: я люблю тебя!
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душею.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ дней.
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно—менѣе страдать:
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.
Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу [1])
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ—тамъ—за синимъ океаномъ,—
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ... но мы еще не зримъ.
1794.

LXIX. Къ ней.

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, тобою воспаленный,
Погаснетъ ли когда въ крови?
Погаснетъ съ жизнію, не прежде!
И мнѣ ль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль порхать бабочкой, въ надеждѣ
Другую болѣе любить?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можетъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю:
Не станетъ сердца, милой другъ,

[1]) Онѣ въ подземномъ мірѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.
[2]) Смотри Шекспирову трагедію Отелло.
[3]) Т. е. даромъ краснорѣчія.

[1]) Древніе Поэты говорили, что златая Фебова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою —
Чтобъ щастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрыть
Со вздохомъ горести, съ тоскою!
1794.

LXX—LXXI. Двѣ пѣсни.

I.

Мы желали — и свершилось! . . .
Лиза! Небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный часъ!
Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ. . .
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!
Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, естьли должно
Смертнымъ слезы проливать.
Нѣжность горе услаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.
Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я навѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.
Пусть Прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ:
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ:
Пусть другіе любятъ ихъ!
Было время заблужденій;
Я, какъ бабочка, леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!
Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.
Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!
Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?
Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ:
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.
Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава:
Въ твоихъ глазахъ покой.
Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней:
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.
Когда ты скажешь: *милой!*
Проходитъ грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!
Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нещастливъ безъ тебя.
Но естьли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я нещастной? . . .
Сырой землей покрытъ!
Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ:
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!
1794.

LXXII Приписаніе къ г-жѣ N,

которая желала, чтобъ я списалъ для нея сіи двѣ пѣсни.

Невольникъ въ тягостныхъ цѣпяхъ
О волѣ милой помышляетъ,
Старикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ:
Томимый жаждой вспоминаетъ
О свѣтлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
А я чѣмъ сердце занимаю?
О щастливой любви мечтаю!
1794.

LXXIII. Посланіе

къ

Александру Алексѣевичу Плещееву.

Мой другъ! вступая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душею,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!
О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ ивъ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ [1])
Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ десять тысячъ было мнѣній,
Ученыхъ философскихъ преній,
Въ архивахъ древности сѣдой [2])
О средствахъ жить щастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно такъ, мой другъ: въ семъ счетѣ
Ошибки нѣтъ. Ѳалесъ, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симміи, Стильпоны,

[1]) Сіи стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣнію ивъ.

[2]) Десять тысячь!! Читатель можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десять тысячь.

Эсхины, Эмміи, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щастію манили
Своею . . . нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудрости растетъ;
Что въ немъ нетлѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣтетъ.
Слова казалися прекрасны,
Но только были несогласны.
Одинъ кричалъ: *ступай туда!*
Другой: *нѣтъ, нѣтъ, поди сюда!*
Чтожь Греки дѣлали? Смѣялись;
Ученой распрей забавлялись,
А щастье . . . называли сномъ!
И въ наши времена о томъ
Бываетъ много шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также обѣщаютъ
Открыть прямой ко щастью слѣдъ;
Въ глаза же щастія не знаютъ;
Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ:
Живутъ, и горькими слезами
Судьбѣ тихонько платятъ сами
За право умниками слыть,
О щастьи въ книгахъ говорить!
Престанемъ льстить себя мечтою,
Искать блаженства подъ луною!
Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япетовъ сынъ эѳирный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но щастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, осталось.
Вздыхай, тужи: но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: «да будетъ свѣтъ
«Жилищемъ призраковъ, суетъ,
«Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!»
Рекли — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ латы нарядились,
Плѣняся Славы красотой:
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умерщвлять людей;
Одни престоловъ захотѣли,
Другіе самыхъ олтарей;
Одни шумящими рулями
Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Отверзли въ землю темный ходъ,
Чтобъ взять пригоршни свѣтлой пыли! . . .
Мечты всѣмъ головы вскружили,
А горесть врѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдитель
И странъ безчисленныхъ властитель
Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
И часто самъ того не знаетъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко щастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ.
Провелъ и кончилъ жизнь въ страданьѣ —
А сей вздыхающій скелетъ,
Который богомъ чтитъ стяжанье,
Среди богатствъ въ тоскѣ живетъ! . . .
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ
Глазами волны перечтетъ?
И кто представитъ намъ въ картинѣ
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?
Чтожь дѣлать намъ? Ужель сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда проститься,
Когда, къ нещастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынѣ щастливѣе насъ!
Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ страсти гласъ
Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце станетъ унывать,
Въ груди холодной тосковать,
Не зная, чѣмъ ему заняться.
Тогда пустыннику явятся
Химеры, адскія мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищъ грозныхъ милліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумятъ,
И страхомъ умъ его затмятъ [1] . . .
Въ тоскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!
Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ ономъ нѣтъ;
Хотя въ немъ горесть обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тьмѣ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучъ солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ,
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому нещастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна,
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ:
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, щастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ

[1] Многіе пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Себя, домашнихъ и чужихъ:
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мірѣ съ міромъ уживется
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.
1794.

LXXIV. Илья Муромецъ.

Богатырская сказка. [1])

Le monde est vieux, dit-on: je le crois: cependant
Il le faut amuser encore comme un enfant.
La Fontaine.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
пѣть вражды Агамемноновой
съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
или, слѣдуя Виргилію,
плыть отъ Трои разоренныя
съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
черпать древныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне:
мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
могъ любезнаго родителя
превратить въ урода жалкаго;
чтобы Леды были — курицы,
и несли весною яица,
чтобы Поллуксы съ Еленами
родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
мы другія сказки слышали
отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣревъ слогомъ древности
разсказать теперь одну изъ нихъ
вамъ, любезные читатели,
есть-ли вы въ часы свободные
удовольствіе находите
въ Русскихъ басняхъ, въ Русскихъ повѣстяхъ,
въ смѣси былей съ небылицами,
въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой истиной
мучить томныя сердца свои!
ахъ! не все намъ рѣки слезныя
лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!
Не хочу я на Парнасъ итти:
нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
и дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,
наши стихо-риѳмо-дѣтели,
упиваясь одопѣніемъ,

[1]) Вотъ начало бездѣлки, которая занимала нынѣшнимъ лѣтомъ уединенные часы мои. Продолженіе остается до другаго времени: конца еще нѣтъ, — можетъ быть, и не будетъ.— Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Русская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами.

лѣзутъ на вершину Пиндову,
обступаются и внизъ летятъ,
не съ вѣнцами и не съ лаврами,
но съ ушами (ахъ!) ослиными,
для позорища насмѣшникамъ!
Нѣтъ, любезные читатели!
я прошу васъ не туда съ собой.
Близъ моей смиренной хижины,
на берегу рѣки прозрачныя,
роща древняя, дубовая,
насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
въ жаркой полдень отдыхалъ всегда
на колѣняхъ милой бабушки:
тамъ виситъ его пернатый шлемъ;
тамъ виситъ его булатный мечь,
коимъ онъ враговъ отечества
за гордыню ихъ наказывалъ —
(кровь Турецкая и Шведская
и теперь еще видна на немъ).
Тамъ я сяду на берегу рѣки,
и подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ
буду повѣсть вамъ разсказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
есть-ли скучно вамъ покажется,
раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.
Ты, которая въ подсолнечной всюду видима и слышима;
ты, которая какъ богъ Протей
всякой образъ на себя берешь,
всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
удивляешь, забавляешь насъ, —
все вѣщаешь, кромѣ..... истины;
объявляешь съ газетирами
сокровенности Политики,
сочиняешь съ стихотворцами
знатнымъ похвалы прекрасныя:
величаешь Пантомороса [1])
славнымъ безпримѣрнымъ авторомъ:
съ Алхимистомъ открываешь намъ
тайну камня философскаго;
изъясняешь съ систематикомъ
связь души съ тѣлесной сущностью
и свободы человѣческой
съ непремѣнными законами: —
ты, которая съ Людмилою
нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
мнѣ сказала: *я люблю тебя!*
о богиня свѣта бѣлаго —
Ложь, неправда, призракъ истины!
будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Русскаго
убери Героя древности,
величайшаго изъ витязей,
чудодѣя *Илью Муромца!*
Я объ немъ хочу бесѣдовать, —
объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ тобою не учиться мнѣ
небылицы выдавать за быль.
Солнце красное явилося
на лазури неба чистаго,
и лучами злата яркаго
освѣтило рощу тихую,
холмъ зеленый и цвѣтущій долъ.
Улыбнулось все твореніе;
воды съ блескомъ заструилися;
травки, ночью освѣженныя,
и цвѣточки благовонные
растворили воздухъ утренній
сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
и пернатыя малюточки,
коноплянoчка съ малиновкой,

[1]) То есть, обер-дурака.

въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
день, безпечность и спокойствіе.
Никогда въ Россійской области
не бывало утро лѣтнее
веселѣе и прекраснѣе.

Кто жь симъ утромъ наслаждается?
Кто на статномъ соловомъ конѣ,
черный щитъ держа въ одной рукѣ,
а въ другой копье булатное,
ѣдетъ по лугу, какъ грозный царь?
На главѣ его пернатый шлемъ
съ золотою, свѣтлой бляхою;
на бедрѣ его тяжелый мечь;
латы, солнцемъ освѣщенныя,
сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
Кто сей витязь, богатырь младой?
Онъ подобенъ Маю красному:
розы алыя съ лилеями
расцвѣтаютъ на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту нѣжному:
тонокъ, прямъ и величавъ собой.
Взоръ его быстрѣй орлинаго,
и свѣтлѣе ясна мѣсяца.
Кто сей рыцарь? — Илья Муромецъ.
Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсъ,
и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.
Витязь Геснера не читывалъ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красотою дня:
тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.
«Ты, Которой украшаешь все,
«Русской Богъ и Богъ вселенныя!
«Ты, Которой надѣляешь насъ
«всѣми благами щедротъ Своихъ!
«будь всегда моимъ помощникомъ!
«Я клянуся вѣчно слѣдовать
«богатырскимъ предписаніямъ
«и уставамъ добродѣтели,
«быть защитникомъ невинности,
«бѣдныхъ, сирыхъ и нещастныхъ вдовъ,
«и наказывать мечемъ своимъ
«злыхъ тирановъ и волшебниковъ,
«устрашающихъ сердца людей!» —
Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
и повсюду обращая взоръ,
за кустами впереди себя;
надъ струями рѣчки быстрыя,
видитъ свѣтло-голубой шатеръ,
видитъ ставку богатырскую
съ золотою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и стучитъ копьемъ въ желѣзный щитъ:
но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на стукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланный, не взнузданный. —
щиплетъ травку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оставляетъ на росѣ цвѣтовъ.
Не выходитъ витязь къ витязю
поклониться, ознакомиться.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смотритъ на небо и думаетъ:
«солнце выше горъ лазоревыхъ,
«а Россійской богатырь въ шатрѣ
«не ужель еще покоится?» —
Онъ пускаетъ на зеленой лугъ
своего коня надежнаго,
и вступаетъ смѣлой поступью
въ ставку съ золотою маковкой.
Для чего Природа дивная
не дала мнѣ дара чуднаго
нѣжной кистію прельщать глаза,
и писать живыми красками
съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
что увидѣлъ витязь Муромецъ
въ ставкѣ съ золотою маковкой.
Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
безпримѣрную красавицу,
всѣхъ любезностей собраніе,
рѣдкость милыхъ женскихъ прелестей:
вы бы вмѣстѣ, съ ними увидѣли,
какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
наслаждалась въ голубомъ шатрѣ:
разметавшись на цвѣтной травѣ,
какъ ея густые волосы,
свѣтлорусые, волнистые,
осѣняли бѣлизну лица,
шеи, груди алебастровой,
и свиваясь, развиваяся,
упадали на колѣна къ ней:
какъ ея рука лилейная,
гдѣ всѣ жилки васильковыя
были съ нѣжностью означены,
ея голову покоила:
какъ одежда снѣго-бѣлая,
полотняная, тончайшая,
отъ дыханья груди полныя
трепетала тихимъ трепетомъ.
Но не можно въ сказкѣ выразить,
и не можно написать перомъ,
чѣмъ глаза Героя нашего
услаждались на ея челѣ,
на ея устахъ малиновыхъ,
на ея бровяхъ возвышенныхъ,
и на всемъ лицѣ красавицы —
Латы съ золотой насѣчкою,
шлемъ съ перомъ заморской *жаръ-птицы*,
мечь съ топазной рукояткою,
копіе съ булатнымъ остріемъ,
щитъ изъ стали вороненыя
и сѣдло съ блестящею осыпью
на травѣ лежали вкругъ ее.
Сердце твердое, геройское,
твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
твердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ:
но не твердо противъ женскихъ стрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
противъ нѣжныхъ, милыхъ прелестей.
Витязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Русской области,
но такой еще не видывалъ.
Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.
Онъ боится разбудить ее:
онъ досадуетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ трепетомъ;
онъ дыханіе въ груди своей
останавливать старается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать.
Но ему опять желается,
чтобъ красавица очнулась вдругъ,
ему хочется глаза ея —
вѣрно свѣтлые, любезные —
видѣть подъ бровями черными;
ему хочется внимать ея
гласу тихому, пріятному,
ему хочется узнать ея
любопытную исторію,
и откуда, и куда она,

Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.
Тутъ красавица примѣтила,
что одежда полотняная
не темница для красотъ ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что таилося....
такъ сѣдый туманъ, волнуяся
надъ долиною зеленою,
не совсѣмъ скрываетъ холмики
посреди ея цвѣтущіе;
глазъ внимательнаго странника
сквозь волненіе туманное
видитъ ихъ вершинки круглыя.
Незнакомка взоръ потупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что красавицѣ
безъ свидѣтелей желается
нарядиться юнымъ витяземъ.
Онъ изъ ставки вышелъ бережно —
посмотрѣлъ на небо синее —
прислонился къ вязу гибкому —
бросилъ шлемъ пернатый на землю,
и рукою подперъ голову.
Что онъ думалъ, — мы не скажемъ вдругъ:
но въ глазахъ его задумчивость
точно такъ изображалася,
какъ въ ручьѣ густое облако;
томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
поднимая гриву бѣлую,
извивая хвостъ изгибистый.
Но Герой нашъ нечувствителенъ
къ ласкамъ, къ радости товарища,
своего коня надежнаго;
онъ стоитъ, молчитъ и думаетъ.
Долголь, долголь думать Муромцу?
Нѣтъ, не долго: — раскрываются
полы свѣтлоголубой ставки,
и глазамъ его является
незнакомка въ видѣ рыцаря.
Шлемъ пернатый развѣвается
надъ ея челомъ возвышеннымъ.
Героиня подпирается
копіемъ съ булатнымъ остріемъ;
мечь блистаетъ на бедрѣ ея. —
Въ ту минуту солнце красное
возсіяло ярче прежняго,
и лучи его съ любовію
пролилися на красавицу.
Съ кроткой, нѣжною улыбкою
смотритъ милая на витязя,
и движеньемъ глазъ лазоревыхъ
говоритъ ему: — «мы можемъ сѣсть
«на травѣ благоухающей,
«подъ сѣнистыми кусточками». —
Рыцарь скоро приближается,
и садится съ Героинею
на травѣ благоухающей,
подъ сѣнистыми кусточками.
Двѣ минуты продолжается
ихъ глубокое молчаніе;
въ третью чудо совершается......
1794 г.

(Продолженіе впредъ).

LXXV. Къ самому себѣ.

Прости, надежда! . . и навѣкъ! . .
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило:
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать? обливаться
Рѣкою горькихъ, тщетныхъ слезъ?
Стенать во прахѣ и терзаться? . .
Что пользы? Рока и Небесъ
Не тронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣть? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя отрада,
За всѣ нещастія награда —
Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! --
Еще ты міра гражданинъ! . .
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красотою:
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ:
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зерцало водъ,
И птички въ радостной свободѣ
Поютъ: *будь веселъ, улыбнись!*
Поютъ тебѣ согласнымъ хоромъ.
А ты стоишь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной? . . . Ободрись,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Катономъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носить безсмертія вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый лютыхъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣтомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирать,
Нещастье съ щастьемъ презирать!
Я столько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался! . .
Въ минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!
Такъ нѣкій зодчій, созидая
Огромный, великолѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя
О славѣ дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ трясется,
Падетъ. . . . упалъ. . . . и нѣтъ его! . . .
Что жь бѣдный зодчій? онъ клянется
Не строить впредь, безпечно жить —
А я клянуся . . . не любить!
1795.

LXXVI. Пѣсня.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?
Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Тому опасности всѣ должны быть забавой.
Сіянье дѣлъ моихъ затмится ль нынѣ вдругъ? . . .
Погибнетъ не въ стѣнахъ, но въ полѣ твой супругъ!
Увы! настанетъ день, предсказанный Судьбою
Настанетъ въ ужасѣ, и въ прахъ низвергнетъ Трою!...
Падетъ, разрушится священный Иліонъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ свѣтлый тронъ!
Падутъ его сыны! . . Фригійская держава
Исчезнетъ какъ мечта — умолкнетъ наша слава! . .
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
Не гибель Фригіи и рода моего,
Не жалостная смерть родителей почтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убіенныхъ,
Но участь слезная супруги моея . . .
Стенаніе, тоска неволи твоея
Въ отечествѣ враговъ! . . . Тамъ гордый побѣдитель,
Троянскихъ древнихъ стѣнъ свирѣпый сокрушитель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ величать,
Чтобъ горестью твоей свой злобный духъ питать;
Велитъ тебѣ итти съ фіалою златою
На Гиперійскій ключь, за пѣнистой водою —
И мстительной народъ, твою печаль любя,
Съ коварной радостью тамъ спросить у тебя:
Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?
Ты тяжко воздохнешь, и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою! . . . Но прежде боги мнѣ
Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ снѣ
Не буду зрѣть, что ты, любезная, страдаешь —
Пока твой Гекторъ живъ, печали не узнаешь!»
Сказавъ сіе, Герой младенца хочетъ взять,
Чтобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обнять;
Но грозный шлемъ его младенца устрашаетъ:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываетъ. —
Съ улыбкой Гекторъ зритъ на сына своего,
И черный, грозный шлемъ снимаетъ для него;
Беретъ любезнаго, цѣлуетъ съ восхищеньемъ,
И вверхъ его поднявъ, вѣщаетъ съ умиленьемъ:
«Премудрый царь боговъ, всесильный богъ Зевесъ!
И вы, безсмертные властители небесъ!
Храните дни его! Подъ вашею защитой
Да будетъ онъ Герой, въ потомствѣ знаменитой;
Да будетъ Гекторомъ щастливѣйшихъ временъ . . . .
Украшенъ славою и храбрыми почтенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый воинъ!
Да скажутъ всѣ объ немъ: сей сынъ отца достоинъ,
Безсмертенъ по дѣламъ и подвигамъ своимъ! . . .
И сердце матери да радуется имъ:» —
Сказавъ, любезнаго младенца ей вручаетъ.
Она беретъ его и къ сердцу прижимаетъ,
Покоитъ на груди, усмѣшкой веселитъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеститъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ страха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ: «Андромаха!
«Ты плачешь? . . . Ахъ! почто безвременно страдать?
«Не властенъ у меня врагъ злобный жизнь отнять,
«Доколѣ я хранимъ державными богами.
«Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
«И рано ль, поздно ли, скончается нашъ вѣкъ;
«Неустрашимый вождь и робкій человѣкъ —
«Со славой иль стыдомъ — низыдетъ въ гробъ безмолвно,
«Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей . . . Но полно!
«Поди, любезная! и дома скорбь разсѣй
«Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, стукъ мечей
«Зоветъ меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,
«Быть должно впереди, — быть тамъ, гдѣ врагъ сильнѣе.»
Герой въ послѣдній разъ на милую воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу . . . и грозный шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться —
Идетъ въ свой тихій домъ слезами обливаться —
Взираетъ издали на друга своего —
Взираетъ . . . . но уже вдали не зритъ его!
Вздохнувъ, спѣшитъ она въ чертогъ уединенный,
Древами мрачными печально осѣненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ смерть
Супруга своего: зритъ въ мысляхъ предъ собою
Его кровавый трупъ, несомый тихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ . . . И солнце для нее
Утратило навѣкъ сіяніе свое.
1795.

LXXXI. Посланіе къ женщинамъ.

The gen'rous God, who wit and gold refines [1]),
And ripens spirits as he ripens mines,
To you gave sense, good humour and... a Poet.—
Pope.

О вы, которыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносилъ, чего дороже нѣтъ:
Спокойствіе и вольность;—
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣтерокъ перомъ.
Тогда еще, какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,
Считалъ себя богатыремъ,
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ...
(И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной Розѣ,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодить, чтобъ Роза мнѣ была
Обязана своей забавой)...
О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить [2])
Не дѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отличность заслужить,
Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явиться и сказать: «для васъ, для васъ и вами!
«Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду поцѣлуй!»...
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя, [3])
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечь въ ножны («Россія торжествуй,
Сказалъ я, безъ меня!»)... и, вмѣсто острой шпаги,
Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернильницу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ, творцомъ,
Для васъ, красавицы, пріятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей щастливыхъ и нещастныхъ,
То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:
«Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
«Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
«Слова для тонкихъ чувствъ находитъ!»—
О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!
Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.
Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ, говоритъ!

[1]) То есть Фебъ, или Аполлонъ.

[2]) Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армію.

[3]) Всякой согласится, что война сама по себѣ не есть добро; но всякому извѣстно и то, что она бываетъ иногда необходима для пользы и безопасности государства.

Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.
Любовь стихи животворитъ,
И старому даетъ видъ новой.

* * *

Скажу вамъ, милыя—и чѣмъ другимъ начать?—
Что вы родитесь свѣтъ подлунный украшать,
Который бы безъ васъ въ угрюмости суровой
Былъ самый мрачной свѣтъ.
Нещастный Мизогинъ [1]) въ Сибири ввѣкъ живетъ:
Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величіи сіяетъ—
Душа его отъ хлада умираетъ.
Къ сердцамъ и къ щастію Судьбой вамъ отданъ ключъ;
У васъ въ очахъ блеститъ небесный, тихій лучъ,
Который показать намъ долженъ путь къ блаженству,
Добру и совершенству;
Другимъ путемъ къ тому во вѣки не дойдемъ.

* * *

Три страсти правятъ свѣтомъ:
Одна имѣетъ честь предметомъ,
Другая золото, а третьею живемъ
Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! первая доводитъ
Людей до страшныхъ бѣдъ, злодѣевъ производитъ,
Жестокихъ, мрачныхъ Силлъ
И яростныхъ Аттилъ.
Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ въ огнѣ пылаетъ—
На что?... Герой [2]) желаетъ
Сказать: «я побѣдилъ.
«И честь безсмертія геройствомъ заслужилъ!»
Но дни побѣдами считая,
Пусть скажутъ, много ли минутъ блаженныхъ счелъ
Онъ въ жизни для себя? и лавромъ осѣняя
Надменное чело, не часто ли хотѣлъ
Укрыться въ сѣнь лѣсовъ, чтобъ жертвъ, его рукою
Сраженныхъ, не видать,
Ихъ вопля не слыхать?
Путь славы не ведетъ къ сердечному покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слёзъ.
Ахъ! щастье любитъ миръ, отъ шума убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уставъ!

* * *

Кто жъ въ златѣ душу полагаетъ,
Тотъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обрѣтаетъ
Ни въ златѣ, ни... въ самомъ себѣ!
Всегда какъ червь ползетъ во прахѣ;
Всегда живетъ въ ужасномъ страхѣ,
Чтобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Таится, какъ сова въ тѣни ночей унылыхъ,
Боясь, чтобы Фебъ его не освѣтилъ
И золота въ мѣшкахъ лучемъ не растопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ немъ трепещетъ...
«Конечно воръ ко мнѣ идетъ!»...
Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы блещетъ—
И сей безумный человѣкъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

* * *

Но кто плѣнится вами,
Любезныя мои, какъ милъ бываетъ тотъ,
Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ, намъ безвѣстныхъ,—
Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ мѣстъ,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ—для суетъ житейскихъ,
Живетъ—лишь для любви, и зритъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,
Чтобъ въ сельскомъ кровѣ мирномъ
Питать въ груди своей чувствительность, покой.
Гдѣ тихо горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью милуютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ миртахъ вьютъ;
Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяютъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ утренній блестятъ на тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью древъ душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ сребристыхъ,
Съ любезною своей въ восторгахъ дни ведетъ.
И только лишь отъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,
И только лишь отъ щастья слезы льетъ.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приближится ль къ нему
Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ—
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣстѣ наслаждался.
Любился, восхищался...
Велите мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я изберу, усердіемъ горя
Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ нѣжнѣе,
Того, кто всѣхъ страстнѣе
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы щастливъ былъ!
Ахъ! самой лютой воинъ,
Который ввѣкъ на ратномъ полѣ *жилъ*
(И *жизни* былъ едваль достоинъ!)
Смягчается душей, восчувствовавъ любовь;
Услышавъ имя той, которою пылаетъ,
Щадитъ враговъ сраженныхъ кровь,
И мечь подъятый... опускаетъ.
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку заслужить,
Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ благодѣтель.

* * *

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша добродѣтель!
Пусть строгій мужъ Зенонъ въ угрюмости своей
Кричитъ, что должно жить намъ въ свѣтѣ безъ страстей,
Людьми лишь называться,
Но камнемъ въ сердцѣ быть:
Ученію сему въ архивахъ оставаться,
Въ сердца жъ вовѣки не входить;
Природа, истина его не освятили
Печатію своей. Сей разумъ, коимъ насъ
Судьбы благія одарили,
О коемъ мудрецы твердятъ намъ всякой часъ,
Не есть ли тщетный даръ безъ склонностей сердечныхъ?
Онѣ-то движутъ насъ; безъ нихъ и умъ молчитъ.
Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,
Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;
Но кормщику не можно
Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь править должно
Кормиломъ жизни сей:
Насъ по морю несетъ шумящій вѣтръ страстей...
Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зефиромъ,
Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Къ щастливой пристани, гдѣ съ миромъ
Насъ Геній тихой смерти ждетъ!

* * *

«Но часто страсть любви насъ къ горестямъ ведетъ!»
Не часто, — иногда: такъ тихая лампада,
Во тьмѣ для мудраго отрада,

---

[1]) То есть, ненавистникъ женскаго пола.
[2]) То есть ложной Герой, Аттила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего отечества.—Здѣсь Авторъ представляетъ честолюбіе только съ худой стороны; о хорошей—молчитъ.

Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мотыльковъ:
Уже ли для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.
Злощастный Вертеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю . . .
Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ олтарей, гдѣ рѣзвый Купидонъ
И скромный Гимепей на вѣкъ соединяютъ
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

* * *

Но за одну ли страсть достойны вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милыя, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей ждетъ.
Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукой быть можетъ возвращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣтаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучъ кротости впиваетъ,
И зрѣетъ нѣжною душей.

* * *

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ Судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юноши меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю!...

* * *

Простите мнѣ, что я о мертвой вспомянулъ,
И съ горестью вздохнулъ!

* * *

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ нѣжнымъ криномъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясминомъ,
И тысячи цвѣтовъ
Пестрѣютъ на брегу кристальныхъ ручейковъ,
Не знаешь. что хвалить, надъ чѣмъ остановиться,
На что смотрѣть, чему дивиться:
Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хвалить ли въ васъ то чувство,
Которымъ истину находите въ вещахъ [1])
Скорѣе всѣхъ мущинъ? Намъ надобно искусство.
Трудиться разумомъ, работать, размышлять,
Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ вертепахъ темныхъ
И въ кладезяхъ подземныхъ:
Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ;
Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ....
Скажите, отъ чего мудрецъ Сократъ милѣе
Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его
Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе
Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — отъ того,
Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей былъ друженъ.
Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ *умъ* людей плѣнить, подобно какъ *сердца*
Умѣете плѣнять. Любезность мудреца
Должна быть истинѣ приправой;
Иначе скученъ намъ и самый разумъ здравой—
Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

* * *

Хвалить ли въ васъ тотъ жаръ,
Съ которымъ вы всегда добро творить готовы?
Вамъ милы бѣдныхъ кровы;
Для васъ они священный храмъ,
Гдѣ добродѣтели небесной
Рукою вашею прелестной
Курится ѳиміамъ.
У васъ учиться должно намъ,
Какъ ближнему служить. Я видѣлъ женъ прекрасныхъ.
Которыхъ юный вѣкъ тому лишь посвященъ,
Чтобъ муки утолять нещастныхъ [1]):
Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, страданіе и смерть!
Съ какою кротостью ихъ голосъ увѣщаетъ
Болящихъ не роптать на Бога, но терпѣть!
Колѣна преклонивъ, одна у Неба проситъ
Имъ здравія, или . . . спокойнаго конц ;
Другая питіе цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ тоскующихъ сердца.
Своею красотою
Могли бъ онѣ Царей плѣнять;
Но имъ милѣе быть съ болѣзнью, нищетою,
Чтобъ бремя ихъ сколь можно облегчать!
Я былъ тому свидѣтель.
И слезной, пламенной рѣкой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! благость, добродѣтель
Священнѣе всего являютъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!

* * *

Хвалить ли васъ, друзья мои, за даръ полезной
Мущинъ развеселять
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлать намъ? Другъ друга усыплять
Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ!
Явитесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,
И вдругъ во всѣхъ очахъ
Веселья лучь сверкнетъ; нашъ разумъ оживится;
Чтобъ милымъ полюбиться,
Мущина самъ бываетъ милъ . . .

* * *

Но ктобъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полезны,
Чѣмъ сердцу вы любезны,
Тотъ Эйлеръ бы другой въ *наукѣ числить* былъ.
Довольно, что вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе,
Почти во всемъ умнѣе,
И будете всегда намъ въ нѣжности примѣръ.
Пусть васъ злословитъ—лицемѣръ.
Которой для того красавицъ порицаетъ,
Что средства нравиться красавицамъ не знаетъ!
Скажите, что любезенъ онъ—
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ . . . Селадонъ!

* * *

Положимъ, что найти въ васъ слабости возможно;
Но развѣ отъ того луна ужъ не свѣтла,
Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,

---

[1]) Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться острому понятію женщинъ, которое Лафатеръ называетъ чувствомъ истины. Мущина десять разъ перемѣняетъ мысли свои; женщина остается при первомъ чувствѣ,- и рѣдко обманывается.

[1]) Орденъ такъ называемыхъ сестеръ милосердія Soeurs grifes, которыхъ нѣжному человѣколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ.

И кроткой свѣтъ ея Поэтамъ славить должно.
Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучъ
Тьму ночи озаряетъ,
А прелесть ваша намъ отраду въ грудь вливаетъ
Среди печальныхъ жизни тучъ.
* * *
Гдѣ только люди просвѣтились,
Жить, мыслить научились,
Мущины обожаютъ васъ.
Гдѣ разумъ, чувство въ усыпленьи;
Гдѣ смертныхъ родъ во тьмѣ невѣжества погрязъ;
Гдѣ санъ, права людей въ презрѣньи,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насильствъ, предразсужденій!
Когда всемощная Судьба
Въ тебѣ разсѣетъ мракъ нещастныхъ заблужденій,
И нѣжный полъ отъ узъ освободитъ?
Когда познаешь ты пріятность вольной страсти?
Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,
Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?
Когда не гнусной стражъ, не крѣпость мрачныхъ стѣнъ,
Но вѣрность красотѣ хранительницей будетъ?
Когда въ любви тиранъ - мущина позабудетъ,
Что больше женщины онъ силой надѣленъ?
Когда? когда? . . . Уже Дщерь Неба, Другъ Судьбины,
Воззрѣла на тебя — орлы ЕКАТЕРИНЫ
Къ твоимъ странамъ летятъ,
И человѣчества любезной половинѣ
Тамъ вольность возвѣстятъ! . . .
Хоръ женщинъ загремитъ: хвала и честь Богинѣ!
* * *
Цвѣти, о нѣжный полъ! и сыпь на насъ цвѣты!
Исчезли для меня прелестныя мечты —
Уже я не могу плѣнять васъ красотою,
Ни юностью своей: весна моя прошла;
Зрю осень предъ собою.
А осень, говорятъ, скучна и не мила!
Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ отрадой,
И сладкою наградой
За то, что въ жизни я отъ злыхъ мущинъ терплю;
Но всё, по всё еще люблю
Въ Апрѣлѣ рвать фіалки съ вами,
Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни надъ ручейками,
Въ печальномъ Октябрѣ грустить и тосковать,
Зимой передъ огнемъ романы сочинять,
Васъ тѣшить и стращать!
Сказавъ любви: прости! я дружбою святою
Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Купидонъ
Отставку подписалъ — любовникъ съ сѣдиною
Не можетъ щастливъ быть: таковъ Судьбы законъ —
Но истинныхъ друзей я въ васъ же обрѣтаю.
Нанина! десять тѣтъ тотъ день благословляю,
Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первой разъ;
Гармонія сердецъ соединила насъ
Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ я? сиротою
Въ пространномъ мірѣ семъ; скучалъ самимъ собою,
Печальнымъ бытіемъ. Никто меня не зналъ,
Никто участія въ судьбѣ моей не бралъ.
Чувствительность въ груди питая,
Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень находилъ;
Среди цвѣтущихъ дней душею увядая,
Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ жилъ.
Ты дружбой, искренностью милой
Утѣшила мой духъ унылой;
Святой любовію своей
Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила,
И въ горестной душѣ моей
Источникъ радостей открыла.
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацій, Музъ прелестныхъ,
И гордой свѣтъ меня улыбкою почтилъ;
Не мало слышу я привѣтствій, сердцу лестныхъ,
Отъ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Славнѣйшіе творцы
И Фебовы друзья, безсмерные Пѣвцы.
Меня въ любви своей, въ пріязни увѣряютъ,
И слабый мой талантъ къ успѣхамъ ободряютъ.
Но знай, о вѣрный другъ! что дружбою твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,
И хижину съ тобою,
Безвѣстность, нищету—,
Чертогамъ золотымъ и славѣ предпочту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? *Онъ любилъ:*
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!
1795 г.

LXXXII. Послѣднія слова умирающаго.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.
1795 г.

LXXXIII. Любовь и дружба.

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.
1795 г.

LXXXIV. Печаль и радость.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:
Надежда съ первою, съ другой боязнь дана.

LXXXV. Страсти и безстрастіе.

Какъ бѣденъ человѣкъ! намъ страсти горе, мука;
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и ввѣкъ зѣвай!

LXXXVI. Стихи на день рожденія А. А. П—вой

14 Октября.

Ты въ мрачномъ октябрѣ родилась — не весною,
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ тобою.
1795 г.

LXXXVII. Тріолетъ Алетѣ [1])

въ тотъ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ.

Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Четырнадцати лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! это имъ обидно.
Четырнадцати лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.
1795 г.

---

[1]) Тріолетъ есть игрушка въ стихотворствѣ. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ осьми стиховъ равной мѣры, и на двѣ риѳмы; чтобы четвертой стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и осьмой повтореніемъ перваго и втораго.

LXXXVIII. Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы,

въ которыхъ она клянется Хлоѣ, другу своему, любить ее пламенно и вѣчно, оставляя для Купидона только маленькой уголокъ въ сердцѣ.

На первой случай всѣмъ доволенъ Купидонъ;
За тѣсной уголокъ спасибо скажетъ онъ,
И въ немъ, какъ можетъ, помѣстится.
Но скоро уголокъ его распространится;
Любовь весь домъ займетъ,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.
1795 г.

LXXXIX. Делінины слова.

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нѣжность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нѣжность полюбилъ!
1795 г.

XC. Надпись на дамской табакеркѣ,

на которой изображены мраморной столпъ и увядающій цвѣтокъ.

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весенній тлѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.
1795 г.

XCI. Нескромное эхо.

Мнѣ часто эхо измѣняетъ.
Твержу: Милены не люблю!
Но Эхо въ рощѣ отвѣчаетъ: Люблю!
1795 г.

XCII. Надпись къ портрету жестокой.

Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя:
А ей любезенъ кто? . . . не знаю, но — не я!
1795 г.

XCIII. Дарованія.

Враги Парнасскихъ вдохновеній,
Ума и всѣхъ его твореній!
Молчите, — скройтеся во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эѳирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Отъ злобы адской трепещите:
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кляните!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.
А вы, которымъ Фебъ прелестный
Льетъ въ душу огнь и свѣтъ небесный!
Приближьтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаетъ.
Одна печать на насъ сіяетъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнетъ пѣснь моя. — —
Явися, древность, предо мною!
Дерзаю смѣлою рукою
Раскрыть священный твой покровъ . . .
Что зрю? Людей, во тьмѣ живущихъ,
Какъ злакъ безчувственно растущихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и дикъ;
Отрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.
Сей міръ, обильный чудесами,
Какъ садъ, усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуетъ,
Напрасно Бога образуетъ:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармоніи не внемлетъ;
Безмолвны хладныя уста.
Они другъ друга убѣгаютъ
Или другъ друга поражаютъ
За часть . . . изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желаніе — свирѣпство;
Взаимной страстью никогда
Сердца не таютъ, не пылаютъ;
Потребность, сила все рѣшитъ . . .
Едва желанья исчезаютъ,
Предметъ объятій позабытъ.
Таковъ былъ родъ людей нещастный . . .
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный
Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ неб сныхъ дарованій . . .
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ густой:
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Насталъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ мірѣ возсіяли:
Родился снова человѣкъ!
Возсталъ, воззрѣлъ — и вся Природа,
Отъ звѣздъ лазореваго свода
До нѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: «будь міра властелинъ!
«Мои богатства предъ тобою:
«Хвали Творца — будь самъ творецъ!»
И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ [1]).
Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракѣ бури и тумановъ
Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедры, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнутся и скрыпятъ;
Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ:
Тамъ Геній умственныхъ твореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты

[1]) Чувство изящнаго въ Природѣ разбудило дика[illegible] человѣка и произвело Искусства, которыя имѣли н[illegible] посредственное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудры[illegible] законы его, на просвѣщеніе и нравственность. Орфе[illegible] Амфіоны были первыми учителями дикихъ людей.

Кто милыхъ слезъ не проливаетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ кроткихъ Музъ
Поетъ твое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,
Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
Въ нещастьи, въ смерти неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?
«Для смертныхъ много бѣдъ ужасныхъ:
«На каждомъ шагѣ зримъ нещастныхъ:
«Но можно ль Небо порицать?
«Оно - - - любить не запретило!
«Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
«Тотъ долженъ Бога прославлять,
«Сказавъ: мы щастливы! мы чада
«Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!
«Любви минута есть награда
«За годъ унынія и слезъ!»
Любовь Поэзіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, нѣжною душей;
Кто любитъ, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе услаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своей.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ:
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатлѣнныхъ
Понятнымъ для другаго быть. —
Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей
Въ картинѣ намъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ:
«Утѣшься, другъ души моей!
«Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою.
«Клянешь ее, не хочешь жить;
«Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
«Еще ты можешь щастливъ быть!»
И мечъ, тоскою изощренный,
Къ унылой груди устремленный,
Безъ крови изъ руки падетъ:
Нещастный съ жизнію мирится;
Онъ быть щастливымъ снова льстится,
И друга съ чувствомъ къ сердцу жметъ. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада:
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада . . .
О Сафѣ страстной размышлялъ . . .
Хотѣлъ . . . но другъ неоцѣненной
Своей любовію священной
Меня въ семъ мірѣ удержалъ. — —
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спартахъ мужество питаешь:
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огнь зоирный развѣваешь;
Гремишь . . . пылаешь славой кровь!
Гремишь: «Къ оружію Спартане!
«Вовстаньте, вѣрные граждане!
«Спѣшите: варваръ Персъ идетъ:
«Идетъ какъ тигръ съ отверстымъ зѣвомъ,
«Идетъ какъ буря съ грознымъ ревомъ,
«Оковы, стыдъ для васъ несетъ.
«Что жизнь противъ златой свободы?
«Мы только славою живемъ.
«На васъ взираютъ всѣ народы:
«Побѣда или смерть!» . . . *Умремъ* —
Умремъ или побѣда съ нами!
Взываютъ всѣ, звучатъ щитами,
Летятъ на брань, и врагъ сраженъ —
Исчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновенъ,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нещастныхъ горе услаждать,
Души благотворящей радость:
«Блаженъ, кто можетъ помогать!
«Кто только для другихъ сбираетъ,
«И день потеряннымъ считаетъ,
«Въ который для себя лишь жилъ!»
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу обѣщаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца хвалилъ:
Любить святую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благодѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —
Когда жъ съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ преступленій,
Змѣю подъ прелестью цвѣтовъ —
Я въ духѣ съ нимъ изнемогаю . . .
Ахъ! кто изъ насъ страстей не рабъ?
Смотрю на небо и взываю:
«Спаси, спаси меня! я слабъ!»
Я слабъ, и слабаго прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасѣ Природа!
Эѳиръ лазореваго свода
Затмила въ день густая ночь;
Шумятъ лѣса, ярятся воды,
И . . . зритель въ сердцѣ охладѣлъ:
Злодѣй на сценѣ, врагъ Природы;
Онъ въ ужасъ Естество привелъ —
Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы:
Злодѣй, искавшій адской славы
Бичемъ невинныхъ-слабыхъ быть,
Слезами ихъ себя питая.
Напрасно Благость всесвятая
Его хотѣла просвѣтить,
И казнь безумца отлагала!
Онъ гласъ Ея пренебрегалъ.
«И такъ страдай!» она сказала,
И Фурій адъ къ нему послала . . .
Глаза свирѣпыхъ засверкали;
Злодѣю ужасы предстали:
Въ его власахъ шипятъ змѣи;
При свѣтѣ факеловъ кинжалы [1])
Предъ нимъ блистаютъ какъ зерцалы:
Онъ видитъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжитъ — себя не избѣгаетъ;
Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣй!
Природа гнѣвная вѣщаетъ
Ему: «страдай: ты врагъ людей!»
Преступникъ, къ сердцѣ развращенный,
Такимъ явленьемъ устрашенный,
Спѣшитъ сокрыться отъ очей;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
И эхо грозно повторяетъ:
«Будь добръ — или страдай, злодѣй!» —
Я взоръ печальный отвращаю:
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣтаю:
Орфей безсмертіе поетъ . . . . .
И стонъ нещастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы отираетъ . . .
«Что жизнь? единый быстрый лучъ:
«Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;
«Но съ тѣломъ въ гробѣ не истлѣемъ:
«Взойдетъ свѣтило дня безъ тучъ
«Для насъ въ другомъ и лучшемъ мірѣ;

[1]) Извѣстно, что Фуріи изображаются съ фа и съ кинжалами.

«Тамъ будетъ щастливъ, щастливъ ввѣкъ
«И Царь чувствительный въ порфирѣ.
«И нищій-добрый человѣкъ.
«Безсмертье, жизни сей отрада,
«За краткость дней ея награда!
«Твоя небесная печать
«У смертныхъ на челѣ сіяетъ!
«Кто чувствомъ вѣчность постигаетъ,
«Не можетъ съ мигомъ исчезать.
«Чей взоръ, Природу обнимая,
«Открыть Творца въ твореньи могъ, —
«Тебя, Премудрость всесвятая!
«Тотъ самъ быть долженъ полубогъ».
И вдругъ гласъ лирный возвышая,
Сильнѣе въ струны ударяя,
Поэтъ дерзаетъ заключить
Свой важный гимнъ хвалой священной
Причины первыя вселенной;
Дерзаетъ въ пѣсни возвѣстить,
Кого міры изображаютъ,
Кто есть Начало и Конецъ;
Кого уста не называютъ,
Но кто всего, — Кто нашъ Отецъ:
Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шатромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,
Украсилъ ночь луной, звѣздами,
Усѣялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озлатилъ;
Далъ силу львамъ неукратимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неутомимымъ,
И яркій голосъ соловью;
Но кто еще, еще живѣе,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи кроткомъ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ щастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ матерей,
Въ стыдливомъ взорѣ дѣвъ священныхъ,
Въ чертахъ невинности младой
И старцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;
Кто любитъ все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ [1]) примѣчаетъ.
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служить есть — быть щастливымъ,
Кого гнѣвить — себя терзать.
Любить есть — быть добролюбивымъ
И ближнихъ братьями считать;
Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И тамъ предъ нами оправдаетъ
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно . . . Умолкаю,
И съ теплой вѣрою взываю:
«Отецъ! добро дѣла Твои!» —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будутъ пѣты,
Вовѣки новы для сердецъ!
А вы, питомцы Музъ священныхъ.
Въ своихъ твореніяхъ нетлѣнныхъ
Вкушайте вѣчности залогъ!
Прекрасно жить въ вѣкахъ позднѣйшихъ
И быть любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
Кто лирой тронуть сердце могъ,
Тотъ въ храмъ безсмертія стезёю
Хвалы сердечныя войдетъ:
Потомство сладкою слезою
Ему дань чести принесетъ.

[1]) Насѣкомыя, живущія только по нѣсколько часовъ.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ вы чтимы,
Душами добрыми любимы.
Вражда невѣжды и глупца
Блескъ вашей славы умножаетъ;
Ядъ черной зависти терзаетъ
Ихъ злыя, хладныя сердца. —
Таланты суть для васъ богатство;
Другимъ оставьте прахъ златой:
Святое Фебово собратство
Сіяетъ чувства красотой.
Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огнь свер..ающій надъ блатомъ
Меня красою не прельститъ:
Вы, вы краса, корона свѣта;
Вы солнце въ мірѣ, не планета,
Въ которой чуждый лучъ блеститъ.
Невѣжда золотымъ чертогомъ
Своей души не озлатитъ;
А васъ и въ шалашѣ убогомъ
Лучами слава озаритъ.
Потомство скажетъ: «здѣсь на лирѣ,
«На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ,
«Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
«Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
«Велъ жизнь любимецъ Музъ почтенной;
«Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
«Здѣсь будемъ утромъ наслаждаться,
«Здѣсь будемъ солнце провожать.
«Читать Поэта, восхищаться,
«И даръ его благословлять.»
Хотя не всѣ, не всѣ народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душей:
Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
Не всѣ восходятъ въ Капитолій
Съ вѣнками на главѣ своей,
При гласѣ трубъ, народномъ плескѣ [1]) —
Отъ насъ, увы! далекъ сей храмъ!
Поемъ въ тѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;
Но въ самомъ сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ.
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Оттѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И естьли грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной томности вздохнетъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!
Пусть вѣтры прахъ Пѣвцевъ развѣютъ!
Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожалѣютъ:
«Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
«Но мы любезныхъ не забудемъ,
«Читать, хвалить ихъ пѣсни будемъ;
«Ихъ имя сладостно для насъ!»
Друзья! что лучше, что славнѣе.
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить . . . въ сердцахъ!

XCIV. Къ Алинѣ

на смерть ея супруга.

Супругъ твой слишкомъ щастливъ былъ:
Не могъ онъ жить въ подлунномъ свѣтѣ,
Гдѣ тайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горесть осудилъ.
А щастью быть велѣлъ мечтою.

[1]) Какъ напримѣръ, Пет арка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

Но кто нечаянной судьбою,
Украдкой будетъ здѣсь блаженъ,
Тому *вѣкъ розы* положенъ:
Какъ щастливъ я! едва лишь скажетъ,
Увянетъ — и въ могилу ляжетъ.
Начто ты Ангельской душой,
Своей любовью, красотой,
Въ супругѣ сердце восхищала,
Его съ Безсмертными равняла?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ, какъ друга, звалъ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами,
Тогда бъ сѣдыми волосами
Еще онъ . . . слезы отиралъ.
Гдѣ радость есть Судьбы ошибка,
И гдѣ веселая улыбка
Бываетъ рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ твоей прелестной
Нашелъ блаженства талисманъ,
Земнымъ страдальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щастливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минуту самыя кончины
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслажденье.
Одно щастливое мгновенье
Не лучше ль многихъ скучныхъ лѣтъ?
1795 г.

XCV. Выборъ жениха

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красотою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить . . .
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другова жить.
  Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появиться,
Всѣхъ плѣнить, однимъ плѣниться?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
„Ты прельщать насъ рождена!"
  „Будь супругою моей!"
(Говоритъ богатый ей)
„Всякой день тебѣ готовы
„Драгоцѣнныя обновы;
„Станешь въ золотѣ ходить;
„Ожерельями, серьгами,
„Разноцвѣтными парчами
„Буду милую дарить."
Чтожъ красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? да иль нѣтъ?
Лиза только улыбнулась; —
Прочь пошла, не оглянулась. —
Гордой баринъ ей сказалъ:
„Будь супругою моею;
„Будешь знатной Госпожею:
«Знай, я полный Генералъ!"
  Чтожъ красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? да иль нѣтъ?
Генералу поклонилась,
Только чиномъ не плѣнилась;
Лиза . . . далѣе идетъ;
Ищетъ, долго не находитъ . . . .
„Такъ она и вѣкъ проходитъ!" . .
Ошибаетесь — найдетъ!
  Лизѣ Суженый сказалъ:
„Чиномъ я не Генералъ,
„И богатства не имѣю;
„Но любить тебя умѣю.
„Лиза! будь навѣкъ моя!"—
Тутъ прекрасная вздохнула,
На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*
1795 г.

XCVI. Непостоянство.

Пусть щастье коловратно —
Нельзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.
Все новаго желаемъ,
Отъ стараго бѣжимъ,
И счастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.
Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любить
И щастью перемѣну,
Чтобъ намъ, невѣрнымъ, мстить!
1795.

XCVII. Соловей.

  Что въ рощѣ громко раздается
При свѣтѣ ясныя луны?
Что въ сердце, въ душу сладко льется
Среди ночныя тишины,
Когда безмолвствуетъ Природа,
И звѣзды голубаго свода
Сіяютъ въ зеркалѣ ручья!
Что въ грудь мою тоску вселяетъ
И духъ мой крѣпко восхищаетъ? . .
Гласъ нѣжный, милый соловья!
  Пѣвецъ любезный, другъ Орфея!
Кому, кому хвалить тебя,
Лѣсовъ зеленыхъ Корифея?
Ты славишь громко самъ себя,
Натуру въ гимнахъ прославляя,
Свою любезнѣйшую мать,
И равнаго себѣ не зная,
Велишь ты зависти — молчать!
  Ахъ! много въ рощѣ пѣсней слышно;
Но что онѣ передъ твоей?
Какъ Фебъ златый, являясь пышно
На тверди славою своей
Луну и звѣзды помрачаетъ,
Такъ пѣснь твоя уничтожаетъ
Гармонію другихъ пѣвцовъ.
Поетъ и жаворонокъ въ полѣ,
Віясь подъ тѣнью облаковъ;
Поетъ пріятно и въ неволѣ
Любовь малиновка [1]) весной;
  Веселый чижикъ, коноплянка,
Малютка пѣночка, овсянка,
Щегленокъ, рѣдкій красотой,
Поютъ и нѣжно и согласно
И тѣшатъ слухъ: но все не то —
Ихъ пѣніе *одно* прекрасно:
Въ сравненіи съ твоимъ — ничто!
Они *одно* плѣняютъ чувство,

[1]) Любовь служитъ здѣсь прилагательнымъ къ малиновкѣ. По Русски говорятъ: *Надежда — Государь, радость — сестрица* и проч. *Малиновка есть птица любви*, сказалъ Бюффонъ.

А ты приводишь *всѣ* въ восторгъ;
Они суть Музы, ты ихъ богъ!
  Какое чудное искусство!
Сперва какъ дальняя свирѣль
Пѣть тихо, нѣжно начинаешь,
И все къ вниманію склоняешь;
Сперва пріятный свистъ и трель —
Потомъ, свой голосъ возвышая
И чувстно чувствомъ оживляя,
Стремишь ты пѣснь свою рѣкой:
Какъ волны мчатся за волной,
Легко, свободно, безъ преграды,
Такъ быстрыя твои *рулады*
Сливаются одна съ другой;
Гремишь... и вдругъ ослабѣваешь;
Журчишь какъ томной ручеекъ;
Съ любезной кротостью вздыхаешь
Какъ нѣжный майскій вѣтерокъ.
Изъ сердца каждый звукъ несется
И въ сердцѣ тихо отдается...
  Такъ страстный, щастливый супругъ,
(Любовникъ пылкой, вѣрный другъ)
Супругѣ милой изъясняетъ
Свою любовь, сердечный жаръ. —
Твой громкій голосъ удивляетъ —
Онъ есть Природы чудный даръ —
Но тихій, въ душу проницая
И чувства нѣжностью питая,
Еще любезнѣе сто разъ.
  Пой, другъ мой! Восхищенъ тобою,
Подъ кровомъ ночи, въ тихій часъ,
Нещастный сладкою слезою
Мирится съ Небомъ и судьбой;
Невольникъ цѣпи забываетъ,
Свободу въ сердцѣ обрѣтаетъ, —
Находитъ сноснымъ жребій свой.
  Ліющій слезы надъ могилой,
(Гдѣ прахъ душѣ и сердцу милой
Лежитъ въ безмолвной тишинѣ,
Какъ въ сладкомъ и глубокомъ снѣ)
Тебѣ внимая, утѣшаетъ
Себя надеждой вѣчно жить,
И вѣчно милаго любить.
  Тамъ, тамъ, гдѣ щастье обитаетъ;
Гдѣ радость есть для чувствъ законъ;
Гдѣ вздохи сердцу неизвѣстны;
Гдѣ мой любезный Агатонъ
Какъ въ Маѣ гіацинтъ прелестный
Весной безсмертія цвѣтетъ...
Меня съ себѣ съ улыбкой ждетъ!
Пой, другъ мой! Восхищенъ тобою,
Природой, красною весною,
И я забуду грусть свою.
Луговъ цвѣтущихъ ароматы
Цѣлятъ, питаютъ грудь мою.
Когда жъ сынъ Феба, Миръ крылатый,
На землю спустится съ небесъ, [1]) —
Умолкнутъ громы, и народы
Отрутъ оливой токи слезъ:
Тогда, тогда, Орфей Природы,
Я въ гимнѣ сердце излію,
И миръ съ тобою воспою!
  1795.

[1]) Писано было во время войны.

XCVIII. Ода, на случай присяги московскихъ жителей Его Императорскому Величеству ПАВЛУ ПЕРВОМУ Самодержцу Всероссійскому.

  Что слышу? громы восклицаній,
Сердечныхъ, радостныхъ взываній!...
Что вижу? весь народъ спѣшитъ
Во храмъ, украшенный цвѣтами;
Спѣшитъ съ поднятыми руками —
Вступаетъ... новый громъ гремитъ,
И слезы щастія ліются!...
Се Россы добрые клянутся,
Тѣснясь къ святому алтарю,
Въ любви и вѣрности Царю.
  И такъ на тронѣ Павелъ Первый?
Вѣнецъ Россійскія Минервы
Давно назначенъ былъ ему...
Я въ храмъ со всѣми поспѣшаю,
Подъемлю руку, восклицаю:
«Хвала Творцу! хвала Тому,
«Кто правитъ высшими судьбами!
«Клянуся сердцемъ и устами,
«Усердьемъ пламеннымъ горя,
«Любить Россійскаго царя!»
  Мы всѣ другъ друга обнимаемъ,
Россію съ Павломъ поздравляемъ.
Друзья! Онъ будетъ нашъ отецъ;
Онъ добръ и любитъ Россовъ нѣжно!
То царство мирно, безмятежно,
Въ которомъ Царь есть Царь сердецъ;
Отъ Неба онъ вѣнцомъ украшенъ,
И только злымъ бываетъ страшенъ;
Для злыхъ во мракѣ тучъ гремитъ,
Благимъ, какъ Богъ, благотворитъ.
  Неправда, лесть! навѣкъ сокройся
Святая искренность, не бойся
Къ Царю приближиться теперь!
Онъ хочетъ щастья милліоновъ,
Полезныхъ обществу законовъ,
Къ Нему отверста мудрымъ дверь.
Кто Павлу истину покажетъ,
О тайномъ злѣ Монарху скажетъ,
Подастъ ему благой совѣтъ,
Того онъ другомъ назоветъ.
  Въ рукахъ Его вѣсы Ѳемиды:
Отъ сильныхъ не страшусь обиды,
Не буду виненъ безъ вины.
На лица Павелъ не взираетъ,
И въ сердце окомъ проницаетъ;
Ему всѣ дѣти, всѣ равны.
На тронѣ правда съ нимъ явилась;
Съ закономъ совѣсть примирилась:
Она въ Россіи судія;
Уставомъ будетъ гласъ ея.
  А вы, подруги бога Феба,
Святыя Музы, дщери Неба,
Безъ коихъ сердцу свѣтъ не милъ!
Ликуйте! Павелъ вашъ любитель,
Наукъ, художествъ покровитель!
Онъ въ васъ отраду находилъ
Отъ васъ быть мудрымъ научался,
Когда еще отъ насъ скрывался;
Въ спокойной, мирной тишинѣ
Вы, Музы, были съ Нимъ однѣ!
  Ликуйте! Павелъ васъ прославитъ.
Въ законъ ученіе поставитъ.
Онъ любитъ подданныхъ своихъ,
Которыхъ разумъ просвѣщенный
Цѣнитъ заботу, трудъ священный
Монарховъ мудрыхъ и благихъ.
Любовь невѣждъ кому завидны?
Хвала ихъ ложь; она постыдна.

Гдѣ разумъ, свѣтъ наукъ любимъ
Тамъ добрый Царь боготворимъ.
Кто, чувствомъ сердца вдохновенный,
Усердьемъ къ трону восхищенный,
Гремитъ народу «Царь отецъ!»
Гремитъ, и въ сердце проницаетъ;
Гремитъ, и слезы извлекаетъ?...
Питомецъ нѣжный Музъ — пѣвецъ.
Кто память добрыхъ сохраняетъ,
Съ потомствомъ дальнымъ заключаетъ
Монарховъ дружескій союзъ?
Историкъ: онъ питомецъ Музъ.
Ты знаешь, о Монархъ любезный!
Сколь ихъ дары душѣ полезны,
И чѣмъ обязанъ смертный имъ:
Подъ сѣнью мирныя оливы
Мы будемъ мудростью щастливы,
И храмы Музамъ посвятимъ,
Въ которыхъ образъ Твой поставимъ;
Тебя на лирахъ мы прославимъ,
Въ концахъ вселенной возвѣстимъ —
И міръ захочетъ быть Твоимъ.
Вельможа сей примѣръ увидитъ,
Наружный блескъ возненавидитъ,
Захочетъ благостью сіять,
Достойнымъ быть Царя, Царицы,
Отцемъ для сираго, вдовицы,
Богатство съ бѣднымъ раздѣлять;
Но скоро бѣдныхъ и нещастныхъ
Въ странахъ Тебѣ, Монархъ! подвластныхъ,
Нигдѣ не узримъ предъ собой.
Тогда настанетъ вѣкъ златой;
Тогда съ дражайшими сынами
Гряди Россійскими странами
Отъ Невскихъ красныхъ береговъ
До Кети, Оби отдаленной:
Гряди — и взоръ Твой восхищенной
Найдетъ среди Сибирскихъ льдовъ
Луга, покрытые цвѣтами,
Поля съ обильными плодами
Сердца довольныя судьбой,
Отцемъ Всевышнимъ и Тобой
Въ прозрачномъ тихихъ водъ кристаллѣ,
Какъ въ чистомъ, явственномъ зерцалѣ
Увидишь щастіе людей,
На златомъ брегѣ ихъ живущихъ,
Царя Россіи зрѣть текущихъ,
Творца ихъ мирныхъ, райскихъ дней:
И какъ бы рѣки ни шумѣли,
И какъ бы громы ни гремѣли,
Они возвысятъ голосъ свой:
«О Павелъ! Ты нашъ богъ земной!
«Мы царствуемъ, Монархъ, съ Тобою;
«Трудимся только для покою;
«Не знаемъ нужды, ни обидъ.
«Умы наукой просвѣтились,
«И нравы грубые смягчились.
«Судья лишь правый судъ творитъ;
«Вездѣ начальникъ уважаемъ.
«Тобой онъ мудро избираемъ.
«Для насъ течетъ Астреинъ вѣкъ;
«Что Россъ, то доброй человѣкъ.
«Петръ Первый былъ всему начало;
«Но съ Павломъ Первымъ возсіяло
«Въ Россіи щастіе людей.
«Вовѣкъ, вовѣкъ нераздѣлимы,
«Вовѣки будутъ свято чтимы.
«Сіи два имени Царей!
«Ихъ Церковь вмѣстѣ величаетъ,
«Россія вмѣстѣ прославляетъ:
«Но ты еще дороже намъ:
«Петръ былъ *великъ*, Ты *милъ сердцамъ*.
Рекутъ — въ восторгѣ онѣмѣютъ:
Слезами рѣчь запечатлѣютъ;
Ты съ ними прослезишься самъ,
Восторгомъ Россовъ восхищенный,
Блаженствомъ подданныхъ блаженный.
Какой примѣръ Твоимъ Сынамъ!
Ихъ руки дружески сплетутся;
Они обнявшись поклянутся,
Итти стезею дѣлъ Твоихъ —
И Богъ услышетъ клятву ихъ.
Монархъ, не льстецъ, душею хладный,
Къ чинамъ, къ корысти только жадный,
Тебѣ сію хвалу поетъ;
Но Россъ, Царя усердно чтущій,
Съ Природой, съ Музами живущій,
Любитель блага, не суетъ.
Надежда насъ не обольщаетъ:
Кто столь премудро начинаетъ,
Достигнетъ мудраго конца —
Началомъ Ты плѣнилъ сердца.
Увидя свѣтъ Авроры ясной,
Мы ждемъ, что будетъ день прекрасной,
И Фебъ въ сіяніи златомъ,
Въ вѣнцѣ блестящемъ, въ славѣ мирной,
Свершитъ на небѣ путь эѳирной;
На самомъ западѣ своемъ
Еще освѣтитъ міръ лучами,
Сольется яркими струями
Съ вечерней, тихою зарей
И алый блескъ оставитъ въ ней.
1796.

XCIX. Надежда.

Il est doux quelquefois de rever le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ нещастныхъ
Отрадой сладкою живитъ?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будетъ съ милою семьей.
Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучь души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!
Хотя томлюся и страдаю,
Но ты во мнѣ . . . не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи —
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи:
Вдали возможность щастья зрю!
Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
Другъ друга радостно любить!
Въ душѣ моей, теперь унылой,
Твой образъ можетъ съ щастьемъ жить!
Когда? когда — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ готовится вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ сліяніи сердецъ.
Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ:
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
Препятствій страшныхъ милліоны,
Тиранство рока и законы
Не могутъ страсти прохладить:
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ велитъ намъ такъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всесильныя любви.
Могу ль сказать: будь, сердце, камень,—
«Угасни огнь въ моей крови?»
Могу ль сказать *прости* надеждѣ?
Мы видимъ-любимъ. другъ мой, прежде,
Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;
Полюбимъ, и въ себѣ не властны:
Умолкнетъ разумъ безпристрастный—
Лишь сердце будетъ говорить.
Когда жь, о милой другъ! намъ должно
Въ семъ мірѣ только слезы лить,
Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
Нещастнымъ щастливыми быть!
Клянуся... Небо будь свидѣтель!...
Любить святую добродѣтель,
Чтобъ рай въ томъ мірѣ заслужить.
Гдѣ все прошедшее забудемъ,
Гдѣ только милыхъ помнить будемъ:
А рай мой... тамъ съ тобою жить!
1796.

C. На смерть князя Г. А. Хованскаго.

Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не стало!
Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;
На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь тронетъ, должно умирать!
Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ, величіемъ сіялъ:
Взгляни... вѣнецъ лежитъ на тронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ сталъ.
Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ: «я міра побѣдитель!»
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.
Нарциссъ гордился красотою.
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелетъ махнулъ косою...
Прости любовь! Нарциссъ увялъ.
Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото стерегъ;
Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!
Она и въ пору и не въ пору
Велитъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшитъ за гробъ переселять;
Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живетъ,
И міръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ!
Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отецъ.
Чего же подъ Его покровомъ
Бояться добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ,
Найдутся радости для насъ. —
Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ:
Онъ былъ... лишь доброй человѣкъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.
Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;
Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.
Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя;
Отдать послѣднее былъ радъ.
Друзья! пойдемъ съ душей унылой
Ему печальный долгъ воздать:
Поплакать надъ его могилой.
Намъ также будетъ умирать!
1796.

CI. Къ бѣдному поэту.

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Роптать на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу милы.
Фортуна-мачиха тебя,
За что-то очень не взлюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюкою отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Нещастныхъ пасынковъ Фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь:
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять:
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать. есть страсть глупцовъ.
Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты Царь на велелѣпномъ тронѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплетеннымъ,
Тобой отъ Грацій полученнымъ!
Тебѣ никто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спокоенъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичекъ благодарныхъ.
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
Которыхъ Музы въ одахъ лгутъ
Нескладно-пышными словами.
Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна.
Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
Здѣсь можетъ веселѣе жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ
Въ карманѣ тысячу рублей,
Копѣйки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль. какъ Фея,
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производитъ,

Въ крапивѣ нѣжный миртъ находитъ
И строитъ замки изъ песка.
Лукуллы въ нѣгѣ утонченной
Напрасно вкусъ свой притупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
Сатрапъ съ Лаисою зѣваетъ;
Платокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
Ихъ жребій: дни считать, не жить;
Душа ихъ въ роскоши истлѣла.
Подобно камню онѣмѣла
Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья:
Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
Мы только щастливы бываемъ;
Надежда золото для насъ,
Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
Въ которомъ щастье лобызаемъ.
Не сытому хвалить обѣдъ,
За кошмъ Нимфы, Ганимедъ
Гостямъ амврозію разносятъ.
И не въ объятіяхъ Лизетъ
Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами питаясь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
Друзей любезныхъ и щастливыхъ
На сладкой и роскошной пиръ,
Сбери красотокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
Пѣть въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
Летать подобно Терпсихорѣ
При плескѣ радостныхъ гостей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ, сладострастнымъ взоромъ,
Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
Сердца къ тому приготовлять,
Чего.... въ стихахъ нельзя сказать.
Или, подобно Донъ-Кишоту,
Имѣя къ рыцарству охоту,
Въ шишакъ и панцырь нарядясь,
На борзаго коня садясь,
Ищи опасныхъ приключеній,
Волшебныхъ замковъ и сраженій,
Чтобъ добрымъ Принцамъ помогать,
Принцессъ отъ узъ освобождать.
Или, Платоновъ воскрешая,
И съ ними умъ свой изощряя,
Законъ Республикамъ давай,
И землю въ небо превращай.
Или.... но какъ все то исчислить,
Что можетъ стихотворецъ мыслить
Въ укромной хижинкѣ своей?
Мудрецъ, которой зналъ людей,
Сказалъ, что міръ стоитъ обманомъ;
Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемымъ туманомъ
Покрыта истина для насъ.
Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ доброй часъ!
Лишь только бъ было вѣроятно.
Что есть Поэтъ? искусный лжецъ:
Ему и слава и вѣнецъ!
1796 г.

CII. ОТСТАВКА.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

И такъ въ отставку ты уволенъ!...
Что дѣлать, нѣжной пастушокъ?
Взять въ руки шляпу, посошокъ;
Сказать: спасибо; я доволенъ!
Итти, и слезки не пролить.
Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.
Свобода дѣло золотое,
Свобода въ мысляхъ и въ любви.
Минута чувства воспаляетъ,
Минута гаситъ огнь въ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкой волосокъ:
Дохнетъ ли рѣзвой вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межь ими...
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
На что упреками пустыми
Терзать другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляютъ:
Клянутся, клятву преступаютъ:
Гдѣ судъ на вѣтренность сердецъ?
Что нынѣ взору, чувству мило,
То завтра будетъ имъ постыло.
Теперь вамъ нравится мудрецъ,
Чрезъ часъ понравится глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній міръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сатиръ.
Подъ скиптромъ душегубца Крона [1])
Какому постоянству быть?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно,
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любить!
И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердитъ,
Шумѣть мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видитъ, и молчитъ:
Укажутъ дверь — и онъ съ поклономъ
Ее затворитъ за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадономъ,
Пойдетъ... стихи писать домой.
Я жилъ въ Аркадіи съ тобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней.
Довольно — лучшій соловей
Поетъ не долѣе весною...
Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!...
И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
Рукою... на пескѣ писала:
Люблю — люблю — умру любя!
Но старой другъ твой не забудетъ,
Что кто о старомъ помнить будетъ,
Лишится глаза, какъ Циклопъ [2]):
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!
1796 г.

CIII. Прощаніе.

Ударилъ часъ — друзья, простите!
Иду — куда, вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ — зачѣмъ?
Спросить *тамъ*, для чего мы *здѣсь*,
друзья, живемъ.
1796 г.

[1]) Сатурна.
[2]) Русская пословица: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ».

CIV. ЛИЛЕЯ.

Я вижу тамъ лилею.
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей разлучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зіяетъ!...
Тоска терзаетъ грудь мою;
Стою печально, слезы лью.
Взираю издали на нѣжную лилею —
Она сотворена быть, кажется, моею,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ стебелёкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣтокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: «она не для тебя!
Увянетъ не съ твоей слезою;
Другой сорветъ ее холодною рукою;
А ты... смотри, терзай себя!»

* * *

О Лиза! я съ тобою
Душей дѣлиться сотворенъ,
Но бездной разлученъ!
1796 г.

CV. СПОРЩИКЪ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!
1796 г.

CVI. Любовь ко врагамъ.

«Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелетъ, едва таскаю ноги;
Смотрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Кревомъ годъ назадъ, теперь я Иръ убогій.»
— Какой же адской Духъ съ тобою такъ сшутилъ? —
«Красавицы: увы! я страстно ихъ любилъ!»
— За чтожъ, когда онѣ тебѣ врагами были? —
«Насъ учатъ, чтобъ мы враговъ своихъ любили!»
1796 г.

CVII. Къ невѣрной.

Переводъ съ французскаго.

Разсудокъ говоритъ: «все въ мірѣ есть мечта!
Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце скажетъ:
«Все въ мірѣ есть мечта!»
Кому жестокій Рокъ то опытомъ докажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ничего:
Онъ ищетъ лишь... могилы!...
Я слышалъ страшный гласъ, гласъ сердца моего,
И съ прелестью души, съ надеждою простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

* * *

Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могу ль себя любить?...
Кто въ жизни испыталъ всю сладость нѣжной страсти,
И нравился тебѣ, тотъ... *жилъ* и долго жилъ;
Мнѣ должно умереть: такъ Рокъ опредѣлилъ.
Ахъ! естьлибъ было въ нашей власти
Вовѣки пламенно любить,
Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,
Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ свѣтомъ;
Тогда бы человѣкъ былъ зависти предметомъ
Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ
Скучать я не хочу: упреки безполезны;
Насильно никогда не можемъ быть любезны.
Любви покорно все, любовь... одной Судьбѣ.
Когда отъ сердца сердце удалится,
Напрасно звать его: оно не возвратится.
Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
Въ пустынѣ мертвой, на пескахъ,
Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ,
Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:
«Тамъ пѣли соловьи, тамъ миртъ душистый цвѣлъ!»
Сей мыслію себя страдалецъ лишь терзаетъ,
Но всѣ нещастные о щастьи говорятъ.
Имъ участь... вспоминать, щастливцу... наслаждаться:
Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.

* * *

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня съ себѣ манили,
И сердце юноши быть вѣтреннымъ учили;
Но я влюблялся не любя.
Когда жъ узналъ тебя;
Когда дрожащими руками
Обнявъ другъ друга, все забывъ —
Двумя горящими сердцами
Союзъ священный заключивъ —
Мы небо на землѣ вкусили,
И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ;
Ея восторгомъ изнуренной,
Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,
Прелестнѣйшей, блаженной!...
Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
За щастье должно намъ нещастіемъ платить.

* * *

Какая смертная, какъ ты, была любима,
Какъ ты, боготворима?
Какая смертная была
И столь любезна, столь мила?
Любовь въ тебѣ пылала,
И подлѣ сердца моего
Любовь, любовь въ твоемъ такъ сильно трепетала!
Съ небесной сладостью дыханья твоего
Она лилась мнѣ въ грудь. Что слово, то блаженство;
Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой свѣтъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершенство,
Друзей себя, Творца, въ тебѣ одной любилъ.
Единый часъ разлуки
Былъ сердцу моему несноснымъ годомъ муки;
Прощаяся съ тобой,
Прощался я съ самимъ собой...
И съ чувствомъ обновленнымъ
Къ тебѣ въ объятія спѣшилъ;
Въ душевной радости рѣкою слезы лилъ;
Въ блаженствѣ трепеталъ... не смертнымъ, богомъ былъ!...
И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ священнымъ!
Я землю цѣловалъ,
На кою ты ступала;
Какъ Нектаръ воздухъ пилъ, которымъ ты дышала...
Увы! отъ щастья здѣсь никто не умиралъ,
Когда не умеръ я!... Оставить міръ холодный,
Который врагъ чувствительнымъ душамъ;
Обнявшись перейти въ другой, гдѣ мы свободны
Жить съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ предразсужденій,
Безъ всѣхъ нещастныхъ заблужденій;

Гдѣ Богъ улыбкой встрѣтитъ насъ...
Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!...
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

* * *

Жестокая!... увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!
Такъ думалъ я... и чтожъ? на розѣ устъ небесныхъ,
На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ
Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: *торжествуй:*
Люблю тебя!... Еще ты рукъ не опускала,
Которыми меня ласкае обнимала,
Другой, другой ужь былъ въ объятіяхъ твоихъ...
Иль въ сердцѣ... все одно! Безъ тучи громъ ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ своимъ, нещастный!
И думалъ на яву, что вижу все во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла!...
Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла!...
Какъ можно разлюбить, что намъ казалось мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?
Однажды чувства истощивъ,
Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти
Невѣрную забыть? Однажды полюбивъ,
Я долженъ ввѣкъ любить; исчезну обожая.
Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у тебя —
Блаженствуй! — Самый гробъ меня не утѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:
Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ,
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать!
1796 г.

CVIII. Къ вѣрной.

Переводъ съ французскаго.

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...
И сердце милое твое
Опять, опять *мое!*
Къ твоимъ ногамъ въ восторгѣ упадаю ...
Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...
Сладчайшія слова: *души моей супругъ*!
Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю!..
Ахъ! какъ благодарить Творца!...
Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю!...
. . . .
Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставивъ мучиться тебя,
Преступникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно
Нещастіе мое. И ты сама... прости...
Воспоминаніе души моей ужасно!...
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа найти [1].
Теперь, теперь стыжусь, и впредь клянусь не вѣрить
Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣрить и твоимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить
Меня въ любви своей. На сердце укажу,
Взгляну съ улыбкою, и съ твердостью скажу:
«Оно, мой другъ, спокойно;
«Оно тебя достойно
«Надежностью своей.
«Испытывай меня!» — Пусть прелестью твоей
Другіе также заразятся!
Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды *плодъ*!
Изъ нихъ пусть каждый щастья ждётъ:
Я буду щастьемъ наслаждаться
Ихъ жребій: *милую любить*;
Мой жребій: *милой милымъ быть*!
Хотя при людяхъ намъ нельзя еще словами
Люблю другъ другу говорить;
Но страстными сердцами
Мы будемъ всякой мигъ *люблю, люблю* твердить —
(Другимъ языкъ сей непонятенъ;
Но голосъ сердца сердцу внятенъ) —
И взоръ умильный тожъ украдкой подтвердитъ.
Снесу жестокость принужденья —
(Что дѣлать? такъ Судьба велитъ) —
Снесу въ блаженствѣ увѣренья,
Что ты моя въ душѣ своей.
Ахъ! истинная страсть питается собою;
Восторги чувствъ не нужны ей.
Я знаю, что меня съ тобою
Жестокій Рокъ готовъ надолго разлучить;
Скажу тебѣ... *прости!* и долженъ буду скрыть
Тоску въ груди моей!... Обильными слезами
Ее не облегчу въ присутствіи другихъ;
И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ!...
Разстаться тяжело съ сердечной половиной;
Но... *я любимъ тобой:* сей мыслію единой
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озарится.
Разлука опытъ намъ:
Кто опыта страшится,
Тотъ вѣрно не любимъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую страсть всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огнь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.
Когда души единственный предметъ
У насъ передъ глазами,
Мы знаемъ то одно, что весело любить;
Но чтобъ узнать всю власть его надъ нами
Узнать, что безъ него душѣ не можно жить....
Разстанься съ нимъ!... Любовь питается слезами
Отъ горести растетъ;
И чувство, что нельзя преодолѣть намъ страсти,
Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

* * *

Когда нибудь, о милый другъ!
Судьбы жестокія смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ... будетъ твой супругъ.
Ахъ! станемъ жить: съ надеждой жизнь прекрасна,
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —
Исчезнутъ для меня съ отбытіемъ твоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ воображеньи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеньи,
Построю [1]) *домикъ* для тебя.
Для насъ двоихъ, надъ тихою *рѣкою*
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: «въ семъ *домикѣ* живи
«Съ любовью, щастьемъ и со мною:
«Для прочаго умремъ. Прельщаяся тобою,
«Я прелести ни въ чемъ иномъ не нахожу.
«Тебѣ всѣ чувства посвящаю:

---

[1]) Это мѣсто въ оригиналѣ темно; можно только догадываться.

[1]) Въ мысляхъ

«Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?
«Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?
«Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!
«Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;
«Пусть будемъ въ ней мы только двое!
«Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.
«Что сердцу надобно? найти, любить другое:
«А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,
«И свѣту говорю: *прости*!»
Прелестный *домикъ* сей вдали насъ ожидаетъ;
Теперь его Судьба завѣсой покрываетъ,
Но онъ явится намъ: въ немъ буду жить съ тобой;
Или мечту сію... возьму я въ гробъ съ собой.
1796 г.

CIX. Долина Іосафатова, или долина спокойствія.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;
Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣтелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;
Молчатъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ звѣрей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ нѣжности сѣтей;
Гдѣ хитрый богъ, любящій слезы,
Не мещетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!
Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?
Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на брегъ.... но вдругъ
Съ отливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.
Ужель во мрачности тумана
Мнѣ ввѣкъ игралищемъ служить
Шумящимъ вѣтрамъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружить?
Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечтой;
Любилъ, надѣялся, страшился:
Ахъ! время мнѣ вкусить покой!
Навѣкъ въ груди угасни пламень!
Пусть въ ней живетъ единый кладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.
Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?
1796 г.

CX. Эпитафія.

Онъ жилъ въ семъ мірѣ для того,
Чтобъ жить — не зная для чего.

CXI. Тріолетъ Лизетѣ.

«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,»
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
«Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
«Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»
Когда же злость ея узналъ....
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.
1796 г.

CXII. Im-Promptu Графинѣ Р**,

которой въ одной святошной игрѣ досталось быть королевою.

Напрасно говорятъ, что случай есть слѣпецъ:
Сію минуту онъ вручилъ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сердецъ.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.
1796 г.

CXIII. Im-Promptu двумъ молодымъ дамамъ,

которыя въ маскахъ подошли къ автору и хотѣли увѣрить его, что онъ ихъ не узнаетъ.

Ничто, ничто сокрыть Любезныхъ не могло!
На васъ и маска какъ стекло.
Прелестные глаза Прелестныхъ обличаютъ:
Подъ маскою они не менѣе сіяютъ.
Взглянулъ — и сердце мнѣ
Сказало: вотъ онѣ!
1796 г.

CXIV. Къ лѣсочку Полины.

Тебя, лѣсочекъ, насадила
Полина собственной рукой;
Кому же посвятила? —
«Богинѣ прелестей.» — И такъ себѣ самой.
1796 г.

CXV. Къ Лилѣ.

Ты плачешь, Лилета?
Ахъ! плакалъ и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ:
Есть очередь въ свѣтѣ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живетъ:
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красотой.
Я также плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечталъ о блаженствѣ,
Страдая въ душѣ!...
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечтаній;
Я Лилу забылъ —
И вижу.... о Небо!
Что сдѣлалось съ ней?
Всѣ алыя розы
Морозъ умертвилъ.
Гдѣ прежде Зефиры
Шептали любовь,
Подъ сѣнію миртовъ
Таился Эротъ

И пальчикомъ нѣжнымъ
Съ усмѣшкой грозилъ:
Тамъ нынѣ все пусто!
Твоя красота
Угасла какъ свѣчка;
Вспорхнула любовь
И прочь улетѣла;
Любовники въ слѣдъ
За нею исчезли.
Лилета одна,
И хочетъ отъ скуки
Меня заманить
Въ старинныя сѣти!
Я въ сказкѣ читалъ,
Что нѣкогда боги
Влюбились въ одну
Прекрасную Нимфу:
Юпитеръ и Марсъ,
Нептунъ и Меркурій,
И Бахусъ и Фебъ.
Красоткѣ хотѣлось
Ихъ всѣхъ обмануть,
Украсить рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, такъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогаты.
Но время прошло;
Красавица стала
Не такъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа отъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ отъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогатымъ Сатиромъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ
Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сатиръ!

1796 г.

CXVI. Клятва и Преступленіе.

Хотѣлъ я не любить: чтожь дѣлаю? люблю!
Любя терзаюся, крушу себя, гублю . . .
Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слезами я не смою
Того, что злой Судьбѣ желѣзною рукою
Угодно было начертать:
„Кокеткамъ торговать сердцами,
„Мужьямъ ходить съ рогами,
„А Плаксѣ (то есть, мнѣ) бранить любовь словами
„Но сердцемъ обожать — ввѣкъ, ввѣкъ!" —
Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

CXVII. Надписи на статую Купидона [1]).

1.

На голову.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало;
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

[1]) Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ.

2.

На глазную повязку.

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

3.

На сердце.

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаетъ полюбя.

4.

На палецъ, которымъ Купидонъ грозит

Награда скромности готова:
Будь щастливъ — но ни слова!

5

На руку.

Не вѣрь Любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

7.

На стрѣлу, которую Амуръ беретъ в руку.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: *люблю!*

8.

На ногу.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

На спину.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодым
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

1796 г.

CXVIII. Два Сравненія.

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Аноним
Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спим

2.

Что есть жизнь наша? сказка.
А что любовь? ея завязка;
Конецъ печальной иль смѣшной.
Родись, люби — и Богъ съ тобой!

1796 г.

CXIX. Дурной вкусъ.

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ напрасно:
Скажу я безпристрастно,
Что вкусъ и грубъ и дуренъ у тебя:
Ты любишь самого себя!

CXX. Вопросы и отвѣты.

Что есть любить?
Тужить.
А равнодушнымъ быть?
Не жить.

CXXI. Характеръ Нисы.

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей постыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей постыло.

1796 г.

CXXII. Эпиграмма.

Я знаю, для чего Крадонъ твердитъ всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

CXXIII. Истина.

Кто скажетъ не солгавъ, что съ сроду онъ не лгалъ,
Тотъ развѣ никогда влюбленнымъ не бывалъ!

CXXIV. Мыслятъ и не мыслятъ.

Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ;
Не мысля умереть, умрутъ.

CXXV. Надгробіе шарлатана.

Я пыль въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью сталъ.

CXXVI. Перемѣна цвѣта.

Вдругъ сталъ у Лины дуренъ цвѣтъ:
Конечно въ городѣ румянъ хорошихъ нѣтъ!

1796 г.

CXXVII. Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранныя изъ Экклезіаста.

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я нѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустота,
И я сказалъ: „любовь мечта!“
Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богатствомъ, роскошью блисталъ;
Но—вмѣсто щастья, дней веселыхъ—
Заботы, скуку обрѣталъ;
Простился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.
Искалъ я въ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину:
Но намъ ли таинствъ ключъ найти,
Измѣрить мудрости пучину?
Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!
Къ чему намъ служитъ власть, когда ее имѣя,
Не властны мы себя щастливыми творить;
И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?
Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрасныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью страстныхъ,
Томился и скучалъ я жизнію своей;
Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.
Уныніе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой притупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Не нужное для насъ бываетъ ли пріятно?
Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и нещастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.
Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы,
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ.
Злодѣй находитъ въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растетъ:
Темницей кажется имъ свѣтъ.
Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ горестью сраженъ —
Она другому отдается,
Который ею восхищенъ;
Но скоро клятву онъ забудетъ,
И скоро.... самъ обманутъ будетъ.
Ехидны зависти вездѣ. вездѣ шипятъ;
Достоинство, талантъ и трудъ безъ награжденья.
Творите ли добро, вамъ люди зло творятъ.
Отъ каменныхъ сердецъ не ждите сожалѣнья.
Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льетъ;
Не судитъ ни объ комъ разсудокъ безпристрастный:
Лишь страсти говорятъ. — Кто въ роскоши живетъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ есть нещастный.
Но онъ нещастливъ самъ, не зная, отъ чего;
Желаетъ получить, имѣетъ и скучаетъ;
Желаетъ новаго — и только что желаетъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его.
По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана;
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море... служитъ намъ могилой.
Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ та же участь ждетъ.
Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости порока.
И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы.
Исчезнутъ всѣ какъ тѣнь — и всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозится смерть для всѣхъ отверсты гробы

Для тигра, агницы сей лугъ равно цвѣтетъ,
Равно питаетъ ихъ. Нещастныхъ притѣснитель
Покоится въ землѣ какъ бѣдныхъ утѣшитель
На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ растетъ.
Гордися славою, великими дѣлами,
И памятники строй: что пользы? ты забытъ,
Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ и друзьями;
Могилы твоея никто не посѣтитъ.
Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ власть и слава ненадежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!
Нещастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родиться вѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться!
Ничтожество! ты благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря страшныхъ огорченій;
Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,
Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда тоскою изнуреннымъ!
Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и мудрецъ.
Могила, тлѣніе всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ?
Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ также, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.
Подобно намъ, они родятся, умираютъ:
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ будетъ и твоя,
О бренный человѣкъ? Въ нихъ чувства исчезаютъ,
Исчезнутъ и во мнѣ: увы! чтожъ буду я?
Но кто изъ смертныхъ разсуждаетъ?
Скупецъ богатства собираетъ,
Какъ будто вѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами —
За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстить.
Предъ мощнымъ слабость трепетала;
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ:
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала —
Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный... падетъ во прахъ.
Какъ розы, юныя прелестны!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный:
Минута — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идетъ.
Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ внятны;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.
Исчезнутъ для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.
Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣтетъ для старца никогда.
А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть твоя стихія:
Улыбка краситъ дни младыя.
За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость съ ней.
Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.
Намъ все *употреблять* для щастія возможно:
Во зло употреблять не должно ничего;
Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствіе души зависитъ отъ сего.
Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнить своего великаго Творца:
Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!
Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и вздыхать!
Онъ любитъ въ горести нещастныхъ утѣшать,
И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце освѣжаетъ.
Не будь ни въ чемъ излишно строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай порокъ:
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.
Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ:
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ никогда?
Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?
Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучъ,
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,
Огнями молній воспаленныхъ?
Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.
Не только для благихъ, будь добръ и для коварныхъ
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары ліетъ.
Прекрасно другомъ быть сердецъ неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ не ждетъ.
Награда для него есть совѣсть, духъ покойный
(Безуміе и злость всегда враги Уму:
Вниманія его ихъ стрѣлы недостойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость щитъ ему).
Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтилы;
Божественный огонь блеститъ въ его очахъ.
Ему не страшенъ видъ отверстыя могилы:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.
1796.

CXXVIII. Къ портрету Ломоносова.

«Въ отечествѣ Зимы, среди ея снѣговъ»
(Сказалъ Парнасскій богъ) «къ безсмертной славѣ Россовъ
«Родись вновь Пиндаръ, царь Пѣвцовъ»!
Родился... Ломоносовъ.
1796 г.

CXXIX. Эпиграмма на жизнь.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.
Читаемъ по складамъ, смѣемся, плачемъ... спимъ.
1796 г.

CXXX. РАЗЛУКА.

(На голосъ: J'entends dans la forêt).

Любя любимымъ быть,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жить,
Всего, всего тошнѣе.
Что въ сердцѣ безъ *нее*!
Въ *ней* сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.
Гдѣ щастье? гдѣ *она*?
И день и ночь вздыхаю;
Отрада мнѣ одна,
Что слезы проливаю.
Довольно... такъ и быть!
Когда, мой другъ, съ тобою!
Не льзя теперь мнѣ жить,
Хочу я жить съ тоскою.
1797 г.

CXXXI. Покой и слава.

«Спокойствіе дороже славы!»
Твердятъ лѣнивые умы.
Нѣтъ, нѣтъ! они не правы;
Покоемъ не довольны мы:
Въ объятіяхъ его скучаемъ,
И прежде смерти умираемъ.
Жизнь наша столь бѣдна,
Превратна, не вѣрна;
Дней ясныхъ въ ней такъ мало,
Такъ все мгновенно для сердецъ,
Что удовольствія и щастія начало
Есть удовольствія и щастія конецъ.
Чѣмъ бережно въ тѣни скрываться,
Бояться шороха, бояться вслухъ дышать,
Единственно за тѣмъ, чтобъ жизнію скучать
И смерти праздно дожидаться:
Не лучше ль что нибудь
Великое свершить? Гремящей славы путь
Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,
И наслаждается вѣками
Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.
Паритъ съ орломъ подъ небесами,
Сіятъ эѳирными лучами,
Сгорѣть тамъ солнечнымъ огнемъ,
Оставить пепелъ тамъ, милѣе для Героя,
Чѣмъ духомъ онѣмѣть въ ничтожествѣ покоя,
И съ червемъ прахъ лобзать, доколѣ Исполинъ,
Рокъ, грозный смертныхъ властелинъ,
Его не раздавилъ Гигантскою стопою.—
Всѣмъ должно быть землею:
Ты слабый человѣкъ!
Какъ тѣнь, мелькая, исчезаешь;
Но надпись о другомъ и въ самый дальній вѣкъ
Гласитъ: *прохожій стой! Героя попираешь* [1]).
1797 г.

CXXXII. ИСПРАВЛЕНІЕ [2]).

Пора, друзья, за умъ намъ взяться,
Безпутство кинуть, жить путемъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ.
Безпечной юности утѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшной грѣхъ.
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,
И другу, недругу закажемъ
Кого нибудь въ соблазнъ вводить;
Прямымъ раскаяньемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.
Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитрости, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!
Отнынѣ будетъ все иное:
Чтобъ строгимъ людямъ угодить,
Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —
Не съ тѣмъ, чтобъ нравы ихъ исправить
Такихъ чудесъ нельзя желать —
Но чтобъ красавицъ лишь заставить
Отъ скуки и тоски зѣвать.
«Зѣвать?» Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.
Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чтобъ снова не надѣлать зла.
Искусство нравиться забудемъ,
И съ *постнымъ* видомъ въ *мясоѣдъ*,
Среди собраній свѣтскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣтъ;
Бранить все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ закрыть для сердца вредъ;
Хвалить, что грѣшникамъ постыло,
Но что къ спасенію ведетъ,
Momento mori! [1]) велегласно
На балахъ станемъ восклицать,
И стономъ смерти ежечасно
Любезныхъ вѣтренницъ пугать.—
Какъ другъ вашъ столь перемѣнился,
Угодно ль вамъ, друзья, спросить?...
Сказать ли правду?... Я лишился
(Увы!) способности грѣшить!
1797 г.

CXXXIII. Желаніе.

Какъ странникъ, зноемъ утомленный,
Въ тѣни желаетъ отдохнуть:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Желаетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

CXXXIV. Тацитъ.

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ знаменитомъ,
Кромѣ убійцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жалѣть объ немъ не должно:
Онъ стоилъ лютыхъ бѣдъ нещастья своего,
Терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно!
1897.

CXXXV. Къ Шекспирову подражателю.

Ты хочешь быть, Глупонъ, Шекспировъ подражатель
Выводишь для того на сцену мясниковъ,
Бачмачниковъ, портныхъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ:
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ? ахъ, нѣтъ! не въ томъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ, склоняли [2]).
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты:
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красоты?
1797 г.

[1]) Переводъ славнаго Латинскаго надгробія: Sta, viator! Heroem calcas.
[2]) Шутка надъ лицемѣрами и ханжами.

[1]) То есть: *помни смерть*.
[2]) См. Квинта Курція.

CXXXVI. Хоръ и Куплеты.

Пѣтые въ мареинской[1]) рощѣ друзьями почтеннаго хозяина, въ день имянинъ его.

ХОРЪ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки*).

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

1.

(На голосъ: *Заря утренния взошла)*.

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ отличенъ
За достоинство прямое
Въ томъ не щастіе слѣпое,
Но заслугу люди чтутъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами — *и проч.*

2.

Кто не только на войнѣ,
Но и въ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патріотъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

3.

Кто предъ трономъ въ духѣ твердъ,
Передъ низшими не гордъ,
Съ ровнымъ искренно дружится
И коварныхъ не страшится,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

4.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жить умѣлъ:
Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣтей отцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

5.

Кто покой Москвы блюдя,
Часъ свободы находя,
Любитъ въ рощахъ прохлаждаться
И съ друзьями забавляться,
Тотъ имѣетъ нѣжной вкусъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
И веселье не бѣда.
Пѣсни намъ для щастья нужны;
Музы съ Мудростію дружны —
Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
Милъ домашнимъ и друзьямъ;
Здѣсь и гости не чужіе;
Здѣсь и гости какъ родные
Веселятся всѣ тобой.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

1797 г.

[1]) Село Мареино, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

CXXXVII. Куплеты.

(На тотъ же голосъ).

Въ честь нѣжной матери, пѣтые ея семействомъ, въ уединенномъ и пріятномъ мѣстѣ, которое называется ея именемъ: Дарьинымъ.

Какъ пріятны тѣ мѣста,
Гдѣ Натуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое твое!

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя матери святѣе;
Имя *Дарьино* милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянъ.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

Здѣсь любезнѣйшую Мать
Будутъ дѣти угощать
Въ часъ вечернія прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводить.

ХОРЪ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

1797 г.

CXXVIII. Куплеты изъ одной сельской комедіи, игранной благородными любителями театра.

Хоръ земледѣльцевъ.

Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы.
Славимъ барина — отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Что жъ умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

Сельской любовникъ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ не льстивымъ языкомъ:
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хотятъ
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говорятъ.

Дѣвушка.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявить.
Слово вылетитъ невольно:
Скажешь — поздно воротить!
Притворяться вѣкъ не можно:
Всѣ мы созданы любить;
Лишь держаться слова должно;
Стыдно, стыдно измѣнить.

Сельская любовница.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею щастіе нашла:
И надѣюсь безъ искусства,
Сердце друга сохранить:
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
Мнѣ помогутъ милой быть.

Городской житель.

Есть ли въ городѣ имѣютъ
Больше средствъ плѣнять мущинъ,
Лучше здѣсь любить умѣютъ.
Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
Время нравиться пройдетъ,
И кокетка съ сѣдинами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

Горожанка.

Тотъ живетъ благополучно,
Кто умѣетъ жить въ другомъ.
О себѣ лишь думать — скучно;
Щастье въ двухъ, а не въ одномъ.
Кто же бабочкой летаетъ
Съ василька на василекъ,
Тотъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, тотъ любитъ вѣкъ.

Горожанинъ.

Естьлибъ было въ нашей власти
Вѣчно бабочкой летать,
Не дивился бы я страсти
Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюблять.
Время крылья подсѣкаетъ,
И придется сиднемъ быть.
Поздно вѣтренной узнаетъ,
Каково на вѣтеръ жить!

Госпожа.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
Съ тихимъ сердцемъ вѣкъ прожить,
Святость брачнаго обѣта
И невинность сохранить.
Добродѣтель утѣшаетъ,
Страсть къ раскаянью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ плѣняетъ;
Щастье лишь супругъ даетъ.

Горожанка.

Ахъ! во мракѣ заблужденья
Щастье ложная мечта.
Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть нечиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
Какъ ни худы въ свѣтѣ нравы,
Всякой добродѣтель чтитъ.

Староста.

Женихамъ, невѣстамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Вѣкъ прельщаться не возможно:
Что же можно намъ? любить.
Съ другомъ жить, не съ красотою;
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душою,
Въ томъ морщина не бѣда.

Бурмистръ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля портитъ лишь жену.
Дома имъ не посидится;
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится;
Приберите ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое,
А законъ любовь одна.
Руской созданъ прославляться,
Государю вѣрнымъ быть,
Пули, смерти не бояться,
И красавицамъ служить.

Горожанка.

Можетъ быть не безъ причины,
Естьли правду говорить,
Вы браните насъ, мущины:
Но одни хотите ль жить?
Вамъ даны Природой силы,
Намъ искусство васъ ловить;
Мы другъ другу право милы —
Будемъ спорить и любить!

1798 г.

CXXXIX. Протей, или несогласія стихотворца.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко сами себѣ противорѣчатъ и перемѣняютъ свои мысли о вещахъ. Сочинитель отвѣчаетъ:)

Ты хочешь, чтобъ Поэтъ всегда одно лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный человѣкъ!
Скажи, кто образы Протеевы исчислилъ?
Таковъ питомецъ Музъ, и былъ и будетъ вѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно ль измѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало ясна,
И вся природа въ ней съ оттѣнками видна.
Не льзя ей для тебя *единою* казаться
Въ *разнообразіи* естественныхъ чудесъ.
Взгляни на свѣтлый прудъ, едва, едва струимый
Дыханьемъ вѣтерка: въ сію минуту зримы
Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій сводъ небесъ
И дерзостный орелъ, горѣ одинъ парящій;
Кудрявые верхи развѣсистыхъ древесъ;
Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою стоящій;
На вѣтви голубокъ съ подружкою своей
(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спрятавъ къ ней)...
Еще минута ... вдругъ иное представленье:
Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;
Тамъ стелется одинъ волнистый, сизый мракъ.

Въ душѣ любимца Музъ такое жь измѣненье
Бываетъ каждый часъ; что видитъ, то поетъ,
И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть перестаетъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ
Гуляя, видитъ онъ Природы красоты,
Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,
Тогда въ душѣ его раждаются мечты
О вѣкѣ золотомъ, въ которомъ люди жили
Какъ братья и друзья, пасли свои стада,
Питались ихъ млекомъ; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, *по чувству* добры были,
А болѣе всего ... рѣзвились и любили!
Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлію своей
Изъ шума городовъ зоветъ въ поля людей.
«Оставьте, говоритъ, жилище скуки томной,
«Гдѣ все веселіе въ притворствѣ состоитъ;
«Гдѣ вы находите единый ложный видъ
«Утѣхи и забавъ. Въ сѣни Природы скромной
«Душевный сладкій миръ съ веселостью живетъ;
«Тамъ щастье на лугу съ фіалками цвѣтетъ,
«И смотрится въ ручей съ пастушкою прекрасной.
«О щастьи въ городахъ лишь только говорятъ,
«Не чувствуя его; въ селѣ объ немъ молчатъ,
«Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ день весенній ясной,
«Въ невинности златой, въ сердечной простотѣ»
Когда жь глазамъ его явится блескъ Искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:
Великолѣпный градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро соглашенныхъ,
И къ благу общества закономъ обращенныхъ:
Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ;
Машина хитрая, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произведенье,
Но, не смотря на то, загадка для него!
Тогда Пѣвецъ села въ восторгѣ удивленья,
Забывъ свирѣль, беретъ для гимна своего
Златую лиру, пѣть успѣхи просвѣщенья:
«Что былъ ты, человѣкъ, съ Природою одинъ?
«Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
«Лишь въ обществѣ ты сталъ Природы властелинъ,
«И въ первый разъ взглянулъ на небо горделиво,
«Взглянулъ и прочиталъ тамъ славный жребій свой:
«*Быть въ мірѣ семъ царемъ, творенія главой.*
«Лишь въ обществѣ душа твоя *себѣ сказалась*,
«И сердце начало съ сердцами говорить;
«За мыслію одной другая въ слѣдъ раждалась,
«Чтобъ лѣствицей уму въ познаніяхъ служить.
«Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,
«И мнимый вѣкъ златой, вѣкъ лѣни, дѣтства, сна,
«Безславенъ для тебя, хотя въ стихахъ и славенъ.
«Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна:
«Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились;
«Лишь тамъ художества съ науками родились —
«И первый въ мірѣ градъ былъ первымъ торжествомъ
«Даровъ, вліянныхъ въ насъ премудрымъ Божествомъ.
«Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая Добродѣтель
«Себѣ воздвигла храмъ: Сократъ въ Аѳинахъ жилъ,
«И въ Римѣ Нума Царь, своихъ страстей владѣтель,
«Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.
«Не тотъ *Герой добра*, кто скрылся отъ порока,
«Отъ искушенія, измѣнъ, ударовъ Рока,
«И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвою душой;
«Но тотъ, кто былъ всегда примѣромъ для людей,
«Среди безчисленныхъ опасныхъ преткновеній
«Какъ мраморный колоссъ незыблемо стоялъ,
«Стезею правды шелъ во мракѣ заблужденій,
«Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь побѣждалъ.
«Такъ кормчій посреди морей необозримыхъ
«Безъ страха видитъ гробъ *волнистый* предъ собой
«И слышитъ грозный ревъ пучинъ неизмѣримыхъ;
«Тамъ гибельная мель, здѣсь камни подъ водой:
«Но съ картою въ рукахъ, съ магнитомъ предъ очами,
«Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ волнами,
«И къ пристани спѣшитъ, гдѣ ждетъ его покой.»—

* * *

Въ сей хижинѣ живетъ питомецъ Эпиктета,
Который, истребивъ чувствительность въ себѣ,
Надежду и боязнь, престалъ служить Судьбѣ
И быть ея рабомъ. Сія царица свѣта
Отнять, ни дать ему не можетъ ничего:
Ничто не веселитъ, не трогаетъ его;
Онъ ко всему готовъ. Представь конецъ вселенной:
Небесный сводъ трещитъ: огромные шары
Летятъ съ своихъ осей; въ развалинахъ міры....
Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ не устрашенной
Покойно бы сказалъ: «мнѣ время отдохнуть,
«И въ гробѣ Естества сномъ вѣчности заснуть!»
Поэтъ предъ нимъ свои колѣна преклоняетъ,
И полубога въ немъ на лирѣ прославляетъ.
«Великая душа! что міръ сей предъ тобой?
«Горсть пыльныя земли. Кто повелитель твой?
«Самъ Богъ — или никто. Ты нужды не имѣешь
«Въ подпорѣ для себя: тверда сама собой.
«Безъ щастья быть всегда щастливою умѣешь,
«Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
«Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и для него:
«Смѣется иль грозитъ, не видишь ничего.
«Пусть карлы будутъ имъ велики или славны:
«Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пустой;
«Въ величіи своемъ они съ землею равны;
«А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою собой!»
И тою жь кистію, съ тѣмъ самымъ же искусствомъ
Сей нравственный Апеллъ распишетъ *слабость* вамъ.—
Для Стоиковъ порокъ, но сродную сердцамъ
Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣжнымъ чувствомъ...
Ахъ! *слабость жить мечтой*, отъ Рока ожидать
Всего, что мыслямъ льститъ, — *надѣяться, бояться*,
Отъ удовольствія и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!...
«Хвалитесь, мудрецы, безстрастіемъ своимъ,
«И будьте камнями на зло самой природѣ!
«Чувствительность! люблю я быть рабомъ твоимъ;
«Люблю предпочитать зависимость свободѣ,
«Когда зависимость есть дѣйствіе твое,
«Свобода жь дѣйствіе холодности безпечной!
«Кому пойду открыть страданіе мое
«Въ часъ лютыя тоски и горести сердечной?
«Тебѣ ль, Зенонъ? чтобъ ты меня лишь осудилъ,
«Сказавъ, что виненъ я *не властвуя собою*?
«Ахъ! кто нещастія въ сей жизни не вкусилъ,
«Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою
«И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья нѣтъ;
«И рѣдко человѣкъ, который вѣчно твердъ,
«Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пойду съ слезами,
«О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;
«По чувству, опыту извѣстна горесть вамъ.
«Къ страдавшимъ страждущій довѣренность имѣетъ:
«Кто падалъ, тотъ другихъ поддерживать умѣетъ.
«Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій ѳиміамъ...
«Молитва общая до Вышняго доходна;
«Молитва общая дѣтей Отцу угодна...
«Онъ *исполненіе* съ любовью изречетъ;
«Зефиръ съ небесъ для насъ вѣсть сладкую снесетъ;
«Отчаянія мракъ надеждой озарится,
«И мертвый кипарисъ чудесно расцвѣтетъ;
«Кто былъ нещастливъ, вдругъ отъ щастья прослезится».

* * *

Богатство, санъ и власть! не ищетъ васъ Поэтъ;
Но быть хотя на часъ предметомъ удивленья
Милѣе для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ простой
Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной, златой.
Съ какою жь ревностью онъ Славу прославляетъ,
И тѣмъ, что любитъ самъ, сердца другихъ плѣняетъ!

Съ какою ревностью онъ служитъ эхомъ ей,
Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
Сынъ Фебовъ былъ всегда хранитель олтарей,
На коихъ, память душъ великихъ обожая,
Потомство ѳиміамъ безсмертію куритъ.
«Все тлѣнно въ мірѣ семъ, жизнь смертныхъ скоротечна,
«Минутны радости, но слава долговѣчна:
«*Живите для нея!*» въ восторгѣ онъ гласитъ:
«Достойна жизни цѣль, достойна жертвъ награда.
«Мудрецъ! ищи ее, трудясь во тьмѣ ночей.
«Да искрой истины возженная лампада
«Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ для людей
«Источникомъ отрадъ! Творецъ благихъ законовъ!
«Трудись умомъ своимъ для щастья милліоновъ!
«Отдай отечеству себя и жизнь, Герой!
«Для васъ покоя нѣтъ; но есть потомство, слава:
«Исторія для васъ подъемлетъ грифель свой.
«Вы жертвой будете всемірнаго устава,
«Нисъидите во гробъ, но только *для очей*:
«Для благодарныхъ *душъ* дни ваши безконечны,
«Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:
«Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косой своей.
«Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,
«Которыхъ нѣтъ еще теперь и колыбели,
«Васъ будутъ знать, любить, усердно прославлять,
«Какъ Геніевъ земля считать полубогами,
«И клясться вашими святыми именами!»

* * *

Такъ свойственно Пѣвцу о славѣ воспѣвать;
Но часто видя, какъ сердца людей коварны,
Какъ души низкія все любятъ унижать,
Какъ души слабыя въ добрѣ неблагодарны,
Онъ въ горести гласитъ: «О слава! ты мечта,
«И лишь вдали твои призраки свѣтозарны;
«Теряется вблизи ихъ блескъ и красота.
«Могу ли отъ того я быть благополученъ.
«Что скажетъ обо мнѣ народная молва?
«Щастливо ль сердце тѣмъ, что въ лаврахъ голова?
«Великій Александръ себѣ былъ въ славѣ скученъ,
«И въ чашѣ Вакховой забвенія искалъ [1]).
«Хвалы Ораторовъ Аѳинскихъ онъ желалъ;
«Но острые умы его пересмѣхали:
«Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ называли.
«Ахъ! люди таковы: въ божественныхъ душахъ
«Лишь смотрятъ на порокъ, изящнаго не видятъ;
«Великихъ любятъ всѣ... въ романахъ, на словахъ,
«Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненавидятъ.
«Для щастія вѣковъ трудись умомъ своимъ:
«Въ награду прослывешь мечтателемъ пустымъ;
«Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ насмѣшекъ злобныхъ.
«Глупцамъ пріятнѣе хвалить себѣ подобныхъ,
«Чѣмъ умныхъ величать; глупцовъ же полонъ свѣтъ.
«Но справедливость намъ потомство отдаетъ!...
«Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
«Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
«Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ. —
«Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто Судьбѣ
«За сей *кимвальный звонъ* отдастъ изъ доброй воли
«Спокойствіе души, блаженство тихой доли!
«Не знаетъ щастія, не знаетъ тотъ людей,
«Кто ставитъ ихъ хвалу предметомъ жизни всей!»
Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ собою несогласенъ.
Какъ въ пѣсняхъ о любви? то щастіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То милъ ея законъ, то гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительныхъ сердецъ;
Она жь въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нея не зналъ бы человѣкъ.
Прощаяся съ ея эѳирными мечтами.
Поэтъ и съ Музами прощается навѣкъ —
Или стихи его теряютъ цвѣтъ и сладость;
Златое время ихъ есть только наша младость.

Внимай: Эротовъ другъ съ веселіемъ поетъ
Щастливую любовь: «Какъ солнце краситъ свѣтъ
«И міръ физическій огнемъ одушевляетъ,
«Такъ міръ чувствительный любовію живетъ,
«Такъ нѣжный огнь ея въ немъ душу согрѣваетъ.
«Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;
«Училищемъ ея бываетъ колыбель,
«И въ самой старости, у самыя могилы
«Ея безцѣнныя воспоминанья милы.
«Когда для тайныхъ чувствъ своихъ предметъ найдемъ,
«Тогда лишь прямо жить для щастія начнемъ;
«Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.
«Какъ *первый* человѣкъ, нечаянно вкусивъ
«Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жажду утоливъ,
«Увѣрился, что есть *потребность, наслажденье,*
«Узналъ ихъ связь, предметъ: [1]) такъ *юный* человѣкъ,
«Любящій въ первой разъ, увѣренъ въ томъ душею,
«Что созданъ онъ любить, жить съ милою своею,
«Составить съ ней одно — или томиться вѣкъ.
«Блаженная чета!... какая кисть опишетъ
«Тотъ радостный восторгъ, когда любовникъ слышитъ
«Слова: *люблю! твоя!...* одинъ сей райскій мигъ
«Завиднѣе ста лѣтъ, щастливо проведенныхъ
«Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ земныхъ!
«Все мило для сердецъ, любовью упоенныхъ;
«Гдѣ терніе другимъ, тамъ розы имъ цвѣтутъ.
«Въ пустынѣ ль, въ нищетѣ ль любовники живутъ,
«Для нихъ равно; вездѣ во всемъ судьбой довольны.
«Неволя самая имъ кажется легка,
«Когда и въ ней они любить другъ друга вольны.
«Ахъ! жертва всякая для нѣжности сладка.
«Любовь въ терпѣніи находитъ утѣшенье,
«И въ вѣрности своей за вѣрность награжденье.
«Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе всѣхъ властей.
«Вздыхаетъ иногда и лучшій изъ Царей:
«Всегда ли можетъ онъ намъ властію своею
«Блаженство даровать? Въ любви жь всегда мы ею
«И сами щастливы, и щастіе даемъ,
«Словами, взорами, слезой, улыбкой, — всѣмъ.
«Минута съ милою есть вѣчность наслажденья,
«И вѣкъ покажется минутой восхищенья!»

* * *

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ голосъ свой,
Изъ тихо-нѣжныхъ струнъ дрожащею рукой
Иные звуки онъ для сердца извлекаетъ...
Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ внимаетъ:
«Я вижу юношу примѣрной красоты;
«Любовь, сама любовь его образовала;
«Она ему сей взоръ небесный даровала,
«Сіи прелестныя любезности черты.
«*Для щастья созданъ онъ*, конечно бъ вы сказали;
«Но томенъ видъ его, и черный крепъ печали
«Темнитъ огонь въ глазахъ. Онъ медленно идетъ
«Искать, не алыхъ розъ среди луговъ весеннихъ —
«И лѣто протекло; цвѣтовъ нигдѣ ужь нѣтъ —
«Но горестныхъ картинъ и ужасовъ осеннихъ
«Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валится желтый листъ
«На желтую траву, гдѣ слышенъ вѣтровъ свистъ
«Между сухихъ деревъ; гдѣ лѣтомъ птички пѣли,
«Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣли.
«Тамъ юноша стоитъ надъ шумною рѣкой:
«И зря печальный гробъ Натуры предъ собой,
«Такъ мыслитъ: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*
«*Цвѣло для глазъ; теперь уныло, померкло!..*
«*И я душею цвѣлъ, и я для щастья жилъ:*
«*Теперь навѣкъ увялъ и съ щастіемъ простился!*
«*Начтожь мнѣ жизнь?* сказалъ... въ волнахъ рѣки скрылся...
«О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;
«Но милый другъ ему коварно измѣнилъ!...
«Хотите ли змѣю подъ алой розой видѣть;
«Хотите ли жизнь и свѣтъ душей возненавидѣть.
«И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага:

[1]) Извѣстно, что Александръ излишно любилъ вино.

[1]) См. въ Бюффонѣ чувства перваго человѣка.

«Любите!.. скоро прахъ вашъ будетъ подъ землею:
«Ахъ! жизнь чувствительныхъ не можетъ быть долга!
«Любовь для нихъ есть ядъ: восторгомъ и тоскою
«Она мертвитъ сердца; восторгъ есть мигъ — пройдетъ,
«Но душу отъ другихъ благъ въ мірѣ отвращаетъ:
«Все будетъ скучно ей — тоска же въ ней живетъ
«Какъ лютая змѣя; всегда терзаетъ.
«Измѣна, вѣтренность, коварство, злой обманъ...
«Кому исчислить всѣ причины огорченій.
«Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ,
«При каплѣ, можетъ быть, сердечныхъ наслажденій!
«Когда увидите страданія черты
«И блѣдность томную цвѣтущей красоты,
«Ахъ! знайте, что любовь тамъ душу изнуряетъ.
«Кто жь щастливымъ себя любовью почитаетъ,
«Тотъ пѣніемъ Сиренъ на время усыпленъ,
«Но тѣмъ нещастнѣе проснувшись будетъ онъ!» —
Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно ставить
Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выражать
Оттѣнки разныхъ чувствъ, не мысли соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить, но трогать и забавить.
Пусть ищетъ Философъ тѣхъ кладязей подземныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гаданій темныхъ,
И гдѣ хранится ключь Природы для ума!
Здѣсь [1]) сердце говоритъ, но истина нѣма;
Поэты дѣлаютъ языкъ его намъ внятнымъ —
И сердцу одному онъ долженъ быть пріятнымъ.
Оно полюбитъ вещь, не взлюбитъ черезъ часъ:
И Музы въ семъ ему охотно подражаютъ:
То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осуждаютъ.
Предметы разный видъ имѣютъ здѣсь для насъ:
Съ которой стороны они явятся взору,
И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтреный Зефиръ рѣзвясь, цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ тамъ — зрѣніе плѣнять
И роза и ясминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему,
Такъ точно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно тому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихамъ вѣнецъ.
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ.
1798 г.

CXL. Пророчество на 1799 годъ.

Въ сей годъ глупцы и умъ не будутъ — антиподы,
Изъ глазъ мадамы Шню [2]) родится — василискъ,
Нѣмые съ слѣпыми составятъ — хороводы,
Изъ Рима въ Клинъ шагнетъ Трояновъ — обелискъ.
Поэта Дмитрева разлюбятъ — Аониды,
Оставятъ злыхъ людей въ покоѣ — Эвмениды,
Амуръ явится вдругъ съ усами какъ — гусаръ
Прекраснымъ дѣвушкамъ въ Москвѣ наскучатъ — балы,
Скупые засвѣтятъ безъ свѣчъ одни — шандалы,
Чтобъ все воспѣть, родится вновь — Пиндаръ.
1799 г.

CXLI.

* * *

Что можетъ быть любви и счастія быстрѣе?
Какъ мигъ ихъ время пролетитъ.
Но дружба намъ еще милѣе,
Когда отъ насъ любовь и щастіе бѣжитъ.
1800 г.

[1]) То есть, въ здѣшнемъ свѣтѣ.
[2]) Содержательница кофейнаго дома, славная своимъ безобразіемъ.

CXLII. Меланхолія.

ПОДРАЖЕНІЕ ДЕЛИЛЮ.

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угнетенныхъ,
Нещастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
О меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
Искусственныхъ забавъ и вѣтренныхъ утѣхъ.
Сравнится ль что нибудь съ твоею красотою,
Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?
Ты первый скорби врачъ, ты первый сердца другъ:
Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
Когда освободясь отъ ига тяжкихъ мукъ,
Нещастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,
Съ любовію ему ты руку подаешь,
И лучше радости, для горестныхъ немилой,
Ласкаешься къ нему, и въ грудь отраду льешь
Съ печальной кротостью и съ видомъ умиленья.
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ *еще*, и нѣтъ *уже* мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,
И матери своей, Печали, видъ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей.
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ уединеніи ты *болѣе съ собой.*
Природа мрачная твой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой.
Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣлость
Для грусти твоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда изнемогая
И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
Она кончины ждетъ. Пусть веселится свѣтъ
И щастье грубое въ разсѣяніи новомъ
Старается найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щастлива мечтой, одною мыслью — словомъ!
Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаетъ домъ;
Блистаютъ красотой, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество..., но ты не видишь, не внимаешь,
И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе твое — задумавшись молчать,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.
1800 г.

CXLIII. Его Императорскому Величеству АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе его на престолъ.

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ Природой расцвѣтаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ,
Весна у насъ, съ Тобою мы!
Какъ Ангелъ Божій, Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
Дни щастія, веселья славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;

Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —
Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!
Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Береги Ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство:
Россія есть Твое семейство:
Среди насъ Ты, среди сыновъ.
Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!
Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
Екатерининыхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ:
Потомство, вѣки не престанутъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражаться, было имъ — карать.
Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзостныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!..
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.
Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для щастья вручены.
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечъ, — вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.
Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель,
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.
Монархъ! еще другія славы
Достоинъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая,
И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужитъ образцомъ.
Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы.
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ:
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями;
Россіи лучшими сынами,
Отечество одно съ Тобой.
Довольно Патріотовъ вѣрныхъ
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними,
И зналъ ихъ братьями своими. —
Монархъ! Ты будешь насъ любить!
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой щастливъ человѣкъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се Музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ:
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!
1801.

CXLIV. НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА I, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes.
Thomas.

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!
Блистай, веселіе сердецъ!
Любовью отданъ сей вѣнецъ.
Гремите, радостные лики:
«Монархъ и подданный Его
«Въ душѣ желаютъ одного!»
Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!

Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворитъ.
Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жь премудрости законы —
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.
Монархъ России, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добрѣ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на великолѣпный Тронъ.
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать;
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть;
Въ тебѣ одна ко благу страсть.
Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.
Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей, ни холмовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.
Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣлилъ,
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.
Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можно жить
По волѣ рока, Провидѣнья. —
Невинныхъ радостей искать
И щастье въ мірѣ избирать!
Покой стихія человѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе Цари, полвѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.
Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны всѣ — но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
«Монархъ, не совершивъ всего,
«Еще не сдѣлалъ ничего!» [1])
О радость! о восторгъ!... читаю
Я таинство души Твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
«Россія, міра половина,
От вратъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвксина,
Во всей обширности своей
Сіяетъ.... щастіемъ людей!
«Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ [1]) нашими руками
Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтутъ съ улыбкою долины.
Блистаютъ класами поля —
Эдемомъ кажется земля!
«Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ виденъ вкусъ.
Вездѣ Аѳины — вертограды
Для Феба и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, оперщись на щитъ,
Главу склонивъ, покойно спитъ.....»
У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!....
Отвѣту Кліи [2]) я внимаю:
«У насъ на тронѣ — человѣкъ!
«Премудрый Александръ, рожденный
«Въ вѣнцѣ Отечеству служить,
«Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жить!
«Во дни Его благословенны
«Умомъ Россія возрасла,
«Въ добрѣ и правахъ процвѣла.
«Онъ зналъ, что Царское правленье
«Есть царство свѣта, а не тьмы;
«Имѣлъ о нравахъ попеченье,
«Сіялъ какъ солнце на умы;
«Радѣлъ о благѣ воспитанья:
«Въ началѣ зло искоренялъ;
«Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
«Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
«Онъ зналъ обязанность Царей,
«Быть Провидѣніемъ людей!
«Страна, окованная хладомъ,
«Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
«Является прекраснымъ садомъ
«Отъ взора теплыя весны:
«Такъ все, и самая Природа
«Въ той щастливой странѣ цвѣтетъ,
«Въ которой на престолъ взойдетъ
«Избранный Мужъ, Отецъ народа...
«Воззри: сей великолѣпный храмъ
«Воздвигнутъ въ память всѣмъ вѣкамъ —
«Се храмъ Безсмертія и Славы!
«Тамъ вмѣстѣ съ Истиной святой
«Потомству я пишу уставы!
«Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
«Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
«Хвалю, кляну — и гласъ вѣковъ
«Есть звукъ Моихъ священныхъ словъ.
«Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
«Никто его не избѣжалъ;
«Онъ часто совѣсть воскрешалъ.
«Тамъ — тамъ сіяютъ Антонины;
«Тамъ долженъ Александръ сіять
«Между Петра, Екатерины,
«И титло *Мудраго* пріять
«Въ залогъ безсмертія и славы!...»
Да будетъ!... О Монархъ сердецъ!

[1]) Слова Петра Великаго.

[1]) Богъ торговли.
[2]) Муза Исторіи.

Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
(Колоссъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и щастія вѣнцомъ!
И будетъ! — Медленно Природа
Готовитъ злато и серебро
Во глубинѣ земнаго свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты Отечества Отецъ,
Для подданныхъ вторый Творецъ,
Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
Трудись!... давай уставы намъ,
И будешь *Первый* по дѣламъ!
Монархъ! въ послѣдній разъ предъ Трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные Пѣвцы
Отъ музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи [1]) иду,
И тамъ... дѣла Твои найду.
1801.

CXLV. СТИХИ

на слова, заданныя мнѣ Хлоею: *мигъ, картина и дверь.*

1.

МИГЪ.

Какое слово мнѣ дано!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердецъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но естьли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью страстной!
Лишь только шутку продолжай:
Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;
Учтивость, можетъ быть, забуду,
И въ *мигъ*... откроется обманъ!
Тогда, какъ хладный истуканъ,
Душею въ *мигъ* оледенѣю;
Отъ страсти пылкой исцѣлюсь,
И въ *мигъ* — съ тобою засмѣюсь.
Такъ вы любезностью своею
Насъ въ *мигъ* плѣняете всегда,
Не думая плѣняться нами!
Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
Въ сѣтяхъ бываете и сами;
Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станетъ милъ;
Но *мигъ* — и слѣдъ любви простылъ!
Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужасна! —
Дерзнетъ нескромность утверждать,
Что ты *была, была* прекрасна;
Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

2.

КАРТИНА.

Картина мнѣ мила въ Природѣ,
Когда я съ сердцемъ на свободѣ
Гуляю по коврамъ луговъ,
Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
Лучами солнца озлащенныхъ;
Или на лабиринтъ ручьёвъ,
Самой Натурой проведенныхъ
Въ изгибахъ для красы полей.
Картина мнѣ мила въ Поэтѣ,
Когда онъ кистію своей
Цвѣты наводитъ на предметѣ
И пишетъ словомъ, какъ рукой.
Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
Когда волшебною игрой
Всѣ краски дышатъ на холстинѣ
И лица говорить хотятъ;
Я, правда, не знатокъ, но радъ
Всегда Корреджію дивиться,
И даже — въ полотно влюбиться.
Но я бываю врагъ картинъ,
Когда прелестницы желаютъ
Быть только ими для мущинъ,
И все другое забываютъ.
Цвѣты и краски хороши;
Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

3.

ДВЕРЬ.

Въ златой прекрасной вѣкъ
Не вѣдалъ человѣкъ
Ни *двери* ни замковъ желѣзныхъ,
И домъ и сердце открывалъ
Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
Но время премѣнилось,
И гибельное зло,
Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
Замокъ съ собою принесло,
И сердце съ домомъ затворилось.
Сталъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;
Сидитъ за *дверью*, и не всѣмъ
Ее охотно отпираетъ;
По стуку человѣка знаетъ:
Какъ рыба, притаясь молчитъ,
Когда рукою въ *дверь* стучитъ
Досадный кредиторъ, проситель
Съ бумагою, безъ серебра;
Или старинный покровитель,
Въ немилость впавшій у Двора;
Или любовница съ слезами,
Уже оставленная нами!
Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
Для нихъ не отопрется *дверь*.
Но *двери* настежь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тайныхъ,
Для челобитчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ,
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для миловидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!
Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ только для своихъ друзей!
1802 г.

[1]) Авторъ занимается Россійскою Исторіею.

CXLVI—CXLVII.
СТИХИ КЪ ПОРТРЕТУ И. И. ДМИТРІЕВА.

1.

«Министръ, Поэтъ и другъ: я все тремя словами
«Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
«Прибавлю, что чиновъ и риѳмъ онъ не искалъ,
«Но риѳмы и чины къ нему летѣли сами!»

2.

Онъ съ честью былъ Министръ, со славою Поэтъ;
Теперь для дружества и счастія живетъ.
1802.

CXLVIII. Къ Эмиліи.

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для свѣта и для Музъ, талантъ мой пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно: душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и тобою;
Другое кажется мнѣ скучной суетою.
Сказавъ тебѣ: *люблю!* уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцѣ молчаливы.
Когда я щастіе себѣ *воображалъ;*
Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
И тѣни прибирать любилъ однѣ къ другимъ,
Въ *отсутствіи* себя портретомъ утѣшая;
Тогда я щастливъ былъ, о щастіи мечтая:
Мечта пріятна намъ, когда она жива.
Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числомъ мгновеній,
Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства;
И сердцу угодить не станетъ въ вѣкъ искусства.
Но естьлибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излить всю силу, нѣжность жара,
Которымъ твой супругъ щастливый упоенъ,
И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
Все щастіе свое какъ въ зеркалѣ явить:
Не думай, чтобы тѣмъ я могъ другихъ плѣнить.
Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ, что онъ не внятенъ
Въ мятежныхъ суетахъ и въ хаосѣ страстей.
Кто истинно блаженъ, тотъ свѣту непріятенъ,
Служа сатирою почти на всѣхъ людей.
Столь рѣдко щастіе! и столь несправедливы
Понятія объ немъ! Иначе кто въ сребрѣ,
Въ приманкахъ гордости, въ чинахъ и при Дворѣ,
Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мнѣ позволятъ быть
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
Такъ пастырь съ берега взираетъ на волненья
Нептуновыхъ пучинъ, и видитъ корабли
Игралищемъ стихій; желаетъ имъ спасенья,
Но радъ, что онъ стоитъ надежно на земли.-
Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сердечное блаженство
Желаетъ тишины, а Музы любятъ шумъ;
Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совершенство
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелицемѣрный.
Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
Мы любимъ быть одни; что мы другъ другу вѣрны
Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
Сказавъ, что всѣ для насъ минуты хороши,
Въ которыя никто намъ не мѣшаетъ вольно
Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣловать,
Ласкаться взорами, задуматься, молчать;
Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
Не просимъ чуждаго, но щастливы своимъ,
Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій
Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и вокругъ:
Я вкусу *знатоковъ* не угожу, мой другъ!
Гдѣ тутъ Поэзія? гдѣ вымыслъ украшеній?
Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
Стихами говоритъ любовницѣ своей,
Что для него она предметъ боготворимый:
Что онъ единственно къ ней страстію живетъ,
За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,
И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
«Любовникъ, думаетъ, въ любви не лицемѣритъ;
«Обманываетъ онъ себя, а не другихъ».
Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;
Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятностей своихъ
Оно казалося всегда цвѣтущимъ Маемъ,
Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный Гименей
Былъ страстенъ, и еще сильнѣе всѣхъ страстей:
То люди назовутъ безсовѣстнымъ обманомъ.
Исторія любви тамъ кажется романомъ,
Гдѣ все романами и дышитъ и живетъ.
Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,
Что быть должна отъ глазъ нечистыхъ сокровенна:
Ей сердце храмъ святой, свидѣтель Богъ, не свѣтъ;
Ей щастье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и притворства:
Она по скромности не любитъ стихотворства.
1802 г.

CXLIX. ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

Блаженъ — не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда стоитъ лицемъ.
Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его течетъ.
Онъ ѣстъ пріятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Какъ ночью кажется все гладко —
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.
Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прославъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще отъ цѣли удалёнъ;
Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;
Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что все загадка для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ,
Что онъ — не знаетъ ничего:
Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
Намъ хвалитъ умъ свой необъятной

«Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!»
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣе нашихъ Астрономовъ.
Хотите ль? онъ разскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ;
И радъ божиться вамъ, что *такъ!*
Боясь ступить неосторожно,
И зная, какъ упасть возможно,
Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ:
Глядитъ спесиво вверхъ глупецъ —
Споткнется ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! встанетъ безъ стыда
И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: *это не бѣда!*
Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риѳмами корпитъ:
Глупецъ смѣется: «вотъ забавы!»
И самъ — за бабочкой бѣжитъ!
Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или Царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не страшенъ и для нихъ.
Другимъ чувствительность страданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!... онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ не ложно;
Не вѣдаетъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!
Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душею нѣжный человѣкъ
Клянется ихъ забыть навѣкъ,
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнитъ: «меня ли не любить?»
Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ; ей имя *скука:*
Она летаетъ по землѣ,
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.
Но щастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремушку въ руки — онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты,
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!
Они судьбу благословляютъ,
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ жилъ.*
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея,
И вѣкъ златой не проходилъ.
1802 г.

CL. БЕРЕГЪ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.
Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ея на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.
Естьли жь взоромъ открываютъ
На брегу друзей, родныхъ,
«О блаженство!» восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.
Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.
Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!...
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!
1803 г.

CLI. Къ добродѣтели.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!
Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!»
Я мыслилъ, видя тронъ порока.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья [1]).
Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель.
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щастливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достоинъ зависти Герой:

[1]) Эта строфа была напечатана въ «Рыцарѣ нашего времени».

У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.
Когда міръ цѣлый трепеталъ [1])
Волнуемый страстями злыми:
Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты... слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной....
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когда жъ людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла....
Свободу я считалъ любовью!....
Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!.. Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слезы!
Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о Добродѣтель! власти,
И, блескомъ щастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои уставы!
Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мели;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ берегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ ей край щастливый;
Онъ мыслитъ радостно: «я тамъ!...»
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!
Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе златое!
Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!...
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ нещастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...
Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ....
Но можно ль съ сѣвернымъ сіяньемъ
Сравнять сей жизни красоты?...
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!...
Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ щастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!
1803 г.

[1]) Во время Революціи.

CLII. Филины и соловей,
или
просвѣщеніе.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
«Что! что!» кричатъ они: « разрушить царство нощи,
«Въ которомъ намъ такъ мило жить,
«И сонныхъ птицъ давить
«Во мракѣ тихой рощи!
«Кто Фебу далъ такой совѣтъ?...»
«Не вы, друзья мои: *не филины, не воры,*»
Сказалъ имъ соловей: «не нравится вамъ свѣтъ:
«Его боятся хищныхъ взоры!
«Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
«Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
«Ихъ также наградятъ хвалой...
«Лишиться славы больно,
«Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
«И солнцемъ веселюсь,
«Когда въ его сіяньи
«Для міра болѣе утѣхъ,
Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
«Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
«Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье.
«Къ нещастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
«Что въ самой ясной день
«Для васъ еще найдется тѣнь!»
1803 г.

CLIII. СТИХИ
на скоропостижную смерть Петра Аѳанасьевича Пельскаго [1]).

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, утѣшеньи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!..
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣтки не распрямились,

[1]) 9 Маія онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ . . . .

Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!...
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!..
Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло...
Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —
Ничтожество не страшно въ нихъ!..
Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душею....
Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
Свою любовницу-супругу [1])!
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щастливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, посреди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!...
Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
Что самъ онъ скоро отдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготовленье
Къ утратамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовитъ только сожалѣнье
И гаснетъ завсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершенство?...
Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,
Ты насъ желаньемъ утомляешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!
  Теперь супруги не разлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покоятся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!..
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ собраніе вѣковъ,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!...
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!
1803 г.

CLIV. Пѣснь воиновъ.

(сочинена въ 1806 году).

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Отечества, Закона, Славы!
Сыны Россійскія Державы!
Настал великодушныхъ часъ:
Онъ нашъ!... Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ отечества сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣти грознаго Борея,
И міру возвратимъ покой,
Низвергнувъ общаго злодѣя!
  Цари, народы слезы льютъ:
Державы, воинства ихъ пали;
Европа есть юдоль печали.
Свершился ль Неба Страшный судъ?
Нѣтъ, нѣтъ! у насъ Святое знамя,
Въ рукахъ желѣзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!
Не торжествуй, о Галлъ надменный!
Твоя побѣда не вѣрна:
Се Россъ, тобой не одолѣнный!
  Готовъ кровопролитный бой!
Отвѣдай силъ и щастья съ нами;
Сломи грудь съ грудью, рядъ рядами;
Ступай: увидимъ, кто Герой!
Пощады нѣтъ: тебя накажемъ,
Или мы всѣ на мѣстѣ ляжемъ.
Что жизнь для побѣжденныхъ? стыдъ!
Кто въ плѣнъ дается? боязливый!
Сей острый мечь, сей мѣдный щитъ
У насъ въ рукахъ, пока мы живы.
  Ты намъ дерзаешь угрожать?
Но Римлянъ страшныхъ легіоны
Могли ль дать Сѣверу законы?
Полунощь есть Героевъ мать:
Римъ палъ, ихъ мышцей сокрушенный,
Колоссъ вѣками утвержденный.
Ищи на Югѣ робкихъ слугъ:
Сынъ Сѣвера въ странѣ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ-другъ,
И Царь ему отецъ любезной.
  Но ты идешь: друзья! впередъ!
Гремите звучными щитами,
Сверкайте свѣтлыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣдъ!
Герои въ старости маститой,
Дѣлами, саномъ знаменитой!
Ведите юношъ Славы въ храмъ!
Достойный Олтарей Служитель!
Кури священный ѳиміамъ;
Молись... Россъ будетъ побѣдитель!
  О тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны!
Мы славы вашея достойны;
Обѣтъ сердечный нами данъ
Служить примѣромъ для потомства;
Не знаютъ Россы вѣроломства
И клятву чести сохранятъ:
Да будетъ міръ тому свидѣтель!
За Галла весь ужасный адъ:
За насъ же Богъ и Добродѣтель!

CLV. Освобожденіе Европы и СЛАВА АЛЕКСАНДРА I

(Посвящено московскимъ жителямъ).

Quae homines arant, navigant,
aedificant, virtuti omnia parent.
Саллустій.

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская Держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте:

[1]) Она скончалась въ прошломъ году.

Воскресъ порядокъ и Законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: Тирана нѣтъ!
Преходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.
Сокрылось нощи привидѣнье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
«Уставовъ Я не премѣняю:
«Не будутъ камнями сердца;
«Безумства въ умъ не обращаю
«Злодѣй торжествовалъ: гдѣ онъ?
«Исчезъ какъ безобразный сонъ!»
О радость! Въ духѣ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!...
Отецъ!... пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! ты великъ, великъ единъ!
Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золъ воспоминанье
Уже есть благо для сердецъ. —
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ Властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ умирить народы
И воцарить съ собой Законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,
Призракъ величія, Героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на тронъ — людей карать
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью утучнять:
Въ законъ одну поставить силу;
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнить устрашенный свѣтъ.
И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны,
Какъ огнь и бурный духъ, текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли:
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ.
Ничто Аттилы, Чингисъ-Ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.
Уже гордились мы Наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искусствомъ жить:
Уже мы знали, что Владѣтель
Отцемъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.
Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убивалъ!
Хотѣлъ всемірныя Державы:
Лишь Небо Богу уступалъ: [1])
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скиптромъ правилъ, а мечемъ,
И былъ — Державнымъ палачемъ!
Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенали:
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье:
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ.
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
«Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?»
Грубѣли чувства и сердца.
Среди гробовъ, опустошенья,
Безмолвія, оцѣпенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ
Насиліе торжествовало,
И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: «властвуетъ Судьба!
«Она мнѣ служитъ какъ раба!»
Еще въ Европѣ отдаленной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склонялъ;
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;
Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ гордости щастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.
Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну,
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.
Уже рабы его готовы
Послѣднюю изъ жертвъ заклать —
И началась Святая рать.
Для насъ Святая!... Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства Истребитель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукѣ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога Воинствъ побѣдитъ?
У насъ и мечь Его и щитъ!
Тирану служатъ милліоны:
Героевъ Россскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ курится ѳиміамъ:
Россія есть обширный храмъ.
Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля усѣяны костями;
Все пламенемъ истреблено.
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ! [1])
А ты, Державная Столица,
Градовъ Славянскихъ Мать-Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ:
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ
Царей Святыхъ нетлѣнный прахъ:

[1]) На одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око, съ надписью: Тебѣ небо, мнѣ земля.

[1]) Увѣряютъ, что Французовъ было 180.000, а нашихъ 90.000, кромѣ Московскаго Ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ.

Москва! прощаемся съ тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ! [1])
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.
Свершилось!... Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой.
Бѣжитъ!... но Богъ съ сѣдымъ Героемъ [2])
Шлетъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь воины блестящимъ строемъ,
Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.
Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ непобѣдимыхъ,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.
Въ огонь ввергаются отъ хлада;
Себя терзаютъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызетъ.
Стадами птицы плотоядны
Летятъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Развинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.
О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полуночныхъ степей?
Мы вашей крови не жаждали;
Но кто оковы намъ несетъ,
Умремъ — или онъ самъ падетъ!
Гдѣ ваши Легіоны Страха?
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,
И вѣтры пепелъ развѣваютъ.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще Тирановъ цѣлъ кумиръ.
Еще Европа въ изумленьѣ;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласятъ: «и мы хотимъ свободы,
«И нашимъ бѣдствіямъ конца!»
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ,
И съ яростью на брань текутъ.
О диво! зрѣлище Святое! —
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицемъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,
И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ онъ уже враговъ сразилъ?
Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою Державу:
Отецъ чадъ — подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когда жь мечь правды обнажилъ.
Рекъ: съ нами Богъ! и побѣдилъ.

Вотще Злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Остатокъ собираетъ жертвъ
Коварства, лютаго обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за Тирана!
И съ кѣмъ? съ любовью къ Олтарямъ
Къ свободѣ, къ истиннымъ Царямъ!

Ничто всѣ хитрости искусства
Противъ восторга, правды чувства.
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная раждаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ.
(Россія! не страшись: надъ Нимъ
Господь благій съ щитомъ своимъ!)

Днемъ въ полѣ, нощію не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы Александръ рѣшитъ;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ
И слабымъ мужество даетъ.
Онъ силенъ: въ Немъ коварства нѣтъ!

Стократно въ битвахъ одолѣнный.
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Ознаменованный стыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мещетъ —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещетъ
Колоссъ-Наполеонъ падетъ
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣтъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремитъ народовъ восклицанье!
Онъ палъ! Онъ палъ! Кипятъ сердца;
Къ надеждамъ щастья оживаютъ.
Какъ дѣти одного отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаютъ....
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ!
Народы братья! злобы нѣтъ!

Въ семъ общемъ, радостномъ волненьѣ,
Царей, Героевъ прославленьѣ,
Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремятъ вселенной лики:
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе Великій?
Отечество мое! ликуй,
И съ Александромъ торжествуй!

Отверзлися врата ѳеира,
И духи выспреннаго міра
Парили надъ главой Твоей,
Помазанникъ, Сосудъ Избранный
Ко избавленію людей,
Монархъ Россіею вѣнчанный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благости: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дотолѣ чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часъ благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечь;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ обагренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью

[1]) Очевидцы разсказываютъ, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самихъ лавочниковъ, также и многіе домы хозяйскою.

[2]) Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ.

Молясь колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ; [1]
Когда злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго Лудовика сынъ,
Нещастіемъ сопровожденный
На тронъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ Неба называлъ!
Вѣщайте, лѣтописи Славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... Закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, Добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ,
И выше всѣхъ Героевъ сталъ.
Россіи слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ Властей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вожделѣнный:
О! сколько, сколько щастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучъ
Съ любовью видитъ солнца лучъ:
Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ
Привѣтствуемъ душей, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая.
Насъ опытъ къ Мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олтаря
Къ намъ нынѣ руку простираетъ —
Страстямъ велитъ молчать — вѣщаетъ:
«Цари, народы! благо вамъ,
«Десницей Вышняго спасеннымъ!
«Но клятва будущимъ войнамъ,
«Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
«Великъ отецъ и другъ людей,
«Не Геній зла, не мужъ кровей.
«Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
«Путемъ насилія, обмана,
«Для Ада радостныхъ побѣдъ,
«Еще къ безсмертью устремится?
«Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
«Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнится —
«И сей Наполеонъ въ пыли;
«Живетъ теперь въ позоръ земли:
«Нещастный пьетъ стыда отраву!
«Цари! *всемірную Державу*
«Оставьте Богу одному!
«Залогъ, вамъ Небомъ порученный,
«Вы должны возвратить Ему.
«Не кровью слабыхъ обагренный
«Для умноженья областей,
«Но съ мирнымъ щастіемъ людей.
«Не для войны живетъ Властитель:
«Овъ мира, цѣлости хранитель.
«Пусть каждый собственность блюдетъ,
«И чуждаго да не коснется!
«Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
«У Дикихъ кровь рѣкою льется:
«Тамъ воинъ — первый человѣкъ;
«Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.
«Судить, давать, блюсти Законы,
«Съ мечемъ въ рукѣ — для обороны
«Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
«Есть дѣло вышней Царской власти.
«Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
«Пока, увы! пылаютъ страсти.
«Любите знаній тихій свѣтъ:
«Отъ нихъ — Наполеона нѣтъ! [2]
«Народы! власти покоряйтесь;
«Свободой ложной не прельщайтесь:
«Она призракъ, страстей обманъ.
«Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
«И своевольство и Тиранъ
«Отмстили имъ за возмущенье
«Противъ законнаго Царя,
«Уставовъ древнихъ, Олтаря.
«Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
«Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
«Святыхъ законовъ попирать.
«Ко злому только зло влечется:
«Благимъ и Царь есть благодать.
«Господь Небесъ о всѣхъ печется;
«И червь Его рукой хранимъ.
«Надъ вами Царь, а Богъ надъ нимъ
«Въ Правленьяхъ новое опасно,
«А безначаліе ужасно.
«Какъ трудно общество создать!
«Оно устроилось вѣками:
«Гораздо легче разрушать
«Безумцу съ дерзкими руками.
«Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
«Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!
«Цари да будутъ справедливы,
«Народы вѣрностью щастливы!
«Не искушайте никогда
«Всевышняго въ долготерпѣньи:
«Спасаетъ Богъ — но не всегда».
Рекла — и міръ въ благоговѣньи;
Умолкла — но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.
Изчезните, примѣры злые!
Теките щастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и Царей!
А ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ Своей,
Побѣдой, славой утружденный!
Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.
Тебя какъ солнце ждемъ душею!
Ахъ благодарностью своею!
Достойны мы *Твоими* быть!
Гряди съ Геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Сѣдая въ доблести Москва
Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, стенаній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
«Для щастья нашего живи!»
Узришь одинъ восторгъ любви.
1814 г.

CLVI. Къ портрету ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
Душей плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила;
Въ благотвореніяхъ ЕЙ только Богъ свидѣтель:
Хвалима.... но предъ НЕЙ безмолвствуетъ хвала.
1819 г.

---

[1] Читатели помнятъ о семъ умилительномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Лудовика XVI.

[2] Если бы Наполеонъ злодѣйствовалъ не въ просвѣщенныя, а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть въ величіи.

CLVII. Государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ въ день ея рожденія.

Живи, Монархиня, ко щастію людей!
Для суетныхъ забавъ жизнь наша скоротечна:
Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
Добромъ безсмертна ТЫ: такъ будь же долговѣчна!
1820 г.

CLVIII. Луизѣ въ день ея рожденія 13 Генваря, при врученіи ей подарка.

Луиза! Пріими даръ искренней любви.
Твой умъ, Твоя душа питаются прекраснымъ;
Ты Ангелъ горестныхъ, мать сирымъ и нещастнымъ;
Живешь для щастія другихъ.... И такъ живи!
Не каждый ль день и часъ Ты въ жизни сей добрѣе,
Прекраснѣе душей и дружеству милѣе,
Достойнѣе святой, Божественной любви,
Достойнѣе Небесъ?... И такъ живи, живи!
Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ:
Узнаю на яву!... Есть вѣчность для любви,
Безсмертіе добра, есть Богъ.... И такъ живи!
1821 г.

CLIX. Стихи съ поднесеніемъ выписокъ.

Благодарю судьбу, что грамотѣ умѣю!
Писатель для другихъ, я для Тебя писецъ,
Въ изображеньѣ буквъ совсѣмъ не образецъ,
Но криво ставя ихъ, я не кривлю душею:
Достойное хвалы хвалю,
Достойное любви люблю:
Тебя! и выбравъ здѣсь безъ строгаго разбора,
Что нравилося мнѣ, согласенъ я безъ спора
Все на — двое дѣлить: прекрасное Твое,
А слабое мое!
1821 г.

CLX. Тѣнь и предметъ.

Мы видимъ щастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта;
Есть счастье гдѣ нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета.
2 января 1822 г.

Стихотворенія, приписываемыя Карамзину.

I. Вздохъ.

Мѣсяцъ восходитъ, мѣсяцъ прекрасный,
Тихій, любезный спутникъ земли;
Сребряный, ясный свѣтъ изливаетъ,
Нѣжно блистаетъ въ чистыхъ водахъ.
Въ щастіи, въ мирѣ, тихомъ веселье
Я наслаждался свѣтомъ твоимъ,
Мѣсяцъ прекрасный! здѣсь съ Альциндоромъ
Въ рощѣ дубовой ночью сидѣлъ.
Чувства изъ груди въ грудь преливались,
Нѣжныя чувства дружбы любви.
Нѣтъ Альциндора... Тисы надъ гробомъ
Юнаго друга томно шумятъ.

II. Гроза.

Великъ Господь! вѣщаютъ громы,
Гремя, треща, тряся всю твердь.
Великъ Господь! Вѣщаютъ бури,
Волнуя, пѣня Океанъ.
Дубъ древній, съ шумомъ потрясаясь,
Вѣщаетъ намъ: великъ Господь!
Ударомъ грома раздробляясь,
Гласитъ еще: великъ Господь!
Злодѣй, законы презиравшій,
Мятежъ природы всей узрѣвъ,
Блѣднѣетъ, падаетъ, взываетъ:
Великъ Господь и страшенъ злымъ!
Душа благая, врагъ пороковъ!
Внимая громамъ, шуму бурь,—
Съ улыбкой на небо взирая,
Вѣщаешь ты: коль благъ Господь!

III. На смерть дѣвицы.

Вчера здѣсь роза разцвѣтала,
Собою красила весь лугъ;
Но нынѣ роза въ зной увяла—
Краса ея исчезла вдругъ.
Куда, Элиза, ты сокрылась.
Толь скоро отъ друзей твоихъ?
Вчера ты съ нами веселилась,
Бывъ въ цвѣтѣ майскихъ дней своихъ.
Но вдругъ, Элиза, увядаешь—
Болѣзни зной пожегъ твой цвѣтъ—
Глаза со вздохомъ закрываешь...
Я слезы лью — Элизы нѣтъ!..
Любовь здѣсь въ жизни добродѣтель,
Ты ею красила себя:
Теперь нашъ Богъ и благодѣтель
Осыплетъ благами тебя.
Друзья умершей! не печальтесь;
Она въ объятіяхъ Отца.
Отрите слезы, утѣшайтесь!
Ея блаженство безъ конца!

IV. Всеобщая молитва.

Сочиненная і. Попомъ.

Переводъ съ англійскаго.

Отецъ всего, согласно чтимый
Во всякомъ вѣкѣ, всѣхъ странахъ—
И дикимъ, и святымъ, и мудрымъ
Іегова, Зевсъ или Господь!

* * *

Источникъ первый, непонятный,
Открывшій мнѣ едино то,
Что ты его источникъ блага,
Что я и немощенъ и слѣпъ.

* * *

Но давшій мнѣ въ семъ мракѣ око
Отъ блага злое отличать,
И все здѣсь року покоряя,
Свободы не лишившій насъ!

* * *

Что совѣсть дѣлать понуждаетъ,
То паче неба да люблю;
Но то мнѣ будь страшнѣе ада,
Что совѣсть дѣлать не велитъ.

* * *

Да буйно не отвергну дара
Твоей щедроты и любви!
Доволенъ Ты, когда онъ принятъ—
Вкушая даръ, Тебѣ служу!

* * *

Но къ сей земной и бренной жизни
Да ввѣкъ не буду прилѣпленъ;
Не чту себя единой тварью
Творца безчисленныхъ міровъ!

* * *

Не дай рукѣ моей безсильной
Брать стрѣлы грома Твоего,
И всѣхъ разить во гнѣвѣ злобномъ,
Кого почту Твоимъ врагомъ!

* * *

Когда я правъ, то дай мнѣ, Боже,
Всегда во правдѣ пребывать;
Когда не правъ, развѣй туманы,
И правду въ свѣтѣ мнѣ яви!

* * *

Да тѣмъ безумно не хвалюся,
Что даръ есть благости Твоей;
Да ввѣкъ за то роптать не буду,
Чего, Премудрый, мнѣ не дашь!

* * *

Да въ горѣ съ ближнимъ сострадаю,
Сокрою ближняго порокъ!
Какъ я оставлю долги братьямъ,
Такъ Ты остави долги мнѣ!

* * *

Бывъ слабъ, тогда бываю силенъ,
Когда Твой духъ меня живитъ—
Веди меня во дни сей жизни,
И въ смерти, Боже, не оставь!

* * *

Въ сей день мнѣ дай покой и пищу;
Что сверхъ сего подъ солнцемъ есть
И нужно мнѣ, Ты лучше знаешь—
Твоя будь воля ввѣкъ и ввѣкъ!

* * *

Тебѣ, чей храмъ есть все пространство,
Олтарь—земля, моря, эѳиръ,
Тебѣ вся тварь хвалу пой хоромъ,
Кури Натура ѳиміамъ.

V. Лавинія.

Осенняя повѣсть Томсона [1])

Переводъ съ англійскаго.

Любезная душей, Лавинія младая,
Имѣла передъ симъ пріятелей, друзей,
И щастье въ день ея рожденья улыбалось.
Но вдругъ лишась всего во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Лишась подпоры всей—кромѣ подпоры Неба,
Невинности своей — она и мать ея,
Бѣднѣйшая вдова и въ старости больная,
Подъ кровомъ шалаша спокойно жизнь вела
Въ излучинахъ лѣсовъ, среди большой долины,—
Уединенной тьмой густыхъ, вѣтвистыхъ древъ,
Но болѣе стыдомъ и скромностью укрыты.
Оставя свѣтъ, онѣ хотѣли избѣжать
Презрѣнія людей, и вѣтренныхъ и гордыхъ,
Которые въ бѣдахъ невинность не щадятъ.
Онѣ питались тамъ почти единымъ даромъ
Простого Естества, подобно птицамъ тѣмъ,
Которыя свои пріятнѣйшія пѣсни
Въ забаву пѣли имъ;—довольны были всѣмъ,
Не думая о томъ, чѣмъ завтра имъ питаться.
Сколь роза на зарѣ бываетъ ни свѣжа,
Когда листы ея окроплены росою,
Лавинія была свѣжѣе розы сей.
Какъ лилія, какъ снѣгъ лежащій на Кавказѣ,
Была она чиста. Въ очахъ ея всегда
Достоинства души кротчайшія сіяли—
Всѣ влажные лучи ея прекрасныхъ глазъ,
Потупленныхъ всегда, въ цвѣты рѣкой лилися.
Когда же мать ея разсказывала ей,
Чѣмъ нѣкогда судьба коварная имъ льстила,
Она, внимая ей, задумчива была,
И слезы у нея въ глазахъ свѣтло блистали,
Какъ росная звѣзда сіяетъ ввечеру.
Пріятности Естества, размѣренная стройно,
Блистала въ ней вездѣ, во всѣхъ ея частяхъ,
Скрываемыхъ отъ глазъ одеждою простою,
Которая была превыше всѣхъ убранствъ—
Любезности чужды вся помощь украшеній,
И безъ прикрасъ она прекраснѣе всегда.
Не мысля о красѣ, была она красою,
Сокрытою въ лѣсахъ дремучихъ и большихъ.
Какъ въ нѣдрахъ пустоты сѣдого Апеннина,
Подъ тѣнію бугровъ, разсѣянныхъ кругомъ,
Восходитъ юный миртъ, невѣдомый всѣмъ людямъ,
И сладкую воню во всю пустыню льетъ:
Лавинія цвѣла симъ образомъ во мракѣ,
Не зримая никѣмъ. Но нѣкогда пошла
По нуждѣ хлѣбъ сбирать на поле къ Палемону,
Съ улыбкой на устахъ, съ терпѣніемъ въ душѣ.
Всѣ жители села гордились Палемономъ.
Онъ былъ богатъ и добръ и велъ простую жизнь,
Щастливѣйшихъ вѣковъ, въ аркадскихъ нѣжныхъ пѣсняхъ,
Воспѣтыхъ издавна — жизнь сихъ невинныхъ дней,
Когда невѣдомъ былъ еще обычай звѣрской,
И тотъ по модѣ жилъ, кто жилъ по Естеству.
Гуляя по полямъ и мысль свою вперяя
Въ осенни красоты, онъ вдругъ увидѣлъ тамъ
Лавинію въ трудахъ, которая не знала
Всей силы своея, и, застыдясь, тотчасъ
Укрылась отъ него. Онъ прелести увидѣлъ;
Но только третью часть сокрытыхъ отъ него
Смиреніемъ ея. Почувствовалъ онъ въ сердцѣ
Невинную любовь, не зная самъ того.
Ему былъ страшенъ свѣтъ, котораго насмѣшку
Едва ли философъ рѣшится презирать.
Избрать въ супруги ту, которая сбираетъ
По нуждѣ хлѣбъ въ поляхъ!—Онъ такъ вздыхалъ въ себѣ.
«Какъ жалко, что она, бывъ такъ нѣжна, прекрасна—
«Бывъ въ чувствахъ столь жива,—являя доброту,
«Столь рѣдкую въ другихъ — готовится въ объятья
«Кого нибудь изъ сихъ суровыхъ поселянъ!
«Она сходна лицомъ съ фамиліей Акаста—
«Приводитъ мнѣ на мысль виновника всѣхъ благъ
«Моихъ щастливыхъ дней, лежащаго во прахѣ.
«Его земля и домъ—цвѣтущая семья —
«Все вдругъ разорено. Я слышалъ, что сокрылись
«Жена и дочь его въ дремучіе лѣса,
«Чтобъ имъ не видѣть сценъ своей щастливой жизни,
«Которыя могли-бъ умножить ихъ печаль,
«Унизить гордость ихъ; но тщетенъ былъ мой поискъ.
«О если-бъ это дочь была его!... Мечта!»

---

[1]) Въ XI ч. «Дѣтскаго Чтенія» напечатанъ вольной прозаической переводъ сей повѣсти. Кажется, что въ семъ новомъ метрическомъ переводѣ удержано болѣе красотъ подлинника; и потому можно надѣяться, что читателямъ будетъ онъ не непріятенъ.

Когда же разспросивъ ее о всемъ подробно,
Узналъ, что другъ его, сей щедрый другъ Акастъ,
Былъ точно ей отецъ - какъ выразить всѣ страсти,
Которыя въ душѣ его возстали вдругъ,
И трепетный восторгъ всѣмъ нервамъ сообщили?
Вдругъ искра, бывъ предъ симъ скрываема въ душѣ,
Свободно, смѣло тамъ во пламя превратилась.
Осматривавъ ее съ огнемъ любви, онъ вдругъ
Слезами залился—любовь и благодарность
И жалость извлекли сіи потоки слезъ.
Смѣшаясь, устрашась внезапности сихъ знаковъ,
Прекраснѣе еще была она въ тотъ часъ. -
Такъ страстный Палемонъ, и купно справедливый,
Излилъ души своей священнѣйшій восторгъ:
«Ты друга моего любезнѣйшая отрасль?
«Та, кою я покоя не имѣвъ,
«Вездѣ, вездѣ искалъ?.. О небо! та, конечно.
«Въ сей кротости твоей Акастовъ образъ зрю—
«И каждый взоръ его—черты его всѣ живы: —
«Но всѣмъ нѣжнѣе ты. Краснѣйшая весны!
«О ты, единый цвѣтъ, оставшійся отъ корня,
«Которой воспиталъ все щастіе мое!
«Скажи мнѣ, гдѣ, въ какой пустынѣ ты питалась
«Лучемъ любви Небесъ, столь щедрыхъ для тебя,
«Съ такою красотой расцвѣтши, распустившись,
«Хотя суровый вѣтръ, дождь бурный нищеты,
«На нѣжность лѣтъ твоихъ всей силой устремились?
«Позволь же мнѣ теперь тебя пересадить
«На лучшій слой земли, гдѣ лучъ весенній солнца
«И тихій дождь ліютъ щедрѣйшіе дары!
«Будь сада моего гордѣйшей красотою!
«Пристойно ли тебѣ, рожденной отъ того,
«Кто житницы свои, наполненныя хлѣбомъ,
«Отверстыя для всѣхъ, считалъ еще ничѣмъ —
«Кто былъ отцемъ сихъ селъ — сбирать извергъ на нивахъ,
«Доставшихся мнѣ въ даръ отъ милости его?
«Ахъ! выброси-жъ сію постыдную бездѣлку
«Изъ рукъ, не для сноповъ созданныхъ Красотой!
«Поля и господинъ твоими нынѣ будутъ,
«Любезная моя, когда захочешь ты
«Умножить тѣ дары, которыми осыпалъ
«Твой щедрый домъ, давъ мнѣ драгую власть
«Устроить часть твою, тебя счастливой сдѣлать».
Тутъ юноша умолкъ; но взоръ его являлъ
Святой тріумфъ души, вкушавшей благодарность,
Любовь и сладкій миръ, божественно взнесясь
Превыше всѣхъ утѣхъ души обыкновенной.
Отвѣта онъ не ждалъ. Бывъ тронута его
Сердечной красотой, въ прелестномъ безпорядкѣ.
(Съ) румянцемъ нѣжнымъ щекъ она сказала: *Да!*
Потомъ тотчасъ пошла къ родительницѣ съ вѣстью,
Грустившей о судьбѣ Лавиніи своей,—
Считавшей всякой мигъ. Услыша, изумяся,
Не смѣла вѣрить ей; и радость вдругъ влилась
Въ увядшія ея сосуды хладной крови—
Слабѣвшей жизни лучъ со блескомъ освѣтилъ
Ея вечерній часъ. Она была въ восторгѣ
Не менѣе самой щастливѣйшей четы,
Которая цвѣла въ блаженствѣ нѣжномъ долго,
Воспитывая чадъ любезныхъ, милыхъ всѣмъ—
Подобно ей самой--ибывшихъ красотою
Всей тамошней страны.

VI. Къ текущему столѣтію. [1]

О вѣкъ чудесностей, ума, изобрѣтеній!
Позволь пылинкѣ предъ тобой,
На мѣсто жертвоприношеній,
Съ благоговѣніемъ почтить тебя хвалой!
Который вѣкъ достигъ толь лучезарной славы?
Въ тебѣ исправились испорченные нравы;
Въ тебѣ открылся путь въ свободный храмъ наукъ;
Въ тебѣ родилися Вольтеръ, Франклинъ и Кукъ,
Румянцовы и Вашингтоны;
Въ тебѣ и Естества познались законы;
Въ тебѣ щастливѣйши Икары, презрястрахъ,
Полетъ свой къ небу направляютъ;
Въ воздушныхъ странствуютъ мирахъ
И на землѣ опять безъ крылъ себя являютъ.
Но паче мнѣ всего пріятно помышлять,
Что начали въ тебѣ и деньги ужъ летать.
О чудо! О мои прапращуры почтенны!
Повѣрите ли въ томъ вы внучку своему,
Что мѣдь и злато, ставъ въ бумажку превращенны,
Летятъ чрезъ тысячу и больше верстъ къ нему?
Онъ тлѣнный лоскутокъ бумаги получаетъ
И вдругъ отъ всѣхъ заботъ себя освобождаетъ
Уже и Шмитовъ онъ съ терпѣньемъ сноситъ взоръ;
Не слышитъ совѣсти докучливой укоръ;
Не видитъ болѣе въ желаніяхъ препоны!
Пьетъ кофе, можетъ ѣсть чрезъ часъ и макароны.

[1]) Авторъ писалъ сіе, получивъ черезъ почту деньги.

VII. Сильфида.

Плавай, Сильфида, въ весеннемъ эѳирѣ!
Съ розы на розу въ весельѣ летай!
Съ нѣжнаго мирта въ кристальный источникъ
На испещренный свой образъ взирай!
Май твоей жизни да будетъ весь ясенъ!
Пчелка тебя никогда не пугай,
Тамъ, гдѣ піешь ты свой сладостный нектаръ —
Птица Цитерина мимо лети!
Въ Оркусъ низыдя, Сильфида, покойся
Кротко въ Платоновомъ вѣчномъ вѣнкѣ!
Онъ возмѣщалъ утѣшеніе смертнымъ,
Псиши свободу, подобно тебѣ.

Примѣчанія.

I. «Письма Карамзина къ Дмитріеву». Спб. 1866 стр. 2--3.

II. «Письма К. къ Дм.», 3—4. Стихотвореніе слѣдуетъ за поздравленіемъ Дмитріева «съ вступленіемъ на 28 годъ».

III. «Письма К. къ Дм.», 4—5.

IV. «Московскій Журналъ» 1792, ч. VI, 260—275. Отрывокъ этого стихотворенія изъ 11 строкъ (отзывъ о Геснерѣ: «Альпійскій Теокритъ»...) помѣщенъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1789, (ч. XVII, 200) съ замѣткою: «Одинъ молодой русскій поэтъ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ любившій Геснера, излилъ чувства свои въ разсужденіи сего назабвеннаго пѣвца, слѣдующими стихами». Въ изданіи Л. Поливанова «Избранныя сочиненія Карамзина» (М. 1884), къ этому стихотворенію присоединено слѣдующее примѣчаніе: «Поэзія» имѣетъ важное автобіографическое значеніе, свидѣтельствуя о томъ, съ какими иностранными поэтами К. познакомился уже до 1787 года и какъ понималъ ихъ. Высказанные здѣсь взгляды К. на поэзію далеки отъ ученія теоретиковъ французскихъ, которыхъ онъ изучалъ въ эту пору своей московской жизни. Баттё (1715 - 1780), подобно Буало, видѣлъ въ искусствѣ не живую природу, сводилъ всѣ правила поэтики къ «подражанію природѣ» (въ смыслѣ поддѣлки подъ нее), а происхожденіе искусства объяснялъ «изобрѣтеніемъ людей, наскучившихъ однообразнымъ наслажденіемъ предметами». Баттё допускалъ лишь, что *стихіи искусствъ* были сотворены вмѣстѣ съ природою, но что самыя искусства — далеко не то, чѣмъ они были при началѣ сво-

его происхожденія. Онъ готовъ признать, что духъ Божій внушилъ поэзію Моисея, и что этотъ «наставникъ» не нуждался въ подражаніи; но поэтамъ не оставляетъ иного источника, кромѣ «воображенія, разгоряченнаго искусственнымъ изступленіемъ». Если бы они чувствовали дѣйствительно, говоритъ Баттё, то могли бы пѣть одинъ, два куплета; потому искусство должно и въ самой лирикѣ подражать, т. е. поддѣлываться подъ дѣйствительныя чувства. «Примѣръ пророковъ, воспѣвавшихъ безъ подражанія, не можетъ имѣть значенія для поэтовъ-подражателей». К., вопреки подобному взгляду, источникомъ всякой поэзіи считаетъ вдохновеніе. Въ духѣ англичанъ: Аддисона (1672—1719) и Шафтсбери (1621—1683) онъ понимаетъ прекрасное, какъ голосъ «внутренняго чувства», внѣ предѣловъ ограниченной сферы разсудка. Въ духѣ же платоническаго ученія англійскихъ деистовъ онъ понимаетъ чувство прекраснаго, какъ удѣлъ добродѣтельныхъ. Но деистическое понятіе объ этомъ чувствѣ, какъ одномъ изъ предуставленныхъ даровъ благости Божіей, отождествляетъ онъ съ мистическимъ понятіемъ о непосредственномъ внушеніи Божества, а моменты такого вдохновенія ставитъ въ связь съ первозданнымъ совершенствомъ человѣка до его грѣхопаденія,—въ чемъ нельзя не узнать друга масоновъ» (Избр. соч. К., 34—35).

Мудрый бардъ, древнѣйшій изъ пѣвцовъ — Моисей
Царственный поэтъ — Давидъ.
Пастырь Мантуанскій — Вергилій.
Британскій бардъ, Фингаловъ сынъ — Оссіанъ
Йонгъ, т. е. Юнгъ, англійскій поэтъ (1684—1765).
Альпійскій Теокритъ — Геснеръ.

Ст. 186. Въ .*.*.** блеститъ — 1 Въ Москвѣ.

V. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, 151—158. Джемсъ Томсонъ (1700—1748) авторъ поэмы «Seasons» («Времена года»), переведенной Карамзинымъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи».

VI. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, 63—64. Въ письмахъ К. къ Дмитріеву помѣщенъ слѣдующій отрывокъ этого стихотворенія:

Вездѣ, вездѣ мы видимъ радость,
Вездѣ веселіе одно;
Но мы, печалью отягченны,
Уныло бродимъ по лѣсамъ, —
Въ лугахъ утѣхи не находимъ;
Смотря въ ручей, мы слезы льемъ;
Слезами воду возмущаемъ,
Волнуемъ вздохами ее.

Отрывокъ слѣдуетъ послѣ слѣдующаго письма: «Надѣюсь, что приближеніе весны имѣетъ цѣлебное вліяніе на твое здоровье. Все скоро оживится. Скоро птицы, соединяясь въ хоры, воспоютъ хвалебную пѣснь веснѣ. Мой другъ! неужели мы съ тобою будемъ ходить повѣся голову? Неужели не возьмемъ участія во всеобщей радости и, наморщивъ лобъ, скажемъ:

«Вездѣ, вездѣ мы видимъ радость».

Тамъ же отвѣтъ Дмитріева въ стихахъ:

«Мой другъ! судьба опредѣлила,
Что-бъ я терзался всякой часъ»...

VII. «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 7—8 и «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, 109. Въ «Дѣтскомъ Чтеніи» варіанты:

4. Въ юдоли сей покоя нѣтъ
9. Въ страны блаженства вознесемся,
13. Тогда мы свѣтомъ озаряся
15. Въ восторгѣ слезы проливая.

VIII. «Московскій Журналъ» 1791, II, 113—114. «Письма К. къ Д.». 12—13. Въ обоихъ мѣстахъ слѣдующія варіанты:

1. Многіе барды, лиру настроя,
5. Многіе барды, тоны вознеся,
6. Многіе барды, тоны унивя.

Въ «Московскомъ Журналѣ» заглавіе: «Г*** въ отвѣтъ на поэму». Въ «Письмахъ» дата — 17 ноября 1788 г. «Такъ бѣдный московскій стихотворецъ, учащійся нынѣ разбирать по складамъ греческихъ поэтовъ, осмѣливается *греческимъ стихосложеніемъ* воспѣвать хвалу своему другу. Какъ радуюсь, если подлинно я подалъ тебѣ поводъ спѣть такую хорошую пѣснь! Высокая гармонія да будетъ всегда душею пѣсней твоихъ!» Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о стихотвореніи Дмитріева: «Любовь и дружество» (1788).

Въ «Московскомъ Журналѣ» указанъ и размѣръ этого стихосложенія:

— ◡◡ — ◡ — ◡◡ — ◡
— ◡◡ — ◡◡ —.

IX. «Дѣтское Чтеніе» 1789. ч. XVIII, 93—95. А. А. П., т. е. Петрову, другу Карамзина.

X. «Военная пѣснь, сочиненная при началѣ Шведской войны», напечатанная въ «Московскомъ Журналѣ» 1791, II, 217—218.

XI. «Московскій Журналъ» 1791, IV, 11—12. Размѣръ:

— ◡◡ — ◡◡ — ◡
— ◡◡ — ◡.

XII. «Московскій Журналъ» 1792, VI, 219 — 226. Это первая русская баллада.

XIII. Изъ «Писемъ русскаго путешественника» (Письмо изъ Берна, 28 августа 1789): «Сегодня за ужиномъ бѣдный итальянскій музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ и хотѣли, чтобъ онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ и запѣлъ:

«Я въ бѣдности на свѣтъ родился ..».

Это стихотвореніе переведено на нѣмецкій языкъ Станкевичемъ въ 1834 году «Magazin gelehrsamer und angenehmer Unterhaltung», Band III. (Пономаревъ, Матеріалы для библіографіи Карамзина. 46).

XIV. «Московскій Журналъ» 1791, I, 146—148. Размѣръ:

— ◡◡ — ◡◡ — ◡
— ◡◡ —.

Въ письмѣ отъ 26 ноября 1789 К. говоритъ о жестокой головной боли, мучившей его въ Женевѣ. («Письма русскаго путешественника»).

XV. «Аглая» 1795, II, 147—148. Изъ «Писемъ русскаго путешественника». Содержаніе французской мелодрамы «Петръ Великій» изложено въ письмѣ изъ Парижа, отъ 29 апрѣля 1790 года. Карамзинъ перевелъ пѣсню Лефорта во время сговора Петра Великаго съ Екатериной.

XVI—XXIX. Изъ «Писемъ русскаго путешественника» (май 1790 года).

XVII. Лаландъ (1732—1807) — французскій астрономъ.

XVIII. Въ деревенькѣ Сюрень близъ Парижа существовалъ обычай ежегодно короновать розами добродѣтельную осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку (la fête de la Rosière). При этомъ пѣлась переведенная Карамзинымъ пѣсня.

XXI. «Въ церкви св. Кома (въ Парижѣ) погребенъ нѣкто Трульякъ, рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV, которой подарилъ его своему конюшеному; а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся своимъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробѣ его вырѣзали эпитафію такого содержанія: Здѣсь погребенъ....». (Письма «Русскаго путешественника»).

XXIII. «Письма русскаго путешественника».

XXIV. Тюренъ погребенъ въ аббатствѣ св. Діонисія на кладбищѣ французскихъ королей. Французскій текстъ эпитафіи Тюрени:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de difference
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

(Письма Р. П.).

XXV. Передъ этими стихами въ «П. Р. П.» (описаніе Булонскаго сада) читаемъ: «Съ другой дикой скалы стремится дикій каскадъ, шумитъ и вливается пѣною въ каскадъ пруда, котораго тихія струи омываютъ въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!»

XXVI. «Марли де Руа, на лѣвомъ берегу Сены, въ 12 килом. отъ Парижа. Замокъ съ садами, основанный Людовикомъ XIV и разрушенный во время революціи. Знаменитая машина Марли, устроенная голландцемъ Раннененомъ въ 1682, — сложная система колесъ и насосовъ, служившая для поднятія воды изъ Сены (640 м.) въ большой водоемъ, на высоту 155 м., откуда она была проведена въ Версаль (8 км. разстоянія), котораго фонтаны питали». («Энц. Словарь Брокгауза-Ефрона», XVIII, 672).

XXVII. Эрменонвиль (въ 30 верстахъ отъ Парижа) здѣсь жилъ (съ 20 мая 1778 по 2 іюля, т. е. около полутора мѣсяца передъ смертью) и погребенъ Ж. Ж. Руссо. «Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда *милая Габріель*, и Генрихъ IV наслаждался ея любовью» («П. Р. П.»)!

XXIX. «Я списалъ въ Шантильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ покрова, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее». «П. Р. П.»).

XXX. Изъ «Пис. русск. Путеш.»: «Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у г-жи Н. и не скучно. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мущинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе: что женщины болѣе плачутъ, а мы болѣе умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ разсказала намъ печальный Ліонскій анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Г-жа Н. обратилась ко мнѣ и спросила: «Сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я. — «Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ русскихъ стихахъ». — Охотно; но позвольте немного украсить. — «Ни мало. Скажите только, что отъ меня слышали». — Это слишкомъ просто. — «Истина не требуетъ украшеній». — По крайней мѣрѣ, въ разсказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственныя истины. — «Дозволяю. Держите же слово». — — Я сдержалъ и написалъ слѣдующее: «Алина». (Письмо изъ Парижа. Іюнь 1790 г.).

XXXI. «Московскій Журналъ» 1791, II, 9—11.

XXXII. Изъ «Писемъ рус. Путеш.» (изъ Виндзора: іюль 1790). Свой переводъ Карамзинъ оканчиваетъ словами: «Извините, есть ли переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчаніе Лодоны, я вздумалъ разсказать ея исторію въ русскихъ стихахъ».

XXXIII. Изъ «Писемъ р. Путеш.» (Лондонъ, іюль 1790). Это переводъ гимна, пропѣтаго на улицѣ въ Лондонѣ бѣдною женщиною.

XXXIV. Изъ «Писемъ р. Путеш.» въ описаніи Вестминстерскаго аббатства: «Преклоните колѣни.., вотъ Шекспиръ! и стой какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости... Вы узнаете предметъ его глубокомысля, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его драмы The Tempest: Колоны гордые вѣковъ произведенные» и т. д.

XXXV. Изъ «Писемъ р. Путеш.» «Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца оперы «Нищихъ» (самое остроумнѣйшее произведеніе англійской литературы... и самое противное человѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ). Эпитафія сочинена самимъ Геемъ.

XXXVI. «Моск. Журн.» — 1791, I, 16—19. Варіанты въ «М. Ж.»:

32. Твое, Филлида, сердце,
33 Слеву пролить захочетъ:

Послѣ 36 стиха въ «М. Ж». большой куплетъ:

Да девять сестръ небесныхъ,
И важныхъ и веселыхъ,
Тебя въ сей годъ утѣшатъ
Бесѣдою своею!
Родившая Орфея
Читай тебѣ Гомера;
Всезнающая Кліо.
Плутарха или Юма;
Съ кинжаломъ Мольпомена
Шекспира дикламируй;
Полимнія въ восторгѣ
Пой Пиндаровы оды;
Эраста съ нѣжной краской
Читай тебѣ тихонько
Теоскаго поэта;
А Талія съ Момосомъ
Насчетъ пороковъ смѣйся;
Уранія повѣдай,
Что Гершель въ небѣ видитъ;
Играй тебѣ Эвтерпа
На флейтѣ сладкогласной
Божественныя пѣсни
Изъ Генделевыхъ пѣсней;
Прыгунья Терпсихора
Какъ Вестрисъ предъ тобою
Пляши, скачи, вертися.

Ст. 45. Что юноша бездушенъ
Ст. 47. И палъ передъ тобою.

XXXVII. «М. Журн.» 1791, III, 123—125. Размѣръ:
— ∪∪ — ∪∪ — ∪∪ ∪ (bis)
— ∪∪ — ∪∪ — ∪ (bis)

XXXVIII «М. Журн.» 1791, IV, 118-122.

XXXIX. «М. Ж.» 1791, III, 239: «Пѣсня веселыхъ»: Варіанты: 5—8: Братья! въ жизни много горя—
Кто его не испыталъ?
Вздохи, слезы—наша доля,
Но и радость Богъ намъ далъ
20: Въ сей для насъ пріятный часъ.

XL. «М. Журн.» 1792 V, 153—157.
35: Веселися вся земля
36: Съ цѣлымъ міромъ мы друзья
41: И Силенъ, пѣвецъ пріятный
43: Пляшетъ, скачетъ съ рѣзвой Дафной
47. 48 = 35. 36.
Музы, Граціи съ вѣнками
Окружаютъ, миръ, тебя;
Свѣтлобѣлыми руками
Цѣпь лилейную сплетя,
Ею нѣжно обвиваютъ
Крылья легкія твои
И въ восторгѣ восклицаютъ:
«Вѣчно съ нами; Миръ, живи»!
70. И къ любви оборотился
71. Веселися вся земля!
72. Съ цѣлымъ міромъ мы друзья!

Сравни Шиллера «An die Freude».

XLI «Аглая» 1794, I, 77.

XLII «Моск. Журн.» 1791, III, 3—4.

XLIII. «Моск. Журн.» 1792 VI, 117—119. Варіанты
стр. 26. Доколѣ милостью пребудешь,
» 27. Доколѣ пользоваться будешь
» 28. Ты правомъ Матери одной;
» 29. Доколѣ гражданинъ покойно
» 31. И всѣмъ твоимъ подвластнымъ вольно.

Стихи къ имп. Екатеринѣ написаны сейчасъ же послѣ ареста Н. И. Новикова (въ маѣ 1792 г.). «Первоначальный текстъ оды неизвѣстенъ, но что онъ отличался отъ печатнаго, видно изъ слѣдующихъ словъ письма А. А. Петрова къ Карамзину отъ 19 іюля 1792 г: «Пожалуйста пришли стихи «къ Милости», какъ они сперва были написаны. Я не покажу никому, если то нужно» (Избр. соч. Карамзина, изд. Поливанова. М. 1884, стр. 354).

XLIV. «Моск. Журн.» 1792, VII, 7—8.

XLV. «Моск. Журн.» 1792, VI, 6—9. А. А. П.—Александръ Андреевичъ Петровъ, близкій другъ Карам-

зина. П. въ началѣ 1792 г., переѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Начало этого стихотворенія въ «Моск. Журн.» таково:

Прости, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю—
Рокъ мрачный разлучаетъ насъ—
Послѣднюю слеву безмолвно проливаю...
Прости, и будь мнѣ другъ всегда!
Хотя-бъ моря межъ насъ шумѣли,
Пески Ливійскіе горѣли;
Хотя-бъ громады вѣчна льда
Меня съ тобою раздѣляли:
Ахъ, милый другъ! душѣ моей
Они бъ не заграждали
Пути къ душѣ твоей!...
Прости,—и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира,
Да вѣетъ за тобой!

Другіе варіанты:
22 стр.: Отъ шума, отъ заботъ съ весельемъ мы гуляли
23 По утреннимъ лугамъ и въ знойные часы,
36 стр.: И съ молніею нашъ горъ стремится духъ!

XLVI. «Моск. Журн.» 1792, VIII, 111—112. Варіанты:
5—8 стр.: Любивъ, не быть любимымъ
Къ нещастью моему...
Увы! насильно милымъ
Не будешь никому.
20: Пріятнымъ, ловкимъ быть.

XXLII. «Моск. Журн.» 1792, VII, 109—111. Заглавіе: «Могила». Варіанты:

Стр. 2: Вѣтры тамъ [1]) воютъ, гробы трясутся.

XLVIII. Изъ повѣсти «Островъ Борнгольмъ», напечатанной въ «Аглаѣ» 1794, I, 96—97... «Я увидѣлъ—говоритъ Карамзинъ — (на берегу Нѣмецкаго моря у мѣстечка Гревзенда) молодого человѣка, худого блѣднаго, томнаго, болѣе привидѣніе, пежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другой срывалъ листочки съ дерева и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни. Взоръ мой не могъ встрѣтиться съ его взоромъ; чувства его были мертвы для внѣшнихъ предметовъ, онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего.—Нещастной молодой человѣкъ! думалъ я: ты убитъ рокомъ. Не знаю ни имени ни рода твоего; но знаю, что ты несчастливъ!—Онъ вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу, опустилъ ихъ опять на волны морскія—отошелъ отъ дерева, сѣлъ на траву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпрестанно на море, и запѣлъ тихимъ голосомъ слѣдующую пѣсню на датскомъ языкѣ:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви...

Тутъ, по невольному внутренному движенію, хотѣлъ я броситься къ незнакомому лицу и прижать его къ сердцу своему; но капитанъ въ самую сію минуту взялъ меня за руку и сказалъ, что «благопріятный вѣтеръ развѣваетъ наши паруса».

XLIX. «Аглая» 1794, I, 78—79. Варіанты:
9. И хищный тигръ въ степяхъ песчаныхъ
11. Престалъ терзать онъ тварей слабыхъ
12. И миръ съ природой заключилъ.

Въ «Аглаѣ» помѣщенъ еще слѣдующій заключительный куплетъ:

Когда, когда святая Благость,
Ты бѣдпыхъ смертныхъ просвѣтишь?
Когда, когда любовь и радость
Въ сердцахъ жестокихъ оживишь?

L. «Аглая» 1794, I, 23—26.
Варіантъ: 50. Когда же ты подъ мрачнымъ небомъ.
61. Начнешь клубиться съ грознымъ ревомъ,
67. И къ тучамъ руки простирая.

---

[1]) т. е. на кладбищѣ.

Примѣчаніе къ 77 стр. («Уже безъ вѣтрилъ»). «Нѣкоторые изъ нашихъ стихотворцевъ въ словѣ *вѣтрила* дѣлаютъ удареніе на среднемъ словѣ, но я ссылаюсь на всѣ церковныя книги».

LI. «Аглая» 1795, II, 95—96.

LII. «Аглая» 1795, II, 61—62.

LIII. «Аглая» 1794, I, 31—32.

Варіанты:

Стр. 9: Ахъ! я вспомнилъ сердцу милыхъ.

Стр. 11: Отъ любви моей сокрытыхъ.

LIV. «Аглая» 1794, I, 22.

Варіанты:

Стр. 2: Чувствителенъ и сердцемъ нѣженъ.

Стр. 11: Но духъ его, вовѣкъ безсмертный!

LV. «Аглая» 1795, II, 97.

LVI. «Аглая» 1795, II, 99—101.
LVII. «Аониды» 1796, I, 28—29.
LVIII. «Аониды» 1796, I, 49—50.
LIX. «Аглая» 1794, I, 3—5.
LX. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»)
LXI. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»).
LXII. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»); «Мои бездѣлки». М. 1797, ч. II, 112.
LXIII. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»); «Мои бездѣлки». М. 1797, II, 113—114.
LXIV. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»).
LXV. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»); «Мои бездѣлки». М. 1797, II, 115—118.
LXVI. «Аглая» 1795, II («Аѳинская жизнь»); «Мои бездѣлки. М. 1797, II, 119—120.

LXVII. «Письма К. къ Дмитріеву» 45—46. — Стихи де Мазюра очевидно пародія на какого-то современнаго стихотворца. Des Masures комическое лицо въ комедіи Детуша «La fausse Agnés»: старинный дворянинъ-провинціалъ онъ считаетъ себя образцомъ ума и любезности и на каждомъ шагу сочиняетъ чрезвычайно плохіе стихи, отъ которыхъ самъ приходитъ въ чрезвычайное восхищеніе». (Примѣчаніе тамъ же стр. 29).

LXVIII. «Аглая» 1795, II, 19—25. Въ письмѣ Карамзина къ Дмитріеву (отъ 18 апрѣля 1794) читаемъ: «Пять строкъ твоихъ заставили меня вздохнуть. Ты конечно повѣришь искренности сего вздоха, мой любезный другъ! — Я написалъ къ тебѣ «Эпистолу» въ 168 стиховъ; но ты не увидишь ея до нашего свиданія. Пиши отъ скуки и отъ грусти: вотъ лучшая польза нашего ремесла, которое ремесломъ не называется». (Стр. 46).

Это письмо и «Посланіе къ Д.» относится къ тому времени, когда авторъ приближался къ тридцатилѣтнему возрасту. Послѣднее интересно въ біографическомъ отношеніи. Оно вызвано послѣдними стихами «Стансовъ къ Карамзину» Дмитріева (1793 г.).

Варіанты въ «Аглаѣ»:
Стр. 55: Намъ тьмы въ умахъ не озарить
» 67: И нѣгу презрить Сибаритъ
» 71: И часто ядъ тому награда,
» 108: Живя по общему закону
» 112: Пріятнымъ Аонидскимъ даромъ
» 124: Терпѣлъ палящій зной и хладъ
» 147: Былъ другомъ нѣжнымъ, святочтимымъ

LXIX. «Аониды» 1796, I, 41—42.
LXX—LXXI. «Аониды» 1796, I, 43—47.
LXXII. «Аониды» I, 47—48.
LXXIII. «Аониды» I, 17—27.

LXXIV. «Аглая» 1795, II, 171—201. Проф. П. В. Владимировъ въ статьѣ: «Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина» (Кіевскія «Университетскія Извѣстія» 1895) указалъ на нѣкоторое вліяніе богатырской сказки Карамзина на «Руслана и Людмилу» Пушкина. Какъ и у Карамзина, въ «Русланѣ» появляются Людмила и злой волшебникъ Черноморъ, усыпившій красавицу; она просыпается отъ прикосновенія

руки богатыря Ильи съ кольцомъ доброй волшебницы Велеславы. «Илья Муромецъ» остался неоконченнымъ. Какъ и «богатырскія повѣсти» А. Н. и Н. А. Радищевыхъ, и сказка Карамзина имѣетъ общимъ съ былинами только имена. Любопытно, что для такихъ поэмъ установилось особое стихосложеніе (бѣлые стихи и хореическій размѣръ). Этимъ же размѣромъ написанъ и относящійся къ 1815 г. отрывокъ изъ поэмы Пушкина «Бова» (въ подражаніе Радищеву):

За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить...

Объ отношеніи «Бовы» къ «Ильѣ Муромцу» см. въ примѣчаніяхъ Л. Н. Майкова къ I т. академическаго изданія «Сочиненій Пушкина», стр. 98—105. По мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинскій «Бова» нисколько не уступаетъ «Ильѣ Муромцу» Карамзина въ достоинствѣ стиха и вымысла. Подобно «Ильѣ Муромцу» Карамзина, «Бова» не конченъ — вѣроятно, по одной и той же причинѣ: мысль обѣихъ пьесъ такъ дѣтски ложна и поддѣльна, что изъ нея ничего не могло выйти цѣльнаго, «и оба поэта сами соскучились ею, не доводя ея до конца». (Соч. Бѣлинскаго VIII, 310).

LXXV. «Аониды» 1796, I, 52—55.

LXXVI. «Аониды» 1796, I, 50—52.

LXXVII. «Аониды» 1796, I. 59.

LXXVIII. «Аониды» 1796, I. 73—74.

LXXIX. «Аониды» 1796, I, 75.

LXXX. «Аониды» 1796, I, 105—116.

LXXXI. «Аониды» 1796, I, 219—249. — Это стихотвореніе имѣетъ большое біографическое значеніе. Въ немъ поэтъ особенно тепло вспоминаетъ свою мать, умершую тогда, когда ему было только три года, но оставившую въ душѣ К. сильную память, вспоминаетъ дружескія отношенія къ Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой (Нанинѣ), супругѣ Алексѣя Александровича Плещеева Имъ обоимъ посвящены «Письма русскаго путешественника». Нерѣдко К—ъ проводилъ время въ ихъ деревнѣ. См. Письма К. къ Дм—ву, 41). И. И. Дмитріевъ говоритъ о Плещеевой: «Въ ея то сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери».

Державинъ писалъ И. И. Дмитріеву (5 августа 1796). «Я получилъ отъ Николая Михайловича «Аониды», книжка, въ которой много прекрасныхъ стиховъ, а особливо его «Эпистола къ женщинамъ» *очень, очень хороша;* но я недоволенъ окончаньемъ, т. е. послѣднимъ стихомъ, на который тотчасъ приходитъ мысль:

Что съ таковыми женъ друзьями
Мужья съ рогами». (Соч. VI, 55).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Дмитріеву (6 октября 1796) Державинъ по поводу того же стихотворенія К—а приложилъ слѣдующую эпиграмму на Карамзина:

Въ замужней женщинѣ прекрасной
Себѣ кто дружбу пріобрѣлъ, —
Для толковъ, для молвы напрас
Онъ лучше бы ее не пѣлъ.
Какъ хладный вѣтерокъ — чума для нѣжныхъ розъ,
Такъ при мужѣ и другъ вмигъ отморозитъ носъ.

«Не прогнѣвайся — продолжаетъ Державинъ — это истина; но прошу меня не поссорить съ Николаемъ Михайловичемъ; я его люблю. Его привязанность къ добродѣтели и, восторгъ поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразуміе въ семъ случаѣ друга, т. е. ваше, должно бы остеречь его въ сей нѣжной матеріи. Но оставимъ ссору». (Сочин. Державина VI, 58).

Нѣсколько позже (1801 г.) Державинъ составилъ слѣдующую подпись «Къ портрету Карамзина»:

Любезныхъ Прелестей любезной обожатель.
И россскихъ звучныхъ дѣлъ правдивой описатель.
(Соч. III, 399).

Къ стихамъ «Славнѣйшіе творцы и Фебовы друзья, безсмертные Пѣвцы», въ «Аонидахъ» было присоединено слѣдующее примѣчаніе: «Напримѣръ, великой Клопштокъ, котораго я никогда не видалъ и никогда не безпокоилъ письмами, увѣряетъ меня въ своей благосклонности и хочетъ, чтобы я непремѣнно прислалъ къ нему всѣ мои бездѣлки. Признаюсь въ слабости: это меня очень обрадовало». — Оно опущено въ собраніяхъ сочиненій Карамзина.

LXXXII. «Аониды» 1797, II, 198. — Въ письмѣ къ Дмитріеву (11 марта 1797) К. пишетъ: «Жизнь кажется мнѣ скучною, безплодною равниною; тамъ, впереди, что-то возвышается . . . надгробный камень — и вотъ эпитафія: «Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума» . . . . Слѣдовательно, это какъ бы собственная эпитафія Карамзина.

LXXXV. «Аониды» III, с. 108 («Размышленіе»). «Этотъ катренъ, сказалъ я одной молодой дамѣ, задремавъ подлѣ нея на диванѣ». («Письма К. къ Дмитріеву», 81).

LXXXVI. «Аониды» 1796, I, 169.

LXXXVIII. «Аониды» 1796, I, 260, 261. Это отвѣтъ на стихотворенія «Любовь и дружба», помѣщенное въ той же книжкѣ «Аониды» и подписанное буквами К . . . а С . . . а.

XC. «Аониды» 1798—99, III, 110; «Письма Кар. къ Дм.», с. 82.

XCI. «Аониды» III, 111; «Письма Кар. къ Дм.», с. 82.

Изъ письма К. къ Дмитріеву (4 Апрѣля 1799): «Желаю, мой милой, чтобъ скорѣе пришло то время, въ которое, по словамъ твоимъ, могъ бы ты жить совершенно для Музъ и дружбы. Тогда, чтобъ не упасть лицомъ въ грязь передъ тобою, и я началъ бы прилежнѣе молиться Аполлону стихами и прозой. Лѣтомъ жили бы въ маленькомъ, чистенькомъ домикѣ на высокомъ берегу Москвы—рѣки, въ семи верстахъ отъ города, тамъ, гдѣ я третьяго году писалъ «Дарованія», стихи «Къ вѣрной» давно невѣрной. Мѣсто самое романическое! Тамъ бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсѣмъ холодные, вспомнивъ оное засмѣялись; вспомнивъ иное, вздохнули, — и эхо рощи засмѣялось бы съ ними. Изъ чувства рождались бы слова, изъ словъ стихи, изъ стиховъ можетъ быть наша слава, по крайней мѣрѣ, ваше удовольствіе. Горацій прославилъ бы Тиволи, а мы Самарову гору превратили бы въ Русской Геликонъ» (Письма К. къ Д., стр. 110—111).

XCIV. «Аониды» III. 86—88.

XCV «Аониды» III, 93-95.

XCVI. «Аониды» III, 237.

XCVI. «Аониды» 1796, кн. I. 163.—Это стих. К—а не имѣло успѣха у современниковъ: «*Соловей*, ваша правда, не весьма громокъ» писалъ Державинъ Дмитріеву (5 авг. 1796). Оно дало матеріалъ кн. Шаховскому для насмѣшекъ въ его «Новомъ Стернѣ», гдѣ въ 4-мъ явленіи графъ Пронскій поетъ романсъ, въ которомъ встрѣчается выраженіе: «Она малиновка—любовь». Послѣднее взято у Карамзина.

XCVIII. Отд. изданіе. М. 1796. Эта ода не входила въ собранія сочиненій К—а.

XCIX. «Аониды» 1797, кн. II. 101—105.

Варіантъ: 34 стр.: Но чувства ихъ въ одномъ живутъ.

C. «Аониды» II. 106—110. Князь Григорій Александровичъ Хованскій, стихотворецъ конца прошлаго вѣка; О немъ см. Неустроевъ «Историч. розысканіе». LXVI. «Письма К—а къ Дмитріеву, 034.

CI. «Аониды» II, 35—42. Варіанты:

4 стр.: Для сердца могутъ быть прелестны.

CII. «Аониды» II, 43—46.

«Люблю, люблю... умру любя» повторенъ Пушкинымъ въ стих. (1816 г.) «Желаніе»: «Пускай умру, но пусть умру любя».

CIII. «Аониды» 1796, I, 51.

CIV. «Аониды» 1796, I. 76—77.

CV. Аониды» 1797, II, 321.

CVI. «Аониды» 1797, II. 322.

CVII. «Аониды» 1797, II, 247—256. Это и слѣдующее стихотворенія относятся къ гр. Пр. Юр. Гагариной.

CVIII. «Аониды» 1797, II. 257—267. См. примѣчаніе къ XCIII.

CIX. «Аониды» 1797, II, 277—280.

CX. «Аониды» II, 93.

CXIII. «Аониды» III, 109; «Письма Карамзина къ Дмитріеву», с. 81.

CXIV. «Аониды» III, 109; Письма К. къ Дмитр., с. 82.

CXV. «Аониды» III, 89—92. Сравн. по размѣру «Разсудокъ и любовь» (1815) Пушкина. «Фаустъ и пастушка» (1816).

CXVI. «Аониды» III, 97. Варіантъ:

1 ст. Я клялся не любить: что жъ дѣлаю? люблю!

CXVII. «Аониды» III, 104—107. «Письма къ Дмитріеву, с. 99—10.

Варіанты: 5. *На руку.*

Когда рука
Любовника дерзка,
Не вѣрь ему; но вѣрь, когда она робка.
7. На стрѣлу.

2 стр.: Но кровью вы не изойдете.

CXVIII. «Аониды» III, 112.

CXXV. «Аониды» III, 112—113.

CXIX. «Аониды» III. 238—239.

CXXVII. «Аониды» II, 163—181.

Къ ст. 112—114. («Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ, На небо воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ, Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ»). Карамзинъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: «Но сія тайна разрѣшена Откровеніемъ—Соломонъ при всей своей мудрости не былъ еще просвѣщенъ онымъ. Щастливымъ увѣреніемъ, что мы безсмертны и что всѣ добрые будутъ блаженствовать въ вѣчности, обязаны мы христіанству болѣе, нежели трактатамъ нашихъ философовъ».

CXXVIII. «Аониды» 797, II. 229.

CXXIX. «Письма К—а къ Дмитріеву». стр. 90.

CXXX. «Аониды» III, 96.

CXXXI. «Аониды» III, 230—232.

CXXXII. «Аониды» III. 233—236.

CXXXIII. «Аониды» III, 260.

CXXXIV. «Аониды» III. 260.

CXXXV. «Аониды» III, 262—263. По разсказу Квинта Курція Руфа, голова Александра Македонскаго была нѣсколько наклонена къ лѣвому лицу; окружающіе изъ подражанія старались также наклонять голову.

CXXXVI. «Аониды» III, 98—101. Мароино— имѣніе гр. И. П. Салтыкова —Въ числѣ «друзей почтеннаго хозяина» былъ князь Бѣлосельскій. Въ 1799 г. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Скажи (Бѣлосельскому). что и мы нѣшній годъ мы пѣли въ Мароинѣ, жалѣя объ его отсутствіи» (Письма, с. 112).

CXXXVII. «Аониды» III, 102—103.

CXXXVIII. «Вѣстникъ Европы» 1803, ч. XV, 246—250. — На этихъ дняхъ писалъ Карамзинъ Дмитріеву 20 іюня 1800 г.—сочинилъ я маленькую драматическую сельскую пьесу для фамиліи Салтыковыхъ; она будетъ или не будетъ представлена черезъ три дня. На той почтѣ я пришлю къ тебѣ пѣсни, которыми заключается эта бездѣлка. («Письмо К. къ Дм.», с. 118, 047 — 048).

CXXXIX. «Аониды» III, 324—337. *Протей* — одинъ изъ морскихъ боговъ подвластныхъ Посейдону, дававшій предсказанія и обладавшій способностью принимать разные виды.

CX. «Письма К—а съ Дмитріеву». с. 108.

CXL. «Письма К—а къ Дмитріеву», 117, 119: «Прошли тѣ лѣта— писалъ К. своему другу; — въ которыхъ сердце мое ждало къ себѣ въ гости какого-то неописаннаго щастья; прошли годы тайныхъ надеждъ и сладкихъ мечтаній! Разсудокъ говоритъ, что уже поздно думають о пріобрѣтеніяхъ. Такъ на шумномъ пиршествѣ утружденные гости одинъ за другимъ расходятся; музыка умолкаетъ, залы пустѣютъ, свѣчи гаснутъ, и хозяинъ ложится спать одинъ! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряетъ желаній съ потерею надежды? Для чего, напр., переставъ быть любезными, хотимъ еще быть любимыми?—Helas! Что можетъ быть любви и щастія быстрѣе?» и пр.

CXLII. «Вѣстникъ Европы» 1802, I, 53 — 54. Въ письмѣ К—а къ Дмитріеву отъ 3 декабря 1800 (изъ Москвы) читаемъ: «Я съ своей стороны увольняю тебя отъ слушанія моихъ Іеремиадъ и не буду жаловаться на вѣтренность Амариллъ моихъ, которыя (слава Богу!) перепрыгнули отъ меня за ручей и скрылись въ лѣсу. Пусть тамъ гоняются за ними Сильваны, Фавны и простые Сатиры! Третьяго дня исполнилось мнѣ 35 лѣтъ отъ роду —

Время нравиться прошло,
А плѣняться не плѣняя,
И пылать не воспылая,
Есть худое ремесло,

говоритъ Нижегородскій поэтъ, надъ которымъ мы столько смѣялись у Хераскова. Онъ же еще, подражая Демелю, изобразилъ портретъ меланхоліи въ слѣдующихъ стихахъ:

Что Меланхолія? Нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья.
Веселья нѣтъ *еще*, и нѣтъ *уже* мученья;
Отчаянье прошло—но слезы осушивъ,
Она еще взглянуть съ улыбкою не смѣетъ
И голову свою на руку спустивъ,
Видъ злополучія (отца ея) имѣетъ.
Блаженство для нея задумавшись мечтать
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

«Нижегородскимъ поэтомъ» Карамзинъ называетъ себя, вѣроятно, потому, что у него было селеніе въ Нижегородской губерніи.

CXLIII. Изд. отдѣльно. М. 1801.

CXLIV. Изд. отдѣльно. М. 1801. За эту оду Карамзинъ получилъ перстень въ 2.000 рублей.

CXLV. «Вѣстникъ Европы» 1802, II, 366—370.

CXLVI. и CXLVII. «Памятникъ протекшихъ музъ» 1827, 3. Первая изъ этихъ надписей сочинена гораздо ранѣе второй. Въ изд. Смирдина обѣ онѣ помѣщены между стихотвореніями 1802.—Въ письмѣ Карамзина къ Тургеневу отъ 20 октября 1815 г. читаемъ: «Не знаю, о какихъ стихахъ къ портрету Ивана Ивановича говорилъ вамъ нашъ любезный Жуковскій. Лѣтъ за пять передъ симъ написалъ я слѣдующее (сколько помню): «Министръ, поэтъ и другъ»... Теперь онъ уже не министръ. Развѣ скажемъ: «Онъ съ честью былъ министръ.» — («Рус. Старина» 1899, № 2, 469 стр.).

CXLVIII. «Вѣстникъ Европы» 1802, I, № 3, 61—64.

CXLIX. «Вѣстникъ Европы» 1802, ч. II, 59.

CL. «Вѣстникъ Европы» 1803, 103, V, 286.

CLI. «Вѣстникъ Европы» 1803, VI. 206—211.

CLII. «Вѣстникъ Европы» 1803, VII, 265—266.

CLIII. «Вѣстникъ Европы» 1803, IX, 210—212.

Петръ Аѳанасьевичъ Пельскій, переводчикъ и авторъ книги: «Мое кое что или собраніе мелкихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ. 1803». Скоропостижно скончался 10 мая 1803.

CLV. Издано отдѣльно М. 1814 и перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814, ч. LXXV, 258—271. Въ письмѣ К—а къ Дмитріеву отъ 11 мая 1814 г. (изъ Москвы) читаемъ: «Мы очень славны: авось будемъ и разумны; всему есть свое время. Я въ бреду написалъ было нѣсколько строфъ; но теперь не имѣю силъ писать ни стихами, ни прозою» (стр. 182). Изъ письма Дашкова къ князю П. А. Вяземскому (25 іюня 1814 г.) извѣстно, что стихи К—а «возжгли духъ ревности въ сердцахъ бесѣдниковъ (т. е. членовъ Бесѣды любителей русскаго слова) и особливо Шаховскаго», и что они не имѣли счастья понравиться сему грозному Аристарху; онъ даже нападалъ на прекрасную и трогательную строфу: «Отецъ! пусть бури міръ волнуютъ . . . .». (Письма К—а къ Дмитріеву, стр. 78). Эта ода не понравилась также и К. Ѳ. Калайдовичу, который въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Слабое произведеніе, недостойное имени Карамзина; въ немъ одно только предисловіе сносно». («Лѣтописи русской литературы и древности» 1859, кн. 6, 110). Напротивъ князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу

называетъ эту оду «превосходной», стихи «сильными, богатыми мыслью и выраженіемъ». «У насъ въ Петербургѣ и понятія не имѣютъ о такихъ стихахъ» — пишетъ онъ. («Остафьевскій архивъ», подъ редакціею В. И. Саитова. Спб. 1899. (I, 22. 24, 402—403). — Стихотвореніе это напечатано съ одобренія А. И. Тургенева. См. Письма К—а къ Тургеневу. «Русская Старина» 1899, т. XCVII, № 2, 465—466.

Вотъ это предисловіе, или вѣрнѣе посвященіе московскимъ жителямъ, помѣщенное въ отдѣльномъ изданіи оды:

«Съ Вами. добрые Москвитяне, провелъ я четверть вѣка и лучшее время моей жизни; съ Вами видѣлъ грову надъ сею Столицею Отечества; съ Вами ободрялся я великодушіемъ достойнаго нашего градоначальника; съ послѣдними изъ Васъ удалился отъ древнихъ стѣнъ Кремлевскихъ — и съ Вами хожу нынѣ по священному пеплу Москвы, нѣкогда цвѣтущей. Сердце мое принадлежитъ Вамъ болѣе, нежели когда нибудь. Во дни тревоги и бѣдствій видѣлъ я Вашу до блесть: лица горестныя, но ознаменованныя твердостью; слезы, но слезы умиленія, всегда исчисляемыя Отцомъ Небеснымъ: онѣ были для Тирана Европы гибельнѣе самаго оружія Героевъ Россійскихъ. Пріимите жертву моей искренности. Щастливъ буду, если, пользуясь остаткомъ дней моихъ и способностей, успѣю изобразить на скрижаляхъ Исторіи чудесную, безпримѣрную славу Александра I и нашу: ибо слава Монарха есть народная.

CLVI. Сочиненія Карамзина, изданіе 1834 года. «Письма Карамзина къ Дмитріеву,—стр. 298. Въ письмѣ Карамзина къ Вяземскимъ (13 октября 1819 г.) читаемъ: «Елисавета была къ намъ милостива и semper amabilis, такъ что я написалъ четыре стиха къ ея портрету, у насъ на стѣнѣ висящему: *Корона главъ*, и пр.». («Старина и новизна» I, с. 88).

CLVII. Сочиненія Карамзина, изданіе 1834 г. Письма Карамзина къ Дмитріеву, — 298 стр.

CLVIII. «Неизданныя сочиненія и переписки Карамзина. Спб. 1862, стр. 187. Стихотвореніе относится къ императрицѣ Елисаветѣ, которую Карамзинъ называлъ «женщиной рѣдкой!» Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 30 сентября 1821 года онъ писалъ: «Съ прошедшей осени я имѣлъ счастье бесѣдовать съ нею еженедѣльно, иногда часа по два и болѣе, съ глазу на глазъ, и всегда выходилъ изъ ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и она не скучала въ его отсутствіе бесѣдами исторіографа. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ: «Здѣсь все мечта и сонъ . . . . . » (Письма къ Дмитріеву, 316).

CLIX. «Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 188.

CLX. «Письма Карамзина къ Дмитріеву,— стр. 321: «Дистихъ на тѣнь щастья» (въ письмѣ отъ 22 января 1822 г.) въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. ч. 18, № 23, с. 169. Это двустишіе напечатано съ датою: Царское Село, 9 октября 1823 г.

Стихотворенія, приписываемыя Карамзину.

Кромѣ стихотвореній, несомнѣнно принадлежащихъ Карамзину, есть еще нѣсколько стихотвореній, приписать которыя Карамзину можно съ большимъ вѣроятіемъ. Они выдѣлены здѣсь въ особый отдѣлъ до болѣе убѣдительныхъ доказательствъ ихъ принадлежности нашему поэту. Когда листы настоящаго выпуска, содержащія въ себѣ стихотворенія Карамзина были уже напечатаны, появилось въ свѣтъ изслѣдованіе В. В. Сиповскаго «Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Г. Сиповскій тоже счелъ возможнымъ приписать Карамзину пять стихотвореній, внесенныхъ и здѣсь въ отдѣлъ «приписываемыхъ» (именно: «Вздохъ», «Грова», «На смерть дѣвицы», «Всеобщая молитва». «Сильфида») и указалъ въ приложеніи II основанія къ такому приписыванію. Основанія эти сводятся къ слѣдующему: большинство приписываемыхъ Карамзину стихотвореній появилось въ журналахъ, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе: они отличаются особенностями его стихосложенія въ восьмидесятыхъ годахъ, и по мыслямъ, въ нихъ выраженнымъ, меланхоліи, думамъ о величіи Господа, могутъ быть поставлены въ рядъ съ несомнѣнными стихотвореніями Карамзина.

I. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, стр. 80.

II. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, стр. 96.

III. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, стр. 108. Приводя основаніе для приписыванія этого стихотворенія Карамзину. В. Сиповскій впадаетъ въ ошибку (приложеніе, стр. 42), когда говоритъ, что на него есть указаніе въ письмѣ Карамзина къ Дмитріеву. «Благодарю тебя — пишетъ Карамзинъ *въ 1791 году* — за письмо и за похвалу Элизы, которую мнѣ давно хотѣлось напечатать. Такимъ образомъ и *прозаическія твои пьесы* будутъ служить къ украшенію „*Московскаго Журнала*".— Дѣло идетъ не о стихотвореніи Карамзина, которое было напечатано два года ранѣе этого письма, а о «Похвалѣ Элизѣ Драперъ» Рейналя, напечатанной въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 года. (См. «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 16 и 11).

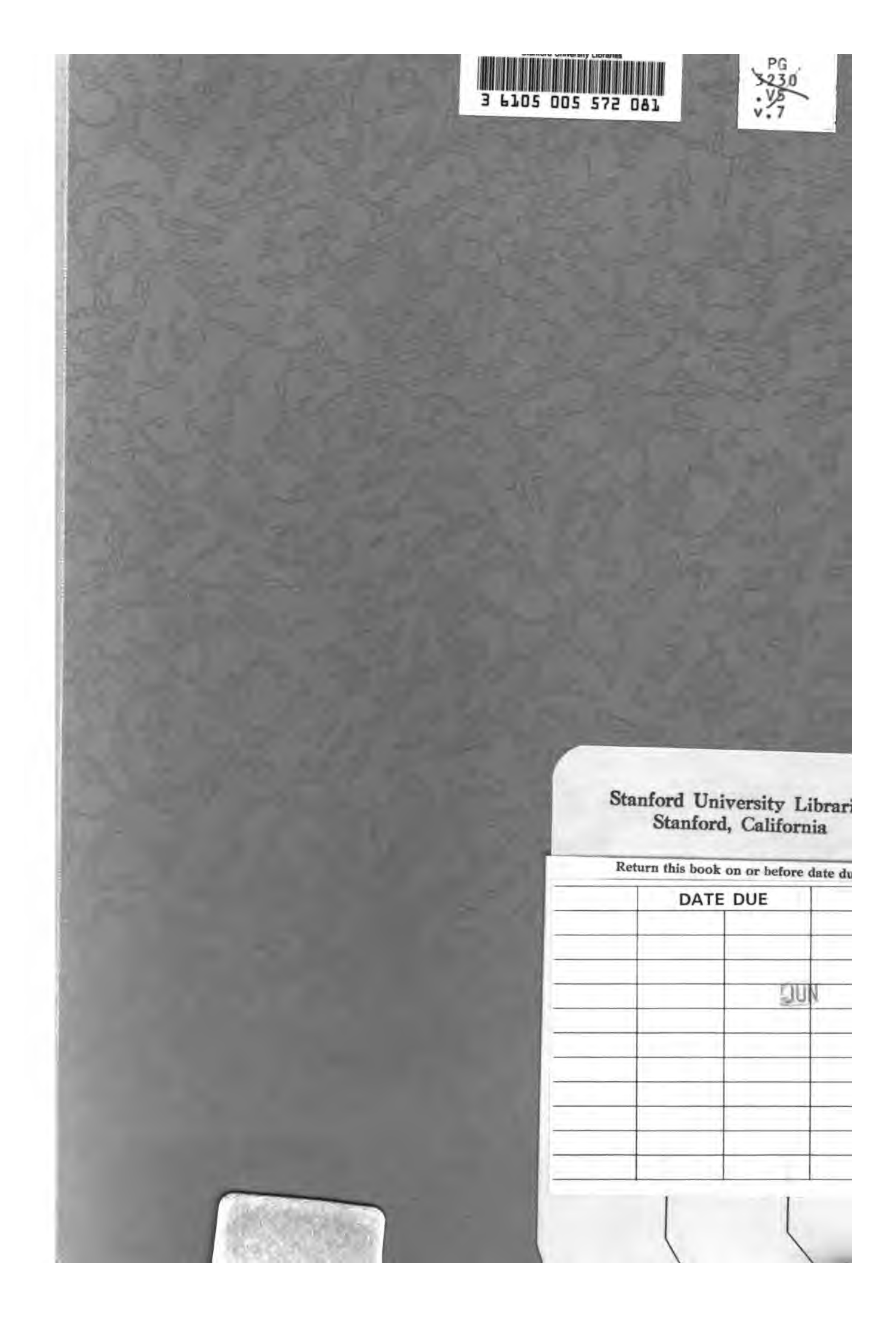
IV. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XVIII, стр. 141—144.

V. «Дѣтское Чтеніе» 1789, ч. XIX, стр 138—144. Переводъ этой повѣсти Томсона приписанъ съ колебаніемъ Карамзину А. Н. Неустроевымъ («Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ». Спб. 1874, стр. 378.

VI. «Московскій Журналъ» 1791, ч. II, стр. 218. Это стихотвореніе подписано буквой *Ф.*, которой иногда подписывался Карамзинъ. — О немъ есть упоминаніе въ перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ. Въ письмѣ № 19 (1791 г.) Карамзинъ защищаетъ ихъ: «Стихи на деньги — пишетъ онъ въ своемъ родѣ, никакъ не худы, и ты напрасно ихъ не любишь» (стр. 21). Въ слѣдующемъ же письмѣ отъ 1 сентября 1791 года намекаетъ, повидимому, на этотъ же неодобрительный отзывъ Дмитріева о стихотвореніи «Къ текущему столѣтію» говоря: «Благодарю тебя за лесть; желалъ бы я превратить ее въ истину. — Пожалуй, любезный другъ, сказывай мнѣ, какія пьесы или мѣста въ «Московскомъ Журналѣ» тебѣ не полюбятся. Это можетъ быть для меня полезнѣе». (Стр. 22).

VII. «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 24. «На что тебѣ «Сильфидѣ»? — пишетъ Карамзинъ 18 ноября 1791 года. Если не ошибаюсь, то мы такимъ образомъ пѣвали ее въ Петербургѣ: «Плавай, Сильфида, въ осеннемъ эѳирѣ» . . . . . .

А. Лященко.

Stanford University Libraries
3 6105 005 572 081
PG
3230
.V5
v.7
Stanford University Librari
Stanford, California
Return this book on or before date du
DATE DUE
JUN

